

ДРАКОНЫ НОЧНОЙ СМЕНЫ

РЕЙЧЕЛ ААРОН

Говорят, семья всегда держится друг друга, но когда ты — единственная дочь, а весь мир — люди, драконы и боги — хотят тебе смерти, "узы семьи" обретают новое значение.

Меня зовут Опал, и я по уши в проблемах. Я думала, избавившись от проклятия неудачи, я верну все в норму. Вместо этого я забочусь о Великом Драконе Кореи. Было бы не так плохо, если бы он не вел себя мерзко, или если бы все драконы мира не желали его убить, или если бы он был единственной моей проблемой.

Оказывается, в СЗД всегда может стать хуже. Когда дух-соперник нападает на моего босса-божество, желая превратить город, славящийся свободой, в смерть с Ником как его кровавым чемпионом, и я попала на передовую. Это ужасно, ведь, когда боги бьются, смертные обычно не выживают. Но в этот раз я не одна. Даже гордые старые драконы могут научиться новому, и, раз все разваливается, отец, от которого я всегда убегала, может оказаться единственной силой, которая может нас спасти.

Рейчел Аарон

Драконы ночной смены

(«СЗД» — 3)

Перевод: Kuromiya Ren

Пролог

Белый дракон рухнула в мелководе реки Детройт как метеор. Темная вода взорвалась от ее падения, камни и вязкий ил взлетели в воздух, ее тело проехало по дну реки к берегу Канады и остановилось у гнилой давно забытой лодки. Вонючая грязь, которую она подняла, рухнула на нее через пару секунд, попадая по сломанной чешуе влажными шлепками.

«Ай».

Грудь вздымалась, драконша, известная, как Белая Змея, младшая дочь прошлого Великого Ёна Кореи, драконша без земли, открыла сияющие глаза. За бушующей водой СЗД все еще гневно двигалась, эстакады извивались как лозы вокруг места, где пропали ее ненавистный брат и его человеческий питомец. Нет, не пропали. Город проглотил их. Схватил истекающего дракона, летящего по небу. Забрал из ее когтей.

Белая Змея не знала, чем Ён заплатил, чтобы богиня города была на его стороне, и как он сделал это, но это точно было сделано. Умелым трюком СЗД разбила победу, за которую Белая Змея отдала все. Она веками терпеливо ждала, чтобы найти изъян в контроле брата, годами следила, когда Великий Ён совершит серьезную ошибку и даст ей шанс. Она планировала события последних нескольких недель до секунды, использовала ресурсы и связи без остатка, чтобы все осуществить. И теперь все кончилось за миг. Разбилось, было испорчено. Ее величайший план, ее шанс пропал навеки. И если она не сделает что-то с кровотечением в скором времени, погибнет и она.

Белая Змея со стоном закрыла глаза и попыталась приподняться, но «попыталась» было основным словом. Великий Огонь, город ударил *сильно*. Хоть река и смягчила удар, казалось, что все кости в ее теле были разбиты. Ее радовало только то, что она упала на канадской стороне реки, и тут СЗД не могла дотянуться и закончить работу.

Повезло, но город был не единственной — и не самой опасной — проблемой, о которой ей нужно было переживать. Как небольшой дракон без поддержки клана, Белая Змея старалась не заводить врагов, но никакая политика мира не спасла бы сбитого дракона. Хищник, который уже не мог защититься, был добычей для всех, и СЗД сбила ее с неба на глазах у всего мира. Вскоре появится другой дракон, чтобы забрать ее огонь себе. Если она хотела жить, нужно было шевелиться.

Рыча, Белая Змея вонзила сломанные когти в грязь.

«Двигайся, — приказала она себе. — Двигайся, слабачка, или тебе конец. Они съедят твою плоть, чешую и кости. Они украдут твой огонь, и от тебя даже не останется призрака. Шевелись».

Но она не двигалась. Как бы она ни пыталась, как бы ни терзала когтями грязь, ее искалеченное тело не двигалось. Когда она рухнула в окровавленную воду, тяжело дыша, правда ее ситуации ударила по ней, как второй грузовик. Она умрет тут. Одна, во тьме, в грязи, от которой воняло мертвой рыбой, на чужом берегу, даже не увидев любимую родину

снова.

Рева от потери, Белая Змея бросилась вперед. Отталкиваясь всеми силами от страха, она смогла подвинуться на пару футов вверх по берегу. Она хотела попробовать снова, когда услышала, как грузовик остановился на дороге над ней, а потом послышался топот человеческих ног.

«Нет».

Белая Змея стала дико метаться. Вот и все. Они пришли за ней. Она не знала, кто именно, но только другой дракон мог двигаться так быстро. Ей нужно было убираться отсюда, пока их смертные не окружили ее. Бежать, пока их зубы не нашли ее открытое горло, и...

Ее мысли застыли, ветер поменялся и принес запах металла и пластика, запах человека, но не дракона. Но, хоть она не ощущала другого своего вида, она чужла кровь. Это не было необычным, когда имел дело с людьми, но количество было странным. Запах катился по берегу, мог наполнить реку. Кровь людей, зверей, магов, она еще не видела столько пролитой крови за всю жизнь. Этот размах давил на ее пострадавший от боли мозг, и голова кружилась, пару мгновений она ощущала смятение. А мгновения оказались важными.

— Здравствуй, милая.

Белая Змея оскалилась. Она слышала, как остановился один грузовик, хотя должно было несколько, потому что когда она подняла голову, берег реки был полон людей в черной броне, направляющих оружие на ее лицо. Но смертные не тревожили ее. Ее внимание было приковано к мужчине за ними. К удивительно нормальному на вид мужчине средних лет в дорогом костюме, который был источником всей той крови.

— Тебя они зовут Белой Змеей, да?

Белая Змея вдохнула в ответ, искры хлопали во рту, она готовилась поджарить этих дураков. Она не знала, кем был мужчина, но такой запах крови был плохим знаком. Но, когда первые языки огня поднялись по ее горлу, кровавый мужчина поднял ладонь.

— Я бы так не делал на твоём месте, — сказал он, постучав пальцами по большому пистолету, который солдат в броне рядом с ним направлял на нос Белой Змеи. — Это не обычное оружие. Это пистолеты против драконов. Особые снаряды, но в городе, полном драконов, покупка казалась умной. Я и не ожидал, что сокровище, как ты, упадет с неба, но рад, что был готов, — он усмехнулся. — Победа любит подготовленных.

Белая Змея зарычала, но подавила огонь. Теперь, присмотревшись, она видела, что пистолеты, направленные на нее, были больше обычных, и на крупных дулах был штамп А, окруженной волнами. Леди Великих озер не была замечена над водой с тех пор, как Дух СЗД одолела ее двадцать лет назад, но каждый дракон с мозгами помнил символ охотников на драконов Алгонквин. Это все еще мог быть блеф, но Белая Змея была не в том положении, чтобы говорить об этом. Если ее чему-то и научила жизнь в изгнании, то это тому, что нельзя было играть с тем, что не хочешь терять.

Ее огонь угас, и улыбка мужчины стала шире.

— Так лучше, — сказал он низким довольным голосом. — Теперь можно вести переговоры.

— Переговоры не ведутся под дулом пистолетов, — Белая Змея смотрела на людей в броне, еще не опустивших оружие. — Но ты явно не из тех, кто ценит честность.

— Наоборот, — сказал мужчина, от которого пахло кровью. — Я ничего не люблю больше справедливого боя. Об этом я и хотел с тобой поговорить. Я хотел бы предложить

тебе работу.

Белая Змея точно ослышалась.

— Я выгляжу так, словно нуждаюсь в работе?

— Ты явно нуждаешься во многом, — ответил мужчина, его темные глаза блестели, отражая свет города за рекой. — Тебе повезло, я почти все могу предложить. Я могу защитить тебя от твоего вида. От гнева твоего брата. Даже защитить от духа города. Я могу укрыть тебя, пока ты слаба, пока ты не станешь достаточно сильной, чтобы защищать себя самостоятельно, и я прошу взамен только несколько вечеров твоего времени.

Белая Змея вжалась в грязь, ее сияющие глаза взглянули на реку. Пейзаж СЗД успокоился, но она уже видела драконов на крыше посольства Миротворца. Драконы придут за ней, если она не предпримет что-то быстро.

— Я слушаю.

* * *

— Сэр?

Мужчина с запахом крови отвернулся от команды наемников вокруг его новой звезды, чтобы хмуро посмотреть на мага, стоящего на коленях на дороге за ним.

— Что такое, Коффман?

Андрей Коффман скривился от холода в его голосе, но что еще он ожидал? Он проиграл, а не было ничего более мерзкого, чем неудачники. Если он не будет полезен операции, пойдет на корм собакам.

— У меня есть материалы, которые вы просили, — маг поднял телефон. — СЗД в самом деле забрала Ёна из Кореи, но моя команда могла опознать девушку на его спине. Как я и подозревал, это его приемная дочь-человек, Опал Ён Э.

— Опал? — мужчина схватил телефон Коффмана и приблизил изображение на экране. — Разве не так зовут Уборщицу, которая вьется вокруг моего Злого Пса? Та, что сломала тебе лицо?

На восстановленной челюсти Коффмана появился нервный тик.

— Да, сэр.

Кровавый мужчина усмехнулся.

— Ночь становится все лучше и лучше. Если Ёна и его малявку забрал город, они какое-то время будут там. СЗД так легко не отдает свои трофеи. А Кос пока что остался один, — он бросил телефон Коффману, и тот едва поймал его. — Похоже, ты получил шанс проявить себя, Андрей. Дадим Косу несколько дней побыть в отчаянии, а потом пришлем послание с предложением помочь... с его проблемой.

Маг побелел.

— При всем уважении, сэр, Ник поклялся, что он никогда...

— Мне плевать, о чем он клялся. Ради этой Уборщицы он отказался от денег за василисков, да? Азиатка, которая взорвала тебя твоей же магией?

Коффман кивнул, мужчина с запахом крови раскинул руки.

— Ну, вот. Кос никогда не отказывается от денег. Я не знаю, как она работает, но она сильно его зацепила, и ты знаешь, какой он упрямый. Он разобьется в лепешку, пока будет искать в городе свою потерянную жемчужину. А потом СЗД сломает его, и мы налетим и сложим кусочки в нечто лучшее, как всегда.

Судя по его лицу, Коффман не верил в это, но маг всегда узко мыслил. Он был умным,

потому и оставался тут, но не мог видеть шире. Он видел в Косе простого убийцу за деньги. Он не понимал, что под маской «оставьте меня в покое» Никола Кос был трофеем. Шикарным рычащим зверем, ждущим сцены, и так было, когда он бился за деньги. Теперь ему было за что воевать, и он будет непревзойденным.

Радостно смеясь, мужчина оглянулся на драконшу, которая исцелилась достаточно, чтобы принять облик, который влез бы в их бронированный грузовик. После лет ожидания, казалось, удача улыбнулась ему. Он знал, что это произойдет — удача всегда приходила, когда ждал достаточно долго — но он и не мечтал, что все так хорошо сложится. Это был невероятный шанс. Осталось только ударить, и кто мог лучше ударить, чем его любимое сбежавшее оружие, вернувшееся домой?

— Будь готов принять Коса, когда он прибудет, — приказал он магу. — Мой лучший пес сбежал раз. Мы не допустим повторения.

— Я крепко его привяжу, — пообещал Коффман, но его лицо все еще выражало слабость. — А если он не придет? Я не сомневаюсь в вашем видении, но Никола Кос не такой, каким был.

Мужчина с запахом крови фыркнул.

— Каждый мужчина хочет победить, а дочь дракона — ценный приз, — он покачал головой. — Нет, Андрей. Кос придет. Он придет, будет биться и побеждать. Он сделает то, что я скажу. Потому он — пес, а я хозяин. Хотя все так складывается, — он кивнул на побежденную драконшу, — что я могу стать повелителем всего.

Может, Коффман был не таким узко мыслящим, потому что маг жадно улыбнулся от этого.

— Да, сэр, — он опустил голову и ускользнул к остальным его наемникам. Когда он пропал, мужчина с запахом крови повернулся к СЗД, сияющему трофею за водой, который скоро будет в его досягаемости.

Глава 1

— Я подумала, что мы попробуем сегодня нечто большее.

Я застыла, ложка каши, которую я ела, остановилась на пути к моим губам. Я была в доме доктора Ковальски в лесу, сидела на стуле в крохотной кухне и держала миску над потрепанным деревянным столом, полным древних журналов, орудий для огорода и гор продукции, не оставивших места для еды. Напротив меня, умершая, но все еще известная в мире эксперт магии шаманов — и моя новая наставница — стояла на пороге заднего хода дома, сжимая оранжевый плод размером с мяч для пляжного волейбола, в покрытых землей руках.

— Это тыква, — сообщила доктор Ковальски из-за моего испуганного взгляда.

— Это я вижу, — ответила я, сглотнула из-за сухости в горле. — Просто у меня... проблема с тыквами, а эта большая.

— Красивая, да? — гордо сказала доктор Ковальски, опуская большую тыкву на переполненный стол со стуком. — Но не переживай. Все будет хорошо! У тебя больше не взрывалась картошка после первой недели, и тебе сегодня потребуется больше магии. Мы хотим перенести решетку с южной стороны, и я надеюсь, что копать и поднимать будешь ты.

Я мысленно застонала. Я тренировалась с доктором Ковальски последние восемь недель. Дни стали размытыми с тех пор, как я продалась СЗД ради спасения папы. Каждое утро я вылезала из кровати до рассвета и шла к доктору Ковальски за уроками магии

шаманов. После ее разговоров об обуздании молнии и придаче формы магии, можно было подумать, что это было весело, но пока «тренировки» были эпитетом «садоводства». Я собирала столько магии, сколько влезало в выбранный овощ, а потом использовала ту магию, чтобы рыть ямы или таскать воду, или для чего-то еще, что придумывала доктор Ковальски, пока не наступал обед, или пока я не падала от усталости.

Этот труд должен был учить меня удерживать все больше сил, не вредя себе. Но я начинала думать, что она заставляла меня выполнять ту работу, которую не хотела делать сама. Например, двигать большую деревянную решетку из одного конца сада в другой.

— Почему ты еще сидишь? — возмутилась доктор Ковальски, хлопнув в ладоши. — Шевелись! Мы тратим светлое время!

Я опустила наполовину полную миску зерен пшеницы, выросших в саду, что делало бы их вкусными, если бы доктор Ковальски верила в сахар, соль или молоко — и встала, обвила руками большую тыкву, которую она поставила передо мной, словно обнимала ее. Когда я хорошо ухватилась за скользкий плод, который весил не меньше тридцати пудов, я подняла его со стола с кряхтением и пошла за доктором Ковальски в заднюю дверь, попала в солнечный осенний сад, который стал моим временным домом.

— Ладно, — сказала доктор Ковальски, когда мы добрались до упомянутой решетки. — Мы начнем, поднимая столбики. Я буду ее придерживать. Ты — копаешь. Помни: нужно сосредоточиться. Схвати столько магии, сколько сможешь удержать, ни капли больше. Сохраняй контроль. Сохраняй поток ровным.

Я кивнула, опустила тыкву на камни дорожки. Когда я убедилась, что она не укатится, я опустила на нее ладони и стала медленно втягивать магию. Пожалуй, слишком медленно, но у меня были проблемы с тыквами и магией. Даже от запаха меня мутило, но, как и сказала доктор Ковальски, я справлялась хорошо. Я не поджаривала овощ или себя неделями. Я могла справиться с тыквой. Эта тыква была даже не того вида. Я смогу сделать это. Смогу...

Магия наполнила меня, заставляя вздрогнуть. Даже после двух месяцев дикая сила, живущая тут, в дикой части СЗД, все еще заставляла меня врасплох каждый раз. Когда я тянулась к ней, я словно совала руку под бурный водопад, ловила магию и направляла ее управляемым потоком в тыкву у моих ног.

Технически мне не нужно было наполнять ее магией. Как с картошкой, которую мне дала доктор Ковальски при нашей первой встрече, тыква была только проводником, визуальной помощью, чтобы я схватила часть магии, а не всю. Но я привыкла наполнять магией вещи, а потом ее использовать, и мне приходилось мириться с тыквой. Я наполняла ее нежно, как летний дождь, магия капала сквозь мои пальцы, пока я не получила столько, сколько требовалось, чтобы схватить решетку, которую держала моя наставница, и выдернуть ее из земли.

— Хорошо! — радостно сказала доктор Ковальски, заостренные столбики появились из земли. — Медленно, но отличная форма. Теперь сделай это еще пятнадцать раз.

Я застонала вслух. Использование магии для физической работы было утомительно. Я была ужасна в тауматургии, но хотя бы заклинания там делали всю тяжелую работу. Свобода шаманизма означала, что все нужно было делать самому, и это утомляло, когда ты использовал магию для того, в чем магия не была хороша, как поднятие столбиков. Я подняла решетку лишь раз, но уже вся вспотела. Но эй, я хотя бы не взорвала тыкву.

Эта победа помогла мне со всем упражнением. Я использовала тыкву только пару раз. Когда стало ясно, что я собирала правильное количество магии, доктор Ковальски заставила

меня удерживать силу в себе, тянуть ее одной ладонью и выпускать другой. Баланс забирал время, от него работа казалась в десять раз сложнее, но я понимала, почему она заставляла меня так делать. Сосуды как тыква были хороши для обучения контролю над моей огромной тягой — моей первой проблемой и причиной, по которой я была себя магией каждый раз, когда пробовала серьезное колдовство — но это было как костыль. Настоящий шаманизм был активным.

В отличие от уравнений и кругов тауматургии, шаманизм не имел заготовок. Было нечего рисовать и писать заранее. Важным было понимание и работа с силой, которая окружала тебя в тот миг. Для меня это была сейчас магия леса: хищная упрямая сила, от которой пахло землей, и она ускользала сквозь пальцы, как мокрая хвоя. Как и со всем диким, с ней требовалась твердая рука. Если я отвлекусь хоть на миг, магия убежит, как злой барсук. Мне нужно было сохранять спокойствие, уверенность и контроль. Обычно я была в таком плохой, но для того я и тренировалась.

Когда я вытащила последний столбик из земли и рухнула утомленно на землю, казалось, что я пробежала три марафона друг за другом. Я сосредотачивалась так сильно, что не заметила течение времени, но солнце, которое было едва заметным за верхушками деревьев, теперь высоко сияло на синем осеннем небе. Я смотрела на него, хватая ртом воздух, когда на меня упала тень доктора Ковальски.

— Отличная работа, — она склонилась, чтобы помочь мне встать. — Перерыв на пять минут, а потом будем двигать все это дерево к другой стороне сада и устанавливать.

Я кивнула и сжала ее ладонь, задышав так, что не могла говорить. Мысль о том, что придется вонзать все эти столбики в землю, откуда я их только что вытащила, раздражала, но я не осмелилась жаловаться. Я подписалась на это, и, хоть было больно, радость от того, что у меня получалось колдовать, была сильнее. До доктора Ковальски я не помнила, когда последний раз учитель смотрел на мое колдовство, не кривясь. И я не помнила, когда в последний раз колдовать было естественно. Я не знала, случалось ли такое раньше. Но, хоть поднимать столбики магией было утомительно, это была приятная усталость. Было не больно и не страшно, магия не вырывалась из-под контроля, как раньше, и было сложно описать, как меня это изменило. Я была бы рада поднимать столбики из земли всю жизнь, если бы это означало, что мне не нужно бояться того, что было частью меня.

— Похоже, у тебя случился прорыв, — мрачно сказала Сибил в наушнике. — Ур-р-а-а-а. Я нахмурилась от сухости в голосе обычно бодрой ИИ.

— Ты в порядке?

— Нет, не в порядке! — завопила Сибил. — Я была отрезана от интернета после того, как ты пришла сюда! Не пойми превратно, я рада, что ты справляешься с проблемой с магией, но я не обновляла безопасность системы восемь недель, и это сводит меня с ума, — ее голос стал умоляющим. — Ты можешь попросить ее хоть на минуту пустить меня к беспроводному интернету? Клянусь, я не буду выдавать данные о местоположении. Я просто хочу соединиться к серверу с обновлением, и все.

В саду была только одна «она» со мной, но Сибил точно говорила не о докторе Ковальски. Она говорила о моей настоящей начальнице, богине, для которой я стала жрицей. О Духе СЗД.

— Прости, — сказала я Сибил, стряхивая землю с себя сзади. — Но ты уже знаешь, что ничего не выйдет. У нас строгая политика без интернета.

— Но...

— Я попросила отрезать нас, — напомнила я Сибил. — Ты знаешь, сколько людей разыскивают меня?

— Нет, — рывкнула она. — И ты не знаешь, ведь мы были оторваны от внешнего мира два месяца!

— Да, потому что мы в убежище, — напомнила я, подошла к крану с водой и сунула лицо под него, чтобы рот не ощущался как Сахара. — Папа все еще не проснулся. Так мы — легкая добыча для любого дракона, который хочет добить его.

— Но они не могут его добить, — возразила Сибил. — Пока вы под защитой СЗД, ни один дракон не полезет к тебе.

— Это не помешает им попытаться, — я стряхнула воду с головы. — Пока папа такой, никто не ощущает Корею. Такие вакуумы власти возникают редко, и Корейский полуостров — одна из самых богатых территорий в мире. Может, Белая Змея уже пытается захватить ее, пока мы говорим, как и другие жадные змеи планеты.

— Пусть бьются между собой, — проворчала моя ИИ. — У твоего папы охраны хватил бы на свою армию. Зачем платить всем тем мышцам, если не собираешься их использовать?

— Потому что ни один дракон не нападет на Корею прямо, — заявила я. — Драконы — беспощадные тираны, которым плевать на жизнь людей, но они не глупые. Они могли бы пойти войной на объединенную мощь охраны моего отца и армии Кореи, или они могли бы поискать в СЗД, пока не убьют его тут. Несмотря на старания Миротворца, дуэли — все еще законный способ получить территорию. Ни один дракон не станет спорить, когда кто-то появится с головой Ёна, и раз другой вариант — биться со всей страной, что, по-твоему, они выберут?

Сибил издала умоляющий звук, и я покачала головой.

— Прости, Сиб. Весь мир сейчас ищет моего папу, и раз я была на его спине в последний раз, когда его видели, они ищут и меня. Я знаю, что тебе нужны обновления, но открывать себя публике слишком рискованно. Пока Ён не проснется и не вернется безопасно домой, интернет под замком.

— Я умру, — стонала Сибил. — Это происходит с ИИ, которые не обновляются. Они просто умирают.

— Тебя просто заставляет желать обновления твоя программа, — сказала я. — Ни одну ИИ не удаляли из-за того, что ее безопасность устарела.

— Ты не знаешь этого! Ты не можешь, потому что нет интернета, чтобы узнать эту информацию! Мы живем во тьме!

Она возмущалась больше, но я все это уже слышала, так что выключила звук и сосредоточилась на воде. Я устала жить в черной дыре, как и Сибил. Я не могла даже сказать Нику, что я была еще жива, не смогла связаться с мамой. Она точно сходила с ума, но Ник и мама были заметными мишенями для драконов, желающих убить моего отца. Чем меньше они знали о нашей ситуации, тем безопаснее для них было, и вряд ли это будет длиться вечно. Папа должен был проснуться. Когда он сделает это, он вернется на свое место, отгонит врагов, и все это закончится.

— Откуда тебе знать? — буркнула Сибил. — Ён не двигался два месяца. Он может быть в этой коме вечно.

— Эй! — закричала я. — Что в «без звука» тебе не понятно?

— Зачем мне слушать твои приказы? — взвыла Сибил. — Ничто уже не важно! Нет интернета, может, его больше и не будет! Это конец всего!

Я закатила глаза.

— Ты можешь прикрутить драму? Кто из нас — помощник для ментального здоровья?

— Прости, — сказала Сибил, — но ты не знаешь, как это! Я построена для связи с облаком все время. Офлайн настоящая «я» существует только в твоём телефоне. Если что-то случится с моим файлом, запасного нет! — её голос стал тонким. — Если я умру тут, я умру по-настоящему.

— Если я умру где угодно, то по-настоящему, — напомнила я. — Добро пожаловать в мою жизнь.

— Машины не должны быть смертными!

Я вздохнула и вытащила наушник из уха, прервав нашу ментальную связь. Да, я сочувствовала Сибил. Мы с ней сдружились. Она была для меня как сестра, но я ничего не могла поделать для нее, не рискуя жизнью папы. Я продала себя богине ради него, и я не хотела, чтобы жертва была напрасной. Обновление будет длиться долго, когда мы вернемся к интернету, но Сибил могла прожить немного без интернета. А мне нужно было не унывать. Когда бессмертный отец не просыпался, а ИИ, отвечающая за ментальное здоровье, была на грани срыва.

— Опал!

Я вздрогнула. Доктор Ковальски махала мне с нового места для решеток в другой части сада, но голос, позвавший меня, был не ее. Он был моложе и намного сильнее. Морщинистое лицо доктора выглядело на десятки лет младше, это означало только одно.

СЗД пришла на ежедневную проверку.

Я вовремя подавила гримасу. Я была временной жрицей, но оскорблять богиню было опасно, и хоть было жутко, что учителя захватывал живой дух города, СЗД старалась быть вежливой. В мою первую неделю тут она просто появлялась в моей голове, когда хотела поговорить, и я ненавидела это. Я приняла, что моя жизнь не будет моей, пока папа не проснется, и я не отплачу долг городу, но разве я не могла просить покой в своей голове?

К счастью, СЗД ощущала мое недовольство вместе со всем, так что стала говорить через доктора Ковальски. Я не знала, что было лучше, ведь я была уверена, что богиня все еще бывала во мне порой, но это хотя бы давало мне иллюзию автономии, и доктор Ковальски не была против. Она любила напоминать мне, что была уже мертва. Технически, ее тело было воплощением воли СЗД, и ее превращали в телефон, когда город хотел поболтать.

— Эй! — сказала СЗД, шагая ко мне с бодростью, которая казалась глупой для грузного старого тела доктора Ковальски. — Доктор К говорит, что у тебя чудесный прогресс в магии. Молодец! Я знала, что ты сможешь!

— Спасибо, — я была невольно польщена. Я знала, что меня умасливали, но было так приятно, что меня уже не считали неудачницей. — Как вы? Вы заглядывали лишь раз вчера, — обычно она появлялась три-четыре раза во мне. Я не знала, было ли это важно, или ее способность быть во многих местах одновременно помогала ей, но день выделялся, когда я видела СЗД лишь раз.

— Было беспокойно, — дух пожала плечами. — Кто знал, что ловля дракона в воздухе вызовет так много проблем?

Я знала. Я могла сказать, какое огромное осиное гнездо она пинала, взяв меня и Ёна. Если бы она знала, она могла отказаться помогать, потому я смолчала.

— Это временно, — продолжила СЗД. — Технически, я нарушаю соглашение с Миротворцем оставить все дела драконов в городе ему, но он тут только по моей доброй

воле, так что он не жалуется. И, по сравнению с моей предшественницей, Алгонквин, которая заставляла стрелять в драконов, я хорошо отношусь ко всем видам, так что он не может спорить.

Ее радовала эта логина, но я все равно нервно дрожала.

— Миротворец злится?

— Да, но он хорошо это скрывает, как всегда, — сказала она. — Но я не знаю, сколько еще он сможет сдерживать проблемы. На него давят все сильнее. Разные драконы стали желать Корею себе после того, как я забрала вас двоих. Они требуют неделями, чтобы Дракон Детройта признал Ёна мертвым, чтобы они начали бой за его землю. Миротворец пока оправдывает свое имя, но становится жарко в посольстве Дракона, — ее глаза, сияющие оранжевым, с надеждой посмотрели на меня на изменившемся лице доктора Ковальски. — Ён еще не проснулся?

— Вы узнаете первым, когда он проснется, — пообещала я, что было глупо. СЗД была все время в моей голове, и она скрывала мою квартиру от остального мира. Я не могла сделать или подумать о чем-то без нее. Она могла даже смотреть, как я хожу в туалет.

— Я не смотрю на тебя в туалете!

Я посмотрела на нее, и она подняла руки.

— Прости-прости, — она не звучала виновато. — Я знаю, что ты ненавидишь это, но твой разум очень громкий. Большая магическая тяга служит как мегафон. Это делает тебя отличной жрицей. Кстати! — она махнула рукой между нами, и появился деревянный стол, покрытый бумагами, будто гриб, выросший из земли. — Время расчетов за месяц!

подавляя желание кривиться, я села на мягкий стул, который вырос из земли за мной. Будучи душой коммерческого города, СЗД обожала считать. Она тщательно записывала все: сколько аренды ей были должны, кто отставал, кто вырывался вперед, штрафы и прочее. На меня были записаны больше четырехсот квартир, количество строк в книге учета, которую она вытащила из стола, расстраивало.

Это была моя вина. Из-за моего гениального решения забирать из квартир ценности и менять на золото, чтобы я оплатила отцу, мое имя было привязано к квартирам, домам, гаражам и складам по всему городу. Если бы я выполнила работу Уборщика, все те квартиры были бы вычищены и вернулись на рынок недвижимости, но я не выполняла работу. Я забирала нужное и оставляла бардак.

Хуже, из-за моего занятого графика как новой жрицы СЗД, я не успевала вернуться и исправить ошибки. Все квартиры, которые мы с Ником купили, оставались в том же хаосе, в каком мы их оставили, так что их нельзя было отдать новым жильцам. Но то, что там не жили, не означало, что за аренду не нужно было платить. Раз на всех было мое имя, аренду платила я. Шестьсот тысяч долларов каждый месяц.

— Столько ты должна за все свои квартиры, плюс коммунальные счета, — сказала СЗД, указывая на огромное число, округленное до десятков центов, внизу страницы. — Как будешь платить?

Я не могла. Она знала это, но знала и то, что я не могла отказаться. Если я не выплачу аренду, я нарушу контракт Уборщика, потеряю из-за этого Отмычку. Без нее я не смогу быть Уборщиком. Я не была готова бросить старую жизнь, даже если с долгом. Я только избавилась от проклятья неудачи! Если бы я выбралась из этой ситуации, я могла вернуться к Нику, и мы заработали бы столько, сколько я обещала ему много раз. Я не хотела отпускать надежду, но, пока папа не проснется, я ничего не могла поделать.

— Ясно, — сказала богиня, когда я не ответила. Она улыбнулась ярко, как продавщица. — Похоже, ты будешь работать на меня еще месяц!

Я кивнула, подавляя желание плакать. Я не была тут несчастна. Мне нравилась работа для города, и я обожала учиться у доктора Ковальски. Я продвинулась в магии за восемь недель больше, чем за всю жизнь. Я не имела права жаловаться. Я сама предложила отработать долг, только так я могла спасти папу, не отдавая душу СЗД полностью. Тогда план казался отличным, но опасность прошла, и я снова была в ловушке. Я работала, но долг оставался, и теперь я была в долгу перед огромной силой.

Это расстраивало. Как бы сильно я ни работала, я закапывала себя только глубже. Так я буду в долгу на миллиард долларов многим богам к концу года.

Хотя у меня был план, как выбраться из этого. Как все в моей жизни, это зависело от пробуждения папы. Кстати...

— Можно задать вопрос?

— Конечно, — сказала СЗД, оставив пометку рядом с моим долгом и закрыв книгу учета. — Богиня всегда готова слушать верных последователей. Что могу для тебя сделать?

— Это насчет моего папы.

Дух города старалась выглядеть встревоженно.

— Ему становится хуже?

— Нет, но и не становится лучше, — сказала я. — Он выглядит так же, как когда вы спасли нас. Он не движется, не ест. Он просто... лежит. Это меня пугает.

И не только. Хоть я жила в тени дракона всю жизнь, я мало знала о том, как драконы функционировали. Я знала, что они создавали свою магию в форме огня дракона, но когда я тыкала в грудь отца, где обычно обитал его огонь, я ничего не ощущала. Если бы он не дышал, я поклялась бы, что он был мертв. Он выглядел как труп, неподвижный, бледный, осунувшийся. Но драконов было сложно убить, и я оставила его, надеясь, что ему станет лучше, но этого не было. Он не исцелялся, не изменялся, не двигался. После двух месяцев я стала терять надежду.

— Можно спросить у Миротворца, — предложила СЗД, как делала каждый раз, когда я поднимала эту тему. — Он тебе поможет.

— Уверена в этом, — сказала я. — Но, как я и сказала в прошлый раз, я не могу пойти к нему. Папа не состоит в Альянсе Миротворца. Я знаю, что все говорят, что Дракон Детройта другой, но он все еще дракон. Я не встречала тех, кто мог удержаться и не использовать слабость, а сейчас папу мог бы убить даже котенок. Даже если Миротворец согласится помочь нам, не потребовав ужасный долг взамен, все узнают о состоянии моего отца. Мы были защищены так долго, потому что я была осторожна, не выходила в интернет, не уходила куда-то без вашего контроля, как этот сад. Я знаю, что когда хотя бы слух, что Великий Ён при смерти, разнесется, драконы слетятся убить нас. Судя по вашим словам, они уже летают, и поход к Миротворцу подвергнет папу большому риску.

— А его люди? — спросила СЗД. — Ты всегда жалуешься на излишне верных смертных Ёна. Нельзя отдать его одному из них?

Я покачала головой.

— Нет, и по той же причине. Я хотела бы отдать папу его слугам, поверьте, но хоть мама скорее убьет себя, чем подвергнет своего дракона опасности, остальные — просто работники. Глупо верные, но они не смогут скрыть такую большую тайну. Чем больше людей знают о моем папе, тем выше шансы, что правда выскользнет, и слуги Великого Ёна

не движутся группами меньше сотни человек. Никто не узнал правду, потому что ее знаем только мы, а мы — молчим. Я думала, что он так получи время для исцеления, но он не исцеляется, и я не знаю, что делать.

Последние слова жалобно дрожали. Знаю, я говорила, что не хотела унывать, но были пределы, и мои рушились из-за реальности. Было легко быть смелой, когда я занималась обычными делами, но когда я говорила о таком вслух, проблемы казались страшнее и больше. Непобедимые. Боги должны были помогать разбираться с этим, но моя богиня только вздохнула.

— Я не знаю, что еще тебе сказать, — СЗД опустила грязные морщинистые локти доктора Ковальски на стол, который она вызвала из земли сада. — Я хочу помочь, но ты много раз разбивала мои хорошие идеи, а плохие слушать не захочешь.

— Есть еще? — воодушевилась я, но богиня отмахнулась.

— Ты сказала, что не хочешь их слушать.

— Попробуйте, — сказала я. — Я уже слушалась плохих идей, получала результат. И я в отчаянии.

СЗД приподняла кустистую седую бровь доктора Ковальски.

— Я думала, тебе не нравился папа.

— И не нравится, потому я в отчаянии. Думаете, мне нравится быть запертой в квартире, с монстром, от которого я всю взрослую жизнь пыталась сбежать? — я покачала головой. — То, что я не хочу отдавать его врагам, не значит, что я хочу его нянчить. Чем скорее ему станет лучше, тем быстрее я отправлю его в Корею и смогу жить нормально.

И заставлю его оплатить все счета, которые накопились, пока я спасала его чешуйчатый зад. Мои долги были виной Ёна, и я хотела, чтобы он отплатил все. Это было меньшее, что он мог сделать, заставив меня пережить все это, и я укрывала его не по доброте душевной. Я думала, это было очевидно, но не для СЗД, потому что, когда я сказала, что хотела отправить его в Корею, она просияла, как центр перед Новым годом.

— Почему не сказала сразу? Если хочешь, чтобы его не было...

— В моей квартире, — уточнила я. — А не в мире смертных.

— Конечно, — сказала богиня. — Но я думала, что ты переживала за его здоровье! Если ты хочешь, чтобы он ушел из твоей жизни, и тебе не важен способ, тебе нужно поговорить с Духом Драконов!

Кровь отлила от моего лица. Я мало знала о Духе Драконов, но не слышала ничего хорошего.

— С чего ей помогать мне?

— Она и не станет, — сказала СЗД. — Но поможет твоему папе. Должна, потому что он из ее земель. Как я привязана ко всем в моем городе, она привязана к нему. Как всезнающий дух, она уже знает о его состоянии, так что не переживай, что тайна выскользнет. Это идеально.

Звучало хорошо, и от этого я нервничала.

— Если она такая идеальная, почему вы зовете разговор с ней плохой идеей?

— Она — дракон и богиня, — отчаянно сказала СЗД, — Эта комбинация ведет к огромному уровню эгоизма, к сожалению. Но если кто и может помочь твоему папе, то это она. Она знает все о драконах и их огне. Нужно только привлечь ее внимание.

Мне все еще это не нравилось, но другие варианты я не видела.

— Как это сделать?

— Так же, как привлечь внимание другого дракона, — моя богиня ухмыльнулась. — Взятка. Большая. К счастью, я знаю, что она любит. Дай секунду.

Дух города пропала, доктор Ковальски растерянно смотрела на стол.

— Ох, — сказала наставница, глядя на книги учета в кожаных переплетах. — Она закончила или...

Она не успела договорить, богиня вернулась, захватила тело старушки за миг, но в этот раз она сжимала пластиковый ящик, полный того, что музыкально гремело.

— Вот, — сказала СЗД, опустив ящик на стол со стуком. — Это должно подойти.

Я нервно встала со стула и посмотрела. Я ожидала от взятки богини драконов горы золота или отрубленные головы, но внутри ящика не было блеска или гадости. Там были бутылки алкоголя. Ром, джин, текила, виски, а еще пачка красных пластиковых стаканов. Удивляло то, что ничего не было дорогим. Драконы, которых я знала, не тронули бы того, что не было мировым классом, но тут не было бутылок даже среднего качества. Все было низкого качества, и я нервно прикусила губу.

— Уверены, что она этого хочет?

— Поверь, это сработает, — СЗД вручила мне ящик, который был тяжелее, чем я ожидала, и я напряглась. — Возьми это туда, где твой папа, вытащи стаканы и наливай. Она придет. Дух Драконов не терпит, когда хорошие напитки тратят зря.

Я уже давно не была богатой девочкой, но я не назвала бы то, что она дала мне, хорошими напитками. Это было скорее «похмелье в ящике». Но боги были непостижимыми, так что я сунула ящик под руку, пообещав сделать, что она спросила.

— Отлично, — СЗД убрала свои книги учета в стол, а потом стол опустился под землю без следа. — Просто сделай это в личное время. У нас много работы, и ты уже теряешь много часов на тренировки.

— Мое обучение было вашей идеей, — напомнила я.

— И идея была чудесной, — согласилась она. — У тебя отличный прогресс! Но это не значит, что твои другие дела жрицы не нужно делать, — она вздохнула. — Будь ты настоящей жрицей, я смогла бы захватить твое тело, и тебе не нужно было бы спать. До этого нам придется работать с агрессивным графиком.

Она улыбнулась мне. Я старалась ответить тем же, но не смогла. Я знала, что она не хотела быть жуткой, и мне нравилась жизнь с СЗД. Обучение было отличным, и работа была интересной. Если бы на этом было все, я бы уже согласилась быть ее жрицей, но она говорила такое, и мне хотелось убежать в горы.

Я знала, что она не хотела быть тираном, но СЗД не была городом, известным покоем или здоровым балансом работы и жизни. Люди тут умирали от переработки. Я чуть не умерла за безумные три недели нашей с Ником работы. Я должна была сама желать работать на нее, временно, но это затянулось. Теперь она говорила, что лишит меня сна, словно это точно будет, а я не могла. Мне нужно было пробудить папу, оплатить долг и уйти от этой ситуации, но я могла случайно оказаться на вечной службе СЗД.

— Спасибо за помощь, — я поклонилась, чтобы скрыть нервный пот на лице. — Обещаю, я буду и дальше верно служить, и помощь отцу не помешает.

— Ясное дело, — ее голос был и похвалой, и предупреждением. — Просто будь настороже, когда вызовешь ее. Это может потрясти, но у Духа Драконов есть плохая привычка брать не свое. Она воровала жрецов у других духов. Вряд ли это случится с тобой, но я тебя предупредила.

— Не переживайте, — сказала я. — Я не хочу снова быть во власти дракона.

— Моя девочка, — гордо сказала СЗД. — Доктор Ковальски нервничает, так что я пойду и оставлю тебя с ней. Удачи с обучением сегодня, дай знать, как твой отец. Я уже буду знать, конечно, но мне хотелось бы слышать твою версию.

— Спасибо, — сухо сказала я, но богиня уже ушла, а доктор Ковальски встряхнулась.

— Она сегодня общительная, — сказала наставница, быстро моргая, словно привыкала к своей голове. — Я не против быть сосудом божества, но не понимаю, почему она проверяет тебя так часто. Она может видеть твой прогресс в моем разуме в любое время.

— Она не делает так со всеми своими жрецами? — я принесла ящик бутылок к двери кухни, чтобы не забыть его забрать.

— Нет, — сказала доктор Ковальски. — Обычно она не влезает, и вряд ли ей нужно следить за той из нас, кто уже так верен ей, как ты.

Я была бы рада, появляйся СЗД тут реже, но спор с богами не заканчивался хорошо для смертных, так что я закрыла тему.

— Готовы вернуться к решеткам?

— Да, — она закатала рукава. — Но руками. Нам не нужно перетруждать твою магию, а сильное тело — часть хорошего шамана!

Я отпрянула, дрожа. Да, я жаловалась, что магией поднимать решетки было тяжело, но рыть ямы руками было хуже.

— Не кривись так, — возмутилась доктор Ковальски. — Разве ты не была Уборщиком? Ты должна была привыкнуть к тяжелому труду, так что хватай лопату, и сделаем это. Сады сами за собой не ухаживают.

Горестно взглянув на солнце почти в зените, я поправила хвост из мокрых от пота волос и приступила к работе, говоря себе снова и снова, что такая пытка была лучше, чем умереть.

* * *

Когда мы разместили решетки на новом месте два часа спустя, я была разбита физически и морально. Доктор Ковальски покормила меня обедом, дав вареные зерна и свежие овощи из сада. В этот раз была и вареная тыква, и я не нашла смелости сказать, что ненавижу тыкву. Хоть оранжевая тыква в Америке была на вкус не как кабочка, от запаха меня тошнило. Я не могла даже есть тыквенный пирог, что было печально, если особые блюда американских праздников были близки к реальности.

Технически, доктору Ковальски не нужно было есть, ведь она не была жива, но это не мешало ей проглотить свою половину обеда, уговаривая меня при этом есть больше. Я ела, чтобы быть вежливой, но мне надоели листья и зерна. Но еда была бесплатной, и я заставила съесть, сколько могла, вымыла тарелку и опустила сушиться, а потом схватила ящик выпивки и пошла к задней двери, ведущей в сад.

Обычно дверь вела туда. Но у жизни жрицы СЗД были плюсы. Одним из них было путешествовать, как СЗД. Мне нужно было повернуть ручку, представив, где я хотела быть. Когда дверь из уютной кухни доктора Ковальски открылась, она вела уже не в солнечный сад, а в маленькую однокомнатную квартиру, где недавно появилась мебель.

— Береги себя! — крикнула доктор, помахав мне из-за стола. Я подвинула ящик под руку, помахала в ответ и шагнула в квартиру, закрыла за собой дверь. Когда ручка щелкнула, звуки дома доктора Ковальски в лесу — ветер среди деревьев, гул насекомых, шорох других людей — пропали, оставив меня в глубокой тишине места, затерянного во времени и пространстве.

Я отпустила дверь, кривясь. Не важно, сколько раз я это делала, я не привыкну к возвращению сюда. Это все еще была моя квартира. Мебель, которую купила мама, давно пропала, но я смогла добыть достаточно замен, чтобы тут можно было жить, включая диван, винтажное плетеное кресло и крутой кофейный столик из алюминиевых плиток для потолка. Эти старые вещи сочетались с моей эстетикой в доме. Это были мои вещи, и они должны были делать дом моим. Но, сколько бы подушек я ни добавляла на диван, сколько бы штор ни вешала, чтобы закрыть хаос за окнами, я не могла отделаться от ощущения, что комнаты парили отдельно, как пузырьки в пустоте. Если сосредоточиться, я чувствовала, как пол двигался под ногами, потому я больше так не делала. Если бы не папа, я вообще сюда не приходила бы.

Кстати о нем.

Я опустила ящик алкоголя и прошла в спальню. В отличие от гостиной, тут я мебель еще не меняла. Я убрала кровь, как могла, но комнатка выглядела почти так же, как когда СЗД перенесла нас сюда после боя с Белой Змеей, отец лежал на полу. Он был все еще голым под одеялами, его тело лежало на моем матрасе на полу. Я знала, что стоило найти ему одежду и кровать, но я только отмыла кровь с его кожи. Я переживала, последние два месяца доказывали это, но трогать папу казалось неправильным, я не могла описать ощущение. Он не был холодным, будто мертвый, но его лицо было пепельным, а кожа ощущалась... пустой. Словно пустая оболочка.

Было ужасно жутко. Он не двигался с нашего прибытия. Не было жидкостей, пролежней или испорченных простыней, хотя я готовилась к этим неприятностям, став сиделкой. Я должна была радоваться, что мы не пострадали от такого, но я предпочла бы убирать за ним этой неестественной неподвижности. Он уже едва дышал.

— Привет, пап, — шепнула я, опускаясь рядом с ним. — Как ты?

Он не подал виду, что слышал меня. Как всегда. Но я говорила с ним каждый раз, когда входила, ведь так было менее страшно. Я была уверена, что сказала отцу больше вещей за восемь недель, чем за все годы с тех пор, как мне исполнилось тринадцать. Я просто хотела знать, слышал ли он их. Я была бы рада даже рычанию, только бы знать, что он не умер.

— Думаю, есть надежда на помощь тебе, — я старалась не смотреть на его впавшие щеки. — Я приму душ и вернусь. Не шевелись.

Я шутила так каждый раз, говоря с ним. Так я ощущала контроль, ведь при виде него в таком состоянии я была готова поддаться панике, какую ощущала в ночь, когда все это произошло. Но у нас на это не было времени, и я заставила себя успокоиться и пройти в ванную, чтобы помыться. Казалось, что я медлила, но если я смогу призвать Духа Драконов, я хотела встретить ее без грязи на носу.

СЗД уже предупредила о пунктуальности, и у меня оставалось сорок минут обеденного перерыва. Я помылась как можно быстрее, подавляя желание постоять под бесконечным потоком горячей воды дольше. Когда я смыла с кожи грязь, я схватила чистую рабочую одежду из маленькой подставки пластиковых ящиков, которую я перенесла в ванную, ведь не собиралась переодеваться при папе. Даже если он был без сознания, я не могла себя заставить.

К счастью, СЗД справлялась с грязным бельем так же загадочно, как и с горячей водой. Чистые вещи появлялись каждое утро, а грязные из ящика пропадали. Я даже не знала, носила ли одни и те же вещи дважды, ведь они выглядели одинаково, постоянный парад джинсов, белых футболок и рабочих ботинок. Было скучно, не в моем стиле, но жрецы

одевались скромно, и было некого впечатлять. И я была бедной достаточно долго, так что не воротила нос от бесплатной одежды и стирки. Я надела скучные вещи без жалоб, собрала мокрые волосы в пучок и вышла из ванной.

— Ладно, — сказала я отцу, принеся ящик алкоголя в спальню. — Сделаем это.

Как СЗД предлагала, я вытащила красные стаканы. Она не уточнила, как их расставлять, и я просто окружила ими папу, стараясь сохранять между ними равное расстояние. Когда я расставила все пятьдесят стаканов, я стала наполнять каждый стакан до краев, надеясь, что мое молчание считалось благоговейным.

Когда я закончила, я поняла, почему СЗД дала дешевую выпивку. Чтобы наполнить все стаканы, потребовались тринадцать бутылок. Запах выпивки в комнате был таким сильным, что мне было сложно дышать. Я не могла открыть окно, потому что комнаты парили в пустоте, так что пыталась двигаться быстро, выстроила пустые бутылки у стены, надеясь, что Духу Драконов понравится порядок. Мой отец любил аккуратность. Ему понравилось бы и все это, не будь выпивка дешевой. Я надеялась, что СЗД знала, что делала. Казалось, я вызывала Духа тусовки в колледже, а не дракона. Я надеялась, что она не обидится. Если меня съедят из-за плохой выпивки в пластиковых стаканах, я обижусь.

Но это было сделано. Выпивка была налита. Я предложила бы молитвы, но вряд ли Духу Дракона было дело до мнения людей. Я могла случайно оскорбить ее, так что решила ждать.

Десять минут — ничего, и я решила помолиться. Драконы любили, когда ты вставал на колени, да? Я опустилась на колени, склонилась над папой, сложив ладони вместе.

«Прошу, — думала я, стараясь кричать слова мегафоном души. — Прошу, великий дух. Прошу, прошу, прошу».

Молитвы летели, они не были мелодичными, но я надеялась, что искренность поможет мне. Я даже не знала, на каком языке говорила Дух Драконов. Я думала попробовать на корейском и кантонском, на всякий случай, когда поняла, что в комнате стало неприятно тепло.

Мои глаза раскрылись в тревоге, а потом закрылись от пота, текущего по лицу. Я не знала, когда это случилось, но в спальне было жарко, как в печи. И казалось странно тесно. Когда я вытерла пот с глаз футболкой, я увидела, почему.

Дракон из огня был почти на моем отце, между ее горящими когтями был зажат пластиковый стаканчик. Другие были уже пустыми и валялись на полу, их блестящие бока были искажены от жара. Она допила последний стаканчик, пока я смотрела, глотала с жадным удовольствием. Когда и он опустел, она отбросила тающий стаканчик, села на задние лапы и показала мне улыбку, полную острых пылающих зубов.

— Здравствуй, смертная, — сказала богиня милым и опасным голосом. — Ты налила?

Глава 2

Я поклонилась так быстро, что лоб ударился об пол.

— Великий дракон! — охнула я, не понимая, что говорила на корейском, пока слова не вылетели. Я вспотела сильнее. Паниковать при драконе нельзя было. Она могла найти мой страх забавным и попытаться испугать меня сильнее. В худшем случае она решила бы съесть меня.

В мое оправдание, я не ожидала, что это сработает. Какой дракон — или дух — пришел бы на подношение из дешевой выпивки, поданной в красных пластиковых стаканах? Я

посчитала бы это ниже моего достоинства, а я даже не была бессмертной. Или полной достоинства. Но, хоть в этом не было смысла, Дух Драконов была тут, и, судя по тому, как подрагивал кончик ее огненного хвоста, она начинала злиться.

— Ты встанешь? — рявкнула богиня. — Я ценю хорошую лесть, но тебя невозможно слышать, когда ты говоришь в пол.

— Прости, Великий Дракон, — прошептала я, поднимаясь так, чтобы сидеть на коленях.

— Все хорошо, — милостиво сказала огненная драконша. — Ты — лишь смертная, и я не держу на тебя зла. Теперь давай посмотрим.

Она опустила пылающую голову, такую высокую, что я не знала, как она вмещалась в моей спальне. Пространство явно искажалось, потому что теперь я смотрела на нее и видела, что она не могла уместиться в такой комнатке. Мы были в волшебной квартире, парящей в пустоте, и богиня не должна была вмещаться, но это не было самым странным.

— Ой-ой, — проворковала драконша. — А ты неплохая, да? — она вдохнула ноздрями. — Вежливая, с сильным потенциалом в магии, хорошая симметрия лица, и ты — шаманка! Это приятная перемена. Не видела таких годами, — она понюхала снова и нахмурилась. — Уже привязанная к Духу СЗД. Как жаль. Эта грязная пародия на город никогда тебя не оценит должным образом. Но ты не пахнешь как полностью связанная, — огромная горящая голова склонилась ближе. — Еще не поздно поменяться. СЗД бессильна вне ее границ, а я всегда рада новой жрице.

Она пошевелила выступами над глазами красивого цвета огня. Я отпрянула в тревоге.

— Эм... нет. Нет, спасибо! Я польщена вашим вниманием, но я рада своему нынешнему состоянию.

— Серьезно? — драконша не верила. Она посмотрела с подозрением. — Если ты не хочешь поменять божество, зачем позвала меня?

Я нервно заерзала. Вопрос был с подвохом? Я посмотрела на неподвижное тело отца между пылающими ногами богини. Я не подумала бы, что она пропустит его, но за последние несколько минут — вспомнить было просто, ведь каждая секунда была выжжена в моем мозгу — я поняла, что Дух Драконов не смотрела вниз.

— При всем уважении, Великий Дракон, — я говорила как можно медленнее, пытаюсь понять, была она в смятении, или я проваливала проверку. — Я звала для своего отца, Великого Ёна из Кореи.

— Ён? — фыркнула дух. — Тот старик? Он... о! — я вздрогнула из-за нее, а она опустила взгляд. — Что ты знаешь? Он тут! Я даже не заметила его.

Я удивленно уставилась на нее. Это был Дух Драконов, да? Она выглядела как дракон из огня, но вела себя не как драконы, которых я встречала, и она должна была знать, что происходило. Духи были созданы их подданными. СЗД была живым воплощением города, а Дух Драконов брала силу из всех хитрых змей мира. Она должна быть драконом больше всех драконов, и она должна была знать, где были ее подданные. СЗД ощущала, когда кто-то падал, споткнувшись об банку на дороге. Как этот дух могла не знать, почему я позвала ее сюда? Я вызвала не ту богиню?

Пока я мысленно переживала, огненный дракон опустила голову к груди отца и глубоко вдохнула. Когда она выдохнула, облако дыма слетело с ее рта, завитки дыма впились в тело моего отца, как когти. Было жутко смотреть на это, но это хотя бы успокоило мои мысли насчет личности духа. Меня чуть не сжег огонь дракона столько раз, что я могла легко его

узнать, и тот дым точно был драконьим. И он выглядел плохо, потому что, когда она вдохнула дым, богиня покачала большой головой.

— Я понимаю, почему не заметила его, — она повернулась ко мне. — Его внутренний огонь такой слабый, что едва ощущается. Он не должен жить, но как-то выжил, — она посмотрела на меня с любопытством, склонив голову. — Как, говоришь, твое имя?

Я не говорила, но ответить пришлось:

— Я — Опал Ён Э.

— Ах! — сказала она, ее большие глаза ярко сияли. — Это объясняет все! Ты — Опал Дракона. Я слышала о тебе.

Я скривилась невольно. Ничего хорошего не следовало из того, что дракон узнала меня. Да, я думала, что она должна была знать все об этом. И о привычке папы собирать смертных знали многие, и вокруг было не так много драконов. Я не хотела дальше сравнивать, но СЗД знала полную историю каждого кирпича и крышки люка в городе. Как эта богиня могла не знать очевидную деталь об одном из старых драконов?

— Не смотри на меня так, — сказала дух. — То, что я не учу все мелочи о жизнях своих подданных, не означает, что я плоха. Зачем мне знать о них? Я — *их* богиня. Они должны пытаться впечатлить *меня*.

— Я не хотела обидеть, — сказала я, не зная, читала они мои мысли или догадалась, о чем я думала, старым способом. — Просто... вы отличаетесь от других духов, которых я встречала.

Богиня фыркнула.

— Ты про СЗД, видимо. Конечно, мы разные! Она — город, так что она считает, что ей постоянно нужно всем управлять. Драконы — независимые существа, и они думают себя важными и без того, что я знаю их имена, когда они зовут, — она повернула нос, фыркнув. — Если дракон не требует моего внимания, он его не заслуживает.

Я кивнула, опустив взгляд. Я уже не сомневалась, она точно была Богиней Драконов. Я просто надеялась, что не оскорбила ее так, что она не захочет больше помогать.

— Вижу, вы мудрая и сильная, — польстила я, стараясь вернуть разговор к помощи моему папе, а не к наказанию смертной. — Надеюсь, вы поможете мне понять. Вы сказали, мой отец жив, когда не должен быть. Как такое возможно?

Драконша пожала плечами.

— Не знаю точно, но, возможно, из-за тебя.

— Меня? — мои глаза расширились. — Но я — не дракон!

— Знаю, — едко сказала она. — Потому и странно, — она опустила голову и снова понюхала грудь моего папы. — Я не понимаю это сама, если честно. Такой маленький огонь не должен поддерживать его тело, да и вообще гореть, но это, — она понюхала еще раз, — поразительно.

Я бы назвала это не так.

— Но как это происходит? — спросила я, забывшись в спешке. — И как это связано со мной? — если я была причиной, по которой папа жил, мне нужно было знать, как это работало.

Драконша вздохнула от моих вопросов и села на сияющие задние лапы.

— Сколько ты знаешь об огне дракона?

— Почти ничего, — хотя это не было правдой. Папа не рассказывал мне о своей магии, но я многое поняла по своим наблюдениям и открытой всем информации. Но, хоть я была

уверена, что могла поддержать разговор, я не встречала дракона, который не любил проявить знания, и я могла загладить вину за прошлые ошибки. — Прощу, великий дракон, — сладко сказала я. — Можете мне объяснить?

Как я и надеялась, Духу Драконов понравилась моя просьба.

— О, ты хороша, — она махнула длинным когтем, вызвала язык огня размером с факел из своего тела. — У драконов нет душ, как у людей. У нас есть это, — она вытянула когти, сжимала огонек так, что я видела только его. — Дракон огня — источник нашей магии, источник нашей жизни. Он загорается до того, как мы вылупляемся, и растет с нами. Потому древние драконы куда сильнее младших: больше огня, лучше дракону.

Я кивнула, вспомнив, что отец был намного больше его младшей сестры.

— Огонь делает дракона драконом, — продолжила серьезно богиня. — Это важно понимать. В отличие от людей, наши тела могут оправиться почти от любой раны, но если огонь погаснет, мы умрем. Это наша жизнь. Но это и просто огонь. Его можно потушить как обычное пламя. И можно украсть, что и пыталась сделать Белая Змея с твоим отцом. Она хотела усилить свои способности, съев огонь Ёна, добавив себе мощь. Это самый простой способ стать сильнее, если ты маленький. Но Белая Змея не могла съесть огонь Ёна, потому что, когда она загнала его в угол, его огонь уже угас.

Мне было не по себе. Хоть Дух Драконов сказала, что не узнала меня, она много знала о делах моей семьи.

— Так он такой не из-за атаки Белой Змеи? — я кивнула на тело папы.

— Уверена, она сделала хуже, — сказала дух. — Всем тяжело, когда их разрезают, и они теряют много крови. Но эта ситуация — дело рук Ёна. Ему не нужно было накладывать такое проклятие или удерживать его так долго. Помнишь, что я сказала о нашей силе и нашей магии? Когда Ён проклял тебя на неудачу, он сделал магический эквивалент поджигания свечи с обеих сторон, открывая тебе магию, которая была ему нужна, чтобы оставаться живым, так он и обрек себя на такое, — она хмуро посмотрела на моего отца. — Дракон его возраста должен знать лучше. Но, хоть огонь слабый, он еще не угас. В этом хорошая сторона того, что огонь питает нашу магию. В отличие от людей, привязанных к их биологии, мы, драконы, можем разжечь себя. Даже если физические тела уничтожают, пока хоть искра огня есть, мы всегда можем вернуться. Поверь, я знаю по своему опыту.

В последнем предложении был мир истории, но волнение мешало мне обдумывать это.

— Так мой папа может восстановиться?

— Пока его огонь не погас полностью, да, — сказала богиня драконов, но она улыбалась. — К сожалению, тут ситуация становится... странной. Помнишь, я не заметила его, когда появилась? Я не была невнимательна. Я не могла ощутить его огонь. Если бы я не видела его дыхание, я бы сказала, что его искра уже погасла. Но его тело еще функционирует, так что что-то должно быть. Жаль, но я не знаю, что.

Мое тело обмякло. Богиня драконов была моей последней надеждой. Если она не знала, как это исправить, нам крышка. Поражение, которое я ощущала, толкнуло меня на пол. Я чуть не сжалась в комок, когда огненный хвост драконши ударил меня по лицу.

— Хватит, — приказала она, опустила голову ко мне. — Не время печалиться. Как говорил известный человек: «почти мертвый — еще слегка живой», и жив для нас означает огонь. Огонь Ёна где-то есть, иначе он был бы мертв. Раз он жив, нужно вернуть его, разведя тот огонь.

— Как? — выдохнула я.

Драконша постучала пылающими когтями по полу спальни, опалая дерево.

— Сложный вопрос. Обычно огонь дракона возвращается сам, но его можно питать и другими источниками. Обычно — убив и съев другого дракона, но есть менее грязные способы получить огонь, один из которых — семья. Чем больше драконов в клане, тем больше сил течет к тебе по цепочке.

— Постойте, — я растерялась. — Говорите, драконы делятся силой с другими драконами-родственниками?

— Не делятся, — фыркнула она. — Драконы никогда не делятся. Огонь клана — дело с иерархией. Если ты на дне клана, твой огонь забирают по всей пирамиде, нравится тебе или нет. Потому многие драконы предпочитают вершину, — она показала зубастую улыбку. — Ты не задумывалась, зачем драконам такие большие семьи, хоть мы по плохой привычке убиваем друг друга?

Я стала качать головой, а потом замерла и стала кивать. У моего отца не было клана, и я не думала о таком. Теперь, когда она упомянула это, это показалось странным. Ее слова напомнили о том, что отец говорил давным-давно. Я не помнила сам разговор, но, думаю, это был ответ на мой вопрос в детстве на то, как я могла быть его дочерью, если не была драконом. Он ответил, что был счастлив, что я не была драконом, ведь все драконы были убийцами. Если бы я была его настоящей дочерью, ему пришлось бы жить в страхе, что я вырасту и убью его, чтобы забрать его силу, как он сделал со своим отцом. Но я не была драконом. Я была человеком, так что он мог свободно ценить меня.

Я скривилась от этих слов, но тогда думала, что так он говорил, что любил меня. Что я была его ребенком по духу, хоть и не по крови. Уверена, отец назвал бы идею сентиментальным мусором, но я задумалась после слов Духа Драконов.

— Я могу питать его огонь?

Дух вздохнула.

— Полчаса назад я назвала бы это бредом, — признала она. — Но я ощущаю больше всех огонь драконов, и я не чувствую даже уголька в Драконе Кореи. Он должен быть пеплом, но он живет, значит, что-то не из его огня заставляет его жить. Объясняет только это, и рядом только ты, значит, дело в тебе.

— Но я — человек, — я отметила очевидное.

— Я в курсе, — сухо сказала дух. — Но клан — не только кровь. Известный Марлин Дрейк — глава клана драконов без клана. Это сборище жестоких изгоев, которых по разным причинам выгнали из их семей. Они не родственники, но Дрейк умудряется тянуть силу со своего места наверху, значит, такое возможно.

— Но они — все равно драконы, — возразила я. — Я — нет.

— Я в курсе, — сказала она. — Но, думаю, тут это — твое преимущество. Хоть ты маленькая и слабая, суперсила человечества — способность хватать магию из одного места и двигать в другое. Все знают, что Ён считает тебя своей дочерью, потому что так он звал тебя, когда ходил к Миротворцу, а такой гордый дракон не стал бы говорить это, если бы не думал так. Ты звала его только по имени, когда я прибыла. Обычные слуги-люди обращаются к своему дракону по титулу, но ты все равно зовешь Ёна отцом или папой. Для тебя это естественно, как звать тебя дочерью — естественно для него. Вы явно думаете друг о друге как о семье рефлекторно. Теперь соедини это с драконьей способностью тянуть магию из связей клана и инстинктом людей толкать магию во все, что они считают важным, и что получается?

Я затаила дыхание, едва надеясь.

— Думаете, я толкаю магию в папу.

— Я не думаю, — едко сказала богиня. — Я знаю. Только так это имеет смысл. Люди постоянно посылают магию в то, что они ценят. Так духи, как я и СЗД, и появляются. Когда люди начинают верить в одно, их подсознания наполняют эту идею магией, и она достигает критической массы — пух! И рождается бог. Этот феномен работает и в небольшом размере. Ты — человек, и любовь и тревога к отцу переходит в силу. Силу, которую он может получать, потому что считает тебя кланом. Этих факторов было бы мало по одному, но вместе, еще и с твоей огромной способностью тянуть силу и двигать магию, и хватит силы, чтобы поддерживать мертвого дракона живым! Технически. Он как под капельницей, ты поняла меня.

Я так думала.

— Позвольте уточнить, — я прижала ладони к вискам, словно могла сжать все кружащиеся мысли в голове. — Моя тревога за папу заставляла меня посылавать ему магию подсознательно, и он улавливал магию, потому что считает меня дочерью, — она кивнула, и я улыбнулась. — Я могу оживить его, если отдам больше магии?

Мой восторг рос с каждым словом. Я и не понимала, что можно попытаться толкнуть магию в папу. Обычно с живыми так не работало. Если можно было бы кого-то исцелить, наполнив магией, больницы были бы не нужны. Как и морги. Но драконы, как всегда, были другими. Если я поддерживала жизнь папы неделями на одном подсознании, что я могла сделать, если бы обратила внимание! Папа был огромным, но на моей стороне была богиня. СЗД хотела, чтобы он ушел, как и я. Если она даст магию, я смогу направить ее в него, вернуть папу на ноги за неделю. Он будет спасен, и я буду свободна! Но, пока я думала об этом, Дух Драконов покачала головой.

— Я вижу, куда ты клонишь, — предупредила она. — Но будет не так просто. То, что это вообще работает — чудо, но ты не можешь просто толкнуть магию в дракона.

— Почему? Есть много записей, как маги забирают магию у драконов. Почему я не могу ее вложить?

— Ты — шаманка, но спрашиваешь это? — возмутилась дух. — Это не сочетается! Ты не можешь вложить магию в дракона, как и не можешь сунуть куриные котлеты в курицу. Огонь дракона живой. Если хочешь, чтобы он рос, его нужно разводить.

— Ладно, — сказала я. — Как?

Она задумчиво постучала когтем по подбородку.

— Быстрее всего — украсть огонь у кого-то еще. Есть тот, кто тебе не нравится, кого можно ему скормить?

Отчаяние привело к тому, что я обдумывала этот вопрос.

— Никто, кого я могу поймать, — ответила я. — Я бы радостно скормила ему Белую Змею, но мы сбежали от нее с помощью СЗД. Вряд ли я поймаю ее одна.

— Не знаю, — задумчиво сказала дух. — У Белой Змеи сейчас свои проблемы, это делает ее легкой мишенью. Я не знаю, как мы скормим ее огонь твоему отцу, если он без сознания, и я не должна выдавать своих драконов. Мне нет дела до их хорошего мнения, но я забочусь об огне, и я пытаюсь придерживаться нейтралитета. Если нет, умрет много змей, поверь мне.

Я вздохнула. Конечно, единственный дракон, который мог помочь, переживал из-за честности. Может, проклятие неудачи не было с меня снято, когда...

Я застыла, глаза расширились.

— А что насчет проклятия?

— Что с ним? — спросила богиня.

— Вы сказали, что папа в таком состоянии, потому что проклял меня, — сказала я. — Он привязал свой огонь к моей удаче, а потом я погасила его, заставляя его магию портить цену на рынках. Я думала, проклятие было снято в ту ночь, когда на него напали, но вряд ли он его снял. Думаю, оно просто не работает, потому что у него нет для этого огня.

— Логично, — дух заинтересовалась. — Продолжай.

— Мы уже поняли, что я не могу просто толкнуть магию в его тело, как в круг, — продолжила я. — Но если я смогла использовать всю его магию, то между мной и его огнем должна быть открытая связь. Провод, так сказать. Есть причина, по которой я не могу взломать этот провод, чтобы послать силу обратно?

Дух Драконов задумчиво нахмурилась.

— Может, — сказала она после минуты. — Связь есть, но как ты ее используешь? Ты сожгла магию Ёна, заставив его проклятие творить безумие, пока его огонь не закончился. Вряд ли это работает в обратном порядке.

— Но связь есть, — заявила я. — Белая Змея сказала, что он глупо привязал огонь ко мне, и так и было, но если проклятие не снято, если оно еще связывает нас, это означает, что у меня есть прямой провод с огнем папы. Толкнуть магию в его тело не получится, как вы и сказали, но если я отправлю магию в его огонь, я смогу разжечь его?

— Как запрыгнуть в машину?

Я думала о дефибриляторе для огня дракона, но это тоже работало. Когда я кивнула, Дух Драконов открыла рот, но быстро закрыла пасть. Она сидела в тишине пару минут, стучала хвостом по полу так сильно, что пустые стаканы подпрыгивали.

— Не знаю, — сказала она. — И это заберет много сил. Я не вижу повода, чтобы это не сработало, но многие факторы могут помешать, так что я не уверена, что получится.

— Пробовать опасно?

Богиня задумалась снова, дым вылетал струйками из его ноздрей.

— Наверное, нет. Если не сработает, можно нечаянно потушить искру в нем. Если ничего не сделать, он ослабеет и не сможет поддерживать свой конец связи. Вы обречены в любом случае, так что я не вижу повода не попробовать.

Это не ободряло, но даже такое было хорошим вариантом, когда других не было.

— Тогда сделаем это, — я встала на ноги. — Я готова. Но нужно минуту, чтобы я позвала доктора Ковальски.

Дух посмотрела на меня.

— Какой доктор?

— Мой наставник, — объяснила я, выбрав самый простой ответ, ведь не знала, были ли тайны СЗД известными среди духов. — Она — лучший шаман, чем я. Она поймет, как лучше это сделать.

— Что? — недовольно завопила богиня. — Нет, нет, нет! Другого человека брать нельзя! Это дело дракона. Тебе можно это делать, потому что Ён считает тебя кланом, и ты уже во всем этом хаосе. Тебе нужно присутствовать, но мы будем рыться этим во внутренних работах огня дракона. Советчики снаружи не позволены.

— Но я не справлюсь сама! Мы говорим о магической операции, а я всего два месяца назад перестала быть ужасной в колдовстве!

— Это должна быть ты, — возразила дух. — У тебя связь с отцом, и это была твоя идея. Нужно только следовать указаниям, и все будет хорошо. Я даже помогу начать.

Она глубоко вдохнула и склонилась, подула над грудью отца, пока одна искра из ее дыхания не зацепилась за кончик его носа. Если бы я не знала, что драконам огонь не был страшен в любой их форме, это напугало бы меня, но уголек даже не опалил его кожу. Он замер там, сияя дымчатой силой, которую я ощущала на расстоянии двух футов, искра огня дракона из чистейшего источника мира.

— Не говори никому, что я сделала это, — предупредила богиня, повернула голову, чтобы грозно на меня посмотреть. — Если узнают, что я отдала огонь, каждый дракон в мире будет просить меня о силе темными сделками. У меня больше не будет покоя, так что молчи!

— Я никому не скажу, — пообещала я, меня тронула ее щедрость. — Спасибо.

Богиня закатила глаза.

— Не смотри на меня так. Это не по доброте. Мне просто интересно, сработает ли твой план. Теперь шевелись. Тот уголек не будет гореть вечно, и я не дам еще один.

Я кивнула и упала на колени, сложила ладони вокруг ценной искры, которую она дала нам. Это была искра. Сияющая точка магии не больше зернышка риса, но дело было не в этом. Как и сказала Дух Драконов — и постоянно напоминала доктор Ковальски — магия не подходила всюду. Это не могли делать своими кругами тауматурги. Даже с соединяющим нас проклятием, если я хотела скормить магию отцу, она должна была принять облик, который могло принять его тело. Огонь дракона. Как человек, я не могла сама его сделать, но я могла подражать силе, которую видела в сияющей точке, которую мне дала Дух Драконов.

Такой была моя теория. Я каждый день занималась горстями магии, но обычно шаманизм менял заклинание, чтобы подошла магия, а не магию для заклинания. Я не знала, могла ли придать масляной скользкой городской магии СЗД облик, похожий на огонь дракона, но уголек, который она выдохнула, уже угасал, так что я подавила сомнения и принялась за дело.

Представив тыкву, которую я использовала сегодня, я схватила горсть хаотичной насыщенной силы СЗД, которая постоянно кипела в моей квартире. Мокрая безумная магия города казалась далекой от чистого горячего огня дракона, но — как тоже любила напоминать мне доктор Ковальски — шаманизм был в изобретательности. Без кругов или заклинаний, которые равняли силу, нужно было работать с тем, что было. К счастью, у СЗД и драконов было много общего.

Они были беспощадны, не терпели слабости. Они любили деньги и власть. Они были несправедливыми. Как огонь, город постоянно двигался, и они могли проглотить тебя, стоило расслабиться. Сходства были всюду, если задуматься и открыть себя интерпретациям, а я закончила исторический факультет. Я умела находить абстрактные концепты в реальности, и чем больше пересечений я тут находила, тем больше магии собиралось в руках, она нагревалась, кружилась, пока искра не перестала быть искрой, а превратилась в ревущую сферу огня дракона размером — и формой — с тыкву.

— Отлично, — Дух Драконов повернула голову, чтобы посмотреть на шар огня, парящий над моим отцом, со всех сторон. — Не уверена, что понимаю форму, но это ощущается как огонь дракона сильнее, чем все, что я видела у смертных. У тебя есть талант к этому, — она жадно смотрела на меня. — Уверена, что не хочешь поменять покровителя? Я

не знаю, что предлагает СЗД, но я могу лучше.

Я покачала головой, сосредоточенная на огне, бушующем передо мной, не могла ответить словами. Это была тяжелая часть. Я тренировалась держать магию с доктором Ковальски, но теперь мне нужно было послать силу в отца — не потушив его огонь — и я такое еще не делала. Может, удалось бы сравнить это с направлением магии в круг, но я была ужасна в этом, так что прогнала мысль и сосредоточилась на проклятии.

Я ощущала его раньше, тень драконьей магии на моей душе, но, даже зная, что я искала, было сложно ее найти. Магия отца была едва заметной, я не знала о проклятии, пока другой дракон не указал. А теперь, когда проклятие спало, найти его было почти невозможно. Хоть раз моя одержимость тем, что отец лез в мою жизнь, сработала мне на пользу. Я не ощущала его проклятие, но помнила, где оно было, так что туда и отправила огонь, послала шар пламени в свою грудь, через мою магию и по связи, которая еще висела тенью между нами.

Как только я начала, обмен оказался проще, чем я ожидала. Я думала, посылая огонь отцу, я буду биться за каждый дюйм, как всегда между нами. Стоило знать лучше. Папа был моим папой, но он был и драконом. Как только я предложила каплю силы, он стал вытягивать ее с классической жадностью дракона. Через секунды после начала шар размером с тыкву, который я создала, был осушен.

И он все еще не шевелился.

— Сработало? — выдохнула я, склонившись над телом отца, которое не изменилось.

Дух драконов тоже склонилась над ним, глубоко вдохнула.

— Запах не отличается.

— Это что-то означает? — это был последний шанс. Если огонь не сработает, я не знала, что собиралась...

Тело Ёна содрогнулось на полу, и я вздрогнула. Я пришла в себя и отодвинулась, юркнула за Духа Драконов на случай, если он проснется с ревом, готовый биться. Но он не проснулся. Его рот открылся, вылетело облако дыма. Оно заполнило спальню. Я стала кашлять, а серые облака сгустились, как капли воды, обрели человеческую форму.

Глаза слезились, я выглянула из-за пылающего духа.

— Пап?

Силуэт поднял голову на мой голос, и мои глаза расширились. Это был мой папа. Мой отец, Великий Ён, Дракон Кореи, стоял передо мной, но его тело осталось на полу. Я смотрела на фигуру из дыма. Прозрачную тень с силуэтом отца.

— Боже, — прошептала я, прижав дрожащие ладони ко рту. — Он — призрак.

— Ох, — Дух Драконов провела огненным когтем сквозь прозрачную голову Ёна. — Не ожидала, что такое случится.

Тень посмотрела в сторону духа, и лицо папы — тоже тень, но с деталями и экспрессивное, как настоящее — оскалилось в ярости.

— Ты! — зарычал он, направляя просвечивающую ладонь на дракона из огня.

Я вздрогнула. До этого я не была убеждена, но это был голос отца. Он стоял там! Но из дыма.

— Так ты говоришь со своим божеством? — опасным голосом спросила Дух Драконов.

— Ты — не моя богиня, — рявкнул отец, посмотрел на меня глазами из дыма. — Опал, отойди от этой шарлатанки.

— Она — не шарлатанка, пап, — нервно сказала я, оставаясь на месте. — И она помогла тебе, так что стоит выразить хоть каплю благодарности.

— Благодарить за это? — Ён поднял просвечивающие руки. — Что со мной случилось? И почему мое тело на полу?

— На первое отвечать нудно, а второй вопрос хороший, — ответила Дух Драконов, глядя на тело моего отца. — Похоже, ты как-то разорвался, — она хмуро посмотрела на Ёна из дыма. — Как сильно ты пытался проснуться?

— Изо всех сил, — ответил он. — Моя сестра пыталась меня убить, моя территория осталась без защиты, а моя дочь все еще живет в этом мусорном городе. Что мне делать? Лежать тут и терпеть?

— Сказал, как истинный дракон, — дух повернулась ко мне. — Он вывихнул себя.

— Это можно исправить? — нервно спросила я.

— Сложно сказать, — она ткнула тело отца кончиком горящего хвоста. — Его физическое тело не повреждено, не хуже, чем до этого, но он уже не в нем. Обычно драконы заперты в телах, потому что там горит их огонь, но ты дала ему новый источник, так что... — она пожала плечами. — Он хотел двигаться, видимо, и ухватился за огонь, который те предлагала. Так и застрял.

Это звучало плохо.

— Так я заперла его вне тела?

— Он это сделал, — исправила Дух Драконов. — Ты не сделала ничего плохого. Он просто жадный дракон, — она показала Ёну пылающую улыбку. — Видишь? Ты — мой.

— Я ничей! — сказал отец, но Дух Драконов не слушала.

— Думаю, можно считать это успехом, — сказала она мне. — Теперь ты знаешь, как ощущается магия дракона, и связь проклятия работает. Хорошо сообразила, кстати. Удивила. И я серьезно предлагаю работу. Дай знать, и она твоя.

— Я в порядке, спасибо. Но что теперь делать? — я указала на папу из дыма. — Он не может оставаться таким.

— И не останется, — сказала богиня. — Корми его магией, и он найдет силы вернуться в тело. Или оторвется полностью и умрет. Зависит от него. Ты уже сделала все, что могла. Пока он не станет целым, он будет полагаться на твой огонь, так что считай, что призрак будет с тобой.

Мои глаза расширились.

— Он будет оставаться близко ко мне? Следовать за мной?

— Скорее всего, — сказала дух. — Ты поддерживала его живым, а теперь ты — огонь его жизни. Дракон его возраста нуждается в большом огне, так что будет висеть на тебе, как детеныш коалы, в ближайшем будущем.

Это не могло происходить.

— Как мне жить, когда призрак папы ходит за мной?

Дух Драконов пожала плечами.

— Не знаю. Уверена, только другие духи и драконы смогут видеть его таким. Я бы назвала это плюсом, но почти все драконы мира хотят убить Ёна из Кореи, так что не стану.

Конечно.

— Его могут убить в таком облике?

— Не знаю, — сказала богиня. — Дай попробую.

Я не успела ее остановить, она пронзила сияющим когтем отца, рассеяла его дым. Я хотела закричать, но он вернул облик, его просвечивающее тело соединилось быстрее, чем в первый раз. И он разозлился.

— Как ты смеешь! — взревел он.

— Он в порядке, — богиня повернулась ко мне. — Главное, сама не умри. Пока он не станет целым, ты — его жизнь. И я уверена, что ты сама не хочешь умереть. Смертные редко этого хотят.

Я не хотела умирать. Особенно из-за неблагодарного отца. К сожалению, мои надежды на то, что он исцелится и уйдет из моей жизни, растаяли как дым. Когда он был овощем, я хотя бы могла оставлять его в квартире. Теперь он прилип ко мне как мишень.

— Я обречена, — простонала я, уткнувшись лицом в ладони.

— Не надо так, — дух похлопала меня по голове, как собаку. — Ты хорошо скрывалась до этого. Даже я думала, что ты была мертва! Потерпи еще немного, давай ему магию, и Старый ворчливый дымок вернется на свои чешуйчатые ноги довольно быстро.

От этого мне стало немного лучше.

— Вы сохраните тайну?

— Конечно. Думаешь, я хочу, чтобы слышали о моей щедрой натуре? — она скривилась. — Я никому не скажу, и я убью вас обоих, если о произошедшем тут кто-то узнает.

Она выглядела серьезной, но от угрозы мне стало лучше. Драконы говорили честно, когда угрожали убить тебя.

— Спасибо за помощь, великий дух, — я низко поклонилась.

— Благодарность принята, — сообщила богиня, схватила последнюю бутылку, которую я не опустошила для призыва. — Если передумаешь насчет работы жрицы, ты знаешь, как меня вызвать, — она покачала пластиковой бутылкой канадского виски, подмигнув. — Прощай, Опал Ёна. Ты — интересная маленькая смертная. Не умирай слишком быстро!

— Я постараюсь, — сказала я, но она уже ушла, ее огромное огненное тело пропало с облаком едкого дыма, оставив меня наедине с призраком папы.

— Она — позор нашего вида, — прорычал Ён, махнул на дым, который она оставила, хотя это не убеждало, ведь он сам был из дыма. — Как мы, драконы, получили в богиню пьяную эгоистичную змею, я не понимаю.

— Не знаю, — кисло сказала я. — Думаю, ты похвалил ее божественность.

Он задрал нос.

— Поверь, в этой нет ничего божественного. Я знал ее до того, как она стала духом, и я не назвал бы ее подходящей для этой позиции.

Я не знала, о чем он говорил, и мне было плевать. Теперь я начинала понимать, как сильно устала, направив силу в папу. После интенсивных тренировок утром и этого я была готова спать всю неделю. Но отец не мог дать мне и минуты покоя.

— Что дальше? — спросил он, нависая надо мной.

— Не знаю, — я плюхнулась на пол. — Это ты сделал себя призраком.

— Я не призрак, — упрямо сказал он. — Этот облик — временное неудобство. Направь больше огня в меня. Я вернусь в свое тело, и мы расправимся с делами правильно.

— Я не могу. Я хотела бы избавиться от тебя, но я устала, сегодня больше огня не будет.

— Бред, — он стиснул челюсти из дыма. — Ты не можешь оставить меня таким, Опал.

Будь это кто-то еще, я сказала бы, что он был в панике. Папа никогда не паниковал, и я списала это на истерику от усталости.

— Если хочешь двигаться, звони маме, — предложила я. — Она сделает все для тебя. Уверен, она будет рада...

— Нельзя, чтобы твоя мать видела меня таким, — лицо отца из дыма было в ужасе. — Я — ее дракон! Она служит мне, потому что я сильный. Если я появлюсь перед ней в таком... состоянии, она не будет больше смотреть на меня как раньше.

Я закатила глаза.

— Папа, она поклоняется тебе. На уровне безумного культа. Ты мог бы появиться перед ней в облике капусты, но она все равно целовала бы твои листья.

— Не оскорбляй мать, — он хмуро посмотрел на меня. — Сколько тебе нужно отдыхать, чтобы ты дала мне еще огня?

Я не знала. Я не хотела думать о магии, а его высокомерие злило меня.

— Знаешь, можно было и «спасибо» сказать. Я спасала твою жизнь десятки раз за последние два месяца, и...

— Два месяца? — перебил отец, его глаза расширились. — Я лежал без движения на твоём полу два месяца?

— Ровно. СЗД этим утром сообщила о моем положении в конце месяца.

От этого он растерялся сильнее.

— СЗД? О чем ты?

Ой.

— Помнишь, как Белая Змея поймала тебя, и город помог нам сбежать, отбросив Белую Землю в реку? — я села. — Она сделала это не по доброте душевной. Я согласилась быть ее жрицей в обмен на помощь.

И для спасения от долга, но я не стала упоминать эту часть. Это уже работало. Отец побелел, его ладони из дыма дрожали так сильно, что не могли держаться плотными.

— Ты продала себя духу? — прошептал он. — Чтобы спасти *меня*? Но я думал...

— Не радуйся сильно, — предупредила я, скрестив руки на груди. — То, что я не хотела, чтобы Белая Змея тебя убила, не означает, что все хорошо. Я все еще не вернусь домой. Ни за что. Теперь ты не можешь меня заставить, — я улыбнулась шире. — Есть плюсы в том, что ты стал дымом.

Обычно тут отец говорил едко, что я была неблагодарным избалованным ребенком, не уважающим старших. Но он не стал. Он молчал. Он сидел и смотрел вдаль, как жертва.

Это пугало, и не только из-за того, что он был из дыма. Я привыкла к высокомерию отца, поведению, будто он все знал. Было неправильно видеть его таким, словно он проиграл. Я даже почти хотела, чтобы он не просыпался. Когда он лежал на полу, казалось, что он спал. Это было страшно, но лучше, чем видеть его сейчас. Папа выглядел так, словно заплачет, и я не знала, как справиться с этим.

— Ого, — нервно сказала я, подняв ладони. — Пап, я...

Громкий гул спас меня. Телефон в кармане джинсов звучал как шумная граната, сообщая, что перерыв на обед, ставший вызовом духов, закончился.

— Мне нужно на работу, — медленно сказала я, вставая. — Почему бы тебе не отдохнуть тут, пока...

— Ты не можешь уйти, — его голос был спокойным, хотя дым дико дрожал. — Это срочное дело.

— У меня нет выбора, — сказала я. — Я работаю на богиню. Они не терпят опозданий.

— Тогда возьми меня с собой, — сказал он, шагнув ближе. — Мы связаны, помнишь?

Будто я могла забыть.

— А твое тело? — я попробовала другой подход.

— А что с ним? — парировал он, прижал просвечивающую ладонь к полупрозрачной груди. — Все от меня в дыму. Я — тут, — он оглянулся на свой псевдотруп. — Мое тело лежало на твоём полу восемь недель. Оно продержится ещё день. Но я не оставлю тебя, Опал. Ты теперь мой огонь.

Это ведь говорила богиня драконов?

— Ладно, — буркнула я, прошла в гостиную за своей рабочей сумкой. — Ты можешь пойти, но не мешай. СЗД уже упрекала меня за то, что я трачу время на заботу о тебе. С ней лучше не ссориться.

Моя богиня могла быть удивительно доброй, но в работе она была беспощадной, как любой работодатель в СЗД. Семейные проблемы не давали повода не работать. Если я не появлюсь и не буду работать, я окажусь на улице раньше, чем моргну.

— Я не буду бременем, — пообещал он, выглядя возмущенно, что я вообще подумала о таком. А потом на его лице появилось любопытство. — Что за работу делают для богини города?

— Ту, что подходит моим навыкам, — я прошла мимо него и сжала ручку двери спальни. Я закрыла дверь и глаза одновременно, представила нужное место. Когда я увидела его четко, я открыла дверь снова и прошла. Проклятие натянулось, линия магии была напряжена, и тень отца поехала на ногах, как собака на поводке, за мной во тьму.

Глава 3

Когда я открыла дверь в своей квартире, сцена на другой стороне была такой же, как всегда: пустой город, парящий во тьме.

Как Старый Детройт, он был разделен на кварталы, но по этим дорогам ещё никто не ездил. Асфальт был ещё новым и черным, со свежей желтой краской, которой не касались шины. Насколько я видела, дороги разделяли здания для порядка, и это было хорошо, потому что их было много. Разные строения разного времени тянулись в стороны, формируя город-призрак с заколоченными магазинами и домами, закрытыми банками и брошенными хижинами, рушащимися торговыми центрами и забытыми храмами. Некоторые темные строения рушились, другие казались новыми, но все были пустыми. Кроме оранжевого света фонаря, загоревшегося над перекрестком, где появилась моя дверь, света нигде не было. Ни звука, ни движений. Даже крыс тут не было.

— Что это за место? — прошептала тень отца, нервно глядя на пустую тьму над нашими головами.

— Не знаю точно, — ответила я, опустила сумку на стол, который обычно был возле моей двери, хотя не всегда. Несмотря на жуткую тишину, место было удивительно энергичным. План был одним и тем же, но здания все время менялись. Я легко могла открыть дверь и увидеть новый горизонт, но что ещё ожидал от личного хранилища города, который не мог не двигаться?

К счастью для моего разума, сегодня был день со столом. Хороший отполированный стол из красного дерева, который был чьим-то обеденным, пока его не забыли. Я осторожно раскладывала вещи, чтобы не поцарапать стол, когда отец прошел дымчатым телом сквозь стол и заставил меня посмотреть на него.

— Как ты можешь не знать, где мы?

Я закатила глаза и махнула рабочими перчатками, которые только достала, в сторону

его груди.

— Первое правило работы на СЗД: нужно принять, что пространство гибкое. Ничто в этом городе не остается на месте. Даже посольство Дракона движется.

— Да, но я все равно могу до него добраться, — отец указал на черное ничто на месте неба. — Это город-призрак, парящий в пустоте!

— Это не пустота, — властно сказала я. — Моя квартира парит в пустоте, и если бы ты выглянул в мое окно, увидел бы, что там куда страшнее, — я махнула на тьму. — Ты видишь фон, занавес, установленный СЗД, чтобы скрыть, что это место не существует так, как могут понять не божественные мозги.

Мой отец нахмурился.

— Это удивительно заботливо с ее стороны.

— Практично, — сказала я, фыркнув, открывая набор с лупой. — Если бы тут не было тьмы, я вместо работы отвлеклась бы на экзистенциальный кризис, а для СЗД нет ничего важнее работы.

Кстати о работе, на свою я опаздывала. Я порылась в сумке и вытащила каску с фонарем, надела поверх полос. Я достала телефон из кармана, выключила его, потому что это место сводило Сибил с ума. Даже без GPS моя ИИ просто не могла справиться с тем, что она была в месте, которое не существовало. Я пыталась уговорить ее, но мы пришли к выводу, что проще было ее отключить.

— Что за работу ты тут выполняешь? — спросил отец, пока я осторожно убрала телефон.

— Мой титул — Оценщик, — сказала я, включила фонарь на каске. — Но мне не нравится, потому что я ничего не оцениваю. Я скорее куратор. Моя работа — проверить все вещи, которые СЗД накопила за годы, и сказать ей, что стоит оставить, а что — нет.

Ён все еще был растерян.

— Зачем ты ей для этого?

— Потому что она не может сама, — раздраженно сказала я. — СЗД — место, не человек. Она чудесна в понимании города — дорог, течения машин и прочего — но о многом она понятия не имеет. Например...

Я махнула на тихие здания вокруг нас, некоторые покрывали толстые слои пыли.

— Видишь, тут нет металла или старых машин? Потому что СЗД уже знает, что с этим делать. Это же касается вторсырья, досок, битого бетона и прочего. Все, что можно перепродать по точной цене, она уже убрала, но много материалов не подходит под этот критерий. Антиквариат, картины, предметы истории — все, чья стоимость оценивается интересом людей, и что она не может понять.

Эту часть роли жрицы было сложнее всего понять. Она могла говорить и действовать, и было легко подумать, что СЗД была просто сильным человеком, но это было не так. Она была духом, магическим воплощением идеи. Люди придали ей облик — то, чем мы считали СЗД — но она не была одной из нас. Она была городом, полным общающихся людей, и она притворялась лучше других духов, но это было притворство. СЗД была рабом своей идеи, как Дух Забытых Мертвых. Она не может покинуть город, не может понять то, что не связано с ним, и она не переживает. Она не переработала все тут в материалы для новых зданий, потому что против бережливого характера СЗД уничтожать то, что может иметь ценность, даже если она ее не понимала.

Я понимала это. И из-за этого понимания СЗД хотела меня своей жрицей. Дело было не

только в моем магическом потенциале, или в том, что я не была социопатом, что было необычно в последнее время. Я была ценной, потому что, в отличие от нее, понимала, почему люди считали важными эти вещи и места. Я видела, что поразительная мозаика на фасаде рушащегося банка была красивой и редкой, стояла больше блоков гранита под ней. Я знала, какие кусочки цветного стекла были Тиффани, а какие — кусочками пивных бутылок. Она сберегала эти вещи годами, потому что знала, что они стоили больше, чем просто за вес, но она не могла понять толком до меня. Я решила проблему, которую СЗД не могла решить сама, и она наняла меня сразу же и отправила работать.

И мне нравилось это. Работать тут было лучшей частью работы Уборщика, сокровища без уборки, аукциона или риска открыть дверь и получить выстрел в лицо. Кроме зданий — все уже не подходило для использования, но обладали культурной, архитектурной и исторической значимостью, и СЗД не хотелось разбирать их — в одном из кварталов был склад размером с ангар для самолета, полный всего, что люди потеряли, спрятали или выбросили.

Часть была мусором, часть — товарами, которые были интересны, но не были редкими или ценными, но там было и удивительно много сокровищ. За два месяца я обнаружила сотни вещей, достойных музея, и несколько, казалось, были украдены из старого института искусств Детройта. Я нашла картины, исторические артефакты, даже целую стену из утерянной «Фрески промышленности» Диего Ривьеры! Это была лучшая охота на сокровища в моей жизни. Если бы не то, что я принадлежала богине и не зарабатывала денег, а просто откладывала долг, который не могла оплатить, я бы делала это вечно.

К сожалению, отец не понимал все это, когда я ему объяснила. Он не понимал и мой интерес к Уборке, так что я не переживала. В миллионный раз я пожелала, чтобы Ник был со мной. Он понял бы чудо этого места. И было бы приятно, если бы рядом был кто-то из металла, когда здания, в которые я ходила каждый день, начинали рушиться. Но больше я скучала по его обществу. Работать одной было, кхм, одиноко, хоть я сама отдалилась ото всех друзей и сделала новую жизнь в городе, известном одинокими людьми, я удивительно плохо справлялась с этим.

— Хорошо, — я потянулась сквозь папу и отметила время прибытия на графике, прибитом к столбу работающего фонаря. — Хватит болтать. Пора за работу.

— Нельзя просто «за работу», — возразил отец. — Ты сказала, что СЗД не потерпит опозданий, но ты уже записалась. Ты должна быть в порядке, так что составим план.

— Планируй, сколько хочешь, — сказала я, пошла по темной улице, считая то направление «счастливым». — Но я не порадую так богиню. У меня есть квоты.

Ён издал оскорбленный звук и поспешил за мной.

— Разве твоя работа не искать культурно ценные вещи? Как можно ставить квоты на искусство?

И я считала квоты глупыми, но:

— Она не понимает, помнишь? — заявила я. — И квоты не насчет ценности. Ей просто нравится знать, что я не ленилась тут, — СЗД ненавидела лень.

— Звучит как работа в соляной шахте, — фыркнул папа. — Но хорошо. Какой минимум тебе нужно сделать, пока мы не перейдем к важным делам?

— Ты про себя? — я закатила глаза. — Помнишь, что мы внутри богини? Которая спасла нас обоих? Подумай дважды, а потом говори о том, что твои интересы важнее, чем ее.

— Боги могут позаботиться о себе, — отмахнулся Ён. — И мои нужды важнее, чем

сортировать мусор в зданиях, которые были тут годами.

Часть вещей тут была старой, но смысл был не в этом.

— Я не работаю на тебя, — рявкнула я, повернувшись к нему и хмурясь. — Я взяла тебя сюда, потому что мы связаны, но, хоть ты веришь в это, я не обязана выделять тебе время. Замолчи и дай выполнить работу, или я привяжу тебя к фонарю, чтобы ты ждал меня, как собака.

Папа в ответ вздохнул, и мне хотелось задушить его, но он не кричал, что было удивительным и приятным изменением. Не секрет, что папа вызывал во мне худшее, но обычно он не давал разговору пройти без напоминания о его власти. Но теперь все изменилось. Папа уже не был большим или сильным, по сравнению со мной. Он был слабым и зависимым, так что мне было плевать.

Это осознание поразительно освобождало. Я обычно не могла плевать на то, что думал или делал папа. Я все еще пыталась принять идею, когда папа кашлянул:

— Если твоя богиня наказывает за отлынивание, тогда тебе нужно работать, — сказал он, стараясь звучать спокойно. — Но вместе мы сделаем это быстрее, так, что нужно СЗД?

Мне все еще не нравился намек, что я помогу ему, закончив тут, но замечание было справедливым. Если папа будет работать со мной, будет проще, чем если мы будем спорить все следующие восемь часов, и никто не знал о сокровищах больше него. Я немного узнала в институте, но больше всего выучила от отца. Его проверка находок сэкономит мне много времени для поисков в древнем компьютере библиотеки, который СЗД установила на складе для проверки.

— Мне нужно проверить три улицы зданий и отметить их как для обновления или сноса, — я указала на темные здания, мимо которых мы шли. — Каждую комнату нужно проверить, потому что никогда не знаешь, что скрывается за скучным фасадом. Один раз я нашла бар со времен сухого закона в подвале! Там был бальный зал с оркестром и пятьдесят футов барной стойки, озаренной хрустальными люстрами! Остальное здание было в ужасном состоянии, но я уговорила СЗД передвинуть весь подвал на склад. Мы ждем, пока университет Чикаго отправит нам экспертов того временного периода, чтобы мы вернули клубу его былую роскошь.

Будет чудесно. Деревянные панели треснули, и позолота на стойке бара облетела, но я видела, что после капли стараний место станет окном в потерянный мир. Найти его было как войти в гробницу фараона. От одной мысли я воодушевилась. Папа спросил:

— Зачем?

Я растерянно моргнула.

— Что зачем?

— Зачем восстанавливать старый бар? — спросил отец. — Я понимаю восстановление ценного антиквариата, красиво отремонтированные исторические здания могут даже повышать аренду, но зачем СЗД воссоздавать точный исторически бар времен сухого закона? Зачем он ей?

Я смотрела на свои ноги, потому что не знала. СЗД наняла меня разобрать тут все, потому что она не могла сама, но у нее не было планов на то, что я нашла. Когда я поднимала тему — предлагала построить музей или дать взаем вещи, которые я нашла, для тех, у кого уже была похожая коллекция — СЗД не была заинтересована. Ей было плевать на продажу. Важно было, чтобы не выбросили ничего ценного, и это было хорошо, но я ощущала себя в тупике. Зачем спасать все эти вещи, если их не покажут?

К сожалению, решала не я. Это был минус работы: все, что я находила, принадлежало СЗД, не мне. Пока я не оплачу долг — или пока не решу, что буду служить городу до конца жизни — я была нанятой помощью. Теперь папа очнулся, и я надеялась, что вскоре буду свободна. Кстати...

— Итак, — сказала я, пока мы поднимались по лестнице к первой мишени — покосившемуся зданию, которое было поразительно красивым готическим коттеджем, а теперь выглядело как дом с призраками. — Сколько магии нужно, чтобы ты встал на ноги?

Отец задумался на миг, его дымчатый силуэт почти не был заметен во тьме, когда мы вошли в здание.

— Сложно сказать, — ответил он. — Я не чувствую в себе огонь вообще.

— Дух Драконов предупредила, что он маленький, — сказала я, озаря фонариком пострадавшее от пожара здание. — Но что-то в тебе горит, или мы не говорили бы. Я не пытаюсь стыдить тебя, просто хочу знать, насколько большой резервуар мне нужно наполнить.

Отец нахмурился.

— Ты хочешь сказать: «как скоро я перестану полагаться на тебя, и ты отправишь меня в Корею»?

Я не спорила, и он нахмурился сильнее.

— Не важно, как долго. Я тебя тут не оставлю, Опал.

— Это не тебе решать, — сказала я, светя фонариком в его лицо. — Мы закончили, пап. Я оплатила долг. Я спасла тебе жизнь! Ты больше не управляешь мной.

— Мне не пришлось бы управлять тобой, будь ты умнее, — возразил он, и это он зря сказал.

— Умнее? — завопила я. — Кто бы говорил! — я направила палец на его дымчатое тело. — Ты такой не из-за того, что сказала Белая Змея. Это произошло, потому что ты использовал свой огонь для управления мною. Я хотела жить без драконов, но ты не дал мне и дня свободы! Что делает тебя умным?

— Признаю, все вышло из-под контроля, — сдавленно сказал отец. — Но я действовал с хорошими намерениями. Я — Дракон Кореи, а ты — мое дитя. Это делает тебя очевидной мишенью для всех, кто хочет мне навредить. Что мне было делать? Отпустить тебя?

— Да! Потому что я — личность, а не слабость.

— Я не испортил ничего важного, — возразил он. — Ты жила в нищете, работала как субподрядный рабочий.

— Я жила своей жизнью! И если это не подходит твоим стандартам, то дело в тебе. Я справлялась хорошо, пока ты не задавил меня неудачей!

Я кричала под конец, тело было напряжено до боли от гнева, не так я хотела провести день. Как мой папа все время умудрялся пробраться под мою кожу? Даже когда он был лишь призраком, он говорил так, словно мне было шестнадцать, и я ненавидела это. Я ненавидела все в этом.

— Знаешь, что? Забудь о помощи. Я быстрее сделаю это сама. Просто молчи и не мешай. Чем скорее я выполню квоту, тем быстрее пойду домой, спать, чтобы накопить огонь, которого хватит, чтобы ты ушел из моей жизни.

Отец пытался что-то сказать, но я уже пошла кровь, прижимала ментальную руку к проклятию, связывающему нас, чтобы он не подобрался слишком близко. Мы долго и недовольно молчали. Я ходила по дому, слишком злая, чтобы видеть больше, чем очевидные

детали. Я знала, что могла пропустить вещи, но было сложно переживать. Вопросы папы напоминали, что СЗД не делала ничего с тем, что я находила, так какой была потеря? Я хотела только закончить работу по минимальному стандарту и завершить это натянутое время отца и дочери.

К счастью для меня, дом, с которого я начала, оказался простым. Фасад был из хорошего кирпича, но я такое видела и раньше. Хотя это все равно восхищало. Все старые здания Детройта восхищали. Во времена расцвета заводов машин, когда они хорошо платили рабочим, иммигранты стекались сюда со всего мира. Желая пустить быстро корни, они строили дома как замки, создавали красивые здания из камня и кирпича, чтобы они стояли веками. Я сберегла бы все, если бы могла, но даже у СЗД место было ограничено, и этот дом был с обвалившейся крышей и трещинами в фундаменте. Вздохнув от потери, я вытащила баночку краски и нарисовала X на двери, отмечая его для сноса.

Я закончила, и здание задрожало. Я едва успела отбежать от крыльца, и дом погрузился в землю, город поглотил его, чтобы взять оттуда материалы для новых зданий. Это было печально видеть, но зато в моем списке появилась галочка, так что я пошла к следующей цели, бетонному офисному зданию тысяча девятьсот семидесятых с необычными элементами дизайна.

И так тянулось. Оставить, снести, оставить, снести. Но, хоть в первом доме я была в плохом настроении, со второго меня поглотила работа. Я не могла ничего поделывать. Даже зная, что вещи отправятся на склады СЗД, я была рада искать сокровища. Я только начала рыться в гниющем поместье Позолоченного века, надеясь на находки, отец заговорил за мной:

— Нашел кое-что.

Я вздрогнула. Он был таким тихим и незаметным в облике дыма, что я забыла о нем. От напоминания гнев вспыхнул во мне резко, но мне надоело ощущать это, и я отогнала его, сосредоточилась на комке, на который он смотрел, у его ног, скругленная поверхность тускло сияла в свете моего фонаря на каске.

— Что это?

— Серебряная сахарница, — он шагнул в сторону и указал на тусклое дно перевернутой чаши. — Похоже на Ламери.

— Да ладно, — Пол де Ламери был одним из величайших ювелиров Англии. Его работа все еще ценилась. Я ожидала многого от этого места, но папа не мог просто найти бесценное сокровище на полу. — Я посмотрю.

— Я не ошибаюсь, — уверенно сказал Ён, я схватила чашу на ножках с пыльного пола. — Его метку на дне можно подделать, но внимание к деталям может передать только Ламери. Посмотри на маленькие завитки листьев дуба на ручках. Кто еще мог бы создать такое?

Я не знала. Я не была экспертом в серебре, а папа был. В сокровищах Ён был экспертом во всем, и, хоть я презирала его общество, я не заметила эту чашу.

— Хороший улов, — недовольно признала я, опустила возможно ценную сахарницу в сумку. А потом, после паузы, я добавила. — Видишь что-то еще?

Я не должна была спрашивать. Стоило знать, что его нельзя пускать в свою жизнь. Но, как я и сказала, за последние два месяца мне было одиноко, особенно на работе. СЗД не понимала и не ценила то, что я приносила ей, доктор Ковальски общалась только о магии и саде. Мы с папой спорили из-за всего, но всегда могли говорить о сокровищах. Даже в моем

недовольном состоянии я не собиралась упускать первый шанс за недели поговорить о том, что интересовало меня больше. И было бы глупо упускать шанс поискать сокровища с драконом. Плевать на квоты и то, что никто не увидит эти вещи. Папа отыскивал ценности лучше всех. Если тут было скрыто что-то крутое, он найдет это. Конечно, придется немного пострадать, но я все равно застряла с ним.

Эти жадные мысли помогали терпеть отца, и я оказалась права. Он знал все о ценном, а еще умел видеть в темноте, и он был из дыма, мог проходить сквозь предметы, куда мне обычно было опасно ходить. Ён был машиной для поиска сокровищ. Он смотрел на здание и уже знал, есть ли там ценности, и где они. И он указывал на вещи, которые я даже не замечала, как старые тостеры или жуткое сплетение цветных трубок, которое оказалось *эпернэ*. Конечно, я знала, что это было, но большие викторианские украшения всегда были глупыми, и я не изучала их.

Папа был не таким слепым. Для него это не было историей. Он жил в те периоды, когда вещи, которые мы считали антиквариатом, были популярны, и он помнил все это — что было хорошо, что плохо, что стоило покупать, а что — нет. Его драконий мозг был каталогом искусства и трендов моды тысячелетней давности, и хоть его вкус для меня всегда был староватым, он видел ценности. Он мог узнать Моне, даже если сверху картины что-то нарисует плохой художник, и для того, кого наняли искать сокровища, это было чудом.

Я была занята, восхищаясь сокровищами, которые он находил, и забыла, что злилась на него. На пару приятный часов мы словно вернулись на десять лет назад, когда делали такое ради веселья. Это ощущалось потрясающе, словно груз весом с дракона сняли с моей груди. И, конечно, отцу нужно было все испортить.

— Почему ты служишь ей так верно?

— А? — я подняла взгляд от своей кучи. Мы закончили квоту с домами полчаса назад и взялись за контейнеры, куда СЗД бросала все мелочи, которые проваливались в стоки или не разрушались внутри домов. Это поражало, и обычно я не дошла бы до контейнеров, но хорошее настроение испортилось из-за гримасы на лице отца.

— СЗД, — уточнил он, голос был тяжелым, словно слова долго копились в нем. — Она заставляет тебя работать как собаку, привязывает тебя квотами и графиком, но ты не возмущаешься. Почему? Боишься, что разозлишь ее?

— Если бы было так, я бы не смогла сказать это тебе, да? — парировала я. — Но нет. Она умеет пугать, но я делаю это не из страха. Я работаю на СЗД из-за долга ей, и она оберегает меня, и все это не так плохо. Я получаю бесплатную еду, у меня есть крыша над головой, и охота на сокровища крутая даже с квотами.

После этих часов я думала, что это будет очевидно, но отец разозлился сильнее.

— Ты была должна и мне, но не вела себя так. Ты билась со всеми шансами, которые я тебе давал, каким бы щедрым я ни был. Что отличается с СЗД?

— Она — не ты, — рявкнула я, забыв о хороших чувствах.

— Она хуже, — возразил он, скалясь. — Я дал тебе комфорт и роскошь! Она даже не дала тебе удобную квартиру!

— Я обустроила квартиру вещами, которые нашла тут, — резко сказала я, скрестив руки на груди. — Мне нравится выбирать свою мебель, но тебе на это плевать. Тебе никогда не было дела о том, что мне нравится. СЗД дает серьезные задания, но она хотя бы меня слушает. Она хотя бы уважает меня. Если я говорю ей, что не хочу быть жрицей, она убеждает меня передумать, напоминает о долге, но она не держит меня против воли. Ты

держал. В этом разница.

Отец стал скрипеть зубами, но остановился, вспомнив, что их не было. Он злился так, что дым стал по краям дрожать.

— Если проблема в долге, я его оплачу. Я не позволю своей дочери быть в рабстве у дешевой богини, которая заставляет ее рыться в заброшенных домах из-за побрякушек!

— Конечно, оплатишь! — заорала я, вскочив на ноги. — Из-за тебя я в этом кошмаре и оказалась!

— Не надо перекладывать вину на меня, — предупредил Ён, поднимая кулак из дыма. — Не будем забывать, чья это вина.

— Да, твоя! — я сжала кулаки. — Хочешь поговорить о рабстве? Как насчет дракона, управляющего ежемесячными платежами своей взрослой дочерью за океаном, потому что ей хватило наглости хотеть свою жизнь вдали от него.

— Это было для твоего блага, — сказал он без раскаяния. — Смертная жизнь короткая, и ты тратишь свою. Я должен как-то вернуть тебя домой.

— Я не вернусь домой! — завизжала я. — Ты не понимаешь? Я лучше буду работать на СЗД вечно! Я лучше буду бездомной, чем вернусь в Корею с тобой!

Глаза отца расширились. Если бы он был в нормальном теле, огонь стал бы вылетать из его рта. И обычно в это время я начинала пятиться, но нет. Он не мог так сделать. Он не мог со мной такое делать, и мне надоело бояться его. Надоело, что он правил моей жизнью даже издалека.

— Отстань от меня! — закричала я, а потом вспомнила, что он не мог. Мы застряли вместе, это злило меня сильнее. Хоть он был почти мертв, я не могла сбежать от папы.

Я отвернулась от него. Куда бы он ни шел, я отворачивалась. Это было мелочно и по-детски, но я не могла сейчас смотреть на него, что было обидно, ведь мы хоть немного ладили. Мне впервые за долгое время нравилось его общество, а потом он открыл рот и испортил все, как всегда.

Еще и по глупой причине. Я слишком злилась, чтобы заметить, но когда я обдумала аргумент, я поняла, что он завидовал СЗД. Папа не переживал, что я могла застрять на службе богине против воли. Он не мог вытерпеть то, что с богиней я была хорошей, а не с ним.

Мысли об этом вызывали желание бросить в них обоих полотенце, но это было бы несправедливо. Это была не вина СЗД. Она делала как лучше для меня, давала мне все, о чем я просила, что было в ее власти. Квоты и график работы были, потому что она была такой богиней, а не из-за ее желания управлять мной. В отличие от папы, она не хотела этого. Она была городом свободной воли. Она даже не давала мне присоединиться к ней, пока я не изъявила желание. Она считала мои долги, потому что сохраняла порядок, а не для того, чтобы подчинить меня. Это была игра папы.

И он не понимал, почему я не терпела его.

Я нашла только кубок за остальную свою смену. Я рылась в контейнерах, потому что это была моя работа, но злость мешала видеть вещи. Я злилась на папу, на жизнь, на мир, на себя, просто злилась.

Я хотела, чтобы Ник был тут. Он всегда знал, как все организовать, и я хотела бы объятия. Но объятий не было, и я прильнула к стене контейнера и рылась в вещах до конца смены. Это было простой тратой времени, но СЗД не могла жаловаться, ведь я послала много сокровищ в ее склад сегодня. И уборка дала шанс восстановить магию, что было

хорошо. Чем скорее я заряджу папу, тем быстрее выгоню его.

Я хотела это сделать. Плевать, сколько его врагов было на улицах. Он был большим драконом с миллиардами долларов и кучей слуг, которые поклонялись чешуе на его ногах. Он мог о себе позаботиться. Только я могла позаботиться о себе, и для этого нужно было уйти подальше от отца.

— Эй, — я оглянулась. — Пора идти.

Слова звенели в темноте без ответа, и я нахмурилась. Видеть фигуру из дыма было сложно в темноте, но даже с фонариком я не видела дующегося папу у контейнеров или поблизости. Я ощущала нить между нами, так что он не ушел далеко — и не умер, такое еще было возможно — но я не знала, куда он убежал. Я хотела потянуть его за проклятие, но увидела облако дыма над древней каменной церковью на другой стороне улицы.

Вздохнув, я подошла ближе, чтобы лучше видеть. Да, отец лежал на склоне крыши под колокольней, смотрел на пустоту над нашими головами, словно потерял что-то ценное в этой тьме. Это было жалкое зрелище, и у меня не хватало терпения за это.

— Спускайся, — приказала я.

Он не двигался. Я в ярости схватилась за связь, но его голос донесся до меня во тьме.

— Ты так сильно меня ненавидишь?

Я удивленно посмотрела на него.

— Ты собираешься заняться этим сейчас?

— Просто ответь, — сказал он и добавил тихо. — Пожалуйста.

Это «пожалуйста» меня добило. Я еще не слышала, чтобы папа использовал это слово без сарказма. От шока я выпустила его поводок. Когда я опомнилась, он соскользнул с крыши на землю, смотрел на меня с расстояния с тем же растерянным видом, что и на небо.

— Нет, — сказала я.

— Что нет?

Я не хотела объясняться, так что ответила на первый вопрос.

— Я не ненавижу тебя, — сказала я. — Иначе не продала бы себя ради твоего спасения, и мы не были бы тут. Вряд ли я могу тебя ненавидеть, но я ненавижу все, что ты делаешь. И я ненавижу то, как ты говоришь со мной, и как ты себя ведешь.

Отец выглядел недовольно.

— В этом нет смысла. Чем ненависть ко всему во мне отличается от ненависти ко мне?

— Просто так, — я пожала плечами. — Я не могу это объяснить. Наверное, потому что ты мой папа. Как бы плохо ты ни вел себя со мной, часть меня всегда будет тебя любить, даже если ты не заслуживаешь этого. Я знаю, этого мало, но это так.

Он растерянно смотрел на меня.

— Когда я плохо обходился с тобой?

Мой рот раскрылся.

— Ты не серьезно.

— Я очень серьезен, — недовольно сказал он. — Все, что я делал, было ради тебя. Даже проклятие было попыткой направить тебя. Я не хотел, чтобы ты страдала, но я не мог игнорировать то, что ты совершаешь ужасные поступки. Я пытался тебе помочь, дать совет, но ты не слушала, и я проклинал твою удачу, надеясь, что станет так плохо, что ты сама вернешься домой. Я вижу, что для тебя это могло показаться жестоко, но это было сделано с хорошими намерениями. Я хотел только лучшего для тебя, Опал.

Он звучал искренне, и только потому я не сорвалась. Когда я поняла, что не злилась, я

постаралась оставаться такой, потому что до этого срывала каждый такой разговор, а это не помогало. Отец не был глупым, но он странно относился ко мне, и казалось, что мы говорили на разных языках. Я всегда думала, что он был жестоким драконом, который не мог понять отношения людей, только владел ими, но в его голосе не было сейчас ничего жестокого. Он звучал уязвленно, словно он был растерян из-за моей реакции так же, как я из-за его. Я не знала, было это хорошо или плохо, но это отличалось от обычных криков, и после месяцев долгов и проклятий, из-за чего мы чуть не погибли, я хотела попробовать.

— Хорошо, — глубоко вдохнула я. — Допустим. Ты говоришь, что хочешь только лучшего. Что ты подразумеваешь под этим?

— Твое возвращение домой в Корею, — тут же ответил он. — Я могу тебя всем там обеспечить, и ты будешь защищена от моих врагов. Это лучше для нас обоих.

— А если я захочу то, что ты не можешь мне дать?

Отец нахмурился, не понимая вопрос, и я вздохнула.

— Ты говоришь, что хочешь лучшего для меня, — я попробовала иной подход. — Но «лучшее» — субъективно. Ты не хотел бы жить так, как Миротворец считает для тебя лучше, да?

— Это не связано. Хватит уходить от темы.

— Я не уйду, — я старалась сохранять голос спокойным, чтобы он не перестал слушать, как бывало. — В этом и проблема. Ты говоришь, что дома ты дашь мне все, что я хочу, но ты не можешь, потому что я хочу жить тут, — я махнула рукой на тьму над нашими головами. — Мне нравится жить в СЗД. Нравится Уборка. Каждый день был новым сюрпризом, новой охотой на сокровища, и я была в этом хороша! До твоего проклятия я рулила тут. Ты не можешь дать мне это дома.

— Я могу дать кое-что лучше, — упрямо сказал Ён. — Ты сильна, раз смогла жить в этом городе-яме, но не путай успешное выживание со счастьем. Я могу дать тебе больше.

— Больше чего? — я смотрела в его глаза из дыма.

— Всего, — ответил он. — Вещей, украшений, еды, защиты, удобств. Все, чего хотят люди.

То, что я чуть не рассмеялась от этого, показывало, что я провела слишком много времени с драконами.

— Не все люди хотят одно и то же, папа.

— Возможно, но я не видел, чтобы кто-то отказывался от жизни в роскоши, — сказал он. — Почему ты не даешь мне заботиться о тебе?

— Потому что мне не нравится твоя забота, — я старалась сохранять спокойствие. Заставить его слышать меня. — Я не избалована настолько, что могу жаловаться на твою щедрость. Ты всегда хорошо обеспечивал меня. Вы с мамой давали мне все, о чем я просила, и я была благодарна за это, но в жизни не только это. Ты хочешь, чтобы я вела себя так, как все твои люди, говорила то, что ты хочешь, но я не как они. Они оставили старые жизни по своей воле, пришли служить тебе. У меня не было такого выбора.

— Я не вижу тут выбора, — сказал Ён. — Нет жизни лучше, чем я могу дать.

— Уверена, что ты так не думаешь. Но тебе не приходило в голову, что то, что ты хочешь для меня, и то, чего хочу я, — разные вещи?

— Потому что ты юна, — отмахнулся он. — Подрастешь и поймешь, что я прав.

Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

— Пап, мне двадцать шесть. У меня диплом магистра. Я прожила четыре года в СЗД

сама. Я не четырнадцатилетняя беглянка в истерике.

— Тогда почему ты ведешь себя так? — рявкнул он. — Если ты взрослая и успешная, почему ты все еще такая безрассудная?

— Наверное, потому что кто-то подвергает меня ужасным ситуациям! — закричала я, а потом заставила себя вдохнуть. Нет, Опал. Гнев не поможет. Я была спокойной и взрослой, я могла это сделать. — Я знаю, что не всегда принимаю идеальные решения, — продолжила я через миг серьезным голосом. — Но кто нет? Как ты любишь напоминать мне, я человек. Люди ошибаются.

— И работа отца остановить тебя, — строго ответил Ён. — Вдвойне важно, потому что я — дракон. Я старше, мудрее и опытнее, чем ты можешь быть. Зачем эти знания, если не для помощи тебе?

— Помощь не означает проживать мою жизнь за меня, — спокойно возразила я. — Если я обсуждаю с тобой каждое решение, это не жизнь. Это следование указаниям, а что это за жизнь?

— Долгая, счастливая, безопасная, — ответил он без иронии.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь придумать, как с этим справиться.

— Ты хотел бы этого? — спросила я. — Если бы большой, старый и опытный дракон правил твоей жизнью, тебе это понравилось бы?

Отец стиснул зубы.

— Я послушал бы его и ценил совет.

— Кто теперь уходит от темы? — дразнила я. — Я не спрашивала, послушал бы ты. Я спросила, нравилось бы тебе на моем месте, а я в этом сомневаюсь. Ты хотел править сам так сильно, что убил своего отца.

— Мой отец был тираном и безумцем. И он тут не при чем. Я вижу, куда ты клонишь, но это не сработает. Ты — не дракон, Опал. Ты — кроха, и ты не знаешь, чего хочешь. Я знаю, что для тебя лучше, и если ты перестанешь упрямиться хоть на миг, ты это поймешь.

Я закрыла глаза, раздраженно вздыхая. Снова это. Я думала, что сделала прорыв, но, что бы я ни говорила, мы приходили к одному и тому же.

— Ты такого плохого обо мне мнения?

Отец отдернулся.

— Конечно, нет, — сказал он. — Я дорожу тобой. Но ты...

— Ты считаешь меня слабой? — осведомилась я, встав на носочки, чтобы быть ближе к его росту. — Я поняла, как одолеть твое проклятие. Я спасла тебя от Белой Змеи. Я говорила с двумя богинями, чтобы вернуть тебя к жизни, и только я не даю тебе умереть. Я справилась без твоей помощи, а ты все еще заявляешь, что я не знаю, что хочу, и как получить это? Думаешь, мне нужны твои указания? Думаешь, я такая глупая и беспомощная?

— Я не это имел в виду.

— Это, — возразила я. С гневом, но не так, как мы обычно ссорились. Я не злилась на отца. Я была оскорблена. Я столько пережила за последние несколько месяцев, больше, чем считала возможным, и все еще вышла победителем. Я забралась на все горы, которые он бросал в меня, и ему хватило наглости сказать, что я не могла думать за себя? — Ты не можешь получить все, — сказала я. — Или я — маг, который убедил живой город спасти тебя от твоих врагов, или я глупая девочка, которая не может прожить сама. Одно или другое, папа, я не могу быть тем и другим. Нельзя в одну секунду полагаться на мою силу, а в следующий миг ругать, как непослушную собаку. Ты говоришь, что хочешь, чтобы я

вернулась домой, потому что я слишком безрассудна, чтобы жить под твоим надзором, но я построила свою жизнь в этом городе, и она была такой успешной, что ты проклял мою удачу, чтобы это прекратить! Все мои проблемы после того, как я покинула дом, были созданы тобой, так что проблема не во мне, а в тебе.

Мои слова потрясли меня. Я всегда винила папу во всем, но до этого я не смотрела на всю картину. Теперь все лежало передо мной, и было глупо не понимать правду до этого.

— Я не слишком глупа, чтобы жить без тебя, — я смотрела на призрака отца новыми глазами. — Это ты не можешь жить без меня.

Гнев на его лице был таким, какой я привыкла бояться сильнее всего. Он меня не бил и не ранил, но рядом с разъяренным драконом было невозможно не бояться. Но сейчас я не могла бояться. Он был просто дымом. Без моей магии, удерживающей его целым, его мог унести порыв ветра. Это было жалкое зрелище, и судя по тому, что ярость таяла на его лице, папа знал это.

Он резко сел. Просто опустился на тротуар, словно кто-то выбил из-под него ноги. Его драконье достоинство покинуло его, оставив печальную старую тень, сжавшуюся во тьме.

— Пап? — нервно сказала я, переживая, что перегнула. — Я...

— Сказала ли ты неправду? — спросил Ён, глядя на свои просвечивающие ладони, словно не знал, кому они принадлежали. — Но ты не понимаешь, как это. Когда ты моего возраста, время несется быстро. Миг назад ты была очаровательным беспомощным созданием, которое нуждалось во мне для всего. А потом я моргнул, и ты уже незнакомка, которая ничего не хочет от меня. Я старался вернуть тебя. Как иначе? Ты была моей Опал. Но, чем сильнее я тянулся к тебе, тем больше ты ускользала из моих рук, и я...

Он замолчал, вздохнув, сильнее сторбился.

— Я не хотел управлять тобой ради себя, но этот мир опасен. Стоило отвернуться, и ты бросалась в беду, и я не знал, как остановить тебя, — он с мольбой посмотрел на меня. — Ты знаешь, каково это, когда твое величайшее сокровище бросается в опасность снова и снова, отказываясь принять твою помощь?

— Нет, — сказала я, садясь рядом с ним. — Но ты знаешь, каково это — построить жизнь с нуля — жизнь, которую любишь, которой гордишься — чтобы потерять это из-за отца, который должен помогать больше всех, потому что он боится?

Ён пронзил меня опаляющим взглядом.

— Не заставляй это звучать благородно. Ты собирала мусор.

— Это не так, и ты это знаешь, — резко сказала я. А потом вздохнула. — Но это не важно. Нет стыда в уборке мусора. Нет стыда в том, что тебе нравится, если это не вредит другим и дает тебе прожить. Работа Уборщика не сильно отличается от того, что мы делали сегодня, и ты видел меня тут. Мне это нравится! Мне нравилась и старая жизнь. Я была успешной, счастливой, даже в безопасности. Пока ты не стал шуметь, драконы меня не беспокоили. Моя жизнь уже имела все, что ты хотел мне дать, и ты испортил это. Видишь, почему я злюсь?

— Нет, — сказал Ён, прижимая ладони к лицу, что не сработало, потому что ладони просвечивали. — Как ты можешь быть счастлива тут? Как можно предпочесть это, — он махнул на пустые здания, — жизни в замке в Корее? В этом нет смысла.

— Это и не должно для тебя иметь смысл, — сказала я. — Мое счастье не то, что требует понимания или разрешения. Но я все еще надеюсь, что ты будешь рад за меня. Разве не это должны делать родители?

— Ты тратишь свою смертность, — рявкнул он.

— Как это? — спросила я, не давая себе злиться. Теперь я поняла, что преимущество было у меня, и было не сложно оставаться спокойной. Я уже не боялась, не паниковала. Я могла это сделать. — Как счастливая и стабильная жизнь с работой, которая мне нравилась, может быть тратой смертности? Ты знал, каким успешным Уборщиком я была, потому и проклял меня. Ты пытаешься сделать вид, что спасаешь меня, но я хорошо справлялась. Ты не мог справиться без меня, что иронично, ведь ты дал мне жить тут, и тебе не нужно было управлять мной. Я отвечала бы на твои звонки и приезжала бы домой на праздники. Как нормальный взрослый ребенок. Ты говоришь обо мне в детстве, словно я была другой, но я не переставала быть твоей дочерью. Ты оттолкнул меня, отказавшись принимать что-то в моей жизни, что не было тобой.

Отец долго обдумывал это.

— Если я перестану... давить на тебя, — сказал он, — ты вернешься домой?

— Я не могу быть Уборщиком в Корее, — честно сказала я. — Но если ты перестанешь портить мою жизнь, и если я поверю, что ты не запрешь меня там, я обещаю навещать тебя.

Он поднял нос, как оскорбленный кот.

— Я бы не стал тебя ловить.

— Ты запер меня в чулане в Канаде два месяца назад, — напомнила я.

Обиженный вид пропал.

— Я был в стрессе. Это было плохое решение.

Я закатила глаза.

— Думаю, ты хотел сказать «прости».

— Я не буду извиняться за то, что пытался тебе помочь, — упрямо сказал он. А потом помрачнел. — Но я могу это признать, я принял неправильное решение. Я боялся за тебя. Боялся за нас обоих. Мой огонь тогда почти угас, и я не знал, что делать. Я думал, что потеряю тебя, и я позволил страху затуманить мой разум.

— Все ошибаются, — я пожала плечами. — Но намерения были хорошими. Если ты признаешь, что ты ошибся — и больше так не будешь делать — я не буду больше злиться. Я имею право, но я устала все время злиться на тебя. Это утомляет, и мне уже хватило этого, — я улыбнулась ему. — Как насчет сделки? Если ты обещаешь доверять мне, что я не пропаду, и перестанешь пытаться управлять всем, что я делаю, я пообещаю не быть безрассудной. Будет просто, если ты не будешь загонять меня в угол.

— Не знаю, насчет этого, — скептически сказал отец, но я видела по его глазам, что он соображал. — Ты вернешься в Корею? Хоть ненадолго?

— Если ты оплатишь перелет, — я прикусила губу. — Придется подождать, пока я не перестану работать на СЗД. Я не думаю, что ее жрецы могут покидать город.

— Не проблема, — сказал он. — Я дам тебе денег, чтобы купить свободу, как только вернусь в свое тело.

Я прищурилась.

— Не знаю. Мне придется возвращать их?

— Нет, — Ён опустил плечи. — Я не буду больше пытаться управлять тобой деньгами. Это никогда не работало, и только дураки будут биться головами об стены. И ты чуть не убила нас обоих за несколько сотен тысяч. Я не хочу знать, что ты будешь делать, чтобы отплатить долг богине.

Я не могла спорить с этой логикой, но это было... мило. Я всегда хотела заставить его

заплатить, но было приятно слышать, что папа сам предлагал это сделать, без давления. Я думала, что придется тянуть с его телом, чтобы он поклялся на своем огне, что оплатит мои долги. Деньги всегда были важны для меня. Ён не заставлял меня платить, пока я не подняла идею, что отплачу ему за учебу для своего побега. Это предложение было больше похожим на щедрого отца, которого я помнила в детстве. Я улыбнулась, но вдруг и без предупреждения отец склонился и обвил руками мои плечи.

Я вздрогнула. Я не могла это ощутить, ведь он был из дыма, но, не считая случаи, когда он тянул меня или тряс, он впервые за годы с добротой касался меня. Я не помнила, когда он в последний раз обнимал меня. Может, последний раз был, когда мне было восемь или девять. Я не знала, считалось ли это, но прильнула к дыму, как могла, не пройдя сквозь него, что ощущалось бы странно.

Позиция была очень неловкой для нас, но мне было все равно. Я была слишком рада, что хоть раз не злилась на отца. Хотя я точно скоро буду злиться на него, что-то важное изменилось между нами. Я не помнила, когда мы с отцом в последний раз мы с отцом говорили без криков, а сегодня вышло два раза! Я не была экспертом в семейной терапии, но это ощущалось как прорыв. Я не знала, сколько это продлится, но казалось, что подо мной впервые были ноги. Я надеялась, что он вспомнит это все, когда перестанет быть дымом и вернет силы. Кстати...

— Идем, — я встала и протянула руку. — Во мне еще огня на тыкву. Почему бы нам не попробовать вернуть тебя в тело?

— Да, давай, — с радостью сказал отец, опустил ладонь на мою, хоть его рука была из дыма, и я не могла ее сжать. — Я уже устал быть таким. Какой отец зависит от своей дочери?

Я пожала плечами.

— Всем нужна порой помощь.

Судя по его лицу, было ясно, что папе хватило открытий на ночь. Но он был мудрым старым драконом и оставил свое мнение при себе, шел за мной безмолвно, как призрак. Мы прошли в дверь и попали в мою квартиру.

Глава 4

— Ладно, — я опустилась на колени рядом с телом папы посреди спальни, которая казалась куда больше, когда в ней не было огромного дракона из огня. — Готов?

— Был готов шесть часов назад, — ответил Ён, сидя на своей груди, что было и жутко, но и подходяще для него. — Дай мне, сколько сможешь. Я справлюсь.

Я отдала, сколько могла, в прошлый раз, но мне льстило, что он думал, что я сдерживалась. Раз он был готов, я закрыла глаза и потянулась к магии города, парящей вокруг нас.

Было сложнее начать без огонька от Духа Драконов. В папе теперь было немного огня, и, повозившись, я смогла разжечь огонь снова. Моя душа еще болела после прошлого раза, больше, чем было с тех пор, как доктор Ковальски научила колдовать без отдачи, и это пугало. Но я нынче колдовала лучше, хотя бы делала это дисциплинированно, и я сдерживала силы, направляла горсти магии в огонь, который создала, пока не получилось пламя размером с тыкву, парящее передо мной.

Теперь я не паниковала, за мной не следило божество, и я поняла, что могла сделать

больше. Обжигающая магия поддавалась проще, чем было утром. Было заманчиво продолжить, но я помнила о напряжении на мою душу и держала себя в руках, посылая шар драконьего огня размером с тыкву по нашей связи, как до этого.

Огонь тут же погас, и я моргала, убирая точки перед глазами. На жуткий миг я подумала, что не получилось, а потом поняла, что огонь не исчез. Отец втянул пламя, поглотил фальшивый огонь дракона как жадный монстр. Его дымчатый силуэт пропал, и я осталась одна с неподвижным телом Ёна.

Пот стекал по лбу, секунды шли. Может, я ошиблась. Дух Драконов предупреждала, что я могла потушить его, если перестараясь. Я думала, что сделала все как раньше, но было сложно отмерить размер огня, и я ощущала странное давление. Может, я направила магию сильнее, чем понимала. Может, я убила его! Боже, я не удивилась бы с моей удачей, если бы я убила отца после того, как у нас наметился прорыв в отношениях. Это был кризис! Я должна была...

Тело отца содрогнулось на полу, отвлекая меня от панических мыслей.

— Папа! — закричала я и сжала его плечи. — Ты в порядке? Ты меня слышишь?

Он ответил кашлем, сжался в комок на боку. Это была поразительная перемена после двух месяцев ничего, но звучало так, словно он отхаркивал легкое. Я не знала, была проблема магической или физической, но вода точно не помешала бы. К счастью, в комнате осталось много пластиковых стаканов от призыва Духа Драконов. Я схватила наименее пострадавший и побежала в ванную, постаралась смыть тщательно алкоголь, а потом наполнила стакан чистой водой и поспешила к папе.

Он осушил стакан одним глотком, а потом быстро выпил еще два. На четвертом он смог перестать кашлять и сесть, утомленно вытер глаза и посмотрел на меня.

— Ну? — нервно спросила я, коснувшись его плеча дрожащими пальцами. — Ты... в порядке?

Он выглядел неважно. Да, он пришел в себя и двигался, но лицо осталось пепельного цвета, и он был таким худым, что под кожей было видно скелет.

— Это лучше, чем быть дымом, — ответил Ён слабым голосом. — Но я все еще чувствую себя так, словно умираю.

— Блин, — шепнула я, коснувшись его магии. Теперь я ощущала его огонь, это было хорошо, но он был очень слабым. — Может, мне нужно вложить больше?

Ему точно нужно было больше сил. К сожалению, я не могла дать ему их. Хотя я старалась действовать размеренно, последняя порция огня превратила мою уже ноющую от боли душу в мокрую тряпку. Я вряд ли смогла бы подвинуть даже горошину магии, куда там до тыквы. Я пыталась придумать, как дать ему еще дозу магии, не выжигая себя, когда его живот заурчал, и я поняла, какой глупой была.

— Пап, — сказала я, подавляя смех. — Думаю, ты просто голоден.

Его желудок зарычал в ответ, и я засмеялась.

— Это не смешно, — недовольно сказал Ён. — Я не ел два месяца. У тебя вообще есть тут еда?

Я не знала. Доктор Ковальски кормила меня, когда я была у нее, и я не осмеливалась выходить на публику, так что не ходила в магазин. Добавьте факт, что я почти жила с Ником три недели до того, как СЗД забрала меня, и я не помнила, когда покупала еду, чтобы готовить дома. Так что, когда я прошла на кухню к холодильнику, внутри оказалась лишь банка огурцов, в которой остался только рассол, и просроченная бутылка кетчупа.

В шкафчиках мне повезло больше. Вычурная здоровая еда, которой меня запасла мама, давно пропала, была или продана, или съедена, но я нашла пыльную пачку сухого завтрака, которая завалилась между холодильником и стеной. Этикетка так выцвела, что я не видела, какой известный бренд благодарить, но плюсом таких хлопьев было то, что у них не было срока годности. Когда я принесла находку отцу, он не был впечатлен.

— Опал, — сказал он с презрением. — Это не еда.

— Конечно, еда, — я разорвала пачку, выпуская облако сладко пахнущей крошки от хлопьев. — И не говори, что она просрочена. Я уже проверила, срока годности нет! Значит, есть можно.

Отец нахмурился сильнее, и я упрямо смотрела на него.

— Ты хочешь голодать?

Вздыхнув так, что пол задрожал, Великий Ён взял пачку и наклонил, чтобы высыпать хлопья в рот. Понимая, что будет, я заранее дала ему стакан воды. Он осушил его так же быстро, как первые четыре, плотками жидкости смачивая горло, пока он давился картоном в сахаре.

— Я пережил множество засух, — сказал он, закончив. — Но это было худшее, что я ел, в жизни.

— Не за что, — ответила я, но знала, что мы еще не закончили. Хотя технически это была еда, хлопья, которые я ему дала, не могли насытить. Ему нужно было съесть что-нибудь настоящее, и много. Если бы не было позднее время, я отвела бы его к доктору Ковальски. У нее овощей хватило бы на целую армию. Но, хоть моей наставнице не нужен был сон, ведь она была воплощением магии СЗД, она все еще вела себя как старушка, так что не хотела бы, чтобы ее беспокоили после девяти.

И вряд ли овощи подошли бы. Драконы могли есть все, но оставались хищниками. Если отец хотел исцелиться, ему нужно было мясо или что-то близкое. Идеально подошла бы целая корова, но хоть я была уверена, что в СЗД продавали и такое, я не знала, где, и мне нужно было оставаться скрытной. Я вернула отца в его тело, но он все еще был очень слабым. Я не переживала, взяв его на работу, потому что СЗД не пустила бы дракона — или другого чужака — в свои личные запасы, но улицы были другим делом. Из-за Миротворца город всегда был полон драконов. Если мы выйдем, нас могут заметить, потому я не ходила никуда вне контроля СЗД за эти два месяца. Но я не могла кормить его тут.

— Больше ничего нет, — я потерла рукой волосы, вздыхая. — Придется выйти. Ты можешь встать?

— Я идеально способен двигаться, — сообщил отец.

— Почему тогда не двигаешься? — спросила я, потому что он только сел на матрасе на полу.

Ён приподнял изящную бровь и махнул на свою грудь. Его бледная костлявая и голая грудь была над одеялом, скрывающим остальную часть его нагого тела.

— О, — я отвела взгляд, кривясь. — Точно. Тебе нужна одежда.

— Это не необходимость, — сказал он горделиво. — Но было бы полезно, если не хочешь привлекать внимание.

Я видела нечто хуже голых в толпе на улицах СЗД, но папа был драконом. Хоть он был почти при смерти, его человеческий облик был высоким, грозным и красивым настолько, насколько не могли быть смертные. Он привлечет много внимания, что бы ни надел, так что нам нужна была не просто одежда, а маскировка.

— Моя одежда будет мала, — буркнула я, хмурясь. — Не шевелись. Есть идея.

Он не двигался после того, как сел, и остался на месте, а я поспешила к входной двери. Схватив ручку, я представила место, куда хотела пойти. Я так нервничала, что получилось не с первой попытки. Я впервые пыталась путешествовать не в личное пространство СЗД. Но все в городе принадлежало ей, и я справилась, открыв дверь в коридоре старого дома, где я жила.

Было не лучшей идеей появиться после двух месяцев тишины. Если кто-то искал меня, они могли следить за моим старым домом. Но я все еще не восстановила силы, и свою старую дверь я знала лучше всего. И рядом было то, что было мне нужно.

Закрыв за собой дверь, чтобы отключить магию, чтобы никто не прошел и не забрал папу, пока я не смотрю, я поспешила как можно тише по коридору к площадке на вершине лестницы, где стояли торговые автоматы. Я передала все деньги Нику, когда думала, что была обречена, два месяца назад, и у меня не было своих денег, но СЗД — практичный город — дала мне старомодную карточку для расходов. Я не знала, сколько там было, но других денег не было, и я вытащила карточку из кошелька и прижала к сканеру автомата.

Когда экран показал, что вход произведен, я сделала выбор, оглядываясь каждые пару секунд, пока печатала коды под фотографиями на сияющей поверхности торгового автомата. Как только покупки опустились на подставку, я схватила их и побежала к моей старой двери, которая уже не была моей дверью.

СЗД, видимо, передвинула другую квартиру на место пустоты, потому что дверь, что была моей, была украшена для Хэллоуина. Я и забыла о приближении праздника, но тот, кто жил тут, серьезно относился к этому делу. Я едва смогла найти дверную ручку среди наклеек призраков и дешевых проекторов дополненной реальности, показывающих объемные смеющиеся тыквы и шипящих черных котов.

Технически, я могла использовать любую дверь. Смыслом силы жреца СЗД было позволить двигаться по городу, как она, шагая за миг из одного места в другое. По словам доктора Ковальски, как только я приловчусь, даже дверь не будет требоваться. Но до этого было далеко, и в моей голове это все еще была моя квартира. Даже с перебором с украшениями дверь ощущалась правильно и знакомо, два важных фактора, когда использовал новые силы, которые могли убить. Я цеплялась за это ощущение, искала среди танцующих конфет из пластика и зеленых лент, пока пальцы не нашли ручку двери. Было не заперто.

От этого я застыла на миг. Кто оставлял дверь открытой в СЗД? Но я взяла себя в руки и толкнула, прошла не в дом, украшенный к Хэллоуину, с доверчивым обитателем, заменившим меня, а в свою гостиную, где папа ждал меня, укутавшись одеялом, будто древний царь.

— Нашла что-нибудь подходящее?

Я бросила ему запечатанные товары.

— Не Савиль-Роу, но сойдет.

Отец нахмурился и порвал хлипкую обертку, вытащил широкую черную футболку с длинными рукавами, темные штаны, которые должны были оказаться джинсами, но не содержали деним, и черные резиновые шлепанцы.

— Что это? — спросил он, поднимая футболку, которая была такой тонкой, что я видела его лицо сквозь нее.

— Лучшее, что я смогла найти, — я пожалала плечами. — У меня не было времени или

денег на поход в магазин.

— Как можно звать это одеждой? В этих штанах уже есть дыры!

— Это модные дыры.

Выражение его лица показало, что он думал об этом, и я закатила глаза.

— Просто надень их, пап.

Он сделал это с неохотой, натянул футболку через голову осторожно, чтобы не порвать тонкую ткань. Я отвернулась, чтобы дать ему одеться, вытащила телефон из кармана своих крепких рабочих джинсов, чтобы поискать нам еды.

— Мы возвращаемся в интернет? — воодушевилась Сибил, когда я вставила наушник.

— Нет.

— Ладно тебе!

— Мы не можем рисковать.

— Но...

— Знаю, тяжело, — строго сказала я. — Но, пока папа не станет достаточно сильным, чтобы не умереть от взгляда другого дракона, мы скрываемся. Конец обсуждения.

— Ладно, — простонала ИИ. — Как мне искать ресторан, если ты не пускаешь меня в интернет?

Она думала, что подловила меня, но я только улыбнулась.

— Используем то, что уже у тебя в кэше памяти. Эта штука занимает 99,9 % доступного места у тебя. Пусть хоть раз пригодится.

— Но я уже убрала почти все оттуда! Мне нужно было место для резервных копий, ведь ты не давала мне соединиться с облаком, и вся информация там устарела. Вся! Я так давно не связывалась с сервером, что мои карты были бы старыми даже для города, который не движется каждый день. В СЗД они вообще бесполезны!

— Мне не нужно направление, — напомнила я. — Только картинки. Просто покажи то, что осталось из моего списка «Хочу есть», я разберусь с остальным.

С воем и скрежетом цифровых зубов Сибил отыскала длинный список ресторанов, которые я отметила на случай, если будет шанс сходить. ИИ предупреждала, что почти весь список был из битых ссылок, но несколько выжили в кэше с фотографиями, и я вскоре нашла то, что было мне нужно.

— Идеально, — сказала я, разглядывая фотографию ресторана с улицы, чтобы видеть детали. Когда я решила, что сложила картинку места, куда направлялась, я бросила через плечо. — Ты уже прилично выглядишь?

— Это спорный вопрос, — проворчал отец. — Я уже не голый, но разве люди ходят так на публике?

Я думала, что он выглядел довольно модно. Когда я развернулась, папа был в наряде, который я ему купила, но в отличие ото всех, кому приходилось покупать одежду из торгового автомата, он выглядел хорошо.

Его худоба отлично подошла черному наряду. Костлявые плечи заставили тонкую ткань футболки выглядеть деликатно, а не дешево, а джинсы были узкими. Добавьте его длинные идеально прямые черные волосы до пояса, и он выглядел как корейская поп-звезда, ставшая готом. И он выглядел намного младше, что было странно. Обычно папа одевался как работник банка, в костюмы с диапазоном от серого до синего цвета. Я выбрала ему наряд, но видеть его в уличной одежде было так странно, что я опешила.

— Ого, — я окинула его взглядом. — Не верится. Ты почти крутой!

— Выражайся нормально, раз говоришь на английском, — сказал Ён.

— И-и-и это прошло, — я покачала головой и пошла к входной двери. — Идем. Накормим тебя, пока тебя не сдуло ветром.

Он медленно последовал за мной, что потрясло. Он выглядел на двадцать с плюсом, но двигался как старик с радикулитом.

— Ты справишься?

— Я буду в порядке, — упрямо сказал папа, наконец, присоединившись ко мне у двери.

— Далеко идти не придется.

— Я сказал, что смогу, — прорычал отец, его глаза — все еще жутко тусклые, а не сияющие красками моря, как обычно — прищурились от уязвленной гордости. — Просто веди нас.

Я повернулась к двери, вздохнув, сверилась еще раз с фотографией, сохраненной на телефоне. Когда я убедилась, что знала, куда шла, я сжала ручку и повернула, прошла в дверь своей квартиры...

И попала на середину людного тротуара.

Перемещение было таким внезапным, что я пошатнулась. У меня была фотография фасада ресторана, и я не знала, куда откроется дверь, но это не выглядело правильно. Это место казалось районом рабочих у реки. Даже если оно переместилось — вполне возможный вариант в этом городе — СЗД обычно старалась не уносить торговые предприятия далеко от их клиентов. Я решила, что мы были в нужном районе, но тротуар, куда открылась моя дверь, был полон туристов, несмотря на поздний час. Я посмотрела наверх и увидела коралловый риф из сияющего розового неона под шумной тьмой дороги, ведущей ввысь, и поняла правду.

— Ох, черт.

— Где мы? — осведомился отец, хмуро глядя на сияющие огни.

Мои щеки загорелись.

— Земля любви, — ответила я, вздыхая. — Мы на Земле любви.

Отец недовольно приподнял бровь, но я ничего не могла сказать. Полоска земли для туристов тянулась вдоль западной границы СЗД с Мичиганом и была таким же захудалым, как и выглядела. В тени самого большого поднятого шоссе, соединяющего Трой и другой пригород Мичигана с капиталистическим беззаконием СЗД, Земля любви была идеальной смесью худшего, что могли предложить обе стороны. Самые темные дела Подземелья любили устраиваться на границах, зарабатывали на бизнесменах, подростках, жаждущих новых ощущений, и других людей, которые сходились сюда, чтобы попробовать известное распутство Свободной Зоны Детройта.

У меня не было с этим проблем. Мне было плевать, как люди развлекались. Я злилась, потому что э то место было создано, чтобы ободрать туристов, которые не знали, как лучше. Все, что было тут, было в десять раз дороже, чем где-либо в городе. Я не использовала бордели и автоматы, торгующие наркотиками, но цены все равно злили меня. Хорошим тут было только то, что мигающий неон и танцовщицы с невозможными пропорциями, сияющие в общей дополненной реальности улицы, отвлекали туристов от папы и меня, вышедших из двери посреди дороги.

— Ох, — сказала Сибил, когда дверь опустилась в тротуар, покрытый жвачкой, за нами. — Похоже, ресторан переехал с тех пор, как было сделано то фото.

— Думаешь? — пробормотала я, потирая кружащуюся голову.

Силы жрицы должны были позволять мне переноситься куда угодно в городе. Но до этого я перемещалась между местами, которые знала. Я думала, фотографии хватит, но я не видела среди сверкающих огней ресторан, который запомнила. Я ошиблась и перенесла нас не в то место?

Я гадала, стоило ли вернуться в квартиру и попробовать снова, когда Сибил поместила стрелку в поле моего зрения, я видела только край своей дополненной реальности, пока использовала телефон, а не очки. Когда я повернулась в ту сторону, я радостно выдохнула. Мы вышли и увидели главную часть Земли любви — то, что знали когда-то как Восьмимильную дорогу — но слева был переулок, который вел в улицы тише и намного дешевле. Туристы на Земле любви не любили сходить с ярко освещенной главной улицы, и переулок не был людным, а в конце сиял, как сокровище, нужный ресторан.

— Молодец, — сказала я, улыбаясь. — Похоже, из меня все-таки вышла неплохая жрица!

— О чем ты? — осведомился отец, отодвигаясь от толп, проходящих мимо нас. — Это место ужасно. Я думал, мы должны оставаться в убежище?

— Расслабься, — сказала я ему. — Мне тоже тут не нравится, но Земля любви — отличное место для нас. Ни один дракон в мире не захотел бы попасть в эту ловушку для туристов, и смотри! — я указала на переулок. — Там наш ресторан.

Отец повернул голову, чтобы проследить за моей рукой, и побледнел сильнее. В конце переулка, рядом с которым мы появились, между салоном маникюра и магазином с купонами для популярных развлечений Земли любви, был шумный ресторан с большой яркой неоновой вывеской с сомбреро и палочками для еды, надпись гласила: «Знаменитые димсам-начос Лос Германоса Ли. Ешьте до отвала!».

— Да ты шутишь, — сказал отец.

— Где тут шутка? — спросила я, шагая по переулку. — Кухня фьюжн — классика СЗД, и в интернете это место хвалят.

— Мне плевать, что говорят в интернете, — рявкнул Ён, ковыляя за мной. — «Димсам-начос» — не еда. Это оскорбление двух культур.

— Это дешево, и это можно съесть, — возразила я. — Два важных компонента, ведь ты — голодный дракон, а я все еще бедная.

Он был возмущен.

— СЗД тебе не платит?

— Жрица — призвание, а не профессия, — сказала скромно я. — И я этим отрабатываю долг, так что зарплата уходит туда. Город дает мне бесплатную комнату, и я не голодаю.

— Я заметил, — он критически посмотрел на меня. — Ты набрала вес. Твоя мама не будет рада.

— Это не ее дело, — сказала я, толкая дверь ресторана с колокольчиками обеими руками. — Но я жила на веганской диете два месяца. Мне плевать, с чем они что смешали, я поем начос!

Внутри ресторан был таким вульгарным, как я и надеялась, когда отметила его месяцы назад. И тут былолюдно. Толпа выглядела как местные. Тут не было рюкзаков или пакетов из дорогих магазинов — явные признаки туриста — только торговцы и работники борделя на перерыве.

После двух месяцев в укрытии я нервничала в толпе. Как я и сказала папе, вряд ли мы встретили бы дракона в таком месте. Я больше переживала, что встречу того, кого разозлили

мы с Ником.

Земля любви была под скрытым торговым районом для преступников, куда он водил меня, когда мы искали того, кто взломает ладонь доктора Лиля. Кроме его киберхирурга Рены, вряд ли кто-то знал меня по имени, но мы уходили шумно. Ник с тех пор не возвращался. Если бы он был тут с нами, он точно был бы напряжен сильнее обычного. Хотя если бы Ник был с нами, мы не пошли бы сюда. Он не доверял ресторанам, а это место и вовсе отогнало бы его людьми за столами, подозрительно низкими ценами и отсутствием открытого виду заднего хода.

Я не смогла бы привести сюда Ника. Конечно, пару часов назад я сказала бы такое и о своем отце. Он ощущал голод сильнее, чем показывал, потому что даже не зарычал, когда я помахала официантке.

Ресторан внутри был больше, чем выглядел с улицы. Главный зал был большим и людным, но повезло, что работники говорили на кантонском. Мы справились бы и с английским, но когда знал язык, тебя обслуживали лучше. Через пару минут я выбила нам столик у двери кухни, лучшее место для димсам. Каждая тележка с угощениями ехала мимо нас в комнату, и мы всегда могли выбрать самые свежие блюда. Как и обещали в интернете, выглядело все очень хорошо.

Вскоре наш стол покрыли тарелки жареной свинины на чипсах из водорослей, жареной лапши в кесо фундидо, миска белого сырного соуса с булочками с маринованными перцами халапеньо сбоку и прочие удивительные блюда. У них даже была бездонная маргарита с китайским белым ликером, которую я сразу заказала. Я сомневалась после первого глотка, что это была хорошая идея, но выпивка была выпивкой, и мне нужно было напиться сегодня.

— Уверена, что это безопасно? — спросил отец, тыкая в горку ярко-зеленых пельменей с помидорами и свининой, которые я взяла нам. — Пахнет пищевым красителем.

Я пожалала плечами, схватила палочками один пельмень с его тарелки, опустила в сальсу, а потом сунула в рот.

— Мне вкусно, — сообщила я. — Но у них есть суши на другой тележке, если хочешь.

— Это еще хуже, — Ён поежился. — Как говорят дома: «Если не видишь океан, не ешь рыбу».

Я не знала, было ли это правдой в эпоху холодильников, но суши из дешевого ресторана мексикано-китайской кухни на окраине Подземелья были плохой идеей. Но мне было плевать, что он ел. Я была занята, наедаясь сама. После двух месяцев здоровой жизни я забыла, какой вкусной была хорошая дешевая еда. Было что-то такое вкусное в непроизносимых химических добавках. И, возможно, ядовитое. Я была уверена, что маргарита с настоящим соком лайма не была бы неоновозеленой, но — эй! Порой отравлять себя было весело, и я была готова для веселья, даже если приходилось веселиться с ворчливым стариком-отцом.

Кстати, папа был очень голоден. Он воротил нос две минуты, а потом сдался и взялся за еду. Как только он начал, его нельзя было остановить, он съедал все, что могли принести тележки. Когда он остановился, я уже была расслаблена от еды. Я даже не опьянела, ведь много съела, но я ни капли не жалела.

— Видишь? — сказала я папе, пока официанты пытались очистить стол. — Не так и плохо.

— Было ужасно, и ты это знаешь, — он хмуро посмотрел на меня. — Мы прививали тебе вкус лучше этого.

— Дорогие вкусы — помеха, — мудро ответила я. — Мудрый житель Подземелья ценит все съедобное. Я ела то, что ты и представить себе не можешь.

— Я не хочу слышать о том, что ты тут ела, — сказал отец с ужасом на лице. — Ты помнишь, что ты смертная? Что можешь умереть от яда?

Я рассмеялась, а потом замолкла, глаза расширились.

— Стой, это была шутка?

— Это была обоснованная тревога, — сказал он без юмора.

Стоило знать лучше, но ворчать из-за того, что ел ребенок, было нормальным поведением родителя, так что я не злилась. Эта ночь, учитывая то, как она началась, оказалась удивительно неплохой. Я побывала в ресторане, который год был в моем списке, и хоть он дал понять, что есть тут ему не нравилось, было все равно весело смотреть, как папа ел столько, сколько хватило бы десятерым. Больше потрясло, что ничего плохого не случилось. Мы пробыли тут почти час, и драконы не ворвались, чтобы забрать нас. Не было катастроф или магических апокалипсисов. Мы даже не ссорились! Мы ужинали, как нормальные люди.

Это было чудом и знаком, что пора идти. Я была права, что тут не было драконов, но не стоило испытывать удачу, особенно такую, как моя. Мы заплатили за вход, так что могли уйти в любой миг, но я все еще хотела оставить чаевые за посуду, оставленную папой. Я стояла в очереди к киоску у двери, ведь не могла использовать кошелек на телефоне, не вернув Сибил в интернет. Но, когда я закончила вводить на экране чаевые, которые отправляла с кредитки СЗД, колокольчики на двери звякнули за мной.

Я не знала, почему посмотрела. Входная дверь звякала каждые пять секунд с нашего прибытия. Но что-то в этом звуке заставило меня оглянуться, и так я оказалась лицом у груди недовольного Ника.

— Нашел, — сказал он и сжал мои плечи.

— Ник! — вскрикнула я, удивленно вздрогнув. — Что ты тут делаешь? Я...

Я не успела договорить, он поднял меня — реально поднял над полом — и поцеловал.

Глава 5

Если бы мы были в фильме, тут заиграла бы громче музыка, и краски стали бы теплыми, а я прильнула бы к Нику. Но моя жизнь никогда не была фильмом — по крайней мере, не таким — и я запаниковала.

Не сдержалась! Я восемь недель жила с драконом в коме и умершим доктором-шаманом, чье физическое тело было воплощением воли духа города. Я отвыкла от людей. Я напряглась, как замерзшая рыба, и Ник в тревоге отклонился, чего я вовсе не хотела. Я просто была удивлена. Поцелуй был хорошим.

Я думала о Нике много за эти два месяца. Переживала, что он злился на меня или хуже — забыл и пошел дальше в своей жизни. Так поступили мои друзья, когда я исчезла, чтобы стать Уборщиком, но Ник не забыл. Я была вне убежища меньше часа в части города, куда обычно не ходила, а он смог меня найти. Нашел и поцеловал, словно я была особенной. Словно он не мог дождаться, когда коснется меня. Это было приятно, ведь я тоже не могла дождаться.

И я быстро изменила курс событий. Я обвила руками шею Ника и прильнула к нему, его руки обняли мою талию. Он выдохнул с облегчением в мои губы, а потом уткнулся головой в изгиб моей шеи, целуя все, куда мог достать. Я делала так же, скользила пальцами, ощущая

знакомую мягкость его коротких волос, а потом силу укрепленных сталью плеч. Каждый раз, когда я вдыхала, мои легкие наполнял его запах, теплая кожа и его любимое лимонное средство для уборки. Я и не понимала, что могла узнать этот запах. Я наслаждалась его ладонями, его телом, шорохом его щетины у моего уха. Безумие, что я скучала так сильно по близости, которую познала лишь раз, но так было. Боже, я скучала по нему, но это было хорошее начало. Может, он все-таки не злился на меня!

Словно услышав мои мысли, Ник разорвал объятия, опустил меня на пол с такой яростью на лице, что я задрожала. Он точно злился.

— Нам нужно поговорить.

Я скривилась. После такого ничто хорошего не следовало, но я заслуживала такое после того, как оставила его. К счастью, у меня было хорошее объяснение. Нужно было только время, чтобы его озвучить.

— Я бы хотела поговорить, — сказала я и повернулась к папе, который шел к нам от нашего столика так быстро, как его тело — сытое, но все еще слабое — позволяло. — Дай нам минутку, — сказала я ему на корейском.

Конечно, папа не послушался. Он подошел, убийственно глядя на Ника, который вернул взгляд усиленно.

— Что он тут делает? — рявкнул Ник.

Я снова скривилась. Ох, все стало еще хуже.

— Это долгая история.

— «Долгая история»? — Ник мрачно посмотрел на меня. — Опал, он твой мучитель. Мы боролись, чтобы забрать тебя у него! Почему ты ужинаешь с ним?

— Я могу объяснить, — я старалась сохранять голос спокойным. Даже не сводя взгляда с Ника, я ощущала, как оживленный ресторан замер вокруг нас. Я бы тоже смотрела на сцену, которую мы устраивали, но это было плохо не только для моего эго. Мы должны были оставаться скрытными. Драконы редко бывали на Земле любви, но у них могли тут быть шпионы. Выйти поесть было одним делом, но проблемы станут крупнее, если Ник продолжит кричать мое имя. Обычно он был очень осторожен с таким, но, видимо, злился сильнее, чем я думала, потому что не собирался отступить. Я хотела предложить выйти на улицу, чтобы хотя бы продолжить без зрителей, когда отец шагнул в брешь между нами, которую открыл Ник, используя свой рост, чтобы посмотреть на Ника свысока, скалясь.

— Ей не нужно ничего тебе объяснять, — сказал Ён с таким презрением, что даже я удивилась. — Моя дочь не отчитывается перед преступником. Уходи. От тебя проблемы.

— Папа! — зашипела я, пытаюсь оттолкнуть его с дороги. Даже в его нынешнем состоянии мой отец был драконом. Как бы я ни толкала, я не могла его сдвинуть, и это стало быстро становиться серьезной проблемой, ведь Ник шагнул к нему с угрозой.

— Вы не хотите начинать это со мной, — предупредил он, глядя на моего отца без страха. Если честно, папа не источал привычный уровень угрозы альфа-хищника. Но Ник все равно не заметил бы. Я еще не видела его таким пугающим, и новый наряд не помогал.

Его обычные темные джинсы, простая футболка и бронированная черная кожаная куртка сменились черной матовой боевой броней с головы до пят, обычно в такой ходила полиция во время бунтов. И он был с оружием, будто шел на медведя, два пистолета были пристегнуты под руками, а на спине висело одноствольное помповое огромное ружье. В черных ботинках были скрыты ножи, он словно собирался бороться с армией врага. Вряд ли это сулило что-то хорошее, и, судя по еще не зажившим синякам, выглядывающим из-за

высокого воротника, Ник тоже страдал.

— Что с тобой случилось? — закричала я, потянувшись мимо папы и коснувшись раненой шеи Ника. Так я хотела сделать. Ник поймал мои пальцы у шеи и сжал мою ладонь своей металлической в перчатке.

— Ты первая, — он гневно смотрел мне в глаза. — Ты переспала со мной и пропала!

— Ты спала с этим мужчиной? — возмутился отец.

— Это не твое дело, — недовольно сказала я ему, а потом повернулась к Нику. — Не при папе!

— Плевать на твоего папу! — заорал Ник, и я отпрянула от удивления. Ник никогда не кричал. — Ты знаешь, что я пережил? — продолжил он, голос был высоким и резким, как колючая проволока. — Ты сковала меня магией и убежала! Я пытался тебя найти, но, когда вырвался, ты пропала. Я искал тебя, когда весь город сошел с ума, и я успел посмотреть в небо и увидеть, как тебя съело здание, пока ты летела на драконе.

До этого я не думала, как наш побег выглядел с улицы. Ник описывал это жутко.

— Я была...

— Я боялся, что ты погибла! — взревел Ник, страх в его голосе пробился сквозь гнев. — Где ты была? Почему не позвонила мне?

— Я не могла! — заорала я, теряя терпение. — Я хотела. Хотела сделать многое! Но не могла.

— Почему нет?

Я закрыла рот. Я не могла ответить на этот вопрос в людном ресторане. Я не успела придумать, что сказать, чтобы успокоить его и увести туда, где я могла ему это рассказать, папа открыл рот и сделал все хуже:

— Ты требуешь информацию, на которую не имеешь права, — заявил высокомерно Ён. — Ты должен радоваться, что моя дочь вообще говорит с таким мусором, как ты.

Слышать эти слова было как смотреть на аварию в замедленном режиме. Я не могла поверить, что он сказал это. Но ответ Ника был предсказуемым.

— Хотите поговорить о правах? — он прищурился, от его злого взгляда моя кровь похолодела. — Вы не имеете права быть возле Опал, мучитель и кусок дерьма.

Отец в шоке отпрянул.

— Я никогда не мучил...

— Вы все время ее ранили! Знаете, как сильно она боролась, чтобы вырваться из вашей власти? Она чуть не убила себя, пытаясь снять проклятие, которое вы на нее наложили! Она пережила все это из-за вас.

— Я все отдал за нее! — взревел отец, и я вздрогнула. Обычно он не срывался так не на меня. Но и Ник мог его задеть, потому что, хоть огня ему едва хватало, чтобы стоять, дым полился изо рта Ёна, когда он оскалился, глядя на Ника.

— Мне плевать, что вы так думаете, — рявкнул Ник, игнорируя предупреждение. — Я знаю, что видел, как дракон устраивал истерику, потому что взрослая женщина не хочет больше быть его якобы дочерью.

Дым Ёна стал гуще.

— Она не «якобы»! Она моя, точка. Я — ее отец, и я ценю ее больше, чем зверь, как ты, может понять!

— Ладно, хватит, — я втиснулась между ними. — Шоу закончено. Давайте успокоимся нем...

— Вы не мертвы еще только из-за того, что Опал слишком добра, чтобы оставить вам конец, которого вы заслужили, — сказал Ник, перебив меня. — Я не знаю, почему. Без вас ее жизнь была бы бесконечно лучше.

— Ты ничего не знаешь о наших жизнях! — завопил Ён. — Я — ее семья! Ты — стервятник, использовавший ее, пока она была слаба. Ты не заслуживаешь, чтобы она знала твое имя, гадкий...

Он не закончил. Тело папы было напряжено, а через миг обмякло, глаза закатились. Он рухнул на пол, оставив дымчатую версию стоять над его бессознательным телом, как потерявшийся призрак.

— Черт.

— Что за... — Ник отпрянул, его серые глаза расширились в панике. — Что это было?

Я думала о том же. Похоже, папа снова вывихнул себя, наверное, потому что напрягся сильнее, чем его ослабевшее тело могло выдержать. Даже его призрак с трудом держался целым, его края переливались, как облака на ветру.

— Че-е-е-ерт, — сказала я, потрогала магию, парящую в ресторане. Это была та же магия города, что и в моей квартире, но в реальном мире она была не такой густой, как я привыкла. Даже если я смогу собрать достаточно силы, я не смогу совершить сложное преобразование ее в огонь дракона в таких обстоятельствах. Я слишком устала и была отвлечена. Ником, который схватил меня за руку.

— Опал, что происходит?

— О, теперь ты готов меня слушать? — спросила я. Наверное, резче, чем стоило, но я злилась на него. Злилась на них обоих, устроивших бардак из простого разговора. Если их ссора не стала темой сплетен Земли любви, теперь она точно была такой. История разлетится по Подземелью за полчаса, а потом хищники выйдут на охоту. Я должна была увести нас отсюда до того, как это случится, но тело отца было слишком тяжелым, чтобы я двигала его сама, а Ник все еще не отпустил мою руку. — Если хочешь помочь, одолжи силы, — я кивнула на ноги отца. — Нужно забрать его отсюда.

В этот раз Ник не спорил. Он схватил тело папы и закинул его на свое плечо, как мешок с мукой.

— Хорошо. Спасибо.

— Не хорошо, — зарычал отец, его яростный голос был чуть громче шепота в моем ухе. — Я не хочу, чтобы тот грязный человек меня трогал!

— Ты не можешь жаловаться, — прошептала я, ведя Ника за дверь, кривясь, когда ресторан взорвался взволнованным обсуждением за нами. — Отлично, — буркнула я, шагая по переулку. — Нельзя было держать рот на замке? Нужно было добавить масла в огонь.

— Это не моя вина, — сказал Ник.

— Я говорила не с тобой. Я говорила с ним, — я указала на тело отца, Ник явно не видел призрака из дыма рядом со мной. — Но и ты не лучше. Зачем ты сделал это в ресторане? Тебе не приходило в голову, что есть причина, по которой я не звонила, и я не хотела бы обсуждать это при незнакомцах?

— При чем тут они? — проворчал Ник, но его лицо покраснело. — Это между мной и тобой.

— Да. Ты и я. Не ты, я, мой папа и двести других человек, которые могут писать об этом в соцсетях, пока мы говорим!

Черт, я надеялась, что никто не снял это. Папе крышка, если они это сделали.

— Не переживай, — гордо сказала Сибил мне на ухо. — Я вас прикрыла.

Мое тело расслабилось.

— Спасибо, — ответила я, а потом нахмурилась. — Погоди, как?

Голос моей ИИ стал смущенным.

— Я, кхм, возможно сильно хотела интернет, так что случайно или намеренно захватила вай-фай ресторана.

— Ты так умеешь? — поразила я. Я не устанавливала ей хакерские дополнения.

— Это был не взлом! — возразила Сибил. — Их сертификат безопасности был просрочен на годы. Я не могла не захватить сеть! Но, пока ты не закричала на меня, все это время данные о моем местоположении были отключены, и я отключила разрешение на съемку камерой, когда вы с Ником стали на публике выражать чувства. Я не смогу остановить людей, публикующих тексты, но никто не должен был сделать видео или фото, ведь все были соединены с бесплатной сетью. Люблю дешевые места!

— О, Сибил, — выдохнула я. — Я люблю тебя! Молодец!

Если бы у моей ИИ было лицо, она улыбалась бы.

— Значит, ты не злишься из-за интернета?

Злилась, но это было не важно. Из-за истерики Ника и папы наше прикрытие было сорвано. Чем была капля связи с интернетом после таких фейерверков? Особенно, раз это так радовало мою ИИ. Она уже вернулась к работе, напевала, пока обрабатывала обновления, которые я заставила ее отложить. Качая головой в поражении, я оставила ее радоваться и вернулась к своему бардаку.

Мы добрались до входа в переулок, откуда и пришли мы с папой. Теперь Ён больше не бесил его, и Ник, казалось, успокоился, но все равно мрачно хмурился, когда я указала ему остановиться на углу.

— Куда мы? — он посмотрел на стену туристов, которая стала плотнее, пока мы ужинали.

— Объясню все через минуту, — пообещала я, разглядывая магазины в поисках подходящей двери. — Но тут мы не в безопасности. Мне просто нужно... ага!

Я сжала его ладонь и побежала по людному тротуару. Нас чуть не сбила машина, пока мы пересекали улицу. Тут было куда темнее и тише. Восьмимильная дорога была официальной границей СЗД, но ограда начиналась за дорогой. Должна была начинаться. Правительство США устанавливало новую каждую весну, но СЗД рвала ограды, потому что это было против того, что она воплощала. Близился конец года, и ограда была полна дыр, едва держалась, но в ней было то, что было важно для меня. Дверь.

Точнее, калитка. Но я ощущала себя везучей после того, как вышла до этого посреди тротуара, и, в отличие от Земли любви, тут на меня никто не пялился. Машины проезжали за нами, но эта сторона дороги была темной и мертвой, а это мне и нужно было.

— Ладно, — сказала я Нику, сжала решетку калитки, которая едва держалась, чуть не выпала, когда я ее коснулась. — Будет выглядеть странно, но тебе нужно меня слушаться, ладно?

Ник кивнул и крепче сжал моего папу, я улыбнулась от этого. Потому мы были хорошей командой. Я могла верить, что Ник справится со всем, что я бросала в него, и этот раз будет тяжелым. Я еще не потянулась к магии, но уже чувствовала, как город двигался под моими ногами, готовый забрать меня домой.

— Приготовься, — я сжала калитку сильнее, представила свою квартиру. — На счет три. Раз. Два...

Я открыла калитку. Петли скрипели, а тьма на другой стороне, где был переулок за заправкой, закружилась и пропала, сменилась бодрым хаосом моей гостиной.

Я прошла, как только картинка застыла, поманила Ника за собой. Он последовал, но медленно, втиснул тело в броне в проем, который я открыла в пространстве, словно заходил в пасть огромного зверя, что он, наверное, и ощущал. Дверь вела в СЗД, но не так, как люди знали ее. Мы шли по городу СЗД, а это была богиня, и она проглотила нас с тихим плеском, закрыла улицу за нами, как только наши ноги ступили на пол моей квартиры.

Я захлопнула дверь с пустотой хаоса за ней через миг, но Ник успел увидеть достаточно, чтобы пошатнуться.

— Что это было? — с дрожью спросил он, озираясь, словно никогда не был в моей квартире. — Что это все? Что ты *сделала*?

— Ты не обязана объяснять все ему, — сказал отец, скрестив дымчатые руки на груди из дыма. — Он, наверное, недостаточно образован, чтобы понять.

Я закатила глаза и игнорировала его, повернувшись к Нику.

— Можешь опустить папу там, — я открыла дверь спальни. — Он должен быть в порядке, когда отдохнет.

Ник сделал, как я сказала, опустил тело моего отца на одеяло, укрывающее матрац на полу. Я была уверена, что он заметил пятна крови или ящик пустых бутылок из-под алкоголя, как и доски, которыми я заколотила окно, чтобы скрыть сводящую с ума пустоту снаружи, но он уже не срывался, даже ничего не сказал. Только когда мы вернулись в гостиную, и дверь спальни была закрыта, он повернулся ко мне, лицо было бледным и ошеломленным.

— Опал, что происходит?

Я вздохнула и опустилась на плотно набитый диван, похлопала по подушке из велюра рядом с собой. Объяснять придется долго, но если кто и заслужил мои старания, то это Ник. Я обошлась с ним хуже всего во всем этом, но, что бы я ни делала, он не бросил меня. Даже когда я накричала на него и пропала в городе на драконе, он искал меня. Он не сдался, и это было важно. Это много значило, и я хотела отплатить ему. И когда он сел рядом со мной, я рассказала ему все.

Это не было преувеличением. Я рассказала ему все о своей жизни с момента, как я вылетела из его квартиры, до сейчас. Рассказала о папе и Белой Змее. О СЗД, и как я стала жрицей, чтобы спасти отца. Рассказала о своей работе, докторе Ковальски и обучении на шамана. Я рассказала ему о Духе Драконов и состоянии моего папы, и почему мы прятались. Я вывалила всю информацию на Ника, останавливалась, только чтобы ответить на его вопросы. У отца было удивительно много вопросов, ведь он почти все это время был без сознания, но я сказала Ёну столько, сколько нужно было, чтобы он перестал перебивать. Это было время Ника, и я сосредоточилась только на нем.

Я закончила историю за полночь. Казалось, я говорила вечность. Ник выглядел утомленно, но мы ничего не говорили о сне. Мы сидели вместе на моем диване, продавленная часть посередине дала нам прильнуть друг к другу. А потом Ник отклонился, вздыхая.

— Что ж, — он провел ладонью в перчатке по растрепанным волосам. — Теперь я понимаю, почему ты мне не звонила.

— Мне жаль, что так вышло, — сказала я в миллионный раз. — Я хотела и позвонила бы, если бы могла, но я не могла рисковать, нас могли найти. Это не только ради папы. Я не хотела, чтобы какой-то тупой дракон пытал тебя ради информации, и избежать это можно было, убедившись, что ты ничего не знал.

— Незнание не мешает пострадать от пыток, — сказал Ник, и голос вызывал ужасное ощущение, что он говорил по своему опыту. — Жаль, что ты не сказала хоть что-нибудь. Мне не нужны были детали, но если бы ты сказала, что залегла на дно, я принял бы другие решения.

Он звучал недовольно, и я скривилась.

— Прости, — снова сказала я.

— Что сделано, то сделано, — он махнул ладонью, словно отталкивал всю ситуацию. А потом посмотрел мне в глаза. — Так ты теперь жрица? — я кивнула, и он добавил. — Значит, ты как Питер?

Я покачала головой.

— Питер служит Пустому Ветру. Я с СЗД. Это разные духи.

— Это я понимаю, — сказал Ник. — Но правила такие же?

Он смотрел на меня, словно это было очень важно, но я все еще не понимала.

— О каких правилах ты говоришь?

Его лицо немного покраснело.

— Ты... кхм... должна воздерживаться?

— О, — мое лицо вспыхнуло жаром солнца. Это была глупая реакция. Мы не были подростками. Я была взрослой женщиной, которая радостно бросилась на Ника, едва получила шанс. Но было что-то в том, как робко он спросил, что превратило мои мозги в желе. Для него, если мне придется воздерживаться, было ужаснее всего в мире. И, зная, что он так думал, я ощущала себя глупо счастливой, особенно, когда я не должна была так делать. Я уже спрашивала у доктора Ковальски об этом перед тем, как согласилась на предложение СЗД, и она сказала, что богине города до такого нет дела. Я хотела сказать Нику хорошие новости, когда вспомнила вторую часть того разговора. СЗД было плевать на секс, но она требовала, чтобы ее ставили первой.

Это будет проблемой. Мы с Ником не обсуждали официально, кем были друг для друга, но он был высоко в моих приоритетах, и я не знала, что моя богиня подумает насчет этого. Она все время была в моей голове, так что дала бы знать, если бы я зашла слишком далеко, но я не хотела разбираться с этим. Я не хотела, чтобы кто-то указывал, кого я могу любить.

«Я бы так не сделала».

Внезапный голос в голове заставил меня вздрогнуть, что было глупо. Я сама сказала, что она была там. Почему я удивилась, когда она появилась во мне?

«Я пыталась дать тебе уединение, — сказала дух города. — Но я обижена, что ты думаешь, что я помешаю тебе делать то, чего ты хочешь. Разве я не дала ясно понять, что я — богиня свободной воли? Я никогда не мешал тебе любить того, кого ты хотела. Ты просто не можешь любить их больше меня и оставаться жрицей».

«Это может быть проблемой».

«Не будем спешить, — сказала СЗД. — Твоя жизнь уже безумна, понимаю. Какой я была бы богиней, если бы осуждала тебя за это? Давай дадим этому развернуться и посмотрим, что случится».

Мои глаза расширились. Это было поразительно щедро с ее стороны.

«Я довольно милосердна и мудра, — согласилась она. — Но это не без корысти. Я вложила слишком много в наши отношения, чтобы сдать на первой кочке, и дело не только в тебе. Мне плевать, что будет с Ёном из Кореи, но Никола Кос — был частью меня почти всю его — и всю мою — жизнь. Мне интересно, как развернется эта драма, и твоя голова — отличное место в первом ряду».

«Рада, что пригодилась».

«Ты — отличная слуга, — сказала СЗД, ущипнув меня за ментальные щеки. — Потому я терплю тебя».

Я закатила глаза, повернулась к Нику, который смотрел на меня, как на чокнутую.

— Ты в порядке?

— В моей голове город, — объяснила я, постучав по своему виску. — Это делает меня немного странной.

Любой подумал бы, что я была безумна, после этого, но Ник лишь улыбнулся.

— Ты всегда странная. Я привык к этому.

Я рассмеялась. А потом утихла, ведь он был прав. Не только насчет моей странности, хотя и это было правдой, но и того, что он принял это. Ник видел меня в худшие мои времена и не испугался. Он не укорял меня, не осуждал, всегда помогал мне. Даже когда я стоила ему миллионов или заставляла работать три недели по восемнадцать часов в день, он терпел меня. Он был святым, а я увлеклась своей драмой и не ценила этого.

— Прости.

— Все хорошо, — сказал Ник. — Не нужно все время извиняться. Я понимаю, почему ты не позвонила.

— Не это, — быстро сказала я. — Прости и за это, но... — я утихла, злясь, что не могла правильно выразить то, что было самым важным для меня. — Прости, что оставила тебя так. Ты дал мне все, а я бросила тебе это в лицо. Я так запуталась в проблемах с папой, что не смогла увидеть, что твое предложение поддержки было чем угодно, но не попыткой управлять. Но теперь я знаю, что я ошибалась. Ты — не мой отец, ты не пытался владеть мною. Ты пытался помочь, как всегда, и мне очень жаль, что я так отреагировала.

Призрак Ёна был ужасно оскорблен этим, но мне было плевать на его чувства. Я слишком долго была одержима проблемой с папой. Это было обо мне и Нике, и я смотрела на него, пока он обдумывал мое извинение.

— Ты сорвалась тогда сильно, — он потер шею. — Но и я вел себя не лучшим образом. Я знал, как ты ненавидела, когда другие имели власть над тобой, но так обрадовался, что нашел способ удержать тебя в своей жизни, что не подумал об этом. Глупый ход, если подумать сейчас, но...

Он замолк, пожав плечами. Эмоции не давали мне ничего сказать. Даже когда я тащила его через ад, всем, чего хотел Ник — чего он когда-либо хотел — было удержать меня ближе к себе. Я слишком долго страдала из-за того, что была Опалом Дракона, что чуть не упустила единственного человека, который не видел меня такой. Который хотел меня, несмотря на моего дракона, а не из-за него. И я... я...

— Спасибо, — прошептала я, сжав ладонь Ника своими дрожащими руками.

Этого было мало. Никакие слова не могли выразить благодарность, хлынувшую на меня водопадом. Я даже не хотела говорить, боясь, что вылью все на него. Как всегда, Ник ответил на это.

— Я всегда буду рядом, — сказал он, словно это не было важнее всего в моей жизни. —

Как я говорил уже, ты мне нравишься. И пока тебя не было, я понял, насколько сильно, — он посмотрел на наши соединенные ладони. — Я скучал по тебе. Когда ты не со мной, я словно живу монотонно. Нет ничего цветного, веселого или интересного. Просто работа и страх, постоянная осторожность. Я думал, что все было хорошо, пока я выживал, но потом я встретил тебя, и мир стал намного больше. Потому я должен вернуть тебя. Пробивать дорогу в жизни не имеет смысла, если ты не со мной, — он скривился. — Звучит жалко, да?

— Нет, — сказала я, крепко сжимая наши ладони. — Я понимаю. И я тоже скучала, — я склонилась, прижалась лбом к его лбу. — Давай больше так не будем делать.

На миг я переживала, что зашла слишком далеко, но радость на лице Ника стерла мои страхи.

— Никогда, — согласился он, обвив свободной рукой мои плечи и притягивая меня ближе. — Жизнь ужасна без тебя.

Я видела отвращение на лице папы поверх плеча Ника, но мне было все равно. Я еще не получала такое признание в симпатии. Я все еще купалась в сиянии, когда Ник вдруг отошел.

— Что такое?

Он посмотрел на наши соединенные ладони.

— Теперь ты знаешь о моих чувствах, и я должен признаться, — сказал он нашим ладоням. — В отчаянии, пока я искал тебя, я сделал кое-что... глупое.

Я застыла в тревоге. Черт. Я была так занята, говорила о себе и не спросила о нем. Ник был вовлечен во что-то плохое. У него не было раньше черной брони. Значит, что-то за последние два месяца заставило его купить ее, и, учитывая дороговизну брони — и синяки, которые я теперь видела четче, они выглядели из-за высокого воротника — это было что-то серьезное.

— Что это и как я могу помочь?

— Боюсь, уже поздно, — сказал Ник смущенно. — Когда ты пропала два месяца назад, я запаниковал. Я всегда знал, что СЗД была живой, но не понимал, что это означало, пока не увидел, как небоскреб съел тебя на моих глазах. Я не знал, что делать после этого. Тебя забрало то, с чем я не мог биться или вести переговоры, не мог подкупить. Я даже не знал, где тебя искать. Храмы СЗД мне не помогли бы, и я не мог найти Блуждающий собор, как ни искал. Я даже нанял кое-кого взломать данные о местоположении твоего телефона, но он не смог найти его.

Я ощутила укол удовлетворения, что моя стратегия против интернета сработала. Жаль, что я сделала жизнь своей ИИ адом, скрываясь не от того человека.

— Ты словно растворилась в воздухе, — продолжил Ник. — Я не хотел верить, что ты была мертва, ты слишком упрямая для этого. Но после месяца поисков я понял, что не нашел бы тебя сам. Мне нужна была помощь, и я пошел к единственному, кому хватило бы сил выступить против СЗД.

О, черт.

— Кто это?

Ник вздохнул в поражении.

— Геймскипер.

Он сказал это так, словно я должна была бояться, но я не сразу вспомнила, что это Геймскипер нанял доктора Лиля создать василисков для его арены. Это был босс Коффмана. Ник клялся, что никогда не будет работать на него снова.

— О, черт, — сказала я.

— Точно, — стоически согласился Ник, посмотрел на свою фальшивую правую руку. — Я всегда говорил, что не вернусь, но не знал, кто еще мог помочь. Геймскипер знает все, что происходит в Подземелье. Если кто и мог найти тебя, то это он, и я был прав, — он слабо улыбнулся. — Или как, по-твоему, я узнал, что ты была в том ресторане?

Я думала, что было странно, что он появился так быстро, но это было сейчас не важно.

— Сколько его помощь тебе стоила? — явно много. Я мало знала о Геймскипере, но люди с такой властью не работали задешево. Но я помогу Нику отплатить.

Он уже качал головой.

— Геймскипер не работает за деньги. Это у него есть. Его цена — то, что он не мог получить иначе, — он постучал по бронированной груди. — Я.

То, как он это сказал, пугало. Я сама продала себя, чтобы спасти папу, но мне казалось, что Геймскипер был не таким честным и справедливым, как СЗД.

— Что он от тебя хочет?

— Того, чего всегда от меня хочет, — горько сказал Ник. — Бойца.

Мое сердце сжалось, я посмотрела на новую броню Ника и пистолеты.

— Он заставил тебя вернуться к убийствам?

— Хотел бы я, чтобы все было так просто, — сказал он. — Убийства по контракту были ужасны, но я хотя бы выбирал сражения. Геймскипер не отпустит меня так просто в этот раз. В обмен на помощь с поиском тебя он хотел, чтобы я был на его арене.

В другой ситуации я сказала бы, что это звучало намного лучше. Я видела вершину арены Геймскипера с моста в Рентфри. Она выглядела как ловушка для туристов с сияющими вывесками и толпами зевак. Судя по обреченности в голосе Ника, я знала, что все было не так просто.

— Насколько все плохо?

Ник пожал плечами.

— Не очень плохо. Я порой бился там, когда нужны были деньги. Это не весело, но и не конец мира.

Он врал. Он не только не смотрел мне в глаза, но и потирал фальшивую правую руку, словно пытался оторвать ее. Он не был так спокоен насчет этого, как пытался показать, но как иначе? Я слышала, что Коффман говорил об арене Геймскипера, когда пытался купить василисков. Он заявлял, что они были хороши для боя, потому что страдали. Что страх, любовь и отчаяние делали хорошую драму для толпы. Теперь от этой мысли меня тошнило. Я не терпела жестокость к волшебным курицам-ящерицам. Не собиралась терпеть жестокость к Нику.

— Ты должен позволить мне помочь, — сказала я. — Это все моя вина. Если бы я просто позвонила тебе, как разумный человек, и рассказала о происходящем, ты не пошел бы к нему.

— Все хорошо, — сказал Ник. — Ты думала, что поступала правильно. Я был глупцом, который запаниковал.

— Ты не глупый, и это не хорошо. Будет хорошо, потому что мы вытащим тебя оттуда. Я позвоню Геймскиперу и скажу, что ты нашел меня, так что ваша сделка завершена. Я — жрица СЗД. Это должно влиять.

Судя по недовольству, мелькнувшему в моей голове, моей богине не нравилось, как я пыталась использовать свой ранг. Я все еще была готова попробовать, но Ник качал головой.

— Все не так просто, — он опустил воротник. Сначала я подумала, что он показывал

мне синяки, которые были хуже, чем я думала. Беднягу словно душили много раз, но Ник не остановился на горле. Он опустил броню ниже ключиц, где на его коже были толстые черные метки новой уродливой татуировки.

Нет, не татуировки. На его шее было проклятие. Я еще не видела, чтобы его так вырезали на коже, но теперь я знала, что проклятие было там, и ощущала злобную магию.

— Что они с тобой сделали?

— То, на что я согласился, — сказал Ник со смирением в голосе, поднял воротник. — Я пошел к Геймскиперу за помощью, а не результатами. Найду ли я тебя, не было в сделке. Геймскипер обещал, что поищет тебя и даст знать, когда ты появишься. Взамен на эту информацию я пообещал быть его чемпионом пять боев на арене. Я думал, было лучше придерживаться простых правил, меньше шансов, что он обманет меня. К сожалению, простота может и ранить. Работа Геймскипера завершена, но у меня остались еще два боя. Если я не приду, проклятие отрубит мне голову.

— Тогда мы снимем его, — встревоженно сказала я. — На арене Рентфри бьются насмерть, да? Ты не можешь там биться!

— Все не так плохо, — Ник не смотрел мне в глаза. — Я уже провел три боя, и я еще жив. Справлюсь с еще двумя. Важно, что я нашел тебя.

— Тебе не нужно было меня искать! — я теперь паниковала, потому что было ясно, что он врал. Ник пытался скрыть это от меня, но я видела напряжение во всем его теле. Он боялся, и это было моей виной. — Я сниму это с тебя, — пообещала я. — Я не знаю, как снимать проклятие, но я нашла снимателей проклятий, когда пыталась избавиться от моего. На тебе не магия дракона, так что будет проще...

— Нет, — резко сказал Ник.

— Почему? Если только проклятие удерживает тебя в этой глупости, почему не убрать его?

— Потому что будет хуже, — он посмотрел на меня, наконец. — Геймскипер — единственный в Подземелье, которого боятся все. Его нельзя злить. Мы договорились. Если я нарушу сделку, он будет охотиться на нас с тобой вечно. Но если я оставлю проклятие и выполню условия, я буду свободен после двух боев. Это ненадолго. Четвертый бой завтра, точнее, уже этой ночью, но смысл в том, что я почти закончил. Мне нужно продержаться еще немного, и все закончится, и мы сможем вернуться к тому, как было раньше.

Я хотела ему верить. Вернуться в Уборку с Ником звучало раем после того, что мы пережили, но я знала, что это не могло быть так просто. Геймскипер не был драконом, насколько я знала, но я не встречала еще властного человека, который отпустил бы оружие, потому что бой был завершен. Я помнила насмешки Коффмана, подозревала, что Геймскипер уже довольно долго пытался вернуть Ника под каблук. Сделка или нет, он не отпустит его свободно, что бы ни случилось на той арене.

Судя по его лицу, Ник тоже это знал. Он держался за надежду всеми силами. Я причинила ему столько боли, что не могла давить эту надежду, особенно, когда у меня не было другого решения.

— Можно хотя бы прийти и посмотреть бой? — спросила я, пытаясь улыбнуться.

Ник покачал головой.

— Я не хочу, чтобы ты видела меня таким.

— Ничего не может испортить мое мнение о тебе, — пообещала я. — Если бы я не была такой безрассудной, ты не был бы в этом кошмаре. Я могу хотя бы прийти и поболеть за

тебя.

Ник все еще не был убежден, но я не сдавалась. Все это было бессмысленной катастрофой, но если он будет страдать ради меня, я буду рядом.

— Хорошо, — сказал он через пару секунд и вытащил телефон. — Я скажу им оставить место для тебя.

Я удивленно моргнула.

— Да? Вот так просто?

— Я знаю, что тебя не остановить, когда ты такая, — сказал он смиренным тоном. — И я не могу тебя прогнать оттуда. Это публичный бой. Если бы я сказал нет, ты узнала бы время и пришла. Так я хотя бы буду знать, что Геймскипер не заработал деньги с твоего билета, — он нажал пару кнопок и повернул свой удивительно старый телефон, чтобы показать мне подтверждение на экране размером с почтовую марку. — Вот. Второй уровень. Просто назовешь свое имя, и они тебя направят. Бой начинается в семь.

Я скривилась от времени. Я так хотела не пускать Ника туда одного, что забыла, что у меня были другие обязательства. Его бой был посреди моей работы для СЗД. Если бы это была другая работа, я сбежала бы без проблем, но моя богиня с ее квотами и записями воспринимала посещение работы очень серьезно. Я еще ни разу не просила у нее отпустить меня раньше, но до этого не было и причины. Она уже была в моей голове, и я могла спросить, вот только вряд ли она...

«Хорошо».

— Правда? — завопила я, Ник приподнял бровь.

«Я не тюремщик, — проворчала СЗД. — Ты можешь поработать позже. Это важно для тебя, а я за то, чтобы люди исполняли свои мечты. Я отпускаю и благословляю тебя, но обещаю, что возьмешь меня с собой».

Обещать было просто. Город постоянно был в моей голове, и я не знала, как могла оставить ее позади, даже если бы хотела. Она ждала, и я кивнула.

— Я тебя возьму.

«Хорошо, — сказала богиня. — Теперь скажи своему парню, что ты не безумна. Он снова так смотрит».

Ник был насторожен.

— Прости, — я уверенно улыбнулась ему. — Все хорошо. Просто уточнила у босса, но она отпустила меня.

— Босс, — нервно повторил он, глядя на мой лоб, словно пытался заглянуть внутрь. — Так СЗД сейчас в твоей голове?

— Многие в моей голове, — я беспомощно пожал плечами. — Мой мозг нынче как шоссе, но к такому привыкаешь. Важно, что я буду там завтра вечером. Хочешь, чтобы я что-нибудь принесла?

— Я просто хочу, чтобы это закончилось, — утомленно сказал Ник, посмотрел на часы на своем телефоне. — Мне нужно идти. Уже поздно, а завтра рано утром у меня медосмотр.

— Ладно, — я встала.

Ник не последовал примеру. Он говорил, что пойдет, но не хотел двигаться. Я тоже не хотела его отпускать. Не после того, как вернула его.

— Ты... хочешь остаться? — нервно спросила я. — Тело папы заняло спальню, и я могу предложить только диван, но я буду рада, если ты решишь переночевать тут. Кхм, со мной.

Мои щеки пылали, когда я закончила. Вышло не очень. Мои навыки соблазнения

хромали, и то, что папа еще был в комнате и слушал, не помогало. Я хотела сказать Нику забыть об этом, когда он бросился вперед.

— О, да, — прошептал он, прижимая меня к себе. — Я лучше буду на диване с тобой, чем где-либо еще в мире.

— Вот уж нет, — сказал отец, а я широко улыбнулась.

— Ты не решаешь, — сказала я ему на корейском, а Ник притянул меня на диван. — Это мой дом. Иди в свою комнату.

Отец зарычал, но я уже его не слушала. Все мое внимание, весь мой мир был сосредоточен на Нике, он притянул меня на подушки, и мы запутались в счастливую кучу. Мне так долго не хватало этого.

Глава 6

Несмотря на наши старания, мы все-таки просто поспали. Уточню: это была не моя вина. Я была готова, но Ник уснул, как только лег. Отключился посреди поцелуя. Если бы я не переживала за него, это было бы смешно. Я не знала, что Геймскипер заставлял его делать между боями, но бедняга вырубился, как мертвый. И он был ранен сильнее, чем я думала.

Он уснул, и я попыталась снять его броню, чтобы ему было удобнее. Оружие и сапоги снять было легко, но когда я попыталась расстегнуть его бронированную куртку, я поняла, что кто-то приклеил ее к бинтам под ней. Я не знала, помогало это ранам или мешало куртке двигаться, чтобы случайно не открыть раны, но не собиралась портить то, что там сделали.

Наверное, так было даже лучше. Я тоже устала. Не так сильно, как Ник, но я легко уснула рядом с ним, хоть мы и лежали неудобно. Он был больше, уснул первым и занял большую часть дивана. Мне пришлось втиснуться в щель между ним и краем, но я слишком устала и была слишком рада, чтобы возражать. После стольких недель беспокойства, казалось, моя жизнь стала налаживаться. Не исправилась пока что, но я уже была на пути к этому.

Эта надежда отправила меня спать как ребенка. Я проснулась пять часов спустя от своего будильника. Ник дернулся рядом со мной, в панике огляделся, а потом его глаза нашли меня.

— Эй, — сказал он, тут же расслабившись.

— И тебе эй, — ответила я, склонилась, чтобы поцеловать его, а потом схватила телефон с пола, чтобы выключить настырное гудение. — Мне нужно на тренировку.

— Уже?

— Не немедленно, — я устроилась рядом с ним. — Если я не покажусь через десять минут, меня отругает богиня на месте, но я не раздевалась прошлой ночью, так что сэкономила время.

— Ммм, — Ник зарылся носом в мои волосы.

— Можешь остаться, если хочешь, — предложила я. — Тут нет еды, но есть вода, и тут безопасно.

Ник задумался на миг, а потом покачал головой.

— У меня проверка утром. Они хотят убедиться, что я могу биться ночью.

— А ты можешь? — нервно спросила я, постучав пальцами по его груди в куртке.

— Я в порядке.

Я посмотрела на него, и Ник вздохнул.

— Урон от прошлого боя зажил не так быстро, как я хотел бы, но я буду в достаточно хорошей форме к ночи. Один из плюсов работы на Геймскипера — он не дешевый. Они вызывают меня рано, чтобы я мог окунуться в резервуар оживления.

Я присвистнула. Резервуары оживления были дорогими. Насыщенные полезными веществами ванны обычно использовали в критических случаях, например, для очень рано родившихся детей или миллиардеров, которым было за шестьдесят. Такое не ожидал найти на арене в Подземелье, но, чем больше я об этом думала, тем больше в этом было смысла. Я не следила за кровавым спортом, но нужно быть глупым и ужасно невнимательным, чтобы пропустить рекламу Геймскипера. Большие бои по выходным приносили ему миллионы. Такие деньги требовали поддерживать талант в лучшей форме, и хоть мне не нравилось думать о Нике, как о чьей-то вещи, я была рада слышать, что с ним хотя бы хорошо обращались.

Мы лежали неподвижно какое-то время. Не говорили, а слушали дыхание друг друга. Я могла лежать так с Ником вечно, но через пять минут будильник зазвонил снова, в этот раз мелодия была противной, и я заставила себя слезть с него со стоном.

— Это последнее предупреждение.

Ник вздохнул и тоже сел, потянулся за обувью и оружием, которые я убрала к краю дивана. Когда он обулся и вооружился, он поднялся на ноги.

— Увидимся вечером?

— Я буду там, как только откроются двери, — пообещала я, встала на носочки и поцеловала его в последний раз. — Удачи.

Он поймал меня и поцеловал в ответ, прижал мое тело к своему на короткий миг, а потом отпустил меня и пошел к моей двери. Он собирался повернуть ручку, когда я пришла в себя после романтических мыслей.

— Постой!

Ник замер и в смятении оглянулся.

— Тебе лучше так не делать, — я поспешила убрать его ладонь с моей входной двери. — Мы парим в пустоте, искажающей разум, которая не должна существовать. Туда идти невесело.

Он нахмурился.

— Как мне тогда выйти?

— Ну-ка, — я сжала ручку и замерла. — Кхм, куда тебе нужно?

— К тому странному ресторану, где ты была прошлой ночью, — сказал Ник. — Я оставил свою машину на Земле любви.

Я уставилась на него. Ник оставил свою *машину* на Земле любви, чтобы побыть со мной. Знаю, это не звучало как подвиг, но туристические места в СЗД были известны кражами. Оставлять что-то без присмотра там было как просить это украсть или испортить, и Ник оставил свою любимую черную машину там на ночь. Ради меня.

— Она на высокой парковке, — сказал он, когда молчание затянулось. — Я не собирался...

— Шш, — я прижала палец к его губам. — Не порти момент.

Он кивнул, выглядя растерянно. Все еще вздыхая от его бескорыстного романтического поступка, я повернулась к двери и сосредоточилась на картинке, с которой попала в тот

район прошлой ночью. Я пыталась вспомнить детали, когда поняла, что могла сделать лучше. Я еще не пробовала этот вариант заклинания, но я использовала его на калитке ограды прошлой ночью, вряд ли могло что-то пойти не так.

Я отогнала старую картинку из головы и сосредоточилась на новой. Ее я знала намного лучше. Когда я четко представила ее, я повернула ручку и толкнула, широко улыбаясь, когда дверь моей квартиры открылась не на людный тротуар с туристами, а в салон машины Ника.

— Та-да!

— Ого, — он был впечатлен. А потом нахмурился. — погоди, как это работает? Твоя дверь выше моей машины. Это невозможно физически.

— Невозможно, — сказала я. — Но для магии такое по зубам, тут это важно.

Ник двадцать секунд думал об этом, а потом пожал плечами и забрался в свою машину.

— Знаешь, — сказала я, когда он сел за руль. — Если подумать, я могла бы открыть дверь в твою квартиру. Тогда мы провели бы прошлую ночь в кровати, а не на диване.

— Я не стал бы менять ничего в прошлой ночи, — он показал редкую улыбку. — Но это хороший план на следующий раз.

От того, что он хотел сделать это снова, мое сердце трепетало. Это ощущалось глупо, ведь Ник всегда ясно давал понять, что хотел видеть меня рядом, но я не привыкла быть в чьей-то жизни так. Если вспомнить, что два месяца я скрывалась, Ник был самыми долгими моими отношениями. Это был новый опыт. Разве можно было винить меня за радость?

— Нет, — сказала Сибил в моем ухе. — Но ты сильно опоздаешь, если не будешь шевелиться.

Ворча из-за ответственных ИИ, убивающих радость, я помахала Нику на прощание и закрыла дверь. Когда я повернулась, чтобы убедиться, что все взяла для тренировки утром, я заметила папу на пороге спальни. Настоящего, а не призрака, как прошлой ночью.

— Эй, ты снова в своем теле! — я подошла и схватила сумку со стола на кухне. — Как ты это сделал?

— Просто вошел в тело, — кратко сказал он. — Это мое тело.

Я думала, это было куда сложнее, но:

— Хорошо, что это работает, — я повесила сумку, поправив ремешок на груди, с радостью, которую ничто не могло разбить. Хотя папа пытался.

— Где твой преступник?

— Его зовут Ник, он не преступник, и у него дела, — сказала я, не дав ему испортить мне праздник. — Кстати, мне пора на тренировку к шаману. Я принесу тебе оттуда овощи или что-нибудь еще.

— Никуда ты без меня не пойдешь, — строго сказал Ён. — Огонь, который ты дала мне прошлой ночью, уже угасает. Я едва смог забраться в свое тело этим утром.

— Тогда вылезай оттуда, — предложила я. — С телом у тебя силы кончаются быстрее, чем когда ты дым.

— Может, — признал он. — Но я лучше быстрее потеряю силы, чем буду существовать лишь отчасти как призрак.

Это было логично. Я обещала, что буду поддерживать его огнем, пока его огонь не вернется, и хоть мне не нравилось, что он ругал Ника, папа ушел в свою комнату прошлой ночью без споров. Это потрясло, если говорить о нем, но пока я тянулась к парящей магии, чтобы подтолкнуть его, чтобы удержать его дома, пока я не вернусь с обучения, я поняла, что все делала не так.

— Есть идея лучше, — сказала я, сжала ладонь папы. — Идем, сводим тебя к доктору.

— Какому? — его голос звучал почти нервно, когда я потянула его к двери.

— Она, скорее, колдунья, — я рассмеялась. — Но она лучшая.

От этого он насторожился сильнее, но я уже сжала ручку двери, повернула магию, чтобы открыть портал в одно направление, о котором мне не нужно было думать.

* * *

Вряд ли доктор Ковальски была бы счастливее, если бы я вернула ее к жизни. Как только я привела папу в ее кухню, она напала на него. Пока я ела привычную миску пшеницы — без соли, сахара или молока, только зерно и печаль — она двигалась вокруг него, тыкала и тянула за отца, пока он не показался готовым стать дымом, чтобы просто уйти. Если бы она была кем-то другим, она уже была бы горсткой золы, хоть у отца и не было толком огня. Но, в отличие от моей первой встречи с доктором К., отец явно видел, что она была лицом богини. Даже если бы он был прошлым собой, он не мог бы ее одолеть. Судя по их лицам, они оба знали это.

— Это просто чудесно, — радостно сказала доктор Ковальски, подтащила стул, чтобы забраться и заглянуть в глаза отцу. — Ты использовала его проклятие как точку входа. Это гениально! Ты сама это придумала?

— Дух Драконов помогла, — сказала я, собирая в миску как можно больше черники, надеясь, что так завтрак получит хоть какой-то вкус. — Но общая идея была моей.

Доктор Ковальски гордо вдохнула.

— Как хорошо, — радостно сказала она, сунула пальцы в рот моего папы, чтобы проверить его зубы. — Но как ты смогла подражать огню дракона? Это другая форма выражения магии.

Я хотела описать ей детали, ведь шанс похвалиться был редким, но Дух Драконов просила, чтобы то, что было с огнем папы, осталось скрытым.

— Я просто крутила магию, пока она не стала ощущаться правильно, — сказала я.

— Скрутила сущность дракона? — наставница улыбнулась так широко, что ее глаза пропали в морщинах. — Я знала, что у тебя талант!

Произошло не это. Я ничего не смогла бы, если бы дух не дала искру, которую я скопировала. Но даже с ее помощью я сама поняла, как превратить магию города в огонь дракона, так что я была достойна похвалы. Но пока я радовалась впечатленному тону доктора Ковальски, мой отец был в смятении.

— Опал, — сказал он, когда доктор Ковальски вытащила руку из его рта. — О чем она говорит?

— Ты не знал? — ответила я с праведным гневом, накопленным за двадцать шесть лет. — Я — прирожденная шаманка.

Ён не был впечатлен.

— Что?

— Прирожденная шаманка, — повторила доктор Ковальски, сжала его длинные черные волосы, чтобы проверить их силу. — Она инстинктивно понимает, как работать с магией в ее свободной форме. У нее потенциал и талант, если она продолжит и дальше так развиваться. Конечно, она уже добилась бы многого, если бы ее раннее обучение не было таким бездарным.

— Оно не было бездарным, — гневно сказал Ён, вырвав свои волосы из ее хватки. — У нее были лучшие наставники в мире!

Доктор Ковальски фыркнула.

— Кто назвал их лучшими? Кучка тауматургов-академиков, ослепленных своими предрассудками, не замечающих, что их методы подводят их? Ха! Они были дураками, раз пытались учить ребенка. Маги не просто так не учатся до десяти лет. Магия требует, чтобы человек достиг определенной стадии духовного развития, стал осознавать себя. Если начать слишком рано, это может навредить еще развивающейся душе ребенка. Это глупо.

— Опал не была в опасности, — возразил отец. — Она была создана гением. Другие дети...

— То, что она родилась с сильной тягой, не означало, что у нее была способность управлять ею. Она сказала, что ее обучение началось в пять. Пять! Чудо, что она не сожгла себя еще тогда, хотя она была близка, когда я нашла ее.

Отец в смятении посмотрел на меня, но я просто пожала плечами. Что я могла сказать? Она была права.

— И это даже не худшее, — сказала доктор Ковальски, грозя пальцем перед лицом папы. — Будто ваших «лучших учителей в мире», позволяющей пятилетней колдовать, было мало, они заставили ее учить тауматургию, хотя она явно не сторонница дисциплины. Хороший учитель изменил бы урок под ученика, особенно, под такого уязвимого, как ребенок, но ваши идиоты били ее об стену и обвиняли ее, когда она ранилась! Что за дураков вы нанимали?

Ён отпрянул на шаг.

— Я... все звали их лучшими.

— Вам стоило внимательнее следить за происходящим в вашем доме, — ругалась она. — То, что вы дракон, не оправдание! Вы приняли человеческого ребенка, значит, вы в ответе за ее развитие. Вы должны были видеть, что у нее были проблемы, и направить ее к ее естественному таланту, но сделали ли вы это? Нет! Вы решили, что она была птицей, бросили ее в воздух и сказали лететь, даже не проверив, а она могла оказаться рыбой!

— Я не знал, что она могла быть рыбой, — возмутился Ён. Он был в смятении. — И я даже не знаю, о чем мы уже говорим.

— Ясное дело, — буркнула доктор Ковальски. — Глупые драконы всегда думают, что знают лучше.

Папа отпрянул на шаг, и я чуть не подавилась зерном. Я еще не видела, чтобы Великий Ён был так растерян, и это было бесценно. Но, хоть мне это нравилось, я привела папу сюда не для укоров.

— Доктор Ковальски?

Моя наставница хмуро оглянулась, и я указала на папу.

— Вы правы во всем, но вряд ли он в ближайшее время повторит ошибку с другим ребенком-магом, так что можете посмотреть на его магию и сказать, могу ли я как-то ускорить преобразования:

— Что не так с тем, что ты делаешь? — спросила она, гнев пропал из ее голоса, ведь мы уже не обсуждали грехи отца против юных магов. — Я слышала, вчера он был еще в коме, так что у тебя серьезный успех.

— Но этого мало, — я быстро рассказала ей о его дымчатой форме, и как моя душа болела, когда я передавала магию ему. — Я ощущала такое при отдаче, но я не бью себя магией! Я идеально передаю ему безопасное количество магии, хотя этого едва ему хватает. Мне нужно, чтобы он накопил силы, а не постоянно расходовал их, но я переживаю, что

вывихну душу снова, если отдам больше сил.

— Во-первых, хорошо, что ты слушаешь свое тело, — гордо сказала доктор Ковальски. — Насчет твоей проблемы — боль, которую ты чувствуешь, наверное, связана не с объемом магии, а с тем, что ты передаешь ему огонь дракона или нечто близкое. Как другие формы магии, огонь дракона верен своей натуре, и это означает, что он обжигает. Ты — не дракон, так что ты не можешь удерживать большое количество огня дракона без боли.

— О, — я смутилась. У нее это звучало очевидно. — И что мне делать?

— Не знаю, — она нахмурилась. — Давай я сверюсь с книгами и поищу ответ. А ты пока что займешься поливом, ладно? Овощ для сегодня на столе.

На столе было много овощей, но она могла говорить лишь об одном.

— Вы про это? — спросила я, поднимая мускатную тыкву размером с мою руку.

— Да, — доктор Ковальски пошла к своей библиотеке. — Полей все. Долгое время не было дождей, и осень становится жарче с каждым годом.

Я убедила ее, что все полью, но она вряд ли слышала. Она уже забиралась по встроенному книжному стеллажу, чтобы снять огромный академический том с таким длинным названием, что оно занимало весь корешок книги. Радуюсь, что моя проблема была в хороших руках, я схватила тыкву и пошла наружу, наполнила ее магией, а потом вытащила из нее силу и придала облик огромной ладони, которая смогла схватить бочку для дождя, стоящую на углу дома. Наполнив тыкву магией еще раз, я представила лейку, подняла ладонь над головой, чтобы создать мерцающий барьер из магии, полный дырочек.

Получился перевернутый дуршлаг, накрывший весь сад. Когда магия приняла облик, который я хотела, я перевернула первое заклинание на второе, и вода из бочки потекла по барьеру, проваливаясь в дырки на сад, прямо как дождь.

Трюк был отточенным за недели, которые я занималась этим почти каждое утро. Когда я опустошила первую бочку и повернулась за следующей, я увидела, что отец наблюдал из заднего хода дома с потрясением на лице.

— Это было чудесно, Опал.

Я пожала плечами, смущенная, что такая мелочь впечатлила его. Комбинация бочки и дуршлага для создания дождя была сложной для меня, но настоящий маг легко полил бы так сад.

— Доктор Ковальски — хороший учитель.

— Мне уже сказали, — Ён сел на крыльцо, горько вздыхая. — Я на самом деле думал, что делал для тебя как лучше.

— Знаю, — я перевернула следующую бочку на дуршлаг из магии. — Но ты все равно ошибся, хотя я знаю, что не специально.

— Я хотел, чтобы ты раскрыла свой потенциал, — он отчаянно пытался защититься. — Даже когда ты не справлялась, я не хотел, чтобы ты сдавалась или думала, что я сдался с тобой. Потому я заставлял учителей давить на тебя.

— Я знаю, что ты хотел как лучше, пап, — раздраженно сказала я, сосредотачиваясь на работе. Было весело, когда доктор Ковальски ругала его, но я не хотела этот разговор. Старая Опал была бы рада рассказать ему, как плохо мне было от этого давления, но мне нравилось, что я хоть раз не была в ярости из-за отца. Вчера мы совершили хороший прогресс, и я не хотела спада. И крики из-за ошибок прошлого никогда не шли нам на пользу. Да, он почти во всем ошибся, когда дело касалось меня, но я уже не была малышкой, взрывающей тыквы. Я была взрослым магом со своими талантами, и я становилась лучше с каждым днем. Этого

хватало. Я была готова идти дальше, когда папа открыл рот и сказал то, что я не ожидала от него услышать:

— Прости.

Я застыла. Замерла, как камень, посреди тропы в саду. Я слышала, что люди замирали от шока, но я не понимала до этого, что это был настоящий физический феномен. Когда я смогла развернуться, отец сидел на заднем крыльце дома, опустив голову, худые плечи склонились, как у старого побежденного мужчины.

— Одна из самых больших опасностей для дракона — жить прошлым, — сказал он тропе из гравия под его дешевыми сандалиями. — Эта слабость погубила моего отца. Ему было почти десять тысяч лет, он должен был знать лучше, но все еще видел людей лишь добычей, которую нужно было гонять и поглощать. Он не видел то, что видел я, не замечал их прыжки в разуме, упорстве и изобретательности. Он не приспособился, потому не подозревал ничего, когда я с древними смертными заманил его в глубокую воду, где сам и ждал его.

Я знала, куда вела история.

— Ты убил его.

Ён кивнул, сжал пальцы, словно вспоминал, как это ощущалось.

— Он заслуживал смерти. Он не менялся, был горделивым и слабым. Старый змей, который не смотрел, что мир изменился, и что его сын был не таким. Когда я съел его огонь, я поклялся, что не буду таким глупым. Не повторю его ошибки. Но повторил.

Он посмотрел на меня. Я нервно глядела на него, не зная, что происходило, так что не опустила даже пустую бочку, которую еще держала магией в воздухе. Отец говорил о прошлом все время, но не о своем. Он мог рассказать полную историю каждой страны в мире, но не рассказывал мне это.

— Я думал, что знал, что для тебя лучше, — продолжил он так тихо, что я едва слышала из-за ветра среди деревьев. — Ты была странным эмоциональным созданием. Тебя нужно было направить. Я думал, что давал тебе это. Думал, что знал, что это было. Когда я смотрю на тебя сейчас — на то, что ты сделала, на что способна — я понимаю, что совсем тебя не знаю.

Он звучал так печально, что мне стало не по себе. Это было странно, ведь я этого и хотела. Я хотела, чтобы он понял, что я уже не была маленькой. Я просто не была готова к тому, как это его расстроит.

— Дело не в том, что ты меня не знаешь, — я опустила пустую бочку. — Просто я уже не ребенок. Смертные меняются. Мы вырастем.

— Я знаю, — с гневом ответил он, сжал костлявые кулаки на коленях. — Я — Ён из Кореи! У меня больше смертных, чем у многих драконов — золота. Я растил и защищал свою империю без клана больше тысячи лет, понимая то, как быстро могут меняться люди. Я знаю, как смертные растут. Просто... — он вздохнул. — Я не видел этого в тебе. Та же упрямая слепота, которую я презирал в отце, была все это время в моих глазах, и я не замечал, потому что не хотел видеть. Я хотел, чтобы ты всегда оставалась счастливым маленьким щенком у моих ног.

— Но я никогда не была такой, — разозлилась я. — Ты всегда звал меня щенком, но я не питомец!

— Я тебя такой и не видел.

— Тогда почему обращался как с питомцем?

Отец снова вздохнул.

— Так было безопаснее.

Я растерянно нахмурилась, а отец провел ладонями по лицу.

— Я не считал тебя ниже, — сказал он терпеливо и печально. — С момента, как твоя мать вручила тебя мне после твоего рождения, я считал тебя своим ребенком. Лучше своего, ведь мой был бы таким, как драконы, как я. Предатели, желающие мои земли, мой огонь и мою голову. Ты была человеком, и я мог свободно заботиться о тебе, сколько хотел, без страха предательства.

— Но ты видел меня как меньшее, — возразила я. — Ты «ценил» меня, только потому что думал, что я была слишком слаба, чтобы ранить тебя. Потому что я была безопасной. Разве этим ты не считал меня ниже?

Глаза отца расширились от удивления, а потом он покачал головой с отвращением.

— Как я и сказал, — пробормотал он, — я был слепым. Слепым и глупым, и я все еще раскрываю, как далеко тянулось мое неведение, — он посмотрел на землю снова. — Как верно сложилась, что ты разбила меня. Карма движется по кругу.

Я закатила глаза.

— Кто теперь ведет себя глупо? — я подошла и плюхнулась на крыльцо рядом с ним. — Я тебя не разбивала. Ты пытался запереть меня в клетке, и я отбивалась. Не буду извиняться за то, как защищалась, но это не значит, что нам суждено быть врагами. Если в этом есть карма, то это твои плохие поступки кусают тебя за хвост. К счастью, есть простое решение. Если не хочешь, чтобы я боролась с тобой, хватит заставлять меня делать то, чего я не хочу. Дай мне решать, что для меня лучше, и, может, мы перестанем кусать друг друга каждый раз, когда появляемся в поле зрения.

Тень улыбки появилась на губах отца.

— Это было бы приятной переменной.

— Точно, — согласилась я. — Мне не нравится все время с тобой ссориться, но я не могу одна все изменить. Я уже выросла, но, чтобы это сработало, тебе тоже нужно вырасти. Если я твоя дочь, ты должен относиться ко мне, как к дочери. Как к семье, а не как к «щенку» или «сокровищу», которыми ты владеешь.

Отец нахмурился.

— Уверена, что хочешь этого? Моя история с семьей не из счастливых.

— Семья такая, какой ее сделаешь, — возразила я, глядя ему в глаза. — Мне плевать на Белую Змею или гадости, которые ты мог творить тысячу лет назад. Для меня важны мы, тут и сейчас. Я и мама — семья, которую ты выбрал. Но если ты зовешь меня своим отцом, то и веди себя как отец. А не как дракон, закатывающий истерику из-за пропавшего камня.

Я ожидала, что он разозлится на последние слова, но папа сегодня был полон сюрпризов, потому что он улыбнулся.

— Вот не думал, что мне понадобится лекция о семье, — отметил он. — Хотя я это заслужил. После произошедшего нужно быть идиотом, чтобы не видеть, что ты уже не та девочка, которая сбежала из Кореи, но я такой, видимо. Идиот. Я сделал себя слепым, потому что мне нужно было верить, что ничего не изменилось. Что мы могли вернуть, как все было, если я обуздаю тебя. Но это не вернуть, и в глупых попытках удержать тебя с собой в прошлом я только сильнее оттолкнул тебя.

— Но еще можешь дотянуться, — я придвинулась ближе. — То, что мы не можем вернуть так, как было, когда я была ребенком, не означает, что все потеряно. Посмотри на

нас сейчас! Мы говорим как нормальные люди. Это хорошее начало, и если мы продолжим так, станет еще лучше. Уверена, будет не так просто, но я готова попробовать, если ты готов.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Ты попробовала бы?

— Конечно, — я легонько ущипнула его за руку. — Ты — еще та заноза в боку, но у меня есть только такой папа.

Теперь он оскорбился.

— Рад, что ты считаешь, что я достоин усилий.

Я ухмыльнулась.

— Ты знаешь, как я люблю восстанавливать вещи. Ты можешь быть моей картиной, покрытой грязью, которые все считали мусором, пока я тебя не выкопала, очистила и продала на аукционе за миллионы.

Отец нахмурился от такого сравнения. А потом вдруг засмеялся. Но не иронично или высокомерно, а согнувшись, с дрожащими плечами, от души. От этого вида я опешила. Отец всегда был гордым и сдержанным, вел себя как подобает дракону. Я и не думала, что он мог смеяться не как злой властелин до этого момента, что доказывало, что не только Ёну нужно было обновить взгляд на мир.

Если я хотела, чтобы он относился ко мне, как к дочери, а не камню, то и мне стоило перестать воспринимать все, что он делал, как манипуляцию дракона. Я не была питомцем, но и он не был монолитом, какой я помнила из детства. Если я хотела узнать настоящего Ёна, мне нужно было перестать агрессивно реагировать на все, что он делал, и начать замечать то, что было перед моими глазами. И сейчас я не видела ничего плохого. Да, этот хаос был его виной, но мы оба теперь хотя бы понимали, что его попытки управлять мной были неправильными. Это было большой переменной, и хоть сутки положительного общения не могли перевесить десятки лет ужасного поведения, впервые в своей взрослой жизни я ощущала, что мы снова могли помириться.

Глупо, но я всегда была оптимисткой. Верить, что папа не будет ужасным, было рискованно, но если мы сможем так продолжать, он мог стать добрым отцом, которого я бы любила, а не властным, которого я боялась.

— Думаю, у нас произошел прорыв, — я встала на ноги. — К сожалению, мне нужно работать, пока моя наставница/богиня не поймала меня на отлынивании.

— Понимаю, — отец тоже поднялся. — Тебе помочь?

Я посмотрела на него, не понимая.

— Ты про сад?

— Знаю, великие драконы обычно не опускаются до труда руками, но несколько месяцев были унижительными, — он оглядел двор. — Что мне делать?

Так я занялась прополкой сорняков с Драконом Кореи. Хотя он ворчал из-за труда, он был поразительно хорош. Пока я рылась и задевала растения, папа вытаскивал побеги сорняков с навыками фермера. Когда я пошутила над этим, он рассказал, как в тридцать лет — видимо, ребенок по стандартам драконов — он защищал свою любимую деревню смертных, живя с ними, как помощник на ферме, говоря отцу, что он практиковал удерживать облик человека для охоты. Прошлый Ён обрадовался, что его сын проявил инициативу и согласился пощадить деревню, пока тот тренируется там, и так отец «тренировался» быть фермером девяносто семь лет.

— Правда? — я уставилась на него. — Ты был фермером в Каменном веке девяносто

семь лет?

— Это был не Каменный век, — сказал сухо он. — У нас были железные инструменты. Но я был фермером, и это было не так плохо. Земля тогда была чище. Плоды хорошо росли, и скот был вкусным. И я впервые в жизни был не под контролем отца.

— Не представляю, как это, — с сарказмом сказала я.

— И не можешь, — ответил серьезно Ён. — Мой отец был очень традиционным. Он обходился с детьми в старом стиле: как со слугами и солдатами. Если мы хорошо себя проявляли, он давал нам долю добычи. Если мы ослушивались, он убивал нас.

— Нас? — повторила я, уже не смеясь. — Сколько вас было?

— Сначала четырнадцать, — он продолжил полоть. — Но когда я убил отца, остались только я и Белая Змея. Я — потому что был самым старшим и сильным, а сестра — потому что была трусихой, умеющей подкупать, — он прищурился. — Нашего отца легко можно было подкупить.

— Наглый тип, — я сжала вырванные сорняки в кулаках. — Ты... скорбел по братьям и сестрам?

— Нет, — тут же ответил Ён. — Они все были гадами, которые радостно съели бы меня заживо. Если бы отец не убил их, это сделал бы я. Только так можно было бы жить в безопасности. Я был достаточно глупым, чтобы оставить Белую Змею в живых, и смотри, как все обернулось.

Я покачала головой. Конечно, отец странно воспринимал концепт семьи. Кланов драконов звучали ужасно. Но это хотя бы объясняло, почему он растерялся из-за моей реакции на его контроль. По сравнению с тем, как его растили, папа был щедрым.

— И что случилось с твоей деревней?

— После того, как я съел отца и стал Великим Ёном, я сделал ее своей крепостью, — гордо сказал он. — Наша вилла в горах стоит на месте деревни, и часть моих работников — потомки тех фермеров.

Его люди были безумно верными, и я верила его словам.

— У меня есть древние сестры или братья среди фермеров?

— Нет, — сказал он. — У моих супруг раньше были дети, но только тебя я назвал своим ребенком.

— Почему?

Он смотрел на меня, и мои щеки горели. Я не хотела так это выпалить, да и не нужно было. Он много-много раз говорил, что я была его единственным ребенком. Но, чем больше я узнавала о папе — узнавала от него, а не из историй мамы, восхваляющих Ёна — тем поразительнее это ощущалось. Ён славился своими смертными. Хотя некоторые считали это позором. Но он не скрывал, что предпочитал общество людей драконам, и потому не было ясно, почему он ждал так долго, чтобы завести своего ребенка. Он притворялся фермером почти век! Я ожидала, что у него был целый каменный дом детей за годы, но так не было, и...

— Почему? — повторила я. — Почему ты решил сделать меня?

— Потому что твоя мать хотела тебя, — просто сказал он. — И я хотел ее счастья.

Я не могла в это поверить.

— Ты сделал все это ради мамы?

— Да, — он нахмурился. — Ты должна понять. Почти век назад многие дети людей не выживали дальше пяти лет. Зачем мне рисковать, вкладывая себя во что-то, что скорее всего

умрет? И детей я нахожу отвратительными.

— Вот это да.

Ён пожал плечами.

— Это правда. Но в этом веке забота о здоровье продвинулась, научились редактировать гены, и я решил, что пора рискнуть. Люди были у меня, сколько я себя помнил, включая многих ценных супругов, но у меня не было дочери. Я подумал, это будет уникальный опыт, это запомнится на поколения. Я не ожидал, что полюблю тебя.

Сорняки выпали из моих рук.

— Что?

— Знаю, — он хмуро посмотрел на сорняк, который вырывал из земли с умелой точностью. — Это было глупо, чтобы дракон привязался к такому беспомощному и нелогичному маленькому созданию. От этого было больше проблем, чем от каких-либо решений в моей жизни. От этого все еще проблемы, но я принял бы глупо это же решение, даже зная то, что я знаю сегодня.

Я не верила ушам. Нет, я верила тому, что причинила отцу проблемы, но остальное застало меня врасплох. Я всегда знала в душе, что у отца была симпатия ко мне, но я думала, что как к сокровищу. Предмету. Я не думала, что он ценил меня и нормальным образом.

— Ты меня любишь.

Предложение звучало как вопрос, и отец нахмурился.

— Конечно, люблю. Иначе зачем я так страдал бы ради тебя?

Это был хороший аргумент, но:

— Ты так не говорил раньше!

— А зачем? — буркнул он. — Я только что сказал тебе, что это было слабостью, а кому нравится показывать слабости? И я не видел смысла отмечать очевидное. Это лишнее.

Когда он так говорил, это было очевидно, но я все еще не могла говорить от шока. Все это время я думала, что отец боролся, чтобы владеть мною или наказать, потому что я не пресмыкалась, как другие люди, когда правда была куда проще. Мой папа любил меня, и он стеснялся этого.

Я видела, почему. Я была всем, что презирал дракон: слабый человек, не особо красивый, не мог дать ему ничего. Непослушный человек, чья магия всегда была разочарованием. Я была тем, что его культура говорила отрезать, но он не сделал этого. Хотя я была с изъятиями и мятежом, он не переставал звать меня своей. Впервые, сколько я помнила, это не казалось плохим.

Мы долго после этого пололи в тишине. Мы закончили с грядками и переходили к однолетникам, когда доктор Ковальски подошла к нам.

— Ну? — я радостно посмотрела на нее. — Вы что-нибудь нашли?

Она покачала головой, и я расстроилась.

— Прости, Опал. Я прочла все о передаче магии, что могла найти, и они соглашаются, что нет способа перевести обычную магию в огонь дракона. Поверь, это пытались сделать. Драконы заставляли магов поискать способы усилить их искусственно с появления магии у людей, но это не сработало. Ни разу. До тебя.

Это радовало, наверное, но не помогало в нынешней проблеме.

— И ничто не подскажет мне, как сделать это лучше, чем я уже делаю?

— Учитывая то, что ты совершаешь невозможное, ты хорошо справляешься, — сказала доктор. — Но нет. Если ты не готова скормить ему еще дракона, я не знаю другого способа

усилить его. Боюсь, тебе придется передавать огонь самой.

Черт. Я была не против кормить отца теперь, когда я уже не хотела отчаянно прогнать его из своей жизни, но драконам нужно было много магии, а у меня был плохой опыт с управлением огромной силой. Каждая передача магии утомляла меня, и это было каплей в море. Так я буду передавать магию отцу всю жизнь. Это выглядело безнадежно, но когда я повернулась спросить у папы, что он хотел сделать с этим, меня потрясло, что он улыбался.

— Мы справимся.

— С ума сошел? А Корея? Ты не можешь защищать ее, когда ты такой, и я не могу вернуть тебя в боевое состояние сама!

Звучало ужасно, но отец пожал плечами.

— Ты вернула меня к жизни, хотя я должен был умереть. Это уже чудо. Теперь нужно совершить второе.

— Я польщена, что ты уже так веришь в мои способности, но «надежда на чудо» — это не план.

— У меня есть вера, — его губы дрогнули. — А у тебя есть склонность совершать невозможное. Каждый раз, когда я считал, что ты в тупике, ты находила способ высвободиться, даже если приходилось двигать мир. Надеюсь, это безумие сработает для меня, а не против меня в этот раз.

Технически я двигала мир дважды, чтобы спасти его, но я не хотела поддерживать это безумие.

— Это не сработает, — твердо сказала я. — Я просто не могу кормить тебя огнем достаточно быстро сама. Если хочешь вернуться на ноги, пока у тебя не забрали территорию, нужно найти дракона. Ты же можешь кому-то заплатить за огонь?

Ён фыркнул.

— Ни один достойный дракон не даст огонь за деньги. Власть нужно завоевать, а я, к сожалению, слишком слаб, чтобы одолеть того, кого стоит съесть, — он покачал головой. — Нам нужно продолжать и посмотреть, что будет. Если продолжишь вливать в меня огонь, как ты делала, я должен быстро дойти до уровня, когда огонь станет пополняться сам. До этого...

Он вышел из своего тела, и оно рухнуло к моим ногам. Я вскрикнула.

— Можно предупредить в следующий раз?! — закричала я на его призыв.

— Я думал, это было очевидно, — папа пожал плечами. — Эта форма слабая и не может взаимодействовать с окружающим миром. Но ее легко поддерживать, и ее не видят люди. Это важнее в нашей ситуации.

— Ты не невидим для драконов, — напомнила я. — Дух Драконов сказала...

— Если один из моих врагов нас увидит, в этом облике я буду мертв так же, как и в том, — ответил он, с отвращением скривив губы, его нога из дыма прошла сквозь костлявую грудь его тела. — Я лишь немного сильнее человека, которого изображаю. Я не смог бы биться даже с ребенком-драконом, куда там до взрослого, — он покачал головой. — Нет. Если я погибну, то лучше в корме, которая сберегает мою силу и привлекает меньше внимания.

— Не могу спорить с этой логикой, — доктор Ковальски повернулась ко мне. — Я могу оставить его тело в одной из моих спален, если хотите. Это место безопаснее твоей квартиры, и СЗД хочет, чтобы его пока что там не было, чтобы она убрала в твоей спальне.

— Зачем СЗД убирать мою спальню? — спросила я. — Я думала, уборка — работа

смертных.

— Обычно, да. Но это дело безопасности, — ответила доктор Ковальски. — Ты вызвала Духа Драконов к себе, и она сможет найти обратный путь, когда захочет. Раз твоя квартира парит в магии СЗД, она может пробраться в нашу богиню. Наш город любит драконов, но она не так глупа, чтобы оставить заднюю дверь открытой для дракона, так что она решила устроить перестановку. Не переживай, тебе понравится результат.

Я не переживала, что потеряю спальню в крови, но я переживала за папу. Это было его тело, и ему выбирать, но его силуэт из дыма слишком сильно напоминал призрака. Я не могла допустить мысль, что папа умрет, до нашего перемирия. Я не хотела, чтобы об этом напоминали теперь, когда появилась надежда, что все станет лучше.

— Уверен насчет этого?

— Нет, — сказал Ён. — Но порой нужно выбирать лучшее из худших вариантов, и это временно. Чем больше магии ты мне дашь, тем сильнее я стану. Даже если ты не придумаешь краткий путь, хотя я уверен, что ты найдешь его, я буду вскоре собой.

— Вскоре — это когда именно?

Он задумался на миг.

— Через пару веков.

Я так и знала. Проклятые бессмертные! Но, кроме ругательств, я ничего не могла сказать. Огонь папы был из двух тысяч лет и проглоченного отца-дракона до того, как я истощила его. Конечно, его не восстановить за пару дней, недель, месяцев или человеческих жизней. Я просто хотела бы верить, как отец, что я что-то придумаю.

— Все будет хорошо, — доктор Ковальски похлопала меня по плечу. — Ты — чудесный маг! Даже если ты не найдешь решение для быстрого восстановления дракона, ты станешь лучше передавать магию. Давай работой над этим и займемся.

— Что? — я огляделась в саду, залитом солнцем. — Тут?

— У тебя время обучения, — она села на пенек, который был оставлен художественно посреди клумбы анютиных глазок. — За тренировку! Ты не делала утром сложных заклинаний, и СЗД говорит, что ты отправишься вечером вместо работы на спортивное событие.

Я кивнула для себя и для нее. Во всем безумии я почти забыла о бое Ника этой ночью. Вспомнив, я еще меньше захотела отдавать отцу силы, ведь это утомляло меня. Я не знала толком, но арена Геймскипера точно не была местом, когда я хотела идти без магии. Но мне нужно было накормить его магией, и доктор Ковальски была тут...

— Ладно, сделаем это.

— Отлично! — наставница потирала ладони. — Делай это медленно, пожалуйста. Я хочу видеть, как именно ты меняешь магию.

Я кивнула и подняла ладони, сосредоточилась на теле отца, ведь его призрак меня нервировал. Наша связь была в моем разуме, так что не было важно, куда я направляла ладони, это было делом принципа. Я хотела ощущать, что исцеляла отца по-настоящему, а не наклеивала пластырь на рану, которая могла никогда не закрыться.

Но эти мысли только усложняли тяжелую работу, и я отогнала их, потянувшись к теплой магии сада, закрыла глаза и приняла воспоминание об огне.

Я смогла передать магию отцу три раза за следующие два часа. Я не думала, что получится, но, как доктор Ковальски предсказала, процесс становился легче, чем больше я это делала. Это все еще утомляло, но присмотр доктора Ковальски воодушевлял меня стараться, и это помогало смягчить напряжение. Она обильно хвалила меня, и это было огромным фактором.

Что я могла сказать? Похвала от властных лиц была новым опытом для меня. И я была готова утомлять себя ради этого, потому что даже после второй передачи, когда я уже была готова упасть, я как-то умудрилась совершить третью.

Это сработало. Когда я рухнула кучей, папе было намного лучше. Его физическое тело уже не видело как пациент с раком, и его дымчатый облик не просвечивал, ветер меньше трепал его. Его настроение тоже улучшилось. Я не понимала, каким вялым и сентиментальным он стал, пока он не выпрямился и не посмотрел свысока, как гордый дракон, которого я помнила. Это вызвало смешанные ощущения, ведь его слабость и уязвимость позволили нам поработать над нашими проблемами, но все равно было приятно, что отец уже не выглядел как при смерти.

Его новый пыл сделал его полезнее. Он не только смог, вернувшись в тело, закончить прополку сада, пока я тяжело дышала на земле между передачами, но и поднялся на чердак, где была запасная спальня — она же кладовая — доктора Ковальски. Хорошо, ведь я не знала, как мы с доктором К. несли бы его поверх всех коробок, которые она собрала перед кроватью. К счастью, папа вернулся к прежней ловкости. Он перепрыгнул препятствия, вытянулся на пыльном двойном матрасе, лишь немного кривясь.

— Вот так, — он поднялся облаком дыма из своей груди, как только тело улеглось. — Я должен быть в порядке на вечер.

— Ваше тело будет тут идеально защищено, — сказала доктор Ковальски с лестницы, которая была слишком узкой и хлипкой, чтобы выдерживать больше одного человека за раз. — Никто не придет сюда без разрешения СЗД, кроме Великого Пророка Хартстрайкеров, а он появляется только по вторникам за овощами.

Отец нахмурился от этой новости.

— Ты не должен оставлять тут тело, если не хочешь, — шепнула я.

— Нет, — Ён покачал головой из дыма. — Мне лучше, чем было, но все, что я сказал до этого, остается правдой. Пока я не наберусь сил, чтобы выступить против другого дракона, это самая безопасная форма. И хороший шанс потренироваться.

Я моргнула.

— Тренироваться?

Отец усмехнулся, дым не смягчал его хищные зубы.

— Я не слышал о драконе, который мог покидать тело, раньше. Если я смогу пережить это испытание и сохранить способность покидать тело, я получу новое стратегическое оружие, которое никто из врагов не будет ожидать.

Я фыркнула.

— Только дракон может сделать оружием облик из дыма.

— Поражение не должно быть напрасным, — мудро ответил Ён, двигаясь среди коробок. — То, что можешь выжить, делает тебя сильнее. Потому что старые драконы самые опасные.

Я закатила глаза. Да, отец стал прежним. Но если ему было удобно, так и быть. Было уже полтретьего, обычная утренняя тренировка затянулась на два с половиной часа. Обычно

СЗД появилась бы уже проверить меня, но я не слышала даже шепот от своей богини, так что она вряд ли придет. Странно, ведь она просила взять ее с собой на бой этой ночью, но ладно. Она была духом, так что могла делать, что хотела. А я собиралась поесть и уйти отсюда.

Радоваться казалось неправильным. Хотя будет страшно смотреть, как Ник бьется на арене за свою жизнь, это был мой первый выходной за два месяца. Я уже потеряла два с половиной часа, и я не собиралась тратить ни секунды больше. Я съела салат, который для меня приготовила доктор Ковальски, так быстро, как только могла, и побежала в свою квартиру переодеть джинсы... на другие джинсы, ведь одежда, которую давала мне СЗД, была всем, что у меня было.

Дверь спальни была закрыта, когда я пришла. После того, что доктор К. сказала об изменениях, я не осмелилась открыть дверь. К счастью, СЗД передвинула вход в мою ванную в гостиную, и я не была отрезана от нее. Я помылась и стала искать в ящиках джинсы, которые не выглядели как мешок на моих ногах. Выбора было не так много, но после получаса примерки я нашла самую хорошую версию своей обычной формы из плотных джинсов, простой футболки и ботинок. Не самый модный вид, но я не знала, что надевали на арену смерти. Может, так и одевались.

Но это было не важно. Я могла пойти голой, и никто не увидел бы из-за огромного защищенного магией пончо, которое я вытащила из шкафа. Я стряхнула пыль и опустила его на плечи, закрывая себя от шеи до голеней объемным зачарованным плащом, даже менее стильным, чем мои джинсы, но пончо хотя бы выглядело дорого.

Отец одобрительно кивнул, увидев это.

— Рад, что ты сберегла хоть что-то, что мы тебе дали.

— Я не такая мелочная, — я с теплом погладила пончо. — Оно спасало мою жизнь больше раз, чем я могу сосчитать. Оно мне не нужно для работы на СЗД, но я не собираюсь идти на арену Подземелья, не прикрыв зад. И остальное тело.

— Но с пончо выше вероятность, что тебя попытаются обворовать, — сказала Сибил в моем наушнике. — Дорогая защита намекает, что у тебя есть то, что стоит украсть.

— Пусть пробуют, — заявила я, опустила очки на глаза, чтобы видеть всю дополненную реальность и использовать камеры. — Я — жрица СЗД. Пока мы в городе, то, что они украдут, вернется в мой карман.

— Уверена насчет этого?

Я не была, но СЗД много раз говорила, что заботилась о своих. Я почти хотела, чтобы кто-нибудь попытался. Я уже не была отчаянным магом. Если кто-то направит пистолет на мое лицо, я отвечу ударом.

— Я люблю уверенность, — Сибил показала мне карту Рентфри. — Но мы идем в ту часть Подземелья, где выше всего уровень убийств в западном полушарии, так что, может, сбавим обороты жестокости.

Карта, которую она показывала мне, выглядела тревожно красной.

— Это обновленная версия?

— Все обновлено! — радостно сказала ИИ. — Как только ты позволила мне использовать интернет, я обновила и исправила все, что можно было. Мы снова в отличном состоянии и с резервной копией на облаке, детка!

— Вот и хорошо, — сказала я и сжала ручку двери. — Готов?

— Возможно, — сказал отец. — Ты говоришь со мной или одним из голосов в твоей голове?

Я пожалала плечами.

— Это был общий вопрос. Но раз ты не сказал, что не готов...

Я повернула ручку и открыла дверь, удерживая в голове место, а не картинку, ведь не знала, как выглядело то, куда я хотела пойти. Это был самый неточный запрос для этого заклинания, но после приключений прошлой ночи и открытия двери в машину Ника я ощущала себя увереннее в способностях движения по городу. И дверь открылась в Рентфри. На главном мосту, что удивляло, но не должно было, потому что я и думала о мосте над разломом.

Глупый выбор, ведь на мосте не было дверей, но эту часть Рентфри я помнила лучше всего. И это сработало! Несмотря на невозможность, Дверь открылась в одной из стальных опор, которые не давали полосе асфальта рухнуть в бездну. Внизу тянулась яма Рентфри, даже глубже, чем я помнила, отвесные стены из зданий медленно двигались, как шестеренки в большом механизме.

Отец не ожидал внезапной вертикальности, потому что схватился за металлический кабель, который служил перилами моста, чуть не выпал за край, когда его ладонь из дыма прошла сквозь него.

— Где это место? — спросил он, вернувшись ко мне.

— На дне Подземелья, — ответила я, озираясь на прохожих, посреди которых нас высадило мое заклинание. — И тут людно.

Рентфри был людным, когда мы с Ником пришли сюда на Ночной аукцион, но сейчас было намного хуже. На мосту было столько людей, что я даже сильнее обычного переживала, что он развалится. Толпа была поровну разделена между туристами и жителями Рентфри, зарабатывающими на них, но было сложно понять точно из-за массы рекламы в дополненной реальности, закрывшей все через пару секунд.

— Сибил!

— Прости, — поспешила сказать ИИ. — Я установила новейший блокировщик рекламы, но боты тут самые агрессивные в городе. Мне просто нужно... вот!

Стена рекламы пропала, и я выдохнула с облегчением. Но, хоть сообщения о скидках и дешевом оружии уже не лезли в лицо, Сибил не могла ничего поделать с билбордами, которые проецировались в общей дополненной реальности над нашими головами. На многих был хмурый Ник.

— Ох, — я вытянула шею, чтобы лучше видеть мелькающие картинки. — Похоже, этот бой — серьезное дело.

— Огромное, — подтвердила Сибил. — Реклама на всех платформах, и ты посмотри на толпу! Судя по карте толп СЗД, это большое скопление даже для субботы, а суббота — самый большой день в Рентфри.

Я забыла, что была суббота — такое бывает, когда работаешь каждый день — но было логично ставить важный бой в день, когда многие могли прийти. Туристы здесь были из разных стран, в отличие от Земли любви. Многие прибыли из Мичигана, перебрались через границу ради ночи разбоя, но о Рентфри знали во всем мире. Туристические компании отмечали, что там можно было испытать Подземелье СЗД по максимуму, и место отвечало репутации. Бизнес тут был таким грязным, что граничил с пародией. На одном стрип-клубе была большая неоновая вывеска, где предлагали бесплатный пистолет за каждый час в VIP-комнате.

— Очаровательно, — отец отвернулся от мигающих огней и приподнял бровь из

дыма. — Этому богу ты служишь?

— Не все такое, — недовольно сказала я. — Минус города свободной воли в том, что порой люди используют свободу для разрушительных поступков. СЗД ничего не может с этим поделать.

Я защищала ее, но не верила полностью в свои слова. В каждом городе были плохие районы, но Рентфри был худшим. Я не была ханжой, но тут веселье из грязного становилось жестоким. Рентфри всегда для меня был воплощением плохого. Некоторые проститутки в толпе перед нами выглядели юными и пьяными, и хоть работа с сексом была личным выбором, который город ценил, это не казалось хорошим.

Я замерла на миг, чтобы узнать, озвучит ли свое мнение богиня, но место в моей голове, где обычно говорил город, оставалось тихим. Разочарованно хмурясь, я сунула ладонь в карман, чтобы защитить телефон, и пошла в толпе. Бой Ника начнется через несколько часов, но я не знала, как долго придется идти в такой давке. К счастью, толпа шла в одну сторону, куда мне и нужно было.

Хорошо, что так было, иначе я не смогла бы выбраться, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Взволнованно болтающие туристы и работники района подхватили меня, как лист — течение реки. Я могла выбрать только, ехать на лифте или спускаться по лестнице в огромный каньон из домов, где круглая арена лежала, как жемчужина, ее купол сиял огромными движущимися рекламами, показывая примеры жестокости, которая вскоре произойдет внутри. В отличие от рекламы, которая еще плясала по краям поля зрения, несмотря на борьбу Сибил с этим, эти картинки проецировались на реальную физическую поверхность, так что мой папа — который, как парящий дух, был без дополненной реальности — тоже видел. Судя по его лицу, он не был рад.

— Кровавый спорт всегда привлекал массы, — сказал он, пока мы шли по ярко озаренной металлической лестнице, потому что я не доверила бы свою жизнь лифту Рентфри. — Но это глупо. Они показали, как человеку оторвали голову.

— Тут такое происходит, — тихо ответила я, вдруг сильнее переживая за Ника. — В СЗД разрешено почти все, пока обе стороны согласны, даже бои насмерть. Это дает аренам Подземелья привлекательность в мире.

— Аренам, — повторил удивленно отец. — То есть, тут больше одной?

Я кивнула. В Подземелье было много мест, где можно было заплатить и посмотреть, как люди убивают друг друга, но не такие знаменитые, как то, к которому мы спускались. Я держалась подальше от такого, потому что — фу, но после того, как Ник упомянул свое прошлое во время нашего прошлого похода сюда, я поискала информацию. Арена Геймскипера была заведением, таким же старым, как сам район Рентфри, и бои там показывали по всему миру, по крайней мере, там, где прямой эфир с убийствами людей не был запрещен законом.

Международный интерес помогал всем тут зарабатывать. Толпы арены затмевали толпу на Ночном аукционе, и, судя по данным Сибил, которые она вызвала в ответ на мое любопытство, они тратили намного больше. Посреди толпы я понимала, почему. Все тут, несмотря на их возраст, были как ученики колледжа на весенних каникулах. Я была уверена, что только мы с папой вели себя серьезно, даже торговцы были взволнованы. Серьезно, все, кого мы проходили, были пьяными или под действием наркотиков.

После нашей встречи с Мэгги это не должно было удивлять меня. Даже Ник говорил, что принимал такое, пока жил тут. Я не знала, было это чертой их культуры, или только так

можно было выжить в Рентфри. Может, все сразу.

Но вид был интересным. Крытая спиральная лестница вела к арене, была украшена рекламой, как все тут, но было достаточно брешей, в которые я видела стену из движущихся зданий, которую мы проходили. Они двигались, постоянный гул заставлял металлическую лестницу дрожать, как бензопила, под моими ногами.

— Почему они так много двигаются? — отец смотрел в брешь в решетке на здания вокруг.

— Это место — запас СЗД, — объяснила властно я. — Тут она оставляет здания которые потом передвигает в город, но которые еще не готовы для финального расположения. Это место постоянно нестабильное, меняющееся, но она хочет, чтобы люди жили тут, и она не просит аренду тут. Отсюда и название Рентфри.

— Это я знал, — сказал Ён, это потрясло. Я думала, что отец намеренно не хотел ничего знать об СЗД. — Почему они движутся все время? — он указал на стену зданий, меняющуюся постоянно с нашего прибытия. — Видишь? Казалось бы, здания должны стоять, пока их не переместят в финальное место, но они кружатся, как шестеренки. Они никуда не пропадают, — он нахмурился. — В этом нет смысла. Даже для духа города двигать такие большие предметы должно быть сложно, так зачем она это делает? В чем смысл?

Я не знала. Я слышала только такое объяснение, как дала. Но после слов папы эти движения показались напрасными, утомительными. Я не представляла, как можно было жить в здании, которое не могло стоять на месте. Я была в меньшинстве, похоже, потому что во всех окнах, проносящихся мимо нас, что-то было. Порой — ужинающая семья, порой — уснувшие на картоне наркоманы, а то и летучие электромышы, жующие провода, но всегда что-то было.

Место, где не нужно было платить за аренду, манило, хоть и приходилось жить в месте, которое крутилось, как юла. Для многих постоянная смена адреса могла быть бонусом. Если хотел исчезнуть, сон в комнате, которая не бывала на одном месте дважды, был шансом, может, потому она и делала так. СЗД хвалила себя как место, где каждый мог найти новое начало.

Эта мысль обычно вызывала ответ богини. Когда я обратила внимание в ее сторону, место, откуда она говорила в моей голове, было тихим. Настолько, что я стала переживать, что ее там не было.

— Что-то не так? — спросил отец. — Обычно ты не такая тихая.

— Я в порядке, — я подняла очки, чтобы потереть подозрительно пустые виски. — Просто нервничаю.

И на то было много причин. Казалось, после сотни завитков мы добрались до конца лестницы, вышли из туннеля из решетки в большой ярко озаренный двор.

Хаос тут был гуще, чем у входа. Мы стояли на дне разлома Рентфри, яма оказалась больше, чем казалось с моста. Рядом с нами арена Геймскипера поднималась, как горб огромного спящего зверя, огромные ряды дверей были открыты, чтобы принять океан людей, которые уже проходили внутрь. Перед ними были кабинки касс, дорожки к ним обрамляли прилавки с едой. Люди бегали всюду, прыгали из очереди в очередь, отчаянно искали ту, где поток двигался быстрее.

Это было глупо, ведь все должны были занять места заранее в интернете. Когда я послала Сибилпросьбу отыскать «Will Call» для билета, который должен был оставить мне

Ник, но ИИ сообщила, что там не было онлайн-интерфейса. Все билеты на арену были на бумаге, их продавали лично в ночь боя.

— Только физические билеты? — поразилась я. — Это что, средневековье?

— Так тут делают дела, — горестно сказала Сибил. — Я говорила, что это место ужасное!

Ругаясь под нос, я встала на носочки, пытаюсь отыскать кабинку «Will Call» в толпе, но видела только головы. Я снимала очки, чтобы поднять их и дать Сибил поискать камерами, когда голос отца сказал над моей головой:

— Туда.

Я удивленно подняла голову, он парил в паре футах над землей. Это не требовалось, ведь его рост уже делал его выше толпы смертных, но он был рад, что мог так парить.

— Выделяешься.

— Использую то, что могу, — ответил Ён, взлетел еще выше, парил надо мной, как нахальное драконье облако, пока я расталкивала локтями бесконечную стену торговцев футболок и промоутеров на пути к окошку нужной кабинки.

Пока я добиралась до окошка, мне предложили все от приватного танца на коленях до уроков по боксу и аренды квартиры в затопленных руинах Флориды. Торговцы понимали нет только с третьего раза, и их было очень много. Цифровые торговцы тоже били по Сибил, моя бедная ИИ страдала, отгоняя их.

Хорошим было лишь то, что с билетом не возникло проблем. Леди в окошке даже не проверила мой ID. Я сказала ей свое имя, и она вручила мне красную полоску бумаги с кодом и сказала идти дальше. Когда я выбралась из толпы, я поняла, что войти будет сложнее, чем казалось.

— Ого, — я отклонила голову.

Глядя с моста, я знала, что арена была большой, но было сложно оценить, насколько, пока не стоял перед ней. Я думала, арена будет размером с обычную спортивную арену, но у Геймскипера арена была больше всех стадионов, какие я видела. Она была не только странно высокой, центр с белым куполом окружало толстое кольцо внешних зданий, которые, казалось, вместили в себя кучу ресторанов, клубов, баров, стрип-клубов, арен виртуальной реальности, курилен, магазинов дорогой одежды и всего, что нужно было, чтобы настроить толпу на желание тратить деньги.

Клиентов было много. Как только я миновала зону касс, я оказалась в новой очереди людей, ждущих, чтобы пройти через огромную стену дверей на первом этаже арены. Эта очередь хотя бы двигалась быстрее первой, потому что никто не проверял сумки и не проверял, были ли билеты оригинальными. У меня даже не отсканировали код на билете. Его надорвали, и мужчина пропустил меня внутрь, закричал над моей головой, чтобы группа за мной подошла ближе.

Я не хотела, чтобы меня затоптали любители кровавого спорта, так что побежала вперед. Когда моя нога пересекла порог двери арены, что-то ударило меня по лицу, остановив. Это произошло так резко, что отец улетел на несколько футов вперед, пока не понял, что я уже не шла под ним.

— Что это? — спросил он, вернувшись.

— Да, что происходит? — сказала Сибил. — Твое сердце вдруг забилося очень сильно.

Я не ответила, потому что не знала. Я не знала, как описать ощущение, но, когда я прошла в арену, что-то изменилось. Что-то было не так, но не со мной. Дело было в городе.

Я не покидала СЗД, став жрицей. Я не была сейчас снаружи, но что-то в магии в этом месте ощущалось неправильно. Обычно хаотичная магия города сменилась чем-то резким, острым и не дружелюбным. Но заметила это только я. Остальная толпа даже не замерла, проходя в двери. Они шагали быстрее, спешили к лабиринту баров, столиков с едой и сувенирных магазинов, озаренных неонами, которые я едва видела в тумане неправильности.

«И ты это ощутила? — сказала СЗД. — Я так и думала».

Я подпрыгнула. Богиня молчала весь день, но вдруг зазвучала, словно была за мной.

— Где ты была? — спросила я, растерявшись так, что забыла подумать вопрос, а не произносить его. — И что значит «и ты ощутила»?

«У меня есть теория, — ответила дух, игнорируя мой первый вопрос. — Но я не хочу влиять на твоё восприятие. Просто будь внимательной и знай, что я с тобой. Я не многое могу делать, но ты не одна».

С ней, ИИ и призраком отца я не переживала, но другие ее слова насторожили меня.

— Почему ты можешь не многое? — я немного паниковала. — Это же твой город?

«Многие зовут меня домом, — загадочно сказала СЗД. — Некоторые сильнее других. Тебя еще не заметили, так что все должно быть в порядке. Просто плыви. Я скажу, если вода станет слишком глубокой».

Это не утешало, но спорить смысла не было. Конечно, моя богиня радостно дала мне пропустить работу. Я была ее подземной лодкой в гадких водах. Я могла только идти дальше, потому что не собиралась пропускать бой Ника. Я просто надеялась, что мы не забрели в логово какого-то дракона. Иметь дело с СЗД уже было сложно. Если придется переживать за папу, я порвусь на кусочки.

— Это не дракон, — сказал отец, когда я упомянула это. — Если это дракон, он очень хорошо прячется. Конечно, было бы сложно управлять таким местом под носом Миротворца, но вряд ли тут дракон.

— Готов поспорить? — спросила я, толпа несла нас вперед. — Потому что твои слова могут доказывать, что это логово дракона, а мы отмечаем эту версию.

— Я не чую дракона, — упрямо сказал Ён.

— У тебя нет носа, — напомнила я.

— Ощущение драконов не связано с органами, — объяснил отец. — Это насчет силы. Я ощущаю других драконов, как они могут ощущать меня. Восприятие просто ощущается как запах. Это не связано со старым понятием нюха. Хоть я сейчас слабый, я точно ощутил бы, если бы мы попали в чье-то логово.

— Если они не скрываются, как ты говорил.

Ён сдвинул брови из дыма.

— Почему ты так хочешь верить в худшее? Это на тебя не похоже.

— Просто пытаюсь оправдать ощущение обреченности, — я сжала свое зачарованное пончо, плотнее укутывая тело, пытаюсь закрыться от странной магии. — Поищем наше место.

Как я и заметила снаружи, арена Геймскипера была разделена на два круга: внешний круг с туалетами, коридорами и киосками, а внутренний круг был с сидениями и ареной. В стиле Ника мое место было самым дешевым, далеко от части, где было видно подробности. Подниматься туда было долго, но хотя бы не скучно.

На обычной арене в обычном городе на пути к своему месту можно было пройти мимо сладкой ваты, печенья и дорогого пива. Но это была арена смерти на дне Подземелья СЗД.

Чтобы попасть на нужный этаж, мы миновали десять борделей, пятнадцать стрип-клубов и больше торговцев наркотиками, чем на всей Земле любви. Даже туалеты были платными и полными флаеров девушек по вызову, которые могли встретить тебя у твоего места. Все было продумано.

Иронично, я не видела толком игорные дома, что потрясало, пока я не поняла, что я зашла недостаточно далеко. Как только я прошла по кругу и попала в широкий бетонный коридор, ведущий к моему месту, мою дополненную реальность атаковали предложения сделать ставки. Сибил расчистила их достаточно, чтобы я видела, куда идти. Я заметила, что тут были и киоски для ставок с экранами и окошками с людьми в старом стиле.

Даже по стандартам СЗД, где на каждом углу были торговые автоматы, строение арены потрясало. И я понимала, почему охрана на входе была слабой. Это место не зарабатывало только на билетах. Это был способ направить людей в дверь, чтобы они попали в лабиринт услуг с играми, сексом и выпивкой, и цена была тройной, в отличие от других мест. Если бы я не была в паутине сама, меня впечатлило бы, как хитро Геймскипер создал заработок. Даже на дешевом месте был дисплей, чтобы заказать еду, выпивку и наркотики, которые принесли бы к моему месту. Тут даже можно было купить прямую связь с камерой дрона, чтобы видеть действие вблизи.

Я выбрала последнее. Как я и сказала, арена была большой. Если не заплатить за камеру, вряд ли я поняла бы, какая из точек была Ником, а какая — его противником.

Было еще рано, места рядом со мной были пустыми, но мне казалось, что это было ненадолго. Судя по толпе снаружи, будет людно. Я была отчасти гордой, что Ник привлек такое внимание, когда Сибил сообщила, что дело было не в этом.

— В субботу всегда все продано, — она показала мне цветной график. — Боев чуть больше, чем обычно, но сегодня шоу не только с ним. Ник — хэдлайнер, но до этого четыре других боя.

Я застонала.

— Нам придется сидеть четыре других боя, пока Ник не выйдет?

— Такое расписание, — бодро сказала Сибил. — Судя по комментариям, все бои ждут.

Я не считала это хорошим знаком, ведь график арены смерти хорошие люди не комментировали бы.

— Будет кроваво?

— В программе указано, что шоу будет «превосходить ваши дикие мечты». Но там нарисовано пятно крови, так что, видимо, да.

Я сжалась на пластиковом сидении. Отлично. Видимо, прибыв сюда ради Ника, я останусь на ночь резни на арене Геймскипера, который сказал Коффману купить у меня василисков из-за их способности страдать, что создало бы хорошую драму. От одной мысли об этом меня мутило, но и предыдущее неприятное ощущение не пропало. От их комбинации меня почти тошнило, и я решила попробовать заклинание от рвоты. Ничего вычурного, просто мой ленивый вариант заклинания от похмелья, которое каждый маг изучал в колледже. Когда я потянулась к магии, чтобы попробовать, сила ускользнула из моих пальцев.

— Что за?

Я попробовала снова, хмурясь, пытаюсь сжать горсть магии, которая всегда плыла в СЗД. Но почему-то магия тут не слушалась. Я могла ее схватить, но когда пыталась придать ей облик, сила ускользала из моей хватки, словно ее кто-то оттягивал.

— Ты это ощутила?

Вопрос был для СЗД, но, что странно, ответил мой папа:

— Да. Магия тут странная.

— Откуда ты это знаешь? — мне было искренне интересно. — Драконы не используют магию людей.

— То, что мы не можем толкать магию, не означает, что мы ее не чувствуем, — сказал он, опустив плечи, пока парил над пустым местом рядом с моим. — И сложно не заметить изменения в гуле силы, когда ты сам сделан из магии.

Это я понимала.

— Как это ощущается?

— Будто я плыву в океане, и прилив уходит, — Ён неловко подвинул просвечивающее тело. — Я не знаю, что это устраивает, но вся сила в этом месте тянет влево.

Я нахмурилась.

— Тянет влево?

Отец кивнул.

— Там неудобнее всего.

Я все еще не понимала, и Ён вздохнул.

— Представь, что это место — чаша, — он махнул рукой на огромную арену с кольцами сидений, спускающихся к кругу для боя в центре. — Теперь представь, что она наполнена водой, которую кто-то быстро тревожит, и вода кружится в одну сторону. Так это ощущается.

Я сморщила нос, пытаясь вообразить это. Не представить картинкой — я легко могла представить чашу размером с арену, где вода крутится влево, словно при смыве в туалете — но в плане магии его слова не имели смысла. Даже в таком волшебном городе, как СЗД, сила всегда поднималась из земли. Некоторые точки были оживлены сильнее других, но магия не танцевала в одну сторону. Естественная магия была хаотичной, двигалась рывками, волнами, а не текла уверенно в одну сторону, потому многие маги направляли ее в круг, чтобы что-нибудь с ней делать. Даже шаманам приходилось крепко сжимать силу, а потом пытаться использовать ее.

Большое количество магии текло вместе только в заклинании, но тут этого не могло быть. Технически, это было возможно, но если кто-то колдовал, используя круг размером с арену, каждый маг в городе был бы перепуган.

— Магия точно движется по кругу? Тебя не подхватил ветер?

— Я знаю, что чувствую, — рывкнул отец. — Магия движется влево и вниз по спирали. И она становится сильнее. Я не замечал, что что-то было не так, пока ты не остановилась в дверях, но теперь я не могу ощущать ничего другого. Смотри.

Он поднял руку, и я выругалась под нос. Дым силуэта отца слетал с него, словно на него с силой дул ветер. Он не становился меньше, но я все равно не считала это хорошим знаком.

— Что такое?

«И я хотела бы это знать, — сказала СЗД, ее голос двигался в моей голове, и мне показалось, что она смотрела моими глазами. — Посмотрим, станет ли это сильнее ночью».

Я не хотела, чтобы стало сильнее. То, что тут уже была подозрительная магия, которая двигалась по кругу, усилило мою тревогу. Я понимала, что СЗД скрывала информацию от меня, чтобы мои наблюдения были чистыми, но я начинала бояться.

«Ты будешь в порядке, — сказала богиня. — Ты — моя жрица, помнишь? Ничто плохое с тобой не случится, пока ты моя».

Это немного успокоило меня, но я все еще сидела на краю стула. Было облегчением, когда в колонках загрела музыка, заставляя людей поспешить на их места. Папа издал недовольный звук, когда люди стали занимать места вокруг нас. Рядом со мной оказалась группа из шести немецких туристов. Мужчины средних лет были очень дружелюбными, но и очень пьяными. Один попытался накормить меня попкорном, пока я не заговорила на корейском, замахав руками, словно не знала, что они говорили. После этого они перестали обращать на меня внимание, повернулись к арене, где дико носились лучи прожекторов.

После такого входа я ожидала, что из воздуха появится ведущий, но прожекторы сосредоточились на одной из коробок в воздухе ниже второго ряда трибун. Внутри за стеной пуленепробиваемого стекла был мужчина обычной внешности. Толпа одичала при виде него, но я не понимала причину. Мужчина в свете прожекторов выглядел как типичный бизнесмен. Он даже не был наряжен как бандит, как делали, чтобы их серьезно воспринимали в Подземелье.

Я не могла различить его лицо на расстоянии, но он не казался невероятно красивым или высоким. Я думала, он мог быть случайным гостем, которого показывали в честь его дня рождения, когда ведущий низким голосом объявил, что нам стоило проявить уважение, приветствуя того, кто сделал все это возможным: единственного и неповторимого Геймскипера.

Я нахмурилась сильнее, пока все хлопали. Это был знаменитый Геймскипер? Его так боялся Ник? По внешности нельзя было судить о силе, но он выглядел как продавец матрасов. Он помахал и кивнул кричащей толпе, словно их безумный прием был платой для него, но ничего не сказал, и прожекторы сосредоточились на огромных металлических воротах арены, которые поднимались так медленно, будто сломался мотор или кто-то специально добавлял драмы.

Я прищурилась, еще пару секунд смотрела на коробку с Геймскипером, но без прожекторов не было видно, что было за стеклом. Я вздохнула и посмотрела туда, куда намекали смотреть прожекторы.

— Ладно, Сибил, что тут?

— Похоже на мантикор, — ответила ИИ, сверившись с программой.

Я побелела.

— Разве они не под угрозой вымирания? И разумные?

— Да и да, — сказала Сибил.

Я недовольно сжала губы, медленные ворота, наконец, поднялись достаточно, чтобы двух существ вытащили на песок команды работников. Я была любопытной, так что переключилась на камеру дрона, за которую заплатила, и перед глазами появился близкий кадр двух фантастических существ размером с машины: звери были покрыты красной шерстью, у них были тела львов, большие черные хвосты скорпионов и лица испуганных людей.

Крики толпы стали громче, команды вытащили мантикор в разные концы арены. Меня все еще мутило, но стало хуже, когда я увидела это. Даже без камеры дрона было ясно, что эти существа не хотели биться. Они выглядели испуганно, терзали огромными когтями песок, словно пытались убежать. Глядя на них, я не понимала, почему СЗД позволяла это. Она не видела, что это происходило против их воли?

«Вижу, — шепнула потрясенно СЗД. — Но, несмотря на их разум, они не люди. Значит, они не мои подданные, и мантикоры не входят в список существ, которых защищает Указ

Миротворца».

«Забудь о Миротворце! — недовольно подумала я. — А ты? Это же твой город?».

Дух не ответила. Через пару секунд я забыла о ней, когда команды расстегнули ошейники на мантикорах и побежали к воротам. Оба существа были так напуганы, что даже не гнались за ними. Когда работники скрылись за закрывшимися воротами, прозвучал рожок, видимо, сообщая о начале боя. «Видимо» потому что мантикоры не двигались, сжимаясь от ужаса у изогнутой стены арены. Казалось, боя не будет. Я не понимала, как это воспримет толпа, когда что-то изменилось в магии.

Если бы я не нервничала из-за нее так, я и не заметила бы. Магия дрогнула едва заметно, но когда это произошло, все в мантикорах изменилось. Их испуг пропал, и они уже не сжимались, тела выражали агрессию. Даже их мышцы стали казаться больше под мехом цвета ржавчины, они прыгнули друг на друга, тянулись когтями и хвостами, чтобы убить, пока арена ревела.

Все развивалось быстро после этого. Я не знала, что вызвало изменение, но мантикоры теперь, казалось, желали порвать друг друга на куски. Бой быстро перешел к кровавому, и мне пришлось отключиться от камеры дрона, чтобы меня не стошнило. Я не боялась крови, но ее было слишком много. Бессмысленное и жестокое кровопролитие заставило меня обрадоваться еще сильнее, что я не дала Нику продать маленьких василисков в это ужасное место. Хорошей стороной боя было лишь то, что он длился не долго. Обе мантикоры казались мертвыми в конце, но победитель, наверное, был, потому что после еще одного рожка ведущий сказал людям забрать деньги в окошках.

— Варварство, — сказал отец, когда люди, поставившие на победившую мантикору, поспешили к части арены с букмекерами за деньгами. — Мантикоры — поразительные ученые с фотографической памятью. Я как-то встречал одну, работавшую в давно забытой Библиотеке Александрии. Они древние и мудрые, их осталось мало. Какая потеря.

Я тоже злилась, но не из-за потери. Я злилась, что этому позволили произойти. Зачем было жить в «свободном» городе, если человек сильнее мог прийти и забрать твою свободу? Но, хоть эта мысль была близка к богохульству, моя богиня не ответила. А шоу продолжалось.

После первой бойни я готовилась к худшему, но следующий бой оказался борьбой машин — двух переделанных бетономешалок, одна была оснащена огнеметом. Если бы я не была так расстроена, это мне понравилось бы. Бои грузовиков были тем развлечением, которое я полюбила после детства в учебе. Но я злилась. И меня отвлекала магия, которая стала сильнее, как и говорили СЗД и мой отец. После грузовиков шел бой десять на десять между командами женщин в бикини, улучшенных пластической хирургией, и я закрыла глаза и пустила магию течь через мои ладони, чтобы понять ее природу.

Когда все леди потеряли лифчики и катались в грязи, тянули друг друга за волосы, я решила, что эта магия не была частью СЗД. Магия города ощущалась как город: мокрый бетон, гудки машин и хаос. Эта сила была безумной, но все остальное было другим. Магия СЗД была мягкой и густой, а эта сила была резкой, напряженной и горячей. И я заметила, что она не только двигалась по кругу, но и росла и опадала с толпой. Она становилась сильнее, когда люди просили крови.

Последнее было заметно в бою женщин. Хоть магия росла всю ночь, она стала слабее, пока бились женщины. Дело было не в нехватке жестокости или крови, ведь этого было много, но никто из зрителей не кричал женщинам убить друг друга, в отличие от боев

мантикор и грузовиков. Женщины старались, но их бой явно был поводом сорвать друг с друга одежду. Никто не был в опасности, и толпа веселилась, а не впадала в буйство. Но все изменилось, когда объявили следующий бой.

Люди явно его ждали. Они закричали так громко, когда ведущий вышел, что я не услышала его. Но это было не важно. Он не успел закончить, вся арена стала скандировать:

— Бой бомжей! Бой бомжей! Бой бомжей!

— Что за бой бомжей? — спросила я у немецкого туриста рядом со мной, забыв, что я не должна была говорить на английском.

— Это лучшее, — радостно сказал он, его румяное лицо озарила широкая улыбка. — Они выводят на арену сотню бомжей и посылают их бить друг друга! Последний выстоявший получает десять тысяч долларов. Это круто!

Я не верила ушам. Я знала, что услышала, но он не мог говорить серьезно. Все эти люди радовались, что бездомные люди будут избивать друг друга до смерти?

— Это популярный бой, — сказала Сибил в ответ на мои потрясенные мысли. — В ночь субботы всегда есть бой бомжей. На прошлой неделе пятьдесят бездомных бились с боевым магом из армии США. Все бездомные были в боксерских перчатках в краске, а маг был в белом костюме. Тому, кто оставит след на его костюме, давали тысячу баксов, а маг отгонял их стеной огня. Зрители назвали это «гениальным» и «самым смешным, что я видел». Один мужчина заявил, что это было смотреть как «взрослый бьется с волнами младенцев».

Это не звучало так плохо. Перчатки в краске не убивали, и магический огонь можно было сделать не очень горячим, если знал, что делал.

— Кто-нибудь пострадал?

— О, конечно. Семнадцать мертвых, еще двадцать попали в больницу с ожогами третьей степени. Хочешь увидеть фотографии?

Я скривилась.

— Нет! Зачем на такое соглашаться?

— Арена платила всем участникам, — сказала Сибил. — И Геймскипер оплатил лечение...

— Дело не в деньгах, — недовольно сказала я. — Семнадцать людей сгорели насмерть на глазах зрителей! Как такое законно?

— Их не заставляли, — объяснила ИИ, показала подчеркнутую часть короткого кодекса законов СЗД и рекламу, зовущую участников присоединиться к бою. — Видишь? Участие свободное, за него платят. Есть даже список желающих, ведь, кроме денег за победу, каждый участник получает пятьсот долларов за подписание контракта. Все продумано.

Я не могла поверить в это. Я жила в СЗД годами. Я убирала общежития, незаконные поставки тех, кто сбежал, бросив все свои запасы, а как-то раз ошиблась, и пришлось убирать трейлер, который бросили в дождевой сток. Я думала, что видела худшее в городе, но это было другим. Если сотня мужчин и женщин в лохмотьях из торговых автоматов с кирпичами и кусками труб вместо оружия не выходили на песок на моих глазах, я сказала бы, что это была пропаганда против СЗД, выдуманная журналистами как кликбейт. Это казалось слишком безумным, чтобы быть правдой, но так было. Я сидела на трибунах, толпа редела вокруг меня, кричала жестокие предложения худым сгорбленным фигурам, пока они занимали места. Когда прозвучал рожок, восторг зрителей возрос, и я с отвращением отключилась от камеры дрона.

Я не хотела смотреть на это. Я понимала, почему это происходило. Но мне не нравилось

это. Не нравилось, что толпа вокруг меня смеялась, пока отчаявшиеся люди били друг друга, развлекая их. Это было жестоко. Это должно быть преступлением, но это была СЗД. Все на ринге действовали по своей воле. Это было священным в этом городе, и СЗД ничего не могла поделать. И я ничего не могла поделать.

И мне это не нравилось.

«Мне тоже не нравится», — прошептала богиня мне на ухо.

Я знала это, но это были ее граждане. Они не были бойцами. Они были голодными и отчаянными. Геймскипер пользовался этим. Она должна что-то мочь...

«Нет, — печаль СЗД была такой сильной, что слезы выступили на моих глазах. — Я не как ты, я не могу свободно выбирать каждый день, кем быть. Я — дух города, воплощение того, как мир видит СЗД, Я могу быть только такой, какой меня делают люди, и вы сделали меня такой».

Я вздохнула. Ее другие жрицы говорили мне такое пару раз. Она сама говорила, но от этого проще не становилось. Просто казалось неправильным, что город, который мог двигать здания и ловить драконов в небе, не мог остановить такую жестокую глупость, как бой бомжей. Зачем быть богом, если не можешь своей силой делать то, что хочешь?

«Для этого жрецы, — прошептала СЗД. — Мы, духи, лишь отражения, лица, которые люди считают важными, но это всегда был ваш мир. Люди двигают магию. Люди все меняют».

Может, но я не могла изменить это.

«Но ты можешь, — с пылом сказала богиня. — Иначе почему япустила тебя сюда?».

Мои глаза расширились. Для этого она отпустила меня с работы? Я стояла знать, что это было не ради Ника. СЗД даже не нравился Ник, потому что он отвлекал меня от нее. Но в этом был смысл. Было очевидно до боли, что тут было что-то не так, морально и магически. Я не знала, как, но какая-то сила прогнала всю магию города из арены и заменила ее чем-то ужасным. Чем-то, что пахло кровью. Я не знала, как такое было возможно, но если я ощутила правильно, если магия росла каждый раз, когда люди жаждали крови, мы были в беде. Потому что, если в этом месте и было что-то бесконечным, так это жажда крови.

Словно в доказательство, магия снова стала сильнее, пока толпа кричала, будто поднялась волна в море. Когда я открыла глаза, чтобы увидеть, почему, камера дрона показала, как последний из бездомных упал на колени в замедленной съемке, прижимая ладони в бинтах к зияющей дыре в груди. Я не знала, выживет ли он от этой раны, но он был последним, кто стоял. Жуткий спектакль бомжей закончился, и теперь было время главного события.

Боя Ника.

Глава 8

Даже если бы программа не сказала заранее, чего ожидать, я поняла бы, что пришло время главного боя, по толпе. Они визжали и веселились от каждой части вечера, особенно от последней, но когда свет погас, чтобы армия работников арены убрала бомжей, арена сошла с ума. Немецкие туристы кричали изо всех сил, били руками по воздуху. Они болели и во время других боев, но явно пришли из-за этого. Это было главное событие, настоящий бой, и парни в рубке управления делали так, чтобы все это поняли. Я едва видела из-за дыма и лазеров, и музыка гремела так сильно, что пол дрожал.

Но, пока всех зачаровывало напряжение, я боялась так, как еще не было в моей жизни. Этим утром я была уверена, что Ник победит. Но после жестокости и нечестности этого места я боялась за него так, что дрожала на своем сидении.

Стало хуже, когда большие вентиляторы на потолке заработали, очищая воздух, чтобы стало видно картинки на каждом экране и поле дополненной реальности в арене. Это были те же две фотографии лиц, которые висели по всему Рентфри, когда мы прибыли. На первой был огромный и ужасно бледный мужчина с тонкими белыми волосами, жутким шрамом на лице, тянущимся к фальшивому глазу, и квадратной челюстью с острыми углами.

Я разглядывала его фото, потому что должна была, но не могла заставить себя даже прочесть его имя. Мое внимание было приковано к фото рядом с его, близкому снимку хмурой гримасы Ника над большими сияющими буквами «Злой Пес».

Вот. Его настоящее имя даже не указали. Только его прозвище, которым его дразнил Коффман в Узлах. Нику это не нравилось, и, судя по его гримасе на фотографиях, он все еще не был рад. Я не понимала, как он получил прозвище. Ник был самым спокойным и терпеливым, он никак не был похож на Злого Пса. Хотя имя явно ему подходило, потому что как только его фотография появилась в общей дополненной реальности, толпа стала скандировать:

— Злой Пес! Злой Пес! Злой Пес!

— Твой преступник тут любимец, — отметил отец, паря в воздухе надо мной. — Я знал из досье о нем, что он был профессиональным бойцом, но я не понимал, что он был так знаменит.

Обычно тут я разозлилась бы на папу за то, что он получил досье на Ника. Но теперь это было тратой времени. Великий Ён был богатым драконом, полным подозрений. Конечно, он заплатил кому-то, чтобы проверить Ника. Меня больше интересовали другие его слова, потому что я думала о том же.

То, как он говорил прошлой ночью, звучало так, словно прошлый раз на арене Ник был лишь время от времени. Быстрая и грязная работа, которую он делал, когда ему были нужны деньги. Но реакция была не такой. От его фотографии толпа завопила, будто он был рок-звездой, вернувшейся из мертвых, и я это не понимала. Как он был таким знаменитым?

— Потому что он — легенда, — Сибил тут же стала объяснять, уловив мой вопрос. — Никола «Злой Пес» Кос — единственный непобедимый чемпион в истории арены. Он победил семнадцать матчей подряд пять лет назад и пропал на пике карьеры. Конечно, люди сходят с ума. Дошло до того, что Геймскипер предложил награду в миллион долларов тому, кто вернет его, но он не появлялся.

Мои губы стали О. Это многое объясняло о Нике. Я думала, что он после жизни в Рентфри и преступлений менял адреса и постоянно осторожничал. Если Геймскипер охотился на него, его поведение было понятнее. Это была не паранойя.

Я видела жестокость арены этой ночью и была потрясена, что мы не пострадали раньше, даже больше была удивлена, что Геймскипер попросил только пять боев. Если бы я была криминальным лордом, и сбежавший чемпион, на которого я охотилась годами, приполз бы за помощью, я заставила бы его остаться навеки. Пять боев казались жалким количеством для того, кто мог повелевать таким кошмаром. Конечно, у другого парня тоже могли быть тут фанаты, но, судя по крикам, многие пришли на арену ради Ника. И ставки были сильно склонены в его сторону. От этого я должна была успокоиться, но после странной магии, трагедии мантикор и боя бомжей я не доверяла этому месту. Если бой

окажется честным, я съем очки.

— Прошу, нет, — взмолилась Сибил.

Я отмахнулась от ее тревоги и подвинулась, прижимая очки к лицу, пока купленная связь с камерой дрона показывала участников вблизи в стиле фильма, пока они шли по кровавому песку арены.

Учитывая, где мы были, я ожидала, что Ник будет в костюме. Парень рядом с ним был в наряде гладиатора с черными шипами, хромированными пластинами, резиновыми наплечниками, похожими на куски шин. Ник был все еще в черной броне с высоким воротником и пистолетами, в таком виде он покинул мою квартиру утром. Он выглядел лучше. Восстанавливающая ванна творила чудеса, потому что синяки на его шее пропали, и он уже не шагал скованно, как человек, терпящий боль.

От этого мне стало немного лучше, пока камера арены не показала данные о бойцах под ними. Ник не был побежден, так что его статистика побед и поражений была лучше, но на этом его преимущества кончались. Хоть жуткий парень пару раз проиграл, боев он провел больше, победил в большем количестве чемпионатов, и у него была куча киберчастей. Список его частей был в три раза длиннее, чем у Ника, и я считала это плохим знаком. Я не была экспертом в боях на арене, но даже я знала, что обычно побеждали те, у кого было меньше уязвимых частей. Я старалась напомнить себе, что мы говорили о Нике, и он всегда побеждал, но было сложно сохранять оптимизм, когда враг был на фут выше и на двести пудов металла тяжелее.

— Он будет в порядке, — сказала Сибил. — Ставки два к одному в пользу Злого Пса. Если профессионалы ставят на него, в него можно верить!

Я хотела, но было сложно верить, когда мои глаза говорили иную историю. Крупный бледный парень не нервничал, улыбался и махал кричащей толпе, словно уже победил. Ник смотрел на свои ноги, хмурясь от тревоги или задумчивости. Я хотела верить, что он продумывал победу, но он мог бояться. С ним было невозможно понять.

Когда ведущий закончил представление, толпа буйствовала. Парни вокруг меня подпрыгивали на сидениях, и я была рада, что купила вид с камеры дрона, потому что мне было видно только волосатые руки мужчины средних лет. Это было короткое вступление, чтобы все сделали последние ставки, а потом лучи света опустились, и на арене стало тихо.

Я затаила дыхание, как и все, ждала, а прожекторы показывали только двоих мужчин, стоящих в центре круглой арены. Я не знала, ждали мы выстрела или звука рожка, чтобы они начали убивать друг друга. Я ждала, едва дыша, чтобы случилось что-то, а арена задрожала, и все зрители снова обезумели.

— Что происходит? — закричала я поверх шума.

— Похоже, они меняют арену, — ответила Сибил, добавила на видео стрелку. — Смотри сюда.

Земля под ногами бойцов двигалась, кровавый песок скользил в стороны, открывая круглую платформу, которая вдруг стала подниматься в воздух. Это явно было задумано, потому что Ник и его противник не были удивлены. Толпа, с другой стороны, сходила с ума.

— Я знал! — вопил один из парней рядом со мной, ни к кому не обращаясь. — Они делают колонну! Они не могут дать Злому Псу провести чистый бой!

Как только он сказал это, я поняла, что он имел в виду. Платформа, на которой стояли бойцы, выглядела как колонна. Вершина поднялась так высоко, что два бойца были всего на дюжину футов ниже купола арены, почти на уровне моего дешевого сидения. Высота и

небольшой размер круга — не больше тридцати футов в диаметре — ставили Ника в невыгодное положение. Если стиль его боя на арене не отличался от того, как он обычно сражался, Ник бился пистолетами. Он мог стрелять и вблизи, но каждый раз, когда мы оказывались в беде, он был увереннее, когда между ним и врагом было хоть какое-то расстояние.

Больше шансов на это не было. Если они не хотели спрыгнуть с края и упасть на землю в сотне футов внизу, они были заперты на платформе, и бой на земле стал матчем в клетке в воздухе. Это было плохо для Ника с его пистолетами, но, судя по двум большим топорам за спиной противника, он бился вблизи и получил преимущество. Если бы бой был на земле, как выглядело изначально, Ник мог бы оставаться на расстоянии от него и стрелять издалека. На маленьком пьедестале бежать было некуда, и Ник был в опасности. Судя по гулу голосов под куполом, зрители, которые поставили на Ника, понимали теперь, в какой ситуации он оказался.

— Умно сделать это после того, как принятие ставок закрыли, — отметил отец, невольно заинтересовавшись. — У твоего преступника есть что-то, кроме пистолетов?

— Можешь перестать звать его преступником? — рявкнула я, скрывая дрожь в голосе гневом. — И Ник будет в порядке. Он находчивый.

— Даже находчивым нужен материал для работы, — парировал отец, указывая на маленький круг. — Там мало места для движения, земля тоже опасна, так что я не вижу шансов на победу.

Я была так занята, глядя на Ника, что не смотрела на землю. А теперь взглянула и выругалась, увидев, что папа был прав. Пока колонна поднималась, работники выбежали из боковых дверей, потянули за собой нечто, похожее на большие металлические неводы. Когда они стали растягивать сети на земле, я поняла, что это были не неводы. Это были шипы.

Вся арена была покрыта восьмиугольной сетью проволоки с шипами, вот только проволока была стальным кабелем, а шипы были металлическими копьями в два фута длиной. Они были не так близко, чтобы нельзя было пройти, но если упасть с колонны, шипы точно пробьют несчастного. Если добавить, что падение будет с высоты в сто футов, толчок с высоты приведет к мгновенной смерти. Противник Ника собирался использовать это преимущество.

— Похоже, твоя удача закончится сегодня, Злой Пес! — завопил он, указывая на шипы. Когда толпа зашипела и завывала в ответ, бледный великан показал им грубый жест. — Стоило быть умнее, когда делали ставки! — крикнул он им, его лицо со шрамом исказил оскал. — Его смертные ноги не выдержали бы падение и без тех шипов! И его оружие бесполезно против этого, — он постучал бронированными кулаками по груди, металл под его футболкой звенел как гонг. — Слышите? Весь мой торс покрыт прочной сталью! У вашего пса нет шансов!

Дразнить зрителей в СЗД было ужасным ходом. Да, выстрелы зазвучали с трибун, злая толпа обиделась, но одна пуля, которая попала по цели, отлетела от груди мужчины, доказывая его слова. Пуля смялась, и я скривилась, потому что великан был прав. Я знала, что бой не будет честным, ситуация была создана для убийства Ника. Я хотела верить, что они просто сделали вид, что Ник вот-вот проиграет, чтобы нагнать драмы, но я могла думать лишь о том, как удивилась, что Геймскипер попросил только пять боев. Я думала, что количество было низким, но это если считать, что Геймскипер хотел выгоды. Если он хотел смерти Ника, то пяти боев хватит, особенно, если все были такими.

— Он умрет, — застонала я.

— Не спеши сдаваться, — упрекнул меня отец. — Ты выбрала этого мужчину. Хотя бы верь своим суждениям.

— Но там мало места! И топоры того парня по четыре фута длиной! Ник не сможет уклоняться от них, стреляя, а если споткнется, ему крышка.

— Как и его противнику, — Ён опустил на уровень моих глаз. — Смотри.

Он указал на кибервеликана, который усмехался гудящей толпе, словно не мог насытиться их ненавистью.

— Очевидным ходом было бы дать великану броситься, поставить ему подножку в последний миг, чтобы он улетел за край. Но, хоть этого хватило бы против простого врага, этот мужчина — опытный боец. Несмотря на его ужасное поведение, он выживает, делая это, значит, очевидные ходы не сработают. Твой человек такой же, так что они примерно наравне. Они оба уже знают очевидные ходы и ответы на них, значит, им придется пробовать что-то оригинальное для победы. Бои между экспертами потому и интересно смотреть. Они могут быть изобретательными.

Я в ужасе посмотрела на отца.

— Не говори, что тебе это *нравится*.

Ён пожал плечами.

— Я смотрел на бои людей тысячи лет. Сложно найти то, что я еще не видел, и мне интересно, когда я нахожу такое, — он нахмурился. — Жаль, это место низкого класса. Тот, кто устраивает бои, понимает, что делает сражение интересным. Любые два идиота могут убить друг друга, но нужно умение, чтобы сделать бой драматичным.

Я издала звук отвращения. Я не хотела слушать похвалу для этого ужаса, где жизнь Ника могла оборваться ради драмы. Было неприятно слушать комментарий отца, хотя от его слов мне стало лучше. Папа ненавидел Ника, так что если он думал, что у него был шанс, у него мог действительно он быть.

Помогало то, что Ник не выглядел тревожно. Он казался смущенным, стоял на краю своей половины круга, задрал плечи, словно не мог дождаться конца. Это не была поза того, что думал, что умрет, и я старалась успокоить себя, когда зазвучал рожок.

Хоть отец сказал, что противники должны знать лучше, первым делом великан бросился. Он побежал на Ника с обоими топорами, почти умоляя его уклониться. Так сделала бы я, если бы он бежал на меня. Отошла бы с дороги, чтобы великан рухнул насмерть.

Но потому Ник был профессионалом, а я — нет. Он не сдвинулся, и через миг я поняла, почему. Великан, казалось, бежал на него, но я видела на экране список киберчастей его тела. Его ступни были кибернетическими, и камера дрона показала близким кадром выдвижные шипы в его пятках, которые позволяли ему впиваться в поверхность платформы. Если Ник попытается шагнуть в сторону, великан вонзится шипами и с разворота ударит топором по открытой спине Ника.

Ник понял это раньше меня. Он не только не двигался, а сжался, опустил на корточки и сжал край платформы за собой одной рукой. Другая ладонь сжала большое ружье на его спине, он снял оружие через плечо.

Судя по его позе, он планировал выстрелить великану в лицо. Но я снова ошиблась. Ник даже не направлял ружье на противника. Он прицелился в пол, сжал крепко край платформы и выстрелил в металл под его ногами.

От выстрела песок, оставшийся на платформе, поднялся облаком. Пыль закрыла камеры на пару секунд, а потом заработали их фильтры, но даже когда я смогла снова видеть, я не знала, что произошло.

К счастью, в отличие от других сражений Ника, в этот раз помогал профессиональный комментатор. Через секунды после выстрела ведущий сообщил, что ружье Злого Пса было заряжено не простой дробью. Он стрелял пулями размером с кулак, пробивающими броню. Он попал по платформе, которая, видимо, использовала гироскоп для стабилизации. Я поняла последнее сама, потому что пуля Ника пробила гироскоп, и вся платформа накренилась сильно в сторону, уже не уравнивала вес двух бойцов.

Неожиданный наклон не дал великану зацепиться шипами. Когда платформа покачнулась, он тоже накренился и проехал мимо Ника. Он попытался ухватиться под конец, но Ник держался за платформу обеими руками, повернул тело, уклоняясь, и крупный мужчина понесся по платформе в пустоту, размахивая руками.

На жуткий миг я подумала, что он рухнет лицом на шипы, и на этом все кончится. Но киберчасти в его теле защищали не только от пуль. Противник Ника лишь пару секунд был в свободном падении, а потом его тело сложилось пополам, двигалось так, как не могли настоящие кости, и он исправил траекторию в полете.

Он безопасно приземлился на ноги между шипов через миг, согнул ноги, чтобы поглотить удар от падения, как кот. Я все равно слышала, как хрустнуло то, что не должно было, но он почти не пострадал. Он выпрямлялся, чтобы вернуться в бой, когда остатки платформы рухнули на него.

Вся арена затихла. Было слышно, как люди задержали дыхание, металлический скелет стонал, куски падали на землю. Ник спрыгнул через миг, отпустил край, чтобы приземлиться рядом с телом противника. Он схватил ружье за ремешок, перезарядил его и прижал большое дуло к затылку стонущего мужчины.

— Твоя броня не может это остановить, — сказал Ник, его спокойный голос был удивительно громким в потрясенной тишине. — Я победил.

Долгая пауза, все обдумывали его слова, а потом ведущий зазвучал в колонках, его гулкий голос был восхищенным:

— Дамы и господа, новый рекорд! Восемь точка две секунды! Злой Пес победил!

Все это видели, но официальное объявление сделало это настоящим, потому что после слов арена взорвалась, но не от счастья. Учитывая, сколько людей ставило на Ника, я думала, что они обрадуются, но крики заглушили ведущего, который пытался описать победу. Вопли были гневными. Голосов было так много, что я не могла понять слова, но эмоция была громкой и ясной. Несмотря на рекордную победу Ника, они заплатили не за этот бой. Этот был слишком коротким, чистым и без крови. Они не этого хотели, и они были в ярости.

— Стреляй в него! — кричали они. — Не останавливайся! Убей!

— Ох, похоже, толпа не счастлива, — ведущий выполнял свою работу, отмечая очевидное. — Закончит ли Злой Пес начатое? Неужели он...

Ник ответил раньше, чем ведущий задал больше драматичных вопросов. Он не мог ничего сказать, его не было бы слышно за криками, но ему не нужно было говорить. Он убрал ружье от оглушенного мужчины и пошел прочь, осторожно перешагивая шипы, направляясь к двери арены.

Реакция была немедленной и ужасной. Ведущий визжал в микрофон, но я не слышала

его за оглушительным ревом толпы. Их гнев был таким громким, что я ощущала его в груди. Он был и в магии, острая кружащаяся сила стала гулом бензопилы, их крик гнева стал скандированием:

— Убей его! Убей его! Убей! *Убей! Убей!*

Я сжалась на сидении, прижала ладони к ушам, но это не помогало. Магия арены вспыхивала с каждым словом, сила росла так, что моя голова была готова взорваться. Учитывая, сколько магии тут крутилось, меня поражало, как люди выдерживали. Магии нынче не были редким явлением, и в СЗД было больше магов-профессионалов, чем где-либо на планете. На арене должны были находиться тысячи магов, так почему только по мне так было?

«Потому что ты привязана ко мне».

Я охнула. СЗД всегда была в моей голове, но теперь я ощущала ее и в своем теле, ее магия гудела под моей кожей, она завладела моими мышцами, заставила меня поднять голову, чтобы видеть моими глазами.

«Это глубокая магия, — ее божественный голос говорил в моих костях и крови. — Слишком глубокая, чтобы ощущали простые люди, но ты испытываешь ее, как я, — она посмотрела на кружащуюся силу, которая была такой густой и быстрой, что я почти видела ее красной дымкой над своей головой. — Я подозревала, что что-то такое происходило. Я ощущала отголоски этих воплей годами, но не понимала, что это стало таким большим. Это плохо».

— Это особые обстоятельства, — прошептала я, мы с ней смотрели на Ника, который все еще уходил. — Вряд ли это место любит отказ.

И я гордилась им за это. Гордилась и боялась. Я мало знала о Геймскипере, но видела, как он вел свой бизнес, он точно не мог допустить такой конец. Что-то случится, и когда я поняла это, нечто произошло.

Сильная магия исказилась. Тот же рывок, что я ощутила во время сражения мантикоры, но тот рывок был едва заметным, а этот ударил, как врезавшаяся машина, и Ник застыл.

Как я и говорила, Ник был самым спокойным человеком, которого я знала. Он был терпеливым, внимательным, практичным и добрым. Он не был ни разу похож на «злого пса». Потому, когда камеры показали его близко, я подумала, что они взяли крупным планом не того человека, потому что лицо на больших экранах не выглядело как Ник. С жутким кровожадным выражением с мертвыми глазами он даже не был похож на человека.

— Боже, — прошептала я, богиня еще была там. — Что с...

Я не закончила. Горло сжалось, я не могла говорить, а Ник — существо с телом Ника — повернулся и прыгнул на поверженного противника. Бедняга не ожидал такого. Он все еще убирал с себя обломки, когда Ник врезался в него сзади, ударил его лицом об песок со звериным рыком.

Толпа взревела, повторяла вопли «Убей!», голос слились в вопль кровавой радости.

— Похоже, мы еще не закончили! — кричал ведущий поверх хаоса. — Этого момента мы ждали, народ! Он стал Злым Псом!

— Злой Пес! — визжали люди. — Злой Пес! Злой Пес! Злой Пес!

И он был таким. Ужасная магия гремела сильнее, чем до этого, ударяла по мне волнами, которые становились больше с каждым воплем. Каждая пронзала льдом мою голову, но я едва замечала боль в этот раз. Мое внимание, глаза и мозг были прикованы к мужчине на арене. Он выглядел как Ник, но делал то, что Ник никогда не стал бы делать. Он схватил

голову побежденного и бил об обломок стальной балки колонны, пока лицо бедняги не стало напоминать пожеванное собакой.

Он, видимо, потерял сознание, потому что не двигался, когда Ник перестал бить его и бросил в шипы, почти полностью металлическое тело он швырнул с силой, какой я от него не ожидала. Может, Ник и не обладал ею. Может, это был вообще не Ник.

Бился не как он. И не только в плане жестокости, он бился жестоко и нелогично, но и не трогал пистолеты Ника или стяжки и прочее оружие, которые Ник скрывал в карманах брони. Ник всегда прятал козыри в рукаве. Он не нападал в лоб, если мог избежать этого, но это существо действовало без плана. Его противник был давно побежден. Великан мог уже быть мертв, но Ник не останавливался.

Даже после того, как он бросил тело на шипы, и металлический торс пробило в трех местах, он продолжил, перепрыгнул шипы и снова стал бить беднягу. Эта жестокость не имела цели. Не было смысла, победы. Просто бездумная атака безумного зверя, который жевал жертву, когда она уже была разорвана на куски.

Было гадко смотреть. То, что началось как гениальный бой, стало кровавым месивом. В отличие от победы Ника ранее, это подходило под остальные зрелища этой ночи, так что толпе это нравилось. Они радостно вопили, когда Ник попадал кулаками с хлопанием, их крики поднимались под купол, и я слышала только их.

— Отвратительно, — отец смотрел свысока на ревуших людей. — Они пришли смотреть не бой. Они пришли смотреть резню.

Я кивнула, прижав ладони к ушам, но это не помогало, магия все еще была по мне. Я не хотела думать о том, что кто-то болел за это отвратительное бессмысленное убийство. Я не хотела верить, что таким могли наслаждаться, но я не могла отрицать, что это происходило вокруг меня. Даже немецкие туристы, которые казались неплохими, когда только пришли, были очарованы, их лица были красными, опухли от криков. Глядя на их изменение, я поняла, что это было неправильно и страшно, как то, что случилось с Ником. Почему нормальные люди желали такого ужаса? Что с ними случилось?

«Это магия».

Сила и шум гремели во мне так, что пришлось закрыть глаза и сосредоточиться, чтобы слышать ее.

— О чем ты?

«Магия тут не просто кружится, — объяснила СЗД. — Что-то в этом месте впивается в их кровожадность и усиливает ее. Люди всегда видели намеки в том, что верно, а что — нет, из тех. Кто вокруг них. Так случались геноцид и другие гадости, хотя человечество против такого. Люди поддаются временному безумию, когда окружающая среда поддерживает это, а это место создано так делать».

— Но как? — отчаянно спросила я. — Как они это делают? И зачем? Для чего все это?

«Не знаю, — сказала СЗД, но ее голос был встревоженным. — Тут больше магии, чем я думала. То, что происходит, больше, чем должно быть, чем может управлять маг-человек».

Это было ясно. Если бы я попробовала двигать такой огромной силой так быстро, я рассыпалась бы.

— Ты же не человек, — взмолилась я. — Можешь это остановить?

«Нет, — в отчаянии сказала дух. — Хоть это в моем городе, мою магию прогнали из арены. Ты сама это ощутила ранее».

— Так верни ее!

«Думаешь, я не пыталась? Что-то отгоняет меня. Я смогла пробраться только с тобой».

Я нахмурилась, растерянная. Что могло не пускать богиню в часть ее города?

«В этом и вопрос, да? Как я и говорила, у меня есть теории. Надеюсь, я ошибаюсь, но если нет, я хочу, чтобы ты оставалась и смотрела, что будет, когда все успокоится. Эти рывки силы происходили каждый выходной весь месяц, но я все еще почти ничего не знаю об их работе. Чем больше мы поймем об этой магии, тем выше будут шансы ее разбить».

Я хотела ее разбить. После того, что я видела этой ночью, и что они сделали с Ником, моя кровь кипела желанием разбить это место на кусочки. Я еще не могла этого сделать. Магия была по богине во мне, и я едва могла поднять голову и увидеть, что происходило на арене.

Ник в песке стоял над грудой кровавых кусков и обломков киберчастей, которой был его противник. Он был в крови, тяжело дышал, явно устал, но тело было напряженным для атаки. Через пару секунд я поняла, почему. Команда стражей арены со щитами от мятежа выбежали из ворот. Ник бросился на них, как только их стало видно, но они уже так делали. Он не пробежал и пяти футов, как я услышала шорох, и Ник упал, шесть иголок с перьями попали в бреши в его броне с точностью лазера.

Транквилизатор. Они дали ему транквилизатор, как бешеному зверю. Толпе это нравилось, как и все остальное, они смеялись и кричали, а Ник рухнул лицом в песок, и я сжала кулаки.

СЗД сказала, что так было четыре недели. Это был четвертый бой Ника. Вряд ли это было совпадением. Ник проходил это — его мучили, злили, обходились с ним, как со зверем — четыре субботы. Плевать на магию и роль жрицы, я не могла допустить, чтобы это случилось с ним еще раз. Проклятие или нет, но я вытащу его оттуда, и я разобью это ужасное место, пока буду делать это.

«Рада видеть, что мы совпали, — СЗД пробралась дальше в мой разум. — Следи, пока арена не закроется. Чем больше мы узнаем, тем с большим сможем работать. Если что случится, беги в город как можно быстрее. Я буду ждать на границе, если буду нужна. Удачи».

Я кивнула, заерзав от новой тревоги, поняв, что я была без поддержки богини впервые за восемь недель. Конечно, это было не важно. Я двадцать шесть лет жила без поддержки богини. Я могла справиться пару часов. Все уже почти закончилось. Теперь команда стражей тащила тело Ника с поля, и толпа стала собираться и уходить. Я смотрела, как они расходятся, кипят от ярости, пытаюсь напомнить себе, что они могли быть жертвами, как Ник. Но злая магия не заставляла их идти сюда, чтобы провести тут вечер. Ничто не заставило их покупать билет, кроме их желания насладиться страданиями других, и хоть это могло делать меня плохой, я ненавидела их за это.

— Ты злишься, да? — сказал отец.

Я закатила глаза от гениального вывода.

— Как ты догадался?

— Обычно ты так не дышишь сквозь зубы, — ответил он, пропустив сарказм. — Я не понимаю, что тебя так разозлило. Ты знала, что это за место, до того, как мы вошли, и ужасное происходит в этом городе каждый день. Ты так не злилась, когда на твоего парня напали бандиты на парковке.

— Это было другим, — сказала я, слишком злилась, чтобы удивляться, что он знал об этом. — В каждом городе есть преступники, но на арене должны быть нормальные люди, —

я махнула на зрителей, столпившихся у выхода со стадиона. — Это не похоже на поединок боксеров! Ты сам сказал: эти люди пришли смотреть не бой. Они пришли ради резни, чтобы увидеть, как унижают других. Ник, мантикоры, бедные бомжи... Они не хотели биться! Их заставили стать жестокими, магия или деньги, которые нужны им, чтобы выжить. Эти люди знали это, но приняли! Им нравились страдания, они визжали, как избалованные дети, когда Ник не дал им этого!

Отец пожал плечами.

— Люди могут быть ужасными.

— Не такими ужасными, — буркнула я, посмотрела туда, где еще кружилась ужасная магия под яркими огнями прожекторов, как река. — СЗД думает, что это из-за странной магии тут, но никто не пришел бы сюда, если бы не хотел посмотреть, как кто-то умирает. Размах жестокости не скрыт. Они даже в программе хвалятся, сколько людей умерло на прошлой неделе!

— Если это тебя удивило, ты была невнимательна, — печально сказал отец. — Я люблю смертных сильнее всего среди многих драконов, но никакая цивилизация и культура не может отменить того, что они — звери в сердце. Без обид.

— Скажи это зверям, — сказала кисло я. — Настоящие хищники хотя бы едят тех, кого убили. Они не мучают добычу ради веселья.

— Коты так делают, — отметила Сибил.

— И я знаю, на что способны люди, — продолжила я, игнорируя ее. — Знаешь, сколько гадости я находила в квартирах людей? — я покачала головой. — Я не злилась бы так, будь дело только в жестокости. Если двое хотят порвать друг друга на куски ради любви толпы, это их плохое решение. Я не могу терпеть то, как их используют. Ты ощущал, как магия заставила мантикор биться, как она заставила и Ника. И хоть им не требовалась магия для боя бомжей, использовать отчаяние бездомных не лучше. Это не выбор, когда варианты — умереть от голода на улице или биться за деньги. СЗД говорит, что не может остановить это, ведь свободная воля не нарушена, но тут нет свободы! Эта арена построена на людях, загнанных в угол, и ты знаешь, как я чувствую себя из-за этого.

Когда я сказала это, я поняла, как лично ненавидела это место. Дело было не только в Нике. Все бойцы этой ночью выглядели так же, как я ощущала себя, когда папа был близко: беспомощные, загнанные в угол, отчаявшиеся. Я презирала то, что видела этой ночью, всеми фибрами души, и в этот раз мы с СЗД были в согласии. Я не была настоящей жрицей, но этой ночью я ощущала себя Жанной Д'Арк. Я не знала, как, но это место должно разбить божественное возмездие.

Сначала нужно было проверить Ника.

— Идем, — я встала. — Посмотрим, сколько стоит проход за кулисы.

— С чего ты взяла, что они продают доступ? — отец опустил плечо и пошел рядом со мной, я шла за толпой к внешнему кругу арены.

Я пожалала плечами.

— Все тут продается, и продать доступ к гладиаторам после боев — не новое. Древние римляне делали так веками. Вряд ли Геймскипер пропустит такую выгоду, учитывая, как он использовал все остальное.

— Логично, — признал отец. — Но Злой Пес...

— Не зови его так.

— Как мне его звать? Тебе не нравятся все варианты.

— Я была против «преступника» и прозвища с арены. Если нужно как-то его звать, может, будешь называть его по имени?

Ён поднял нос, словно его это оскорбляло, но я не стала его слушаться. Папе нельзя было презирать Ника, как и меня. Когда он понял, что я была серьезна, дракон тяжело вздохнул.

— Как я и говорил, дело мистера Коса особенное. Он популярен, и им не управляют. Если бы он был моим смертным, я ограничил бы доступ к нему, чтобы предотвратить несчастные случаи.

Он-то знал. Но я надеялась, пока мы шли за толпой, спустились по пяти пролетам лестницы, чтобы попасть на нижний доступный уровень арены.

Путь был подавляющим. Как только мы выбрались из тесного кольца туристов в деловую часть арены, все стало в миллион раз грязнее, толпа была больше. Сибил не шутила, что тут был список бездомных. Пятьдесят человек сидели в грязном бетонном туннеле, который вел в офисы. Они не посмотрели на меня, пока я шла мимо, они глядели на землю, сжимая маленькие билеты с номерами, словно это было последним, что у них было. От этого я разозлилась еще сильнее, хотя не считала, что такое было возможным, но было сложно не злиться, когда безумная магия была по мне, как по барабану.

Магия была привязана к кровожадности толпы, и я думала, что сила угаснет после боя. Нет. Давление уже не было на том пике, как во время сражения Ника, но магия все еще была так, что в ушах звенело.

Когда я добралась до двери со стражем, у меня раскалывалась голова. Я играла, как могла, хлопала ресницами бесстыдно, пытаюсь убедить мужчину, что я была богатой фанаткой, которая была готова заплатить за время наедине со знаменитым Злым Псом. Это даже не было ложью. СЗД сказала мне расследовать, так что я могла тратить ее деньги. Я была готова намекнуть на сумму из шести цифр, но ужасная удача вернулась с этим стражем, единственным в СЗД, которого не удалось подкупить.

— Мне плевать, сколько у тебя, — сказал он, когда я предложила ему свою карточку и попросила назвать сумму. — Никто не увидит Злого Пса. Приказ Геймскипера.

— О, ладно вам, — взмолилась я. — Даже на пять минут?

Он хмуро посмотрел через сияющий дисплей дополненной реальности его шлема — прозрачный, чтобы видно было его жуткое лицо — и оттолкнул меня.

— Потеряйся.

Я отпрянула с писком. Когда я вернула равновесие, я показала ему грубый жест и пошла по коридору, где обитали бездомные, ненавидя это место еще сильнее. Seriously, почему у этого Геймскипера — из всех людей! — были неподкупные стражи? Мы были на дне Подземелья. Все тут продавалось!

— Вот и ответ! — сказал отец, когда я попыталась пожаловаться ему. — Если живешь в месте, где никому нельзя доверять, управлять людьми без средств сильнее денег не выйдет. И если Геймскипер с такими хорошими связями, как говорит мистер Кос, он точно подкупил всех стражей и менеджеров в этом городе. Зачем ему рисковать из-за слабости его людей?

— Ненавижу, что ты прав, — застонала я, замерла у двери, которая вела в зону туристов, чтобы понять, что делать дальше. Подкупить стража было лучшим вариантом. Я умела пробираться в заброшенные квартиры, но защищенное стражем место было другим делом. Если бы Ник был тут, у него было бы решение, но его не было, и я не знала. Что делать. — Так не честно! — закричала я, пиная грязную стену. — В кои-то веки я могу подкупить кого-

то, но это не помогает!

— Это не большая потеря, — сказал отец. — Даже если ты не смогла пройти к нему, ты видела, сколько дротиков в него попало. Вряд ли он проснется раньше завтра, так что ты ничего не теряешь.

— То, что он не может видеть меня, не означает, что я не хочу увидеть его! Если бы маму так вырубил, разве ты не хотел бы попасть к ней?

— Я бы не позволил твоей матери пострадать, — сказал тут же Ён. А потом вздохнул и сжал переносицу из дыма. — Если это так важно для тебя, я могу сходить и посмотреть.

Я уставилась на него.

— Как?

Отец мрачно посмотрел на меня.

— Я же призрак, помнишь? — сказал он, махая просвечивающей ладонью перед моим лицом. — Если там не скрыт дракон, только ты можешь меня видеть. Вряд ли будут проблемы, если я пройду в дверь и проверю человека без сознания.

Я даже не думала об этом.

— Спасибо! — закричала я и вскочила, чтобы обнять его.

Мои руки прошли сквозь него, но отец все равно был тронут. Настолько, что он ужасно долго не двигался, но я не давила. Папа сам предложил почти в логово льва ради меня. Я не собиралась быть неблагодарной дочерью и жаловаться на его скорость.

Когда он ушел, он вечность не возвращался. Чтобы избежать подозрений, я ждала его в крыле туристов, нетерпеливо сидела у бара, откуда было видно дверь в заднюю часть, делая вид, что пила дорогое разбавленное водой пиво. Было так плохо, что бармен прямо спросила, когда я уйду. Когда я сказала ей, что кое-кого ждала, она с жалостью посмотрела на меня и предложила бесплатную добавку, что было мило с ее стороны.

Я выглядела жалко. Прошел час после боя. Почти все ушли, и бушующая магия стала опускаться до уровня, какой был, когда я пришла, лишая меня повода быть тут. Но я ждала, сколько могла. Когда уборщики перевернули все стулья, кроме моего, я сдалась и ушла, оставив барменше чаевые, и отправилась в опустевшую зону касс, села на скамью рядом с переполненной урной, когда отец вдруг появился рядом со мной.

— Наконец-то! — я вскочила на ноги. — Как он?

— Как я и говорил, — раздраженно ответил Ён. — Без сознания. Металлическая женщина занимается им.

Я быстро закивал.

— Это Рена. Его киберврач.

— Она занималась не только его киберчастями, — отец помрачнел. — Состояние мистера Коса... плохое. То, что они сделали, чтобы ввести его в состояние «Злого Пса», сильно сказалось на его теле. Не удивительно, ведь он проявлял нечеловеческую силу, но много повреждений тканей. Его врач не звучала оптимистично.

Я села на скамью. Это было хуже, чем я ожидала. Я знала, что нужно было благодарить отца за расследование, но было сложно говорить. Я тревожилась, но мысль, что Ник был ранен, даже не проникала в мою голову. С чего бы? Его ни разу не ударил противник, и потому это было даже хуже. Ник пострадал не из-за того, что ему не хватало умений. Они ранили его намеренно, как часть шоу. Он страдал без повода.

— Это не все, — от слов отца я вскинула голову. — Внутри я учуюл другого дракона.

— Какого?

— Не смог понять, — недовольно прорычал он. — Запах был слабым, а мое восприятие не такое острое, как раньше, Но где-то в этой арене другой дракон.

Это было новостью, но я не могла удивляться. Арена была ужасным местом, а драконы и ужасное шли коготь об руку.

— Это Геймскипер.

— И я так подумал, — сказал Ён. — Но мы оба его видели, и он не выглядел как дракон. Драконы в облике людей не выглядят так старо и обычно.

— Но это должен быть он, — сказала я. — Ты можешь представить, чтобы дракон слушался приказов человека?

Судя по лицу Ёна, нет.

— Дракон или нет, давить смысла нет, — мрачно сказал он. — Они уже закрылись, а я слишком слаб, чтобы проверять дальше, пока ты не дашь мне больше огня. Но ты слишком устала, чтобы сделать это сейчас. Думаю, мистер Кос сейчас в лучших возможных руках. Им нужно, чтобы он был в лучшей форме для боя на следующей неделе.

Это не утешало, но я не могла выбирать.

— Он будет в порядке, — сказала я себе, а не папе. — Он позвонит, когда очнется. А я пока что поищу для него хорошие новости.

— Что еще ты можешь сделать этой ночью? — спросил Ён, летел за мной, пока я шла по просторной пустой зоне касс к лестнице. — Два часа ночи. Даже преступники отправились спать. Тебе нужно поспать.

— Я слишком злая, чтобы спать. И два часа ночи — лучшее время для поиска того, что мне нужно.

Мой отец выглядел скептически.

— И что же это?

Я улыбнулась ему во тьме.

— Я поищу того, кто снимет с Ника проклятие.

Глава 9

В моей записной книжке было много снимателей проклятий из-за моих попыток снять проклятие неудачи. Многие места оказались фигней, но я сохранила надежные на всякий случай. Некоторые даже были открыты круглосуточно. Мне мог подойти любой надежный вариант, но только одному я могла доверить жизнь Ника. Повезло, что два часа ночи были посреди его рабочего времени.

— Ну же, — я нетерпеливо топала ногой, пока шли гудки. Мы вернулись на мост над ямой Рентфри, где все еще было полно людей даже в поздний час из-за Ночного аукциона. Нам стоило найти менее людное место, но я не знала пока что, куда идти, и я спешила.

— О, слава богу, — сказала я, когда на звонок ответили, но пожилой женский голос был не тем, чего я ожидала.

— Офис Забытых Мертвых. Кэрол у телефона.

Я застыла, растерявшись. Мой шок был глупым, если подумать. Это был офис. Конечно, там работали и другие люди.

— Можно Питера? — спросила я после ужасно долгой паузы.

— Простите, у него выходной, — сказала Кэрол теплым добрым голосом, похожим на голос Питера. Может, Пустой Ветер учил своих людей так говорить. — Хотите оставить

сообщение?

— Да, — а почему нет? — Можете передать ему, что звонила Опал Ён Э? У него должен быть мой номер.

— Хорошо, — сказала Кэрол и сделала паузу. — Погоди, тебя зовут Опал? Как камень?

— Да, — сказала я. А еще у людей всегда была проблема с моей фамилией, и я добавила. — Моя фамилия Ён...

— О, я тебя знаю! — закричала она, пропал голос спокойной мудрой жрицы. — Тебя ищет Питер!

Мою грудь сдавило.

— Он искал меня?

— Он ужасно беспокоился! Он сказал всем нам связаться с ним немедленно, если ты объявишься. Давай я назову тебе адрес его дома.

— Нет-нет, — я замахала руками. Я хотела видеть Питера, и дело было срочным, но Ник не будет в смертельной опасности еще семь дней. И было ужасно грубо врывать в дом Питера в его выходной. — Это может подождать до завтра.

— Бред, — возмутилась женщина. — Я не знаю, что у тебя за ситуация, но Питер не настаивал бы, если бы это не было важно. Он откусит мне голову, если узнает, что ты звонила, и я не отправила тебя к нему.

Я не могла представить, чтобы Питер кому-то откусил голову. Я не слышала даже, чтобы он повышал голос, но она была серьезной, потому что адрес появился через секунду в сообщении.

— Вот, — сказала она. — Я уже написала ему, что ты в пути. Мне нужно за работу, но я желаю тебе удачи с тем, что у тебя происходит, Опал.

— Взаимно, — смущенно сказала я, но она уже повесила трубку, оставив меня смотреть на адрес Питера.

— Что делать? — спросила Сибил. — Мне попытаться поискать телефон по этому адресу?

— Не надо, — я вздохнула и подняла очки. — Он уже ждет нас. Будет грубо не прийти.

Иконка Сибил замерцала, будто она пожимала плечами.

— Тебе решать. Я нанесла адрес на твою карту. Туда не сложно добраться. Это недалеко.

Было довольно близко. Будь я на машине, до дома Питера пришлось бы ехать всего десять минут от нашего местоположения. Я могла арендовать машины до конца года, и было заманчиво попросить одну, чтобы дать ему пару минут на подготовку. Но вряд ли машину доставили бы в Рентфри, и, хоть я хотела быть вежливой, я не хотела терять время. Я уже доставила ему неудобства. Можно было идти до конца.

Опустив очки, я пошла сквозь тележки с товарами, которые покрывали мост Рентфри в любое время дня и ночи, к линии зданий на другой стороне. Отец тихо летел за мной, хмурясь.

— Надеюсь, ты идешь в свою квартиру, — сказал он, когда я сжала дверь круглосуточного ресторана-автомата, так вычурно называлась комната с управляемой температурой, столом и машинами, которые выдавали субстанции, похожие на еду. — Ты выглядишь уставшей.

— Я не устала.

— Не ври мне. Мы связаны магией. Я ощущаю твою усталость как свою, и хоть я

горжусь тем, как ты держишься, есть пределы. Ты не можешь ничего делать, если упадешь.

— Мне нужно проверить последнее, — я смотрела на адрес Питера, а потом закрыла глаза. Я не была в той части, так что не могла представить картинку, но двигаться по городу я стала лучше, и мне нужно было, чтобы это сработало. — Это ненадолго, — пообещала я, стараясь звучать уверенно, пока я открывала дверь, прося город пропустить меня.

Я себя недооценивала. Даже с одним только адресом портал тут же открылся, впуская меня, и не в комнату с торговыми автоматами, которую было видно за стеклом двери, а в тихую и хорошо освещенную улицу под потолком мостов Небесных путей.

Улыбаясь от неожиданного успеха, я поспешила дальше, закрыла дверь, пока никто на улице за нами не заметил или не решил пойти следом. Шум Рентфри пропал, как только закрылась дверь, как и сама дверь, и мы остались в небольшом парке, а напротив была улицах старых, но еще очаровательных домов.

— Где мы? — спросил отец, паря под ночным небом, видимым в бреши среди мостов над нашими головами. Может, тут потому и был парк.

— Ох... — я прищурилась, глядя на изящные буквы на металлической табличке. — Похоже на Лавровую рощу, — я улыбнулась при виде ухоженных, схожих, но все же со своим характером домов. — Похоже на общество бума. Мило, что оно сохранилось.

Отец приподнял бровь.

— Общество бума?

— Тридцать лет назад до пробуждения СЗД в Подземелье был взрыв недвижимости, — объяснила я, шагая по ухоженной траве парка к улице. — Разработчики прибыли из США и Канады и стали облагораживать зоны под богатыми частями Небесных путей. Это было до того, как город стал двигаться, тогда еще можно было спланировать, каким ты хотел видеть район. Они построили дюжины таких компактных роскошных мест, которые хотели жить как сверху, но не могли позволить аренду. Бизнес процветал, пока СЗД не выгнала Алгонквин и захватила землю. Продавать было уже нечего, и магнаты недвижимости убежали, богачи ушли на Небесные пути, и все дома, которые они оставили, стали жильем для среднего класса Подземелья.

Отец выглядел недоверчиво.

— В Подземелье есть средний класс?

— Ясное дело, — возмущилась я. — Может, не все мечтают тут жить, но у нас есть менеджеры, владельцы магазинов и работники офисов, как везде. Те люди должны где-то жить, а такие районы им подходят, — я улыбнулась поверх плеча, глядя на парк за нами, оборудованный для развлечений. — Тут мило. Я редко бываю в таких местах.

— Потому что они такие редкие?

— Потому что они не возникают на аукционах Уборки. Список желающих получить такое хорошее место расписан на год вперед. И люди ждут терпеливо так долго ради качественного жилья. Такие не пропускают оплату аренды.

Отец нахмурился.

— Откуда ты знаешь так много о городе? Это часть роли жрицы?

— Нет, это часть работы и жизни тут годами, — я улыбнулась. — СЗД не вся из арен смерти и ловушек для туристов. Есть хорошие места и нормальные люди, — и после этой ночи было хорошо вспомнить это.

Мы без проблем пересекли тихую улицу. Когда мы оказались на тротуаре напротив, я вытащила телефон, чтобы проверить, какой из домиков был Питера. Я была уверена, что

Лавровая роща не совпадала с тем, что отец считал хорошим, но мне район казался очаровательным. Роскошь в виде декоративной плитки и узоров из кованого металла давно пропала, но сами здания казались крепкими и жилыми. Местами виднелись брошенные детьми велосипеды, люди установили лампы в садах, чтобы растить овощи даже в тени Небесных путей. Все место было целостным, и хоть обычно я не бывала в таких местах, мне нравилось оно после кошмаров арены.

— Тут... интересно, — отметил отец, пока мы шли к дому, чей номер совпадал с адресом Питера. — Хотя в таком месте вряд ли вел бы бизнес профессиональный сниматель проклятий.

— О, Питер не профессиональный сниматель проклятий, — быстро сказала я. — Он — жрец Пустого Ветра.

Ён застыл.

— Ты идешь в дом жреца смерти?

Я открыла рот, чтобы защитить профессию Питера, но передумала. Защищать было нечего. Питер был жрецом бога смерти, он гордился этим. Если он не стыдился, почему я должна?

— Он мой друг, — сказала я. — И опытный шаман. Он послал меня к доктору Ковальски, и он много знает о проклятиях. И я ему доверяю, так что не говори ничего плохого.

Отец был оскорблен этими словами.

— Я не бываю грубым.

Я закатила глаза и открыла железную калитку, отделяющую дворик Питера от тротуара. Места внутри хватило на полоску травы в фут шириной и маленькой верандой из плитки, но там музыкально позвякивал стеклянный колокольчик, и красивые горшки через интервалы делали тесное пространство ярким. Рыжий кот отдыхал на коврике перед дверью, и я уже не сомневалась насчет дома.

Питер ответил быстро, как на звонок телефона. Я едва закончила нажимать на древнюю кнопку звонка, и дверь распахнулась, появился Питер. Он был одет не так формально, как обычно, в старую футболку и домашние штаны, и я снова ощутила себя виновато. Я не успела извиниться, что помешала его отдыху, он крепко обнял меня.

— Опал! — закричал он, сжимая меня. — Я так рад, что ты цела!

Я обняла его в ответ, потеряв дар речи от шока. Я переживала из-за драконов и богов и не подумала, как мои нормальные друзья отреагируют на мое исчезновение. Я ожидала, что Ник разозлится, но реакция Питера застала меня врасплох. Я знала, что было ужасно заставлять его беспокоиться, но было сложно стыдиться, когда остальная я была тронута. Эгоистично, но было приятно знать, что меня искали, и я пару мгновений наслаждалась этим, пока обнимала его.

— Прости, что не звонила.

— Я просто рад, что ты не мертва, — Питер отпустил меня с радостной улыбкой. — Прощу, входи.

Я радостно прошла в его дом. Как и двор, гостиная была маленькой, но аккуратной и яркой. Там был ярко-красный диван и потертое кожаное кресло, покрытое полосатым одеялом навахо. Стены были украшены картинами местных художников. Не все были талантливыми, но краски потрясали. Многие вещи казались местными. Тут было больше горшков, чем снаружи, и мешок из популярного рынка фермеров лежал на стойке,

отделяющей гостиную от крохотной кухни с белой плиткой.

— Будешь что-нибудь?

— Кофе было бы отличным, — я закрыла за собой дверь.

Питер кивнул и прошел на кухню, налил мне чашку из уже ждущего чайника.

— Я сделал кофе, как только Кэрол сказала, что ты придешь, — сказал он с улыбкой, вручая мне кружку.

— Мои пороки все знают, — ответила я, приняв кофе так же осторожно, как священный талисман. — Спасибо.

— Спасибо тебе, что не умерла, — серьезно сказал он, упираясь локтями в стойку, разделяющую нас. — Я переживал, когда ты пропала. Я знал, что ты не была Забытой Мертвой, но было ясно, что все плохо, даже не будь я жрецом, по реакции Ника. Я слышал пару недель назад, что ты стала жрицей СЗД, но мы оба знаем, что для этого не нужно быть живым.

— СЗД не позволяет смерти помешать ей нанять работника, — согласилась я, потягивая невероятно вкусный кофе. — Но как ты узнал, что я стала жрицей?

— Пустой Ветер сказал.

Мое лицо, видимо, выражало многое, потому что Питер поспешил объяснить:

— Мой бог и СЗД всегда были связаны. В этом городе первым поднялся Пустой Ветер, его вызвали люди, которые погибли от потопа Алгонквин, и те, кто умирал там, и некому было скорбеть по ним.

Город мог быть очень одиноким. Я понимала, почему Пустой Ветер звал его домом.

— Я еще не полноценная жрица, — объяснила я, чтобы убрать недопонимания. — Не как ты. СЗД сделала предложение, но мне нужно многое завершить в старой жизни, пока я не буду готова посвятить себя ей полностью.

Это ощущалось как хороший ответ жрицы, но ответ Питера удивил меня.

— Это связано с призраком, который преследует тебя?

Я чуть не пролила кофе на стойку.

— Ты его видишь?

Питер потрясенно посмотрел на меня.

— Ты помнишь, как я зарабатываю? Конечно, я его вижу. Я не поприветствовал его, потому что не хочу вызвать тревогу. Призраки обычно невидимые. Они расстраиваются, когда их замечают, и я научился делать вид, что их нет.

Я стояла миг, гадая, как много призраков Питер видел каждый день, что он придумал, как вести себя с ними. Я думала об этом, когда поняла, что он еще ждал ответ.

— Не переживай из-за него, — я указала на Ёна, который разглядывал картины в гостиной, критически хмурясь. — Это мой папа, и он не совсем призрак.

Питер удивленно приподнял темные брови.

— Что он такое?

— Не знаю, если честно, — я беспомощно пожала плечами. — Он был в коме, а потом Дух Драконов помогла разбудить его, и он оказался таким. Мы работаем над тем, чтобы он мог все время оставаться в теле.

— Ты встречала Дух Драконов? — на лице Питера смешались ужас и зависть. — Я слышал много историй. Какая она?

— Жуткая, — ответила я. — И пьяная.

— Звучит похоже, — сказал он. А потом посмотрел на моего папу. — И что ты от меня

хочешь? Я рад тебя видеть, но обычно ты не заходишь просто на кофе посреди ночи. Я рад помочь, как смогу, но я еще не работал с призраком дракона.

— Нет-нет, — быстро сказала я. — Я тут не из-за него. Я пришла попросить помощи с Ником.

Теперь Питер растерялся.

— А что с мистером Косом? Я говорил с ним пару раз месяц назад, когда он искал тебя. Тогда он казался нормальным, хотя был сильно расстроен из-за тебя, конечно.

От слов о тревоге Ника я снова ощутила эгоистичное счастье. Но в этот раз я подавила безжалостно это чувство.

— Он был в порядке, — сказала я. — Но ввязался в беду из-за меня и получил проклятие. Я надеюсь, что ты сможешь его снять.

— Я буду рад попробовать, — сказал Питер. — Где он?

— Без сознания там, где мы не можем его достать, — ответила я с отчаянием. — Я понимаю, что звучит сложно, но я думала, если опишу тебе проклятие, мы пойдем, что делать.

Это было не совсем правдой. Я ни о чем не думала. Я в панике побежала к Питеру потому что Ник был в беде, и я не могла его спасти. Менее наблюдательному человеку этого хватило бы, но это был Питер.

— Насколько все плохо?

— Плохо, — тихо сказала я, сжимая кружку. — Он получил черную метку вокруг шеи, как петлю. Ник говорит, это отрежет ему голову, если он не будет слушаться того, кто поставил на него метку.

Питер поджал губы.

— У тебя есть фотография?

Не было, что было очень глупо. Как Питер мне поможет без Ника и фотографии?

— Все хорошо, — сказал он, когда я задрожала. — Ты можешь описать черные метки? Ты сказала, они на его шее. Это все заклинание?

Я закивала.

— Оно огромное. Тауматургическое, мелкими буквами. Я не смогла прочесть все, но я все равно ужасно расшифровываю уравнения заклинаний. Меня беспокоит то, что метки выжжены на его коже так, как я еще не видела. Выглядело как клеймо.

Питер помрачнел.

— Я боялся, что будет так, — он хмуро глядел на стол. — Невозможно сказать, не глядя на проклятие, но звучит так, словно Ник под Дамокловым Мечом.

— Ладно, — сказала я. — Что это? — вряд ли Ника прокляли известным историческим анекдотом из речей Цицерона.

Питер вздохнул.

— Одно из самых сильных проклятий. Оно появляется как черная метка на коже жертвы. Обычно вокруг шеи, хотя может быть на любой части тела. Проклятие можно менять по-всякому, но снова привязана к условиям договора. Если жертва выполняет условия, проклятие ничего не делает. Если нет, магия разрезает тело там, где оно находится.

— Его шею, — с дрожью закончила я. — Как нам его снять?

— В этом и проблема, — мрачно сказал Питер. — Никак. В отличие от других проклятий, Дамоклов меч принимают по своей воле. Жертва позволяет наложить на нее проклятие, иначе самая важная часть заклинания не сработает. К сожалению, разрешение

означает, что Дамоклов меч вбивается глубже других проклятий, даже в не-мага. Эта глубина делает проклятие нерушимым.

— Нерушимым, — с дрожью повторила я. — Мы не можем его снять?

— Если не хочешь порвать его душу в процессе, — Питер покачал головой. — Потому Дамоклов меч так популярен уже много лет. Это магический контракт. Как только обе стороны соглашаются на условия, магия закрепляет эти правила. Но это не все плохие новости! Несмотря на сложности, Дамоклов меч — все еще просто заклинание. Оно не умное или подстраивающееся. Заклинание делает то, что написано делать, и пока проклятие нельзя снять, его можно обойти. Если найти другой способ выполнить требования заклинания, черная метка должна сама исчезнуть. Нужно просто умно интерпретировать язык.

— Слушаться букв, а не духа?

— Именно, — Питер улыбнулся мне. — Когда я продавал проклятия, до того, как Пустой Ветер нашел меня, меня наняли наложить Дамоклов меч на парня, который был должен много денег. Я написал условия проклятия на шею жертвы, как мне и сказали, но заказчик не уточнил, что ему нужна оплата в долларах США. Проклятый нашел лазейку и заплатил ящиком долларов Фиджи — а один доллар США был тысячей долларов Фиджи на то время. Он оставил ящик на крыльце и ушел свободно. Я говорю о таком способе обойти проклятие. Дамоклов меч твердая линия в магии, не гибкая. Если найдешь умный способ выполнить правила, проклятие будет снято само.

Я выдохнула. Было больно слышать, что проклятие Ника не разбить, но я могла работать с этим. Я умела находить лазейки, когда ситуация казалась обреченной. Ник говорил, что магия отрубит ему голову, если он не явится на бой Геймскипера пять раз, но там не говорилось, что он должен сражаться. Может, ему нужно было просто прийти? Я не знала, без шеи Ника я не могла проверить, но я надеялась на лазейку. Я знала, что создать контракт без лазеек было очень сложно, и на шею Ника было не так много текста. Я справлюсь.

— Спасибо, — я сжала ладонь Питера. — Я не знаю, что делала бы без тебя.

— Я почти ничего не сделал, — смущенно сказал Питер. — Эту информацию можно было найти и без меня, но я рад, что помог, — он поднял голову. — Я все еще могу осмотреть его, если хочешь. Чтобы быть уверенными.

— Если я смогу поймать Ника, я его приведу, — пообещала я. — Но он сейчас недоступен.

— Во что он ввязался, если можно знать?

Я стиснула зубы. Было глупо хранить тайну, когда десятки тысяч людей на арене и, возможно, миллионы онлайн уже видели Ника в бою, но он стыдился. Я хотела, чтобы Питер считал Ника умным и рассудительным, каким он и был, а не монстром с арены. И хоть было бы проще, если бы я сказала ему, я покачала головой.

— Я приведу его, если смогу, — сказала я. — Но, даже если не удастся, думаю, я справлюсь, благодаря тебе. Дамоклов меч не снять, так что я вряд ли сделаю хуже.

— Вряд ли ты сделаешь хуже, — улыбнулся Питер. — Твоя магия отличается сильно от нашей прошлой встречи. В хорошем смысле, — он улыбнулся шире. — Доктор Ковальски творит чудеса, да?

— Да, — я допила кофе и встала. — Огромное спасибо, Питер. Ты спасаешь жизни.

— Это еще не доказано, — печально сказал он. А потом его улыбка вернулась. — Но я надеюсь, что это работает. Я знаю его не так хорошо, как ты, но даже я видел, что Ник был

не в себе после того, как ты пропала. Вы многое пережили, и... — он кивнул на тень моего отца. — Ты заслуживаешь перерыв.

— О, не говори. Если я смогу это все сделать, первым делом мы отправимся в отпуск.

— Ты его спасешь, — пообещал Питер. — Как я сказал Нику, когда он пришел ко мне в поисках тебя, никто не может считаться потерянным, когда другие так старательно его ищут.

— Мудрый совет жреца, — я рассмеялась. — Мне стоит записывать.

— Много лет практики, — ответил он спокойно. — Я могу чем-то еще помочь?

Я покачала головой и отодвинула пустую чашку.

— Ты уже дал больше, чем я могла попросить. Еще раз спасибо.

— Не за что, — Питер встал, чтобы проводить нас. — И удачи.

Я поблагодарила его несколько раз, пока мы выходили. Питер вытерпел это, но я видела, что ему было неловко, и я заставила себя замолчать и просто попрощаться, пообещав держать его в курсе, пока закрывала за нами калитку.

— Он был очень благочестивым, — сказал отец, когда мы пошли по тротуару. — Жрецы всегда жрецы. Только боги меняются.

— Он хороший человек и друг, — грозно сказала я. — Перестань.

Ён нахмурился.

— Я пытался похвалить его.

— Да, но можно говорить не таким высокомерным тоном в следующий раз... — я умолкла. Улица Питера была тихой и пустой, но мне вдруг показалось, что за нами следили. В этом городе всегда кто-то на тебя смотрел. Если не камера безопасности, то сама СЗД. Это было другим. На дороге никого не было, но я ощущала хищную злобу на коже, как зубы. Отец тоже уловил это, потому что застыл.

— Опал.

— Знаю, — прошептала я, быстро прошла по дороге к парку, откуда мы пришли. Наверное, было умнее побежать к Питеру, но я не знала, что это было, а Питер уже достаточно для меня сделал. Вести незнакомого врага в его милый домик было бы ужасной благодарностью за всю помощь, и я могла справиться тут сама. Я была временной жрицей СЗД. Я не буду бояться в своем городе.

— Наверное, просто крыса, — сказала я, мы прошли на траву, которая росла под кусочком открытого неба.

Мой папа покачал головой.

— Звучит намного больше.

Я фыркнула.

— Ты видел крысу в СЗД? Эти гады могут быть размером с доберманов.

— Не преувеличивай.

— Я отведу тебя в один из зоопарков Подземелья без лицензии, тогда и посмотрим, что преувеличивает, — ответила я, но я лишь отчасти спорила. Чувство слежки стало слабее на миг, когда мы перешли улицу, но вернулось еще сильнее. К счастью, мы почти были в безопасности. Парк был с игровой площадкой, и там был домик с пластмассовой дверью. Хоть она была размером для пятилетнего, вся в стикерах, она подойдет для моей цели. Я сошла с травы на опилки, чтобы сжать ручку двери, когда дракон появился передо мной.

Я хотела бы знать, как они это делали. Драконы не телепортировались, но по их поведению было сложно понять. Даже папа возникал неожиданно в коридорах, чуть не останавливая мне сердце каждый раз. Думаю, они просто были быстрее, чем люди, какими

они притворялись, и они двигались не так, как мог воспринять мой мозг. Этот дракон таким трюком обладал.

Он не был таким высоким, как мой отец, но все еще возвышался на десять дюймов надо мной. Он был средним по стандартам дракона, интереснее были его глаза. Глаза всегда выдавали дракона, но у этого серебристо-серый цвет не вязался с кланами, которые я знала. Его человеческий облик выглядел как викинг с густыми рыжими волосами, пышной бородой и бледной кожей. Северный дракон? Я слышала, что у Северного Ледовитого океана правили Белая ведьма и ее сестры. Они не потерпели бы агрессивного мужчину на их земле, потому он и был тут. Или я могла ошибаться. Был лишь один способ узнать.

— Кто ты?

— Не тебе задавать эти вопросы, смертная, — оскалился дракон, грозно сделав шаг вперед. — Но я знаю, кто ты. Ты — мелочь Ёна из Кореи.

— Как ты смеешь? — зарычал отец, но я махнула рукой сквозь него. Дух Драконов сказала, что облик отца из дыма видимый для других драконов, но этот еще не заметил его. Я не знала, ошиблась Дух Драконов, или этот был идиотом, но я не хотела, чтобы удача оборвалась сейчас.

— Это я, — я пожала плечами, скрывая указывающий палец, я направила папу в тени под деревянной горкой. — Мелочь Ён Э к вашим услугам.

— Не надо быть милой, — прорычал дракон, хотя не так низко, чтобы я вздрогнула. Этот парень был слишком юным, чтобы источать угрозу хищника, которую отец источал как жар. Злоба была, но не больше, чем у обычного человека, который нападает ночью. Он был очень юным, выглядел на двадцать с хвостиком. Но он был опасен — все драконы были опасны — но когда ты имел дело с тысячелетними драконами, юнец был приятной переменной. — Все говорят, что Ён из Кореи мертв, — продолжил юный дракон, щуря серебряные глаза. — Но я чую его на тебе, — его ноздри дрожали, голодная улыбка появилась на его лице. — Скажи, где он, и, может, я оставлю тебя в живых.

Я скрестила руки на груди.

— Нет.

Дракон удивленно вздрогнул, и я закатила глаза.

— Такие слова сработали бы на обычном человеке, но если ты знаешь, кто я, должен знать, что меня растили в замке дракона. Я понимала с детства, что любой, кто говорит «Сделай то-то, и я дам тебе жить», не собирается оставлять тебя в живых. Если хочешь угрожать, постарайся лучше.

— Ладно, — прорычал дракон и поднял кулаки размером с мою голову. — Говори, где Ён, или я убью тебя на месте.

— Тогда следом умрешь ты, — предупредила я, вызывая всю свою бравату. — Это город Миротворца, и его первое правило — не убивать людей. Тебе не понравится то, что будет, если нарушить Указ Миротворца.

Этого хватило, чтобы дракон замер. Я смотрела на него, сжав кулаки, показывая, что я не боялась. Это была игра. Юный или нет, магический хищник угрожал мне, мог поджарить дыханием. Если бы отец не был тут, я дрожала бы, но он был. Ён из Кореи следил за мной из теней, и лучше меня съест случайный дракон на улице, чем папа назовет меня слабой.

— Я могу забрать тебя в Канаду, — сказал дракон, радостно приподняв кустистые брови. — Никому не будет дела, если я убью тебя там!

— Ты упускаешь одно, — сухо сказала я. — Не важно, где ты будешь угрожать убить

меня, потому что я не знаю, где Ён. Я не видела его два месяца.

— Ложь! Тебя видели на нем, когда город проглотил его!

— Да, два месяца назад, как я и сказала, но это не значит, что я видела его после этого, — терпеливо объясняла я. — СЗД забрала его, потому что я просила ее спасти его жизнь, и я работала на нее после этого, чтобы отплатить долг. Сегодня первый выходной за восемь недель, и я даже не знаю, что творится в мире снаружи, как и о том, где папа, так что удачи, друг.

Краем глаза я заметила, что отец шагнул ближе, но не осмелилась смотреть на него или качать головой. Я врала сквозь зубы, добавляла правду так, чтобы ложь казалась правдоподобной. Но, хоть драконы не могли чувствовать ложь, они ощущали страх, и, хоть я старалась, мой страх стал пробиваться.

— Если ты не знаешь, где он, — дракон приблизился, — почему ты так боишься?

— Потому что ты угрожаешь меня убить, — ответила я, отступая на шаг. — Беспомощная смертная, помнишь?

Дракон покачал головой.

— Дракон Кореи не назвал бы трусиху своим ребенком, — он сделал еще шаг, сокращая расстояние. — Думаю, тебе нужно показать, что случается с лжецами, — он посмотрел на мои кулаки. — Миротворцу плевать, если я лишу тебя пары пальцев.

— А СЗД не будет плевать, — предупредила я, пятясь. — Ты пропустил новость, что я принадлежу духу города? Она ударит по крыше, если ты ранишь меня, и крыша ударит тебя.

— Возможно, — проворковал он. — Но СЗД не тут.

Я боялась, но не смогла упустить такой шанс посмеяться.

— Не тут? — я фыркнула. — А где мы, по-твоему? Это живой город. СЗД всюду, и она всегда смотрит, — я сделала большой шаг назад, чтобы нас разделяли несколько футов, подняла ладони перед собой, защищаясь. — Последний шанс поступить умно и уйти.

Он этого не сделал. Ясное дело. Драконы не считали, что люди могли им навредить, и я не выглядела как сильный охотник на драконов. Но я была шаманкой и жрицей СЗД. Если он думал, что я дам ему мучить меня ради информации, он ошибался и поймет это горьким образом.

Я заставила себя перестать дрожать и сосредоточиться. Дракон шагал ко мне по траве. Я была в пяти шагах от него, и он мог быстро меня схватить, учитывая скорость драконов. Но, хоть я не пробовала этот трюк раньше, я занималась схожим каждый день два месяца. Нужно было только представить, что я хотела, и упасть. Я сжала траву, словно веревку.

Или ручку двери.

В голове возникла картинка, и земля под ногами дракона открылась. Он рухнул во тьму. Через миг он вернулся из второй двери, которую я открыла на дне моста над нашими головами. Он рухнул с сотни футов на улицу за мной.

— Почему ты не сбросила его в пустоту? — зашипел отец, подбегая.

— Потому что это ее личное место, — ответила с шипением я. — Она злится, когда люди мусорят на улице! Вряд ли она будет рада, если я сброшу дракона в ее личное место!

Я надеялась, что падения с сотни футов хватит, чтобы вырубить его. Но, хоть юные драконы были слабее старых, они все еще были крепкими. У этого голова была плотнее обычного, потому что он уже поднимался на ноги. Он даже не истекал кровью, когда повернулся ко мне, скаля зубы, которые вдруг стали большими для его человеческого лица.

— Я тебя убью!

Я с воплем схватила столько магии, сколько могла. Горсть размером с арбуз-победитель ярмарки я сжала в комок и бросила в его грудь. Залп заставил дракона пошатнуться, но удар был неуправляемым и мягким. Следующая попытка была лучше, оттолкнула его на несколько футов, но этого все еще было мало.

— Ты не сможешь продолжать так вечно! — дразнил он, улыбаясь, уклоняясь от моего следующего удара. — Забавно. Смертный Белой Змеи говорил, что ты — ужасный маг. Похоже, и это было ложью.

— Не стоит слушать никого, связанного с Белой Змеей, — я сформировала копьё из магии в этот раз и бросила в него. Удар был красивым, попал по груди дракона. Он уже привык к моей магии, потому что встал, стоило сбить его. Он стряхнул грязь с ладоней, словно это было весельем.

— Видимо, ты работаешь с Белой Змеей, — я пыталась потянуть время. — Сколько она тебе платит?

Дракон рассмеялся.

— Нисколько. Я не помогаю побежденной трусихе! Все видели, как СЗД сбила ее в реку, как мушку. Ее репутация в грязи, и она знает это. Никто не видел ее, как и ее брата. Даже ее люди бросили ее. Я купил информацию о тебе у одного из ее людей в обмен на билет на самолет из города.

Я переглянулась с папой, но не было времени обсуждать новый поворот. Юный дракон быстро приближался, серебряные глаза сияли во тьме.

— Вся Корея без дракона, — радостно сказал он. — Одна из самых богатых территорий в мире свободна! Каждый клан в мире сейчас в посольстве Дракона, обсуждает, кто получит ее, но если я приду с головой Ёна, все поймут, что я победил его, и та земля будет...

Он охнул, когда я ударила комком затвердевшей магии по его груди. Это был мой лучший удар, ведь его болтовня дала мне время подготовиться. К сожалению, даже этого хватило, только чтобы оттолкнуть его. Дракон вскочил на ноги, и мне в голову пришла новая идея. Намного лучше. Будет рискованно, но это не помогало, так что я решила рискнуть, закрыла глаза и упала на колени, когда дракон побежал.

Нападение хищника — ужасная вещь. Даже с закрытыми глазами я ощущала, как его ноги стучали, приближаясь ко мне, по земле. Если это не сработает, он растопчет меня, и я заставила себя игнорировать то, что меня ждало, и сосредоточилась на том, что я хотела сделать. Потянула к себе насыщенную магию города, но уже не горстями размером с тыкву. Я вбирала в себя все, что могла сдержать. После того, как я навредила себе в прошлый раз, мысль об использовании тяги на полную мощь пугала меня. Но или это, или проиграть придурку, так что я подавила страх и сделала это, впитывала магию, пока душа не стала ощущаться так, словно взорвется.

Было больно так же, как я помнила. Теперь я знала, что делала, и чувствовала, как опасно переполнила себя, как сильно натянулась часть меня, которую я считала собой. К счастью, мне нужно было терпеть это лишь миг. Это было красотой магии шамана. Мне не нужно было рисовать круг или писать заклинание. Нужно было только не потерять контроль, обуздать молнию, чтобы направить магию в форму, которую я уже представила.

Стоило это сделать, и магия вырвалась из меня. Я переживала, что перегнула, что концентрации не хватит, чтобы удержать всю силу вместе. Но все недели тренировки что-то сделали, потому что, хоть я ужасно спешила, магия приняла тот облик, который был в моей голове. Не копьё или шар, а силуэт поезда, сошедшего с рельс на полной скорости. Он

врезался в дракона, который был меньше, чем в футе от меня.

Произошедшее дальше я буду ценить всю жизнь. Поезд, который я призвала, был не физическим, как все, что я создавала магией, так что я видела удивленное лицо дракона, когда мое заклинание врезалось в него. Он отлетел. Он врезался бы в дома на другой стороне улицы, но я не дала бы дракону пробить дверь Питера. И я не могла оставить этого возможного убийцу папы вблизи, а заклинание не могло его убить. Как только магия покинула меня, я упала на землю для следующей части плана, схватила снова траву, чтобы открыть дверь в заборе Питера, дракон влетел в нее. Я захлопнула портал, обрывая его испуганный вопль, кирпичи встали на место.

— Ты в порядке? — спросил отец, его ладони из дыма проходили сквозь мои плечи, он пытался и не мог помочь мне подняться.

— Я? — повторила я, грудь вздымалась, я улыбалась ему. — Да я босс! Ты видел, как он отлетел?!

— Да, — недовольно сказал отец. — Это было опасно, Опал! Почему ты не убежала?

— Потому что не смогла бы, — честно сказала я и нахмурилась. — И потому что устала убежать. Мне надоело бояться все время, особенно сейчас, когда я не должна. Я только что отбила дракона!

Отец стиснул зубы, но не мог спорить.

— Надеюсь, ты далеко его отбила, — сказал он. — Не знаю, из какого он был клана, но он явно европейский дракон. Они полные чешуи. Трудно убить, — он нахмурился. — Куда вела та дверь?

— Озеро Эри, — ответила я, стряхивая грязь и траву с джинсов, вставая. — Он летел быстро, так что может оказаться в Кливлэнде!

— Вот так наказание, — сказал отец, а потом хмурая гримаса сменилась одобрителем взглядом родителя, и я решила, что это было сродни гордой улыбке. — Это было умело сделано.

— Спасибо, — я наслаждалась каждой секундой.

Отец кивнул и развернулся, глядя на темную улицу, словно ожидал, что оттуда выпрыгнет больше драконов.

— Пора вернуться и забрать мое тело.

— Я думала, ты останешься в этом облике, чтобы сохранить энергию?

— И я так думал, и это все еще самая лучшая стратегия, но я лучше стану пеплом, чем буду беспомощно смотреть, пока ты так сражаешься.

Отец все время переживал за мою безопасность. Обычно меня это раздражало, но в этот раз было иначе. В этот раз я понимала, что он говорил из любви. Ворчливой и колючей любви дракона, но так у нас всегда было, и впервые за десятки лет я была не против.

* * *

На пути к дому доктора Ковальски помех не было. Я хотела поговорить с наставницей о Дамокловом мече и как обойти это проклятие, но когда я вернула папу в его тело и дала ему дозу магии, чтобы удержать его там, я устала.

Это не удивляло, ведь было четыре утра, я второй день толком не спала. Доктор Ковальски еще даже не появилась. Хоть она была призраком, которому не нужно было спать, она пропадала, когда темнело, и появлялась на рассвете, будто все еще была старушкой. Я могла вызвать ее в экстренном случае, но драконы не могли напасть на нас тут, а Ник не должен был пострадать в ближайшие три часа, так что я не стала ее будить.

Я и не смогла бы. Папа был накормлен, мы были в безопасности, и мне было сложно стоять на ногах. Мне было бы сложно обсуждать еду, не то что проклятия. Даже открыть дверь в квартиру было тяжело, и, раз папа убрал тело с запасной кровати доктора К., я плюхнулась туда и погрузилась в глубокий сон, едва голова коснулась пыльной подушки.

Когда я открыла глаза в следующий раз, солнце сияло в окнах чердака. Закрыв лицо от слепящего света, я выбралась из кровати, ругаясь, схватила телефон с пола, где бросила его, и увидела, что был почти полдень. Я проспала почти всю тренировку.

— Почему ты не разбудила меня? — закричала я, бросив телефон на карман и хватая сапоги.

— Потому что доктор Ковальски выключила мой будильник, — недовольно ответила Сибил. — Я сказала бы ей нет, но ты оставила меня в открытом режиме, и мы снова в дыре без интернета, так что я не могла настроить сервер безопасности на автоматические обновления!

Я еще не проснулась до конца, чтобы понимать все ее слова, но уловила важное.

— Доктор Ковальски выключила тебя? — я замерла с сапогом в руках. — Почему?

— Наверное, хотела дать тебе поспать, — проворчала ИИ. — Она не объяснила мне мотивы. Она все еще думает, что я — просто телефон.

Отвращение в ее голосе было осязаемым, но я была тронута. Доктор Ковальски не была жестоким учителем, но она была требовательной, и как богиня, которой она служила, она не давала мне лениться. Сон был для ленивых и слабых. Если она дала мне поспать, я была в ужасном состоянии.

Теперь я встала, так что обулась и спустилась, обнаружила учителя за столом на кухне. Она чистила картофель.

— Эй, доктор Кей, — бодро сказала я, садясь рядом с ней. — Спасибо, что дали поспать.

— Не за что, — она умело двигала ножом под кожицей картофелины размером с мой кулак. — Но это было не мое решение. Я считаю, что лучшим исцелением после такой ночи является труд утром, но СЗД сказала, что ты была по делам города всю ночь, так что она дала тебе отдохнуть.

Я быстро и благодарно помолилась богине за то, что она присмотрела за мной.

— Где папа?

— Снаружи занимается твоими делами, — доктор Ковальски кивнула на окно.

Мои глаза расширились от шока.

— Знаю, — старушка улыбнулась. — Не каждый день дракон вырывает сорняки у меня в саду. Но он сказал, что тебе нужно восстановить энергию, чтобы ты отдала магию ему. И он тщательнее тебя, так что разве я могу жаловаться? Может, хоть раз фасоль будет без сорняков.

Я все еще была в шоке, встала из-за стола, чтобы взять миску пропаренных зерен. Я даже не была голодна, но хотела что-нибудь нормальное в безумном мире, где мой папа выполнял мои дела, а город, который никогда не отдыхал, боролся за мое право поспать.

— О, чуть не забыла, — сказала доктор К., когда я схватила чайник, чтобы залить кипятком зерна. — У тебя гость.

Я вздрогнула и чуть не облила кипятком ладонь.

— Гость? Тут?

Я надеялась, что это был не дракон. Это было бы логично после прошлой ночи, но я не

могла сейчас говорить с драконом, только проснувшись. Когда доктор К. указала на гостиную, там был не Миротворец или Великий Пророк Хартстрайкеров.

Это был Ник.

Я думала, что это был Ник. Мужчина, сильно перемотанный бинтами, сидел на заваленном диване доктора Ковальски, на нем не было вещей, какие обычно носил Ник. Его рука была на перевязи, и он был в штанах, будто от пижамы, и белом халате поверх грязных боевых ботинок, единственном, что напоминало в нем Ника. Но даже с лицом в бинте и плечами, задранными до ушей, я узнала бы его всюду. Это был мой Ник, и он выглядел ужасно.

— Он появился в лесу после рассвета, — сообщила доктор Ковальски, взяла у меня чайник с кипятком, пока я не обожглась. — Я заставила деревья поводить его по кругу, но он не сдавался, и я сжалась и впустила его, пока он не упал от усталости.

Я могла ее обнять.

— Спасибо!

— Да, тела без сознания — много проблем, — сказала она, но улыбалась. — Но ты уже пропустила утро, так что можешь поговорить с ним.

Мне не нужно было повторять. Я пронеслась по кухне и ворвалась в гостиную, обвила Ника руками.

— Ай, — сказал он, когда я сжала его, но не отогнал меня. — Рад видеть, что пожилая леди не врала.

— Не так рад, как я тому, что ты встал, — ответила я, отодвинулась, чтобы окинуть его взглядом.

Он выглядел плохо. Каждая часть Ника была перевязана бинтом, местами были наложены шины. То, что я приняла за халат для ванны, оказалось сорочкой из больницы, и я изменила свою предыдущую оценку.

— Или тебя нельзя вставить?

— Может, нет, — признал он. — Но я лучше умру в лесу, чем проведу еще час на койке в больнице, — он посмотрел в сторону окна, откуда было видно сад, где отец пропальывал клумбу. — Тут ты пряталась?

— Тут и в своей квартире, — кивнула я. — Доктор Ковальски учила меня управлять магией. Но как ты нашел это место?

Лицо Ника стало раздраженным.

— С трудом. Когда я проснулся после боя, я пытался позвонить тебе, но твой телефон был отключен. Я позвонил Питеру, потому что ты говоришь только с ним, и он рассказал об этом месте. Он не уточнил, что до этого места миллион миль пути.

— Это не его вина, — быстро сказала я. — Лес тут... меняется. Я часами добиралась в первый раз.

— Я рад, что пожилая леди впустила меня, — Ник потер левой ладонью перевязанное плечо. — Я думал, твой отец оторвет мне голову, как он вырывает те сорняки, когда я вошел.

Неделю назад Ён так и сделал бы. Я должна была радоваться, что это изменилось, но я была слишком отвлечена тем, что Ник делал рукой, чтобы оценить это.

— Черт, — я сжала его запястье и отодвинула ладонь от плеча, чтобы убедиться. — Ник, где твоя рука?

Правая рука Ника пропала. Рукав халата свисал нормально, и я не заметила, что он был пустым, пока Ник не потер плечо. Теперь я видела только потерю.

— Ее чинят, — спокойно ответил Ник, пожав плечами от ужаса на моем лице. — Видимо, я не рассчитал силы, когда... — он вдруг опустил взгляд и вдохнул с дрожью. — Искусственные сухожилия порвались. Рена меняет их.

Я кивнула, не зная, что еще делать.

— Болит?

— Нет, это фальшивая рука. Другие части болят куда больше, но я справлюсь.

Он не выглядел так, словно справлялся.

— Насколько все плохо? — прошептала я, коснувшись его забинтованной ладони.

— Не так плохо, как выглядит, — он повернул ладонь, чтобы переплести пальцы с моими. — Все ощущается гадко, но я уже такое терпел. Просто... — он закрыл глаза и вздохнул. — Я не хотел, чтобы ты это видела.

Ему не нужно было говорить, что он имел в виду.

— Все хорошо.

— Не хорошо, — он стиснул зубы. — Я поклялся, что больше не буду таким. Я не хотел делать это при тебе.

— Это была не твоя вина, — твердо сказала я. — Это проклятие...

— Это не проклятие, — резко сказал он, прижал пальцы к черным меткам на шее. — У меня не было этой гадости, когда я бился пять лет назад, а Злой Пес случался и тогда. Я нигде не схожу с ума. Только там.

Мои глаза расширились. Боже, он не знал.

— Ник, — я сжала его ладонь так крепко, как только осмелилась. — Ты этого не делал.

— Конечно, делал. Я не помню, что случается, когда я становлюсь таким, но я видел на видео. Это я разбил человека на куски.

— Нет, — взволнованно сказала я. — Это был ты физически, но я была там, когда это случилось. Я ощутила, как изменилась магия.

Ник посмотрел на меня, как на безумную.

— Какая магия?

— Ужасная магия, — сказала я ему. — Я не знаю, что с той ареной, но она полна самой гадкой и кровавой силы, какую я только ощущала. Не ты один срывался. Все там сходили с ума. Думаешь, нормально, что люди требовали ужасной жестокости?

— Да, — сухо сказал Ник. — Потому что люди мерзкие.

— Не настолько, — возразила я, уже злясь. — Я не говорю, что люди не могут быть ужасными, но есть толстая черта между черствым человеком и кровожадным психопатом. Как и ты обычно не отключаешься и не превращаешься в машину для убийств, те люди обычно не требуют резни. Что-то в той арене делает людей ужасными. Я была там, Ник. Я это ощутила!

Он нахмурился, обдумывая это.

— Это ужасное место, — сказал он. — Но это не важно. Геймскипер сказал, когда я проснулся, что он уже назначил бой на следующую неделю. Он не сказал, с кем я буду биться, но он не ждет, что я выживу. Если я пропущу бой, мою голову оторвет, и я все равно умру.

— Это не произойдет, — сказала я. — Покажи шею.

Ник послушно склонился, подвинул бинты оставшейся ладонью, чтобы показать петлю из черных меток.

— Я не знаю, что ты ищешь, — сказал он тяжелым голосом. — Питер уже сказал, что

проклятие не снять, когда я говорил с ним утром.

— Он сказал мне это прошлой ночью, — я вытащила телефон, потому что очки остались на кровати на чердаке. — Но он сказал, что есть способ обойти правила, это я и хочу поискать.

Ник рассмеялся.

— Ты умеешь искать лазейки.

Я умела, и я собиралась найти лазейку тут. Как я отметила вчера, заклинание на коже Ника было сложным. Глядя на него теперь, я узнала работу Коффмана. Он не оставил подпись, но мелкий почерк его выдавал, и это было логично, учитывая, где Ник получил проклятие.

Это было плохой новостью. Я не хотела говорить о нем ничего хорошего, но Коффман был хорошим магом. Я посмотрела на все функции в словаре заклинаний в телефоне, но Коффман, как обычно, не оставил свободных нитей. Ядро проклятия было простым и ясным: Нику нужно было сразиться с пятью противниками, которых выбирал Геймскипер, на арене Рентфри. Если он попытается убежать, сжульничать или как-то еще нарушить сделку, проклятие отрубит ему голову.

— Не вышло? — сказал Ник, увидев мое лицо.

— Он умеет колдовать, не спорю, — сказала я, осторожно поправив бинты Ника. — Но то, что я не нашла лазейку с первого взгляда, не означает, что ее нет. Мы найдем выход. Я не дам тебе умереть на той тупой арене.

— И я не хочу там умирать, — сказал Ник, но опустил взгляд. — Просто... может, это все. Я долго убежал от Геймскипера. Он говорил, что я не уйду, в первый раз, но я смог. Я думал, что смогу снова. Думал, что знал, чего он хотел, как обыграть его, но... — он тяжело вздохнул. — Все когда-то заканчивается, ты ведь знаешь?

— Не знаю, — я сжала его плечи. — Мы сделаем это. Я тебя не брошу!

Я не могла описать, как он на меня смотрел. Он все еще выглядел как Ник, но я еще не видела его лицо таким. Он старался скрыть это, но даже когда он лежал на диване, пьяный от отдачи магии, он не выглядел так испуганно.

— О, Ник, — прошептала я, обвив его руками. — Все хорошо. Я тебя не брошу. Ты не будешь бороться с этим один.

— Тебе нужно уходить, — прошептал он, уткнувшись лицом в мою шею. — Я сделал это с собой. Я глупо вернулся. Я заслуживаю то, что получу, но я не хочу тянуть тебя на дно за собой.

— И не потянешь, — пообещала я, склонилась, чтобы он посмотрел на меня. — И никто не заслуживает то, что делали с тобой. Геймскипер нас не погубит. Обещаю.

— Ты не можешь сдержать это обещание, — прошептал он, глаза были испуганными. — Мы творили безумие, но у тебя всегда был план. Безумный, но всегда был. В этот раз у тебя ничего нет.

— У меня есть ты, — сказала я. — Есть СЗД. Есть папа. Мы не одни. Мы разберемся вместе.

Ник в ответ прижался лицом к моей шее. Он долго оставался там, сидел, прижавшись телом к моему. Я подозревала, что он плакал, но не стала проверять. Я еще не видела Ника таким, но я не хотела, чтобы ему было стыдно за это. Половина его была металлической, но он был человеком, а люди ломались. Я разваливалась с нашей встречи, но Ник был рядом, сколько бы проблем от меня не было. Теперь была моя очередь, и я не хотела его подвести.

— Прости, — сказал он, отодвинувшись от меня.

— Не за что извиняться. Стало лучше?

— Нет, — сухо ответил он. — Но времени нет. Рена вернет мне руку днем. Если я пропущу встречу, Геймскипер отправит кого-то за мной, и этого никто не хочет.

Я не хотела отпускать его в то ужасное место, но пока я не разберусь, как сдержать свои дикие обещания, я не могла сделать ничего, кроме как помочь ему встать на ноги. Я хотя бы могла сократить ему путь, открыла в двери в комнате портал на улице с тупиком на краю леса, где он оставил машину. Я знала, что обратный путь был не таким длинным, как путь сюда, но я не хотела, чтобы Ник страдал от ран больше, чем нужно.

Я смотрела с порога, как он сел в машину и уехал, глядела на дорогу долго, хотя его фары уже пропали за углом. Только когда я увидела другие машины, люди в которых пялились на дверь на краю леса, я закрыла ее, убрала портал. Когда я открыла дверь, чтобы просто выйти из нее на кухню, отец стоял на другой стороне.

— Твою мать! — закричала я, подпрыгнув. — Не делай так!

Обычный человек извинился бы, что напугал меня, но это был Ён, и я получила только сердитый взгляд.

— Как долго ты подслушивал? — спросила я, скрестив руки на груди.

— Все время, — ответил он без стыда.

Я вздохнула, не было сил даже закатить глаза.

— Тогда ты слышал о проклятии, — сказала я, утомленно прислонившись к дверной раме. — Вряд ли твой сложный мозг дракона что-то придумал?

— Как обойти проклятие? — он покачал головой. — Но я придумал, что еще можно попробовать.

Мое лицо просияло.

— Что?

— Тебе это не понравится, — предупредил он.

— Какая разница? Я съем тыкву сырой, если это спасет нас от этого хаоса.

Отец улыбнулся, но лицо стало серьезным.

— Потребуется приготовления, но твоя богиня поможет, верно?

Я кивнула.

— СЗД плевать на Ника, но она хочет, чтобы арена закрылась, как и я.

— Отлично, — сказал Ён. — Потому что нам потребуется ее счет.

Теперь мне стало любопытно.

— Что ты задумал?

— То, что мы делаем лучше всего, — ответил он с высокомерным видом. — Отправимся к главе.

Глава 10

Хорошо, что СЗД считала арену важным делом, потому что подготовка плана папы забрала много денег с моей кредитки и остаток дня. В идеальном мире мы отправились бы в Небесные пути для всего, но наверху было опасно после нападения прошлой ночью. К счастью, все можно было найти в Подземелье, если постараться, и когда мы вернулись в мою квартиру для последних приготовлений, мы все купили. Но я не была уверена.

— Это точно хорошая идея? — нервно спросила я, глядя на до смешного пышное — и

ужасно дорогое — платье, которое я вытащила из пакета. — Это кажется безрассудным, и это я говорю.

— «Хорошее» и «плохое» бессмысленное разграничение, — ответил отец, идеально завязывая синий галстук, не глядя в зеркало. — Это практичная идея с хорошим шансом на успех. Это важно.

Я прикусила губу. Несмотря на ужасающую сумму на бирке, висящей на его рукаве, строгий черный костюм папы выглядел дешевле, чем обычные его наряды. Но это был прогресс после одежды из торгового автомата. Мой папа был больше похож на себя в костюме и галстуке, что я от этого нервничала. Но в нем было что-то другое. Что-то, не похожее на Великого Ёна из Кореи, и это беспокоило меня.

— Это просто ощущается безумно, — я взяла свой наряд, бледно-розовое платье, которое выглядело как одежда на ребенке на конкурсе красоты. От одного вида платья мне было смешно, потому мы выбрали его. Платье было из тех, какие я носила на разные вечера отца и мероприятия. Чтобы его план сработал, нам нужно было соответствовать ролям. — Мы старались, чтобы скрыть тебя, — продолжила я. — А теперь мы пойдем в кабинет Геймскипера, будто ничего не случилось? Я не хочу портить все сомнениями, но не вижу, как это не закончится катастрофой.

— Это продуманный риск, — Ён осторожно откусил бирку с костюма острыми зубами. — Нападение прошлой ночью доказывает, что времени на осторожность нет. До этой ночи я считал Белую Змею нашей главной проблемой. Как моя сестра, она обладает сильным правом на мою территорию, но никто не примет ее как Дракона Кореи без доказательств, что я мертв. Тогда логичнее всего оставаться в укрытии, пока я не восстановлюсь. Теперь мы узнали, что она убежала, поджав хвост, и ситуация изменилась. Без Белой Змеи Корея — добыча для тех, кому хватит сил и смелости забрать ее. Если тот мелкий дракон говорил правду прошлой ночью, стервятники уже кружат. Мои люди в правительстве Кореи и твердая позиция Миротворца против захвата территории боем отвлечет их на время, но уже прошло два месяца, время на исходе. Если я хочу вернуться домой, мы не можем прятаться. Мне нужно вернуться на мировую арену и показать миру, что я не мертв, и эта встреча с Геймскипером — идеальная возможность сделать это.

Я уставилась на него. Я знала, что он был драконом, но я не ожидала такого плана.

— Я думала, мы делали это, чтобы освободить Ника!

— Так и есть, — отец провел пальцами по длинным черным волосам, и от этого они упали идеальным блестящим водопадом, а не свисали спутанными, как мои от такого обращения. — Но каким драконом я был бы, если бы не смог сделать две вещи сразу? Судя по тому, что мы видели на его арене, этот Геймскипер разбирается в бизнесе, и я сделаю ему деловое предложение — выкупить контракт мистера Коса. Обычно я не покупаю бойцов, но мир уже знает, что я коллекционирую людей, так что он не должен ничего заподозрить. Он сам — лишь человек, значит, не заметит, что я пахну слабее, чем должен.

— А если он не человек? — с тревогой спросила я. — Помнишь, ты учуял дракона? А если это Геймскипер?

— Тогда буду играть, — ответил отец, повернулся и посмотрел на меня свысока. — Если он дракон, я о нем не слышал, значит, он очень юный. Как ты видела по идиоту прошлой ночью, юные драконы слепые. Я хочу сыграть на этой слепоте, показав ему то, что он ожидает увидеть: Великий Ён покупает человека, потакая своей избалованной дочери.

— А если он не купится?

— Тогда повысим цену, пока не купится, — ответил Ён, отвернулся к своему отражению. — Дракон или смертный, у каждого есть цена. Как только мы найдем цену Геймскипера, ты получишь своего драгоценного мистера Коса с головой на месте, арена, которую ненавидит твоя богиня, потеряет чемпиона, и мир будет знать, что я не только не мертв, но и заключаю сделки, как раньше. Такое не остается в тайне. Завтра утром новость, что я купил Злого Пса у Геймскипера, будет по всему городу. Как только змеи в посольстве Дракона поймут, что они уже не бьются за пустой трон, они уползут в свои норы, а мне и когтя поднять не придется, — ухмыльнулся он. — Мы убьем трех зайцев одним выстрелом, и все за чужие деньги. Как тебе такой запутанный план дракона?

План был запутанным. Но, хоть я была согласна с логикой папы, я не могла отогнать ощущение, что идея была ужасной. Никто, ступавший на арену Геймскипера, не мог спорить, что ее хозяин был не жадным, но я ощущала, какой магией он управлял. Я все еще не знала, для чего это было, но любой, кто мог магией прогнать богиню, был опасен. Даже если сила не текла к нему лично, казалось нелогичным, что Геймскипер лишится этой магии ради скучных денег.

Идеи лучше у меня не было. Если план папы сработает, мы избежим много плохого, и Ён сможет вернуться на свое место и уже не зависеть от меня. Я хотела все это хорошее, и я надеялась, а не верила, что все получится.

— Ладно, — я натянула глупое платье через голову. — Посмотрим, помню ли я, как это делать.

* * *

Полчаса спустя платье, туфли и макияж были на мне, и мы сидели в арендованной машине, ехали к Рентфри. Было сложно ехать куда-то после того, как два месяца я телепортировалась, куда хотела, но куда страннее было ехать рядом с отцом, будучи наряженной. Мне будто снова было тринадцать, и я отправлялась на мероприятие, где нужно было только улыбаться и никого не смущать. Последнее никогда не касалось меня. Было невозможно не смущаться, когда ты была взрослой женщиной, одетой как младенец.

— Я ощущаю себя глупо, — сообщила я, проводя ладонями по многослойной юбке, пытаюсь сделать юбку ровнее.

— Но ты выглядишь мило, — отец улыбнулся мне. — Как твоя мама раскрыла годы назад, объемные платья с высокими воротниками всегда смотрятся на тебе лучше всего. Дополнительная ткань вытягивает линии и балансирует твою голову.

Я убийственно посмотрела на него, и его улыбка увяла.

— Что? — он смутился. — У тебя сильная челюсть, так что лучше ты смотришься, когда одежда подчеркивает облик. Это наблюдение, а не оскорбление.

— То, что это правда, не означает, что тебе нужно указывать на это, — буркнула я, потерла подбородок, который я не считала квадратным. — Ты не слышал о такте?

— Такт для чужаков. Семья заслуживает правду. Как можно исправить изъяны, если я не помогу тебе отыскать их? Или ты предпочла бы мою ложь?

Я посмотрела на свои колени, фыркнув, поискала среди рюшей кармашек, куда спрятала телефон. Наушник Сибил был в моем ухе, скрытый под локоном уложенных кудрями волос. Мне не нужно было его касаться, но я могла занять так руки, чтобы не задушить отца.

Было важнее, чтобы я сдержала пыл этой ночью. Я не играла послушную смертную долгое время, но даже я помнила, что хмуриться и огрызаться было запрещено. Я хотела помнить остальное. Быть красивой, следовать тихо и инстинктивно отвечать на каждую

прихоть своего дракона было не так просто, как выглядело. Даже когда это было моей жизнью, я не была так хороша, как моя мама. Она по взгляду могла понять, чего хотел папа. Мне приходилось полагаться на сигналы рукой.

— Помни, говорю я, — сказал Ён, когда наша машина поехала по длинной спирали, которая служила входом для VIP и услуг на дно ямы Рентфри. — Чтобы это сработало, Геймскипер должен верить, что ты моя, и люди у драконов...

— Не говорят, — я вздохнула. — Я знаю.

— Я хотел сказать «покорные», — ответил он, вручая мне чемодан, который мы подготовили до этого.

Я вздохнула, подняла кожаный чемодан на колени, с опаской посмотрела в тонированное окно на лимузины, которые стояли на парковке арены.

— Ты назначил встречу?

— Конечно, нет. Драконы не назначают встречи.

— Что? Откуда ты знаешь, что он нас примет? — по словам Ника, Геймскипер был самым главным дельцом в Подземелье, и важные люди никого не принимали без предупреждения заранее. Я знала, что папа понимал это, ведь он научил меня этому. Но тут я паниковала, а отец только улыбнулся.

— Нам не нужно назначать встречу, ведь мы едем не увидеть его, — Ён поправил розовую ленту у моего высокого воротника. — Я позволяю ему увидеть меня. Наш визит — привилегия, щеночек. Это означает быть великим.

Я так опешила, что не вздрогнула от ненавистной клички. Я не могла понять, как папа, ставший лишь долей своей силы, в костюме, который был хуже, чем он привык, полагающийся на чемодан не своих денег, мог быть таким наглым. Наверное, это была врожденная сила драконов, потому что, когда наша машина остановилась у обочины перед входом для VIP с красной ковровой дорожкой, усталость, которая была с ним с тех пор, как он очнулся, пропала, словно он сбросил шкуру. Я приехала с папой, но это был Великий Ён, Дракон Кореи, он вышел из машины, посмотрел свысока на охранников у дверей, скалясь так, что я ощущала себя червем за то, что была близко к нему.

— Я прибыл поговорить с Геймскипером, — сообщил он, голос гудел хищной угрозой, какую не могло передать человеческое горло. — Сообщите ему, что прибыл Дракон Кореи.

И все. Без объяснений, вежливости. Только дикие внезапные требования. Типичное драконье поведение. Если бы я охраняла дверь, я бы вытащила пистолет и позвала подкрепление, но бедняги перед отцом такого не сделали. Казалось, им было сложно стоять на ногах, их ладони так дрожали, что оружие гремело.

Реакция была странной. Учитывая, какое место они охраняли, я думала, что они все время встречали монстров. А потом я вспомнила, что драконы обычно не спускались в Подземелье, значит, эти люди могли впервые видеть дракона своими глазами.

Это объясняло реакцию. Первый дракон был уникальным опытом, к которому нельзя было подготовиться. Даже Ник упал на колени в первый раз, когда увидел моего отца. Эти бедняги точно не ожидали такого, потому что магический ужас хищника превращал их в желе на моих глазах.

И мне это нравилось. Я много лет получала гнев дракона, и было удивительно приятно, что эта сила была на моей стороне. Настолько, что я стала играть роль, не думая, стояла за отцом с чемоданом в руках в перчатках, ухмыляясь так, чтобы точно выглядеть как маленькая избалованная кукла, какой меня нарядили.

— Простите, сэр, — пролепетал страж слева, когда смог подобрать хоть какие-то слова. — Но Геймскипер не принимает никого в...

— Я не спросил, что он делает, — сказал отец, его сияющие глаза стали щелками. — Я тут, и он увидит меня.

— Да, сэр, — проскулил страж, сдаваясь. — Я отведу вас в Игровую, где вас развлекут, пока...

— Нет, — рявкнул Ён, оба мужчины вздрогнули, словно слово было укусом. — Я пришел сюда не для развлечения. Я пришел поговорить с вашим хозяином. Он в здании? — когда человек кивнул, отец поднял голову. — Тогда ведите меня к нему. Никаких остановок. Это понятно?

Он подчеркнул приказ рычанием, которое я ощутила в животе, и я даже не была под линией огня. А стражи были, и от звука они засуетились. Они уже не перечили, а просто открыли бронированные двери и отошли, сжимаясь в нишах, пока ждали, чтобы мой отец прошел.

Он прошел по красной ковровой дорожке, минуя камеры наблюдения, словно это место принадлежало ему. Я шла за ним на уважительном расстоянии, следила за ситуацией, пока мы шли от парковки в другую часть арены Геймскипера.

Когда я миновала врата прошлой ночью, все, что я видела, было создано, чтобы выкачать больше денег из толпы туристов. Комната, куда мы вошли, служила для той же цели, но цены были куда выше. Вместо цифровых букмекеров, ресторанов и автоматов с напитками я видела отполированный паркет, мраморные поверхности баров с красивыми официантами с черными галстуками, изящные медные окошки, где принимали ставки.

Несмотря на нарядную атмосферу старого мира, это все еще было казино. Даже поздно ночью в воскресенье, когда не было назначено боев, тут была толпа нарядных людей, прибывших опустошить карманы аз покерными столами и красными шторами VIP-комнат. Я разглядывала толпу, чтобы понять, сколько знаменитостей замечу, когда новый страж — в этот раз во фраке, а не броне — появился перед нами.

— Великий Ён, — он паниковал, но смело заслонил гостей от моего отца. — Геймскиперу сообщили о вашем присутствии. Прошу, следуйте за мной.

Я удивленно моргнула. Хоть мы легко прошли стражей, я не ожидала, что план отца работает так гладко. Я недооценила силу злого дракона. Страж и в костюме даже не пытался отвлечь нас бесплатными напитками или билетами на игру. Он делал все так, как мы попросили, вел нас к двери с меткой «Личная зона» почти бегом. Неожиданная победа приободрила меня. Но, когда он провел нас в дверь, коридор за ней был не таким, как я ожидала.

По моему опыту богатые люди любили хорошие вещи. Учитывая, как много денег он зарабатывал, и какой роскошной была часть арены для VIP, я ожидала увидеть в кабинете Геймскипера золотые панели на стенах, голых моделей и горы наркотиков. Но я получила бетонный туннель, в котором тянулись провода. Места едва хватало для нас троих, идущих бок о бок, и папе пришлось пару раз пригибаться, чтобы не удариться головой об лампы.

Мне стоило подозревать, что так будет. Арена была огромной, с множеством частей и уровней. Разные части требовали дорогой инфраструктуры, чтобы поддерживать их. Мантикоры и команды бездомных гладиаторов не возникали из ниоткуда. Кухни для ресторанов, лазареты, куда постоянно отправляли Ника, где-то находились, как и запасы выпивки для тысяч клиентов. Мы не видели большую часть арены, и мы попали туда. Но,

хоть это объясняло провода, шипящие трубы и кабеля, я застыла из-за надписей.

Узкий коридор, по которому нас быстро вел испуганный страж, был полон заклинаний. Магические указания были вырезаны в бетоне стен от пола до потолка, тянулись аккуратными линиями, в которых — после того, как я рассматривала проклятие Ника утром — я тут же узнала почерк Коффмана.

Уравнения были длинными и сложными, такими крохотными, что я не могла различить, что они делали, не склонившись к стене и выдав себя. Сибил могла устроить опознание текста, но телефон был под платьем, и я не хотела сорвать прикрытие, вытащив его, особенно, когда это не помогло бы. Даже с помощью Сибил я не разгадала бы эту тауматургическую белиберду, даже если бы у меня был месяц работы. И хоть я не могла прочесть заклинание, у меня были догадки.

С того момента, как папа показал, что магия в арене двигалась по кругу, я знала, что что-то направляло ее. Тогда было сложно поверить, что кто-то мог создать магический круг, управляющий такой силой. Я не понимала, что думала недостаточно масштабно. Только в этом коридоре были тысячи линий, и каждый раз, когда мы проходили развилку, я видела надписи и там на стенах. Если эти туннели тянулись под трибунами вокруг арены, то они формировали круг, размера которого хватало, чтобы направлять ревущую магию, которую я ощущала прошлой ночью. Я все еще не понимала, что заклинание заставляло делать эту кровавую злую магию.

Явно что-то большое. Это заклинание могло бы отправить корабль на Марс, и все было активным. Пока мы шли к центру арены, я поняла, что все еще ощущала злую магию, пульсирующую в воздухе. Магия не затмевала, как прошлой ночью, но арена была закрыта, и то, что магия была тут почти сутки спустя, казалось значимым. Как и факт, что, чем глубже в арену мы шли, тем гуще она становилась.

Когда коридор, по которому мы шли, закончился тупиком у двери без отметки, я будто плыла в сиропе. Даже папа ощущал неловкость, переминался, пока наш проводник стучал в стальную поверхность двери, кивая камере на стене при этом. Раздался щелчок, магнитный засов открылся, и дверь приоткрылась так, чтобы проводник смог сунуть голову внутрь.

— Господин?

Я задержала дыхание. Папа замер, явно поступил так же. Я надеялась, что его уши дракона уловили больше, чем мои, потому что я ничего не слышала. Но что-то сказали, потому что наш страж кивнул, как кукла, и вернулся в коридор.

— Геймскипер увидит вас, — сообщил он, лицо было радостным почти до слез.

Отец кивнул, словно только такой вариант был возможным, но я с трудом оставила рот закрытым. Ситуация могла обернуться по-всякому, но мысль, что Геймскипер увидит нас без ловушек и промедления, не попадала даже в список. Даже если он не был занят, он мог заставить нас ждать полчаса в зале, чтобы проявить власть. Папа заставил бы его ждать днями, если бы ситуация была обратной. Но Геймскипер играл не так, или он хотел увидеть папу, потому что, когда страж открыл дверь до конца, он сидел там.

Я не успела рассмотреть его вчера, но я видела, каким неприметным он был, и решила, что это была обманка. Не мог Геймскипер, самый богатый человек Подземелья, владелец самой большой и кровавой спортивной арены, быть мужчиной средних лет с простым лицом, который вчера махал вопящей толпе. Я думала, что, если мы дойдем до него, он будет выглядеть как гангстер, в сверкающем костюме, с тигром на цепи, подельниками в костюмах с солнцезащитными очками и прочее. Но мужчина за столом был тем же, какого я видела

прошлой ночью, и теперь он выглядел почти агрессивно обычным.

Он был не высоким и не низким, не толстым и не худым, не юным и не старым. Его лицо было идеально симметричным, но не запоминалось, такое простое, что его нельзя было назвать красивым. Его волосы были короткими и с сединой, но, пока я смотрела, я не могла понять, были они черными или темно-каштановыми. Даже его раса была не ясной. Он мог быть смесью всего. Он был неприметным, не выделяющимся, и было сложно удержать на нем взгляд, который все убегал в другие части кабинета, которые были куда интереснее.

Комната была больше, чем можно было подумать по узкой двери. Я ожидала чулан, но комната была примерно двенадцать на двенадцать футов с высоким потолком. Свет был только от старомодного абажура с зеленой тканью на старомодном деревянном столе Геймскипера. Это и кресло, на котором сидел Геймскипер, были всей мебелью в комнате. Остальное пространство занимали сотни плоских LCD-мониторов на стенах, показывающих данные с камер во всей арене, частях Рентфри и нескольких других зонах Подземелья.

Без экранов была только стена за Геймскипером, там было окно во всю стену с видом на пустую арену. Это была его коробка в небе. Мы были в стеклянной VIP-ложе, откуда он махал толпе прошлой ночью.

Учитывая, что он явно был одержим боями, то, что Геймскипер работал в этой коробке, меня не удивило. Меня поражало, как все было устроено. Одно дело — спартанская эстетика, но какой босс следил сам за камерами наблюдения? Это был новый уровень паранойи. Так я думала. Когда Геймскипер встал, чтобы встретить нас, отсутствие страха в его глазах удивило меня. Даже если он лишь играл, любой, кто мог играть так убедительно, когда дракон вдруг ходил в его кабинет, был тем, кого стоило воспринимать серьезно.

— Так-так, — Геймскипер кивнул моему отцу с улыбкой. — Известный Дракон Кореи. Слухи о вашей смерти, видимо, были сильно преувеличены. Чем обязан?

Его слова были идеально вежливыми, такое приветствие ожидалось от профессионала, но я невольно отпрянула на шаг. Его простое лицо выглядело скучающим, не угрожающим, но его голос был не таким. Он был похож на голос дракона. Мы подозревали, что такое могло быть, и хоть я еще не встречала таких простых внешне драконов, их облики людей были просто масками. Многие драконы выбирали красоту, потому что они были самовлюбленными, а людей влекло к красоте, но скучная маска была полезной, если пытался скрыться.

И хоть это было логично, я отказалась от этой идеи, едва она возникла в голове. Голос Геймскипера был низким и звучным, пугающим, как голос отца, но сила, исходящая от него, не была острой, как у дракона, и от него не пахло дымом. Теперь я прошла внутрь и ощущала только запах крови.

Я уперлась ногами, волна тошноты хлынула на меня. Воздух в кабинете был сильнее пропитан странной магии, чем коридор снаружи. Она пульсировала, как биение сердца, гудела в моих ушах, и я почти слышала крики трибун, хотя они были пустыми за окном. Эти ощущения путали. Пришлось смотреть на ноги, чтобы не упасть, так я увидела, что заклинание из коридора продолжалось тут.

Нет, не продолжалось. Тут была кульминация. Линии, которые тянулись прямо снаружи, изгибались, пересекая порог, закручивались в спираль, которая заканчивалась под креслом Геймскипера, словно он был пауком посреди паутины размером с арену.

Эта мысль пугала, ведь мужчина был передо мной, но было поздно отступать. Страж уже закрыл дверь за нами, оставив нас в темной комнате с мужчиной, от которого воняло

кровью. Смесь пульсирующей магии и медного запаха мешала дышать. К счастью, мне не нужно было ничего говорить. Это была работа папы. Я была тут только как его смертная, и хоть раз я была рада молчать и дать ему проводить переговоры, которые он начал в драконьем стиле с оскорбления.

— Вижу, вы считаете, что все нужно делать самому, — Ён оскалился, глядя на мониторы на стенах, словно их присутствие оскорбляло его. — Разве самый властный человек в Подземелье не может нанять компетентных работников?

— Не станешь самым властным в Подземелье, доверяя другим то, что важно, — ответил Геймскипер, не переживая из-за хищной угрозы, исходящей от отца так, что даже я начала потеть. — Но не будем тратить время друг друга. Вы не пришли бы, если бы не хотели что-то, и я не пустил бы вас, если бы не хотел выслушать, так что...

Он сел после этого, раскрыл пальцы над столом в приглашении. Отец послушался.

— Я пришел сделать покупку.

Рука Ёна дернулась, когда он закончил, но я так нервничала, что не сразу вспомнила, что это было для меня. А потом я шагнула быстро вперед, повозилась с замком, пока открывала чемодан, который несла. Мама была бы в ужасе, но я давно не была смертной, сопровождающей папу, и замки на чемоданах плохо открывались. К счастью, Геймскипера интересовало то, что было внутри, и он не заметил мое неловкое поведение.

Он склонился, темные глаза загорелись при виде терминала криптовалюты, который мы уговорили СЗД дать нам. Я думала, что плоская серая коробка с желто-зеленым экраном выглядела очень скучно. Я не вредничала, но это была сделка с королем Подземелья. Она заслуживала что-нибудь блестящее, как золото или бриллианты.

Но из-за таких мыслей я и была Уборщиком, а не международным преступником. Золото и кристаллы выглядели красиво, но их можно было засыпать в чемодан ограниченное количество. Переносной анонимный терминал намекал на безграничные суммы, и, судя по тому, как его рот изогнулся, Геймскипер понял сообщение ясно и громко.

— Я ценю то, что вы прибыли подготовленными, — он отклонился в кожаном кресле. — Но что заставило вас думать, что я что-то продаю? Я создаю развлечения, а не торгую в магазине.

— Развлечение тоже бизнес, — низкий голос отца был гладким и опасным, как шелковая нить для удавки. — Если вы знаете, кто я, вы знаете, что я — коллекционер. Как любой хороший коллекционер, я готов платить за качество, а у вас есть то, чего я хочу.

Я чуть не вздрогнула. Когда мы проходили эту часть раньше, я говорила, что это звучало слишком сильно. Обычно в переговорах говорить сразу «Я хочу это» было худшим ходом. Когда я указала на это отцу, он сказал, что я не понимала. Мы были тут не ради хорошей цены. Мы прибыли спасти Ника, и заявление о намерениях показывало, что мы не шутили. Логика папы была «если не можешь уйти, шагай с силой». Я все еще не была уверена, что соглашалась с этим, но Геймскипер хотя бы слушал.

— Вы явно хотите это сильно, раз пришли лично, — сказал мужчина, от которого пахло кровью, его голос урчал в предвкушении. — У меня есть догадка, но я хочу услышать от вас. Что же вы хотите?

— Человека, Николу Коса, — ответил отец без колебаний.

Не такой ответ ожидал Геймскипер.

— Кос? — повторил он, его простое лицо вытянулось от удивления. А потом он посмотрел на меня, нахально улыбнулся. — Ах.

Мне не нравилось, как он сказал это. Мне не нравилось ничто в этом человеке или этом месте. Если бы жизнь Ника не зависела от меня, притворяющейся послушной смертной дракона, я бы сказала ему слова, которые он не забыл бы. Я с трудом скрыла эмоции на лице и сдержала рот закрытым. Подвиги Геракла были не такими тяжелыми, как это, особенно когда отец погладил мою голову, словно я была собакой.

— Моей дочери он понравился, — сказал Ён, ясно давая понять, что он считал это глупостью, но что делать? — К счастью, у меня есть средства, чтобы потакать ей. Я хочу купить контракт Коса. Назовите цену.

— Ее нет, — ответил Геймскипер. — Злой Пес не продается.

Ён хищно улыбнулся.

— Все продается.

Геймскипер рассмеялся.

— Не корми меня этим. Я знаю твою историю, Ён из Кореи. Ты — кукла своей дочери. Все в СЗД знают, что ты чуть не убил себя из-за нее. Кос сделал ту же ошибку, так он попал в мои руки после того, как годы был в бегах, — Геймскипер посмотрел на меня. — Что в тебе такого? Ты даже не милая.

Я хотела закатить глаза. Почему они всегда цеплялись к моей внешности? Это было ленивым оскорблением, это не действовало. Папа говорил и не такое всю мою жизнь, но то, что другой оскорбил мое лицо, разозлило его.

— Моя дочь — драгоценность, — прорычал Ён. — Мнение стервятника со дня ямы, как ты, ничего не значит.

— Но что-то значит, раз ты злишься, — ответил Геймскипер с усмешкой. — Но спасибо, что доказал мои слова. У всех есть то, чего не купить деньгами. У тебя — твой камешек. У меня — Кос.

— Это другое, — Ён все еще рычал. — Опал — моя единственная дочь. Коса ты сам назвал псом. Ты можешь найти другого чемпиона, который хочет сражаться.

— У меня было много чемпионов, — Геймскипер не переживал из-за рычания дракона. — Но есть лишь один Злой Пес, — он склонился над столом. — Знаешь, что он сделал?

Отец взглянул на меня, но я тоже не знала, о чем говорил Геймскипер. Я знала, что Ник работал на него, выполнял грязную работу, а потом бился на его арене, но он не рассказывал мне детали, и я не хотела знать. Мне не нравилось слышать, что Ник страдал или творил ужасные вещи. К счастью, нехватка моих знаний не была важна. Хоть Геймскипер задал вопрос, он решил сам и ответить на него.

— Он *ушел*, — сказал он, глаза сверкнули во тьме. — Я спас его с улицы. Дал ему его пистолет, имплантаты и обучение. Я сделал его таким, какой он сегодня, а он отвернулся от меня. Когда он стал строить себе имя, он бросил контракт, разочаровал фанатов в ночь боя и пропал без слов. Когда я посылаю людей за ним, он убивал их. Он чуть не убил моего лучшего мага Коффмана в этом году за то, что тот попался ему на пути.

Я судорожно вдохнула. Он не сообщил ничего нового, но я не думала об этом в таком ключе. У него Ник звучал как монстр. К счастью, отца нельзя было так просто пошатнуть.

— Я не подумал бы, что это тебя беспокоило бы, — он склонил голову. — На твоей арене людей держат контракты, чтобы они бились насмерть. Ты точно не ждешь верности.

— Я не ожидаю ее, — резко сказал Геймскипер. — Если бы Кос попытался убить меня или забрать мое место, я принял бы это как то, что жизнь течет своим чередом, но нет. Он

сделал хуже. Он убежал. Его трусость — насмешка над всем, что я построил на этой арене! Мой ринг — храм для сильных, место, где воины принимают свою силу и сокрушают всех на их пути. Каждый чемпион рано или поздно проигрывает, но потому и существуют чемпионы. Они — цель, к которой стремятся новички. Так работает цикл. Если человек на вершине мог бы просто уйти, пока его не победили, это ломает всю операцию! Я пытался заставить Коса заплатить за это годами. Теперь он вернулся на мой поводок, и ты хочешь, чтобы я продал его за деньги? — он фыркнул. — Я могу заработать всюду, но то, что дает мне Злой Пес, ничто не может купить. Он дает мне цель. Каждый раз, когда он выходит на арену, я побеждаю. Побеждаю над ним. Над городом. Я побеждаю всех людей, которые врут и говорят, что не хотят видеть бой. Я даю кровожадной толпе то, что никто не дает, и они поклоняются мне за это, ведь я — Геймскипер! Король арены! Никто не подходит для того, что я предлагаю, и никто не сбегает без боя.

С каждым словом Геймскипера магия в комнате становилась гуще. Та самая кровожадная магия, которую я ощущала в арене, когда толпа кричала Нику убить, но тут не было толпы. Только я, мой отец и этот странный человек, от которого пахло кровью. Я стала понимать, что он не был человеком. Это было так очевидно, что я ощущала себя душой за то, что не поняла раньше. Геймскипер не был драконом или другим существом. Он был одним из нас, мы сами создали этого монстра.

Он был Смертным Духом.

— Ты медленно соображаешь, как для жрицы СЗД.

Я подняла голову, Геймскипер смотрел на меня, его глаза сияли кроваво-красным на лице, которое уже не было обычным, а стало жестоким, как окровавленный кулак.

— Думала, я не узнаю тебя? — он смотрел в меня. — Как только ты ступила на мою землю, я понял. Дракон и его кукла в рюшах немного отвлекли меня, но я не мог не заметить тебя. Как иначе? Мы от одной магии, ты и я, — он склонился ближе. — Сестра.

— *Не зови меня так.*

Звонящие слова пронеслись в моей голове и сорвались с губ, но они были не моими. Я даже не ощущала, что она была рядом, и вдруг СЗД надела мое тело, как костюм, хмуро смотрела свысока на наглеца, посмевавшегося поднять голову в *ее* городе.

— Не называй меня так невежливо, монстр, — процедила СЗД моим ртом. — Мы — не семья, и тебе не рады на *моей* земле.

— Но я не могу быть где-то еще, — Геймскипер бесстрашно говорил с богиней города, как делал это с моим отцом. — Я родился тут, как и ты. Мы оба — результаты города, где все может случиться. Порой это все — я.

Отвращение СЗД хлынуло по мне, как вода во время ливня в канализацию.

— Ты не такой, как я.

— Конечно, такой, — он указал на меня. — Потому ты послала ее. Если бы мы не были связаны, ты не стала бы посылать сюда свои смертные глаза. Ты не шпионишь за Пустым Ветром, Папой Легбой или другими богами, которые делят твой город, потому что ты не пересекаешься с ними. Но мы пересекаемся.

— Хватит, — сказала город.

— Нет! — заорал Геймскипер. — Ты послала агента на мою арену, хотя годами делала вид, что меня не существует! Ты не будешь игнорировать меня тут. Ты говоришь, что ты — город свободы, но когда люди используют свободу так, как тебе не нравится, ты давишь на них, прогоняешь в сточные канавы. Что ты ожидала увидеть?

— Я не...

— Ты пришла сюда как злой арендодатель, — он перебил ее. — Но я не твой житель. Я — твоё логичное продолжение, место, куда вся твоя жестокость и жадность без ограничений встречаются в кровавой упаковке! Потому я рос, хотя ты пыталась меня остановить, загнала меня на дно своего города. Но ты не выкорчуеть меня тут, СЗД. Я существую из-за тебя.

— И из-за меня ты падешь! — закричала СЗД моим голосом. — Ты мучаешь моих людей, поливаешь мое имя кровью! Мир видит твоё варварство и думает, что так во всей СЗД! Но мои жители — не твои игрушки, и этот город заслуживает лучшего, чем ты!

Геймскипер оскалился.

— Умоляю. Я тут из-за твоих жителей. Билеты покупают туристы, но люди СЗД получают выгоду и поклоняются мне. Я приношу стабильный доход в нижние части твоего ценного города. Для народа Рентфри я — лучший бог, чем ты когда-то была.

Гнев города ревел во мне.

— Ты бьешь моих бездомных ради спорта!

— А кто дал им быть бездомными? — спросил Геймскипер, хмуро глядя на богиню за моими глазами. — Ты дала им утонуть. Я дал им способ выбраться. Думаешь, все те «отчаявшиеся люди», которых ты так опекаешь, слетелись бы ко мне, если бы я не давал им шанс лучше? Нет. Они бьются на моей арене, потому что смерть под крики толпы ради шанса на лучшую жизнь лучше, чем смерть на твоих улицах, одинокая, забытая и безнадежная.

— Это не правда, — отчаянно сказала СЗД. — Ты используешь тех, у кого ничего нет, превращаешь их в посмешище! Это не свобода!

— Это их выбор. Не это ты считаешь священным?

СЗД вздрогнула во мне, и Геймскипер атаковал.

— Ты снова и снова говоришь, что ты — город свободной воли, но ты поддерживаешь только тех, кто использует эту свободу так, как ты одобряешь. Ты всегда пытаешься измениться, двигаешь районы и помогаешь слабым с мягкой душой, как Миротворец, пытаешься быть такой, какой не являешься. Быть лучше. Но ты не можешь изменить то, кто ты. Ты — СЗД, город, где сильные выживают, а слабых раздавливают, как на моей арене. Если так посмотреть, мы одно и то же.

— Я не такая, как ты!

— Такая, — давил он. — Потому ты так боишься меня. Пока ты прячешься и пытаешься скрыть свою природу, меняя облик, я принимаю этот город таким, какой он есть — огромной ареной, постоянным боем за величие. Я — чистое выражение того, что ты боишься принять, и в городе, где выживают только сильные, это делает меня победителем, — он усмехнулся. — Я — лучший СЗД, чем ты.

Город задрожала.

— Это не так!

— Отрицай, сколько хочешь. Я радостно построю империю на твоих отказах. Я уже забрал Рентфри, и смотри, как хорошо это для меня обернулось, — он кивнул на арену за собой. — Я лучше устроен, и чем больше я показываю людям, какой этот город — силу, амбиции, триумф сильных — тем больше я становлюсь. Я — бог, которого они хотят. Ты — просто кучка движущихся зданий.

Моя богиня паниковала, когда он закончил, её безумные мысли накрывали мои, её страх и сомнение были всем, что я могла ощущать. Он был прав, да? Она была ужасным городом.

Она всегда это знала. Все так думали. Даже когда она менялась к лучшему, она не могла остановить страдания людей. Никто тут не был счастлив. Ее улицы всегда были в трагедии и жестокости, псы ели там псов. А если Геймскипер был истинным лицом СЗД? А если она была только...

— Он ошибается.

Город вздрогнула. Слова сорвались с моих губ, но в отличие от всего, что я сказала за последние пять минут, это были мои слова.

— Ты ничего не знаешь об СЗД, — сказала я Геймскиперу, встав перед своим папой, ведь ситуация изменилась. — Да, она — сложный город, где люди борются за каждый дюйм, но она и место, где они преуспевают, *не* избивая соседей. Да, есть жуткие улицы и переулки, но есть и яркие места, полные чудес и возможностей. Потому так много людей переезжают сюда, несмотря на трущобы, огромных крыс и рекламу в крови, которую ты создаешь, потому что СЗД — город свободной воли. Это место, где все возможно, и любой может начать сначала. Ты говоришь, что люди используют свободу, чтобы творить ужасы, и это так, но они и поднимают друг друга. Разница в том, что СЗД поощряет хорошее и стремится к лучшему, а ты только усиливаешь плохое.

Геймскипер прищурил кровавые глаза.

— Что ты знаешь? Ты — избалованная дочь дракона. Ты ничего не знаешь о выживании.

— Я знаю, потому что сделала это! Думаешь, папа дал мне переехать сюда? Я убежала в СЗД по той же причине, что и все: я хотела жить свободно. Этот город дал мне это, и я билась зубами и ногтями, чтобы сохранить это. И пока ты не сказал, что это доказывает твои слова, моя борьба была не такой трагедией, которую ты описал. Твой бред не реален!

— Думаешь, это не реально? — Геймскипер указал на песок в крови за ним.

— Ни капли, — сказала я. — Я была на боях, каждый был подставлен. Как иначе? Ты — бог арены, самопровозглашенный шоумен, и тебе важно только шоу. Но не путай то, что ты создаешь, с настоящей жизнью. Все люди, которым ты якобы даешь шанс сразиться? Они не преследуют мечты. Они бросаются на наживку, которой ты размахиваешь вне их досягаемости, под смех зрителей. Это не СЗД. Это даже не выживание того, кто лучше приспособился. Это жестокость. Старомодная подлость. И хоть это тоже часть человечества, мы не должны ее поддерживать, и мы точно не должны такому поклоняться.

— Так им лучше поклоняться твоей СЗД? Простираться перед богиней, которая даже не может признать, какая она?

Я пожала плечами.

— Я первой могу признать, что СЗД не идеальна, но я выберу ее вместо тебя в любой день. Как и все, кто сражается на твоей арене, потому ты и ловишь их проклятиями, которые отрубают их головы. Если бы биться на твоём ринге было так классно, Ник не убежал бы. Даже твои зрители не настоящие. Я ощутила магию, которую ты направляешь по арене. Люди болеют, а не кричат от ужаса, потому что ты доводишь их до безумия!

— Я убирай вуаль, которой люди скрывают настоящих себя! — взревел Геймскипер. — Они кричат, просят крови, и их крики — молитвы для меня!

— Тогда почему ты не показываешь им, какой ты? — закричала я. — Что за бог прячется за таким простым лицом, которое никто не может запомнить? Или заставляет своих «чемпионов» биться за него? Если все люди хотят крови, почему тебе нужно превращать Ника в Злого Пса, чтобы добиться этого?

— Довольно?

— Почему? — я требовала ответа. — Если бы ты был истинным лицом бога этого города, то тебе не было бы неприятно слышать такое, потому что это не было бы правдой. Но это правда, и тебе неприятно, потому что ты — не настоящий СЗД. Ты даже не бог. Ты — магический паразит, питающийся худшим в природе людей, бросающихся на слабых.

— Что если так? — спросил он, комната потемнела, он вышел из-за стола и навис надо мной. Я невольно отпрянула на шаг, потому что фигура передо мной уже не была маленькой или безобидной, а стала огромной и ужасающей, как разъяренная толпа. — Ты зовешь меня паразитом, но была бы тут арена, если бы люди ее не хотели? Люди жестокие и паникующие звери. Хищники, которые радуются кровопролитию, когда это не касается их. Это не моя вина. Я — просто дух, отражение того, что ценят люди. Если у тебя проблемы с тем, что я делаю, посмотри в зеркало.

— Я смотрю, — я сжала кулаки. — Почему, по-твоему, я так сильно тебя ненавижу? Ты — все, что с нами не так! Я знаю, что ты, потому что и меня загоняли в угол. Я была в отчаянии, нищая, в тупике, творила из-за этого глупости. Я страдала так же, как люди, которые подписываются на твои бои! В отличие от них, мне повезло, что вокруг меня были люди, которые не использовали это. Хорошие люди, которые были готовы помочь, когда я ничего не могла дать взамен. СЗД могла шантажировать меня, предлагая спасти отца, но нет. Ник мог оставить меня гнить миллион раз, но нет. Потому что они стоят борьбы, а ты — нет. Ты — еще один дух, еще один порок людей, получивший плоть, но это не делает тебя божеством. Мы создали тебя, мы можем тебя разрушить. Иначе тебе это все не требовалось бы.

Я топнула ногой по полу, где спираль заклинания мерцала, как свежая кровь. Геймскипер тоже сиял, его глаза холодно светились, и от этого комната казалась еще темнее.

— Ты наглая, да? — сказал он, губы растянулись, показывая его зубы, который были острыми, как зубья капкана. — Мне это нравится. Бойцам нужно быть наглыми, так почему нам не заключить сделку?

Он махнул пальцем между нами, не включая отца в разговор, и я поняла, что он за все время не сказал ни слова. Когда я посмотрела, чтобы понять, как такое было возможно, я увидела, что его укутала в кокон кровавая кричащая магия.

— Отпусти его!

— С чего бы? — спросил Геймскипер с кривой улыбкой. — Мы уже решили, что я нечестный, и, как глупо выпалил твой отец, у меня то, что вам нужно. У меня все козыри, так что давайте поговорим о том, что вы можете мне предложить.

Моя кровь похолодела. СЗД молчала в моей голове, оставив мне слишком много места, чтобы представить ужасы, какие Геймскипер мог сделать с отцом, пока я могла бы только беспомощно смотреть. Теперь я знала, что он был Смертным Духом, я ощущала, что он был намного меньше СЗД, но бог оставался богом. Даже маленький был слишком сильным для боя один на один, особенно, когда отец уже был нейтрализован. Как и подобало богу арены, он прижал меня к песку, придавил меч к моему горлу, и, хоть не нравилось это говорить, у меня не было выбора.

— Какую сделку ты имеешь в виду?

— Ту, что хороша для нас обоих, — пообещал Геймскипер голосом, вызывающим сомнения. — Уверен, ты видела прошлой ночью, что Злой Пес уже не тот. Он всегда был

отличным бойцом, но от него мало развлечения. Он слишком быстр, недостаточно драматичен, и я не могу давить на его кнопку в конце каждого боя, людям это наскучит.

— Какая разница? — фыркнула я. — Я думала, ты — бог чемпионов, а не бог, развлекающий идиотов.

Геймскипер пожал плечами.

— На арене толпа — чемпион. Их крики — молитвы мне, так что в моих интересах, чтобы они оставались в восторге, — он милосердно развел руками. — Какой бог не хочет, чтобы его последователи были счастливы?

Я не думала, что счастье, полученное страданиями других, заслуживало защиты, но уже дала понять, что думала о его божественности, так что махнула ему заканчивать с этим.

— Для Злого Пса приготовлен финальный матч в следующую субботу, — продолжил Геймскипер. — Что-то, что заставит людей смотреть. Такой спектакль нужен восходящему богу, как я, чтобы набраться сил.

Я приподняла бровь.

— И с чего мне помогать тебе?

Улыбка кровавого бога стала жестокой.

— Потому что между нами — это будет не бой. Злой Пес хорош, особенно, когда я... пробуждаю его спящие таланты, но он лишь человек, он не выстоит против этого.

Он указал за мое плечо на один из десятков мониторов на стене за мной. Я игнорировала видео с нашего прибытия, потому что была сосредоточена на угрозе передо мной. Когда я повернулась, чтобы понять, о чем он говорил, я увидела то, что стоило заметить раньше. То, что меняло игру, скрытое на виду.

Дракон. Длинный белый дракон в клетке из сияющих чар. Она сжалась в комок, сунув голову под хвост, но я тут же узнала ее. Это была сестра отца, Белая Змея.

— Она у тебя! — закричала я, развернувшись. — Она не убежала с позором. Ты ее похитил!

— Я никого не похищал, — оскорбился Геймскипер. — Я спас ее из реки после того, как СЗД сбила ее, и предложил ей сделку, как теперь тебе. Почему-то люди обожают драконов. Все, что связано с одной из змей, точно будет хитом. Спроси Марлина Дрейка. Первый дракон на телевидении зарабатывал миллионы на модели «помести туда дракона» почти век. Я годами пытался заманить одного на арену, но не получалось из-за их знаменитой гордости и глупых правил Миротворца. Но Белая Змея была в «уникальном» положении.

— То есть, не могла отказаться.

Геймскипер рассмеялся.

— Если учесть, что ее сбили, пока она пыталась убить вас, не пойму, какое тебе дело.

— То, что она ужасная, не означает, что ты можешь свободно мучить ее!

— Если она согласна, это не мучение, — он улыбнулся. — В СЗД, по крайней мере. Я думал поставить ее в бой с другими зверем, но не смог найти никого зрелищного. А потом услышал о бедном Нике Косе, потерявшем свою драконью принцессу. Он так желал помощи в поисках тебя, что был готов согласиться на все, и я подставил его. Непобедимый Злой Пес сразится с самым страшным монстром в истории людей! — его глаза радостно сверкнули. — Толпа съест это, а Ника просто съедят. Одна польза.

Я открыла рот, чтобы сказать, что Ник одолеет Белую Змею, но злые слова не вылетели. Даже я не была такой наивной. Ник был хорош, но Белая Змея была драконом. Мелким и

трусливым, но все равно сильнее, чем мог одолеть один человек без оружия против драконов, которое Геймскипер точно не позволит.

— Почему ты так хочешь смерти Ника? — спросила я, решив попробовать другой подход. — Разве он не твой чемпион?

— Так и есть, — сказал Геймскипер. — И потому он должен умереть. Как я и сказал, чемпионы существуют, чтобы их побеждали. Тот, кто постоянно побеждает, скучный, а скука портит мою репутацию. Это звучит не страшно, но для духа репутация — все. Как ты видела прошлой ночью, блеск Злого Пса угасает. Ему пора стореть, и что будет лучше и ярче, чем огонь дракона? Это будет самое большое событие в истории моей арены, бой века! Минус лишь в том, что все знают, что у него нет шанса. Они придут посмотреть, как его съедят, но бой не будет таким интересным, ведь результат понятен заранее. И все же приходится работать с тем, что есть. Если только... ты не дашь мне кое-что лучше.

Он посмотрел кровавыми глазами на моего отца, и я напряглась.

— Нет.

— Но это даст тебе все, чего ты хочешь, — проворковал Геймскипер. — Белая Змея рассказала все о ваших напряженных отношениях с отцом. Я знаю, как плохо он обходился с тобой, и что ты сделала с ним в ответ. Кос другой. Он тебя *любит*. Я предложил ему лишь шанс на твоё спасение, и он подставил шею самому ненавистному врагу. Этот бескорыстный поступок заслуживает награды, да? И твоему, так называемому, отцу нет до тебя дела. Для него ты — экспонат в коллекции. И он с Белой Змеей враждовали веками. Их бой всегда был неминуемым, так почему мне не сделать шоу? А ты спасешь своего верного рыцаря, который любит тебя всем сердцем.

Дух вытянул руку.

— Это твой шанс, Опал, — прошептал он, на его ладони появилась лужица крови, густая жидкость текла по шершавой коже, формируя круг, маленькую копию заклинания на шее Ника. — Я могу отпустить его сейчас. Один взмах моим пальцем, и бедный влюбленный Злой Пес будет свободен, прибежит к тебе, это будет стоить тебе твоего тирана. Весь мир уже видел его бой с сестрой в небе. Если я смогу свести их, даже те, кто обычно фыркает, придут посмотреть, и, в отличие от бедного Злого Пса, Ён может победить. Тут нет минусов. Скажи «да», и все будет сделано. Я даже дам вам с Косом лучшие места на арене.

От мысли, что я буду смотреть, как папа бьется с сестрой, на стадионе, полном людей, жаждущих его смерти, мне стало плохо от гнева. Мы пришли выкупить жизнь Ника, но я не собиралась продавать отца — свою семью — ради чего-нибудь. Даже если бы Ён был полон сил и способен одолеть сестру одним ударом, я отказалась бы из принципа.

Я не сказала Геймскиперу засунуть свою сделку подальше и не ушла только из-за того, что не понимала, почему он вообще решил заключить сделку. Он поймал папу, держал Ника за горло, и он был богом. Пока я была на его земле, я не могла с ним бороться, так зачем мы делали это? Почему он не забрал моего папу?

«Потому что у тебя есть он, — сказала СЗД. — А у меня есть ты».

Я вздрогнула. Ее место в моей голове было таким тихим и пустым, что я думала, что она ушла. Эта мысль разозлила мою богиню.

«Я бы никогда тебя не бросила! Я сдерживалась, потому что ты справлялась сама. Зачем жрецы, если не можешь доверять им говорить самим?».

«Спасибо за уверенность, — подумала я. — Но что значит «у меня есть он»?».

Дух города вместо ответа пошевелила моей ладонью, и я посмотрела на нечто сияющее,

обвивающее мой кулак. Когда я разжала пальцы, я увидела серебряную нить. Сияющая линия магии тянулась между мной и отцом.

«Это связь! — радостно сказала СЗД. — Как между магом и привязанным духом! Я не знаю, как ты смогла установить такую с драконом, но ничто с тобой и твоим отцом не следует обычным правилам с самого начала, так что кто может понимать это?».

Я кивнула, все еще удивленно смотрела на сияющую нить. Я не встречала мага, который глупо привязал бы духа, но читала об этом в школе. Я не понимала, что связь была такой тонкой. Нить в моей руке выглядела как паутинка, но я ощущала ее силу в костях.

«Нет ничего сильнее, — подтвердила СЗД. — Пока эта нить существует, Геймскипер не может коснуться чешуйки на носу Ёна без твоего разрешения, если он только не убьет тебя первой, но он не может это сделать, потому что я тут, — она двигалась в моем теле, пока говорила, подняла мою другую ладонь и показала, как моя кожа переливалась неоновыми огнями, яркими и разноцветными, как огни Подземелья. — Ты — моя жрица. Моя территория. Я не могу войти в его арену, а он не может коснуться тебя, пока ты моя».

Я кивнула, глядя на дикие краски под моей кожей. Было странно, но моя жизнь уже давно стала странной, так что я просто смирилась с этим.

«Как нам сбежать?».

Богиня издала тревожный звук.

«Это сложнее. Твой папа принадлежит тебе, а ты принадлежишь мне, но это место принадлежит Геймскиперу. Пока мы на его земле, я не могу ничего сделать, ведь моя территория кончается на твоём эпидермисе».

Я вздохнула. Как прошлой ночью, ее силы были бесполезны, что означало, что — хоть богиня сидела во мне, как в матрешке — я должна была бороться сама. Никаких дверей, никакой помощи от зданий, ничего. Геймскипер явно знал о моей дилемме, потому что улыбался, как кот, загнавший мышь в угол, что было обидно, потому что мне надоело быть маленьким беспомощным существом в этих метафорах. Но что я могла? Кровавая магия была такой густой, что душила меня, но заклинание вокруг нас держало ее взаперти.

Потому я не могла схватить тут магию. Она уже использовалась, была запутана в миллион строк кода тауматурга. Я все еще не знала, что делало заклинание, но пока оно было тут, магия была вне моей досягаемости.

Я все равно попробовала, на всякий случай, но сила вырвалась из хватки, как в другие разы, когда я пыталась колдовать в этом проклятом месте. Я не могла даже побежать, ведь Геймскипер обвинил папу как мумию. Я пыталась придумать что-нибудь гениальное — я бы выбрала и глупость, только бы выбраться отсюда — когда напряженное тело папы вдруг обмякло в магии Геймскипера.

Я застыла. О, нет. Черт. Папа бился с его хваткой все время и утомился. Теперь он был без сознания, и наши шансы на побег стали из ужасных невозмо...

— Опал.

Я подпрыгнула. Можно было подумать, что я уже привыкла к бестелесным голосам, но нельзя было не дергаться, когда призраки шептали тебе на ухо твоё имя.

— Не оборачивайся, — приказал фантом моего отца, когда я стала двигать инстинктивно голову к нему. — Он меня не видит.

Я не понимала, как такое было возможно. Папа был невидим для людей и глупых драконов, но СЗД его видела. Геймскипер тоже был духом. Он точно мог...

Я подавила глупую улыбку. Ён стоял рядом со мной, когда Геймскипер схватил его. Но

когда он стал дымом, он сделал это за своим скованным телом. Геймскипер увидел бы его, он не был невидимым, но папа прикрывался собой, прятался в своей тени. Умный дракон.

— Я создам отвлечение, — шепнул отец. — Пока он будет занят, освободи мое тело, и мы убежим.

Проще сказать, чем сделать. Кровавый кокон, которым Геймскипер обмотал моего отца, был самой густой версией его магией. Я не могла схватить ее и двигать до этого, как мне убрать кровавые петли толщиной с мою руку? И как папа собирался его отвлечь? Насколько я видела, его дымчатое тело проходило сквозь все. Как можно отвлечь, когда ты не можешь ничего коснуться.

Я все еще переживала из-за причин, по которым это не работает, когда папа пролетел сквозь меня. Его облик изменился по пути, дым уже был похож не на человека, а на дракона. Огромный дракон из пепельных облаков полетел сквозь меня к Геймскиперу, призрачная пасть была широко раскрыта.

Не каждый день можно было увидеть страх бога. Геймскипер, наверное, думал, что я направила в него огромное заклинание в виде дракона из дыма, который неизвестно что делал. Божество или нет, никто не хотел, чтобы что-то ударило тебя по лицу, и он отскочил с воплем. Это звучало шикарно. Я жалела, что не могла посмотреть больше, но я уже боролась с магией вокруг тела отца.

Как я и боялась, ее было невозможно ухватить. Но, хоть я не могла ухватиться за магию, я могла пробить петли. Так я и сделала, разбивала магию, ослабляла этим петли, чтобы он выскользнул из кокона.

Ён вернулся в тело раньше, чем оно рухнуло на землю.

— Иди! — закричал он, хватая меня за талию и бросая нас к выходу. Я не успела вдохнуть, ведь он выбил из меня воздух, он врезался плечом в металлическую дверь, неся меня под рукой, как мешок, пока перепрыгивал смятый металл, чтобы побежать по коридору, покрытому заклинанием, откуда мы пришли.

Глава 11

Побег по прямой по коридору от врага был ужасной идеей, и папа стал поворачивать, как только выпадал шанс. Так мы быстро заблудились в глубинах арены, но мы пропали из виду Геймскипера. Если это как-то помогало.

— Опустни меня, — приказала я, когда смогла отдышаться, чтобы снова говорить.

Отец покачал головой.

— Ты не сможешь бежать в этом платье.

Я закатила глаза.

— Пап, мы заблудились в туннелях огромной арены, полной камер, стражей и профессиональных убийц. Мы не можем так сбежать.

— Тогда как нам выбраться? — рявкнул он, сжимая меня крепче, пока он несся вперед, повернул за угол, едва успев укрыться от группы вооруженных людей, спускающихся в коридор, по которому мы бежали, с противоположной стороны. — Твоя богиня ничего тут не может. Мы одни, но это место — все еще огромная публичная арена. Тут должен быть не один выход.

Я не сомневалась в этом, но шансы добраться до него раньше, чем люди Геймскипера найдут нас, таяли с каждой минутой. Бетонный коридор уже звенел эхом криков стражей,

догоняющих нас. Сверхъестественная скорость отца пока что спасала, но чем дольше это продолжалось, тем хуже были варианты.

— Опустим меня, — снова сказала я. — Есть идея.

Отец не был рад, но послушался в этот раз, опустил меня на ноги. Как только я оказалась на полу, я сбросила дурацкие туфли на каблуках и вытащила телефон из кармашка под глупыми рюшами юбки.

— Сибил, — приказала я, направляя ее на стену рядом с нами, покрытую заклинанием, как все в туннелях. — Подчеркни важные части.

— Есть, босс! — бодро сказала моя ИИ, крутила камерами на моем смартфоне с дополненной реальностью, пока сканировала обе стены сразу.

— Что ты делаешь? — спросил папа.

— Иду лазейку, — ответила я. — Столько заклинаний, точно что-то должно быть.

Отец нахмурился.

— Разве ты не ужасна в заклинаниях?

— Ужасна, — сказала я, улыбаясь, когда опознаватель Сибил всплыл на экране телефона, красные круги показывали, где основные части находились в сбалансированных уравнениях заклинания. — Но в том и идея. Хороший тауматург никогда не сделал бы это.

Я схватила ладонь папы, подняла ее и вырезала его ногтями-когтями большой жирный ноль поверх изящного почерка на бетоне. Заклинание Коффмана было таким сложным, что я не знала бы, что из этих символов было важным, если бы Сибил не распознала их для меня. Я все еще не знала, что делало заклинание, но это было не важно. Я рассекла основную часть, перешла к другой, к следующей, чертила нули на их места так быстро, как только могла.

— Опал, — нервно сказал отец.

Я слышала это. Мы остановились посреди длинного туннеля, и прямые стены отлично отражали крики мужчин, я слышала, как они приближались с обеих сторон. Одна группа уже заворачивала за угол впереди нас. Когда они подняли пистолеты, вооруженный мужчина впереди группы упал с пробитым шлемом. Его товарищи попятнулись, и я удивленно оглянулась, увидела, что отец бросал что-то рукой, которую я не использовала как нож для бетона.

— Болт, — сказал он, раскрыв ладонь и показывая мне толстое кольцо из металла. — Они тут по всему полу. Если бросить с силой, получается неплохая пуля.

— Хорошая работа, — я была впечатлена.

— Просто помощь, — мрачно ответил отец, его сияющие глаза смотрели на угол, где собирались враги. — За нами еще группа стражей, — он стиснул острые зубы. — Нам нужно было бежать дальше. Если бы у меня был огонь, это было бы не важно, но я не могу сдерживать коридор одной рукой и горстью гаек.

— Почти готово, — сказала я, прижимая его палец с когтем к стене, рисуя и рисуя. Я знала, что нужно было многое сделать. Большие заклинания обладали кучей запасных строк, чтобы их не могли вот так прервать. Но их все равно можно было разбить, особенно грубой силой, которая не пыталась изменить природу заклинания. Я не пыталась перенаправить магию или изменить написанный исход. Я просто приводила все, до чего могла дотянуться, к нулю, потому что ничто важное в заклинании еще не заменяли нулем.

Это была глупая уловка, позор для профессиональной магии, но если я в чем и была хороша в тауматургии, так это все ломать. Стоило мне нарисовать нули на основных частях

на стене слева от нас, все заклинание поблизости замкнуло. Не было дыма или искры — я не хотела признавать, но Коффман был хорошим магом, его заклинания не взрывались — но я ощущала, что напряженная сила вокруг нас расслабилась. Улыбаясь, я потянулась к ней, и моя улыбка стала шире, когда сила не вырвалась в этот раз. Она все еще ощущалась ужасно, словно я зачерпнула кричащую кровь, но эта ужасная сила хотя бы оставалась в моих руках, значит, я могла приступить к делу.

И вовремя. Я так обрадовалась, что смогла это сделать, что не услышала выстрел пистолета, пока папа не оттолкнул меня. Он увлек нас к полу, закрыл мое тело своим, град пуль летел над нашими головами. Рыча, как монстр, он оторвал стену со стены и бросил ее в стражей, которые бежали к нам сзади. Кусок металла в два фута длиной попал по самому высокому мужчине — прямо по лицу — и он рухнул, как камень, а другие отбежали. Но недалеко.

Отец низко зарычал. Он даже не должен был говорить. Я знала, как и он, что враги были впереди и сзади, значит, мы были в ловушке. Так они думали.

— Прикрой меня, — шепнула я, поднимаясь на ноги. — Я сделаю выход.

— Ты можешь открыть тут дверь? — с надеждой спросил Ён, отрывая еще кусок трубы от стены и бросая в стражей, чтобы они бросились врассыпную.

Это было моим планом, но не так, как он сказал. Замыкание заклинания выпустило магию, но мы все еще были на земле Геймскипера. Слишком глубоко, чтобы я могла взять силу СЗД и перенестись по городу. Но не страшно, ведь я была не просто жрицей. Я была еще и магом. И я уже не была плохой в магии.

Я схватила огромную горсть обмякшей магии арены. Кровавая сила визжала, когда я сжала ее, но я давила сильнее, удерживала картинку того, во что хотела ее превратить, как маяк в разуме.

— *Сейчас рванет!*

Я ударила всей магией, которую схватила, по бетону, как тараном. Бетонная стена в заклинании взорвалась, разбивая все нули, которые я нарисовала, и все остальное, чтобы открыть зияющую дыру. Я прыгнула туда, как только обломки перестали падать, попала в следующую комнату, которая оказалась чуланом с электрикой.

— Молодец! — сказал отец, прыгая за мной. — Но куда мы идем?

Я не знала, и мне было все равно. Мой мозг был занят собиранием магии, чтобы сделать это снова. К счастью, проблем с магией не было. Я взломала заклинание, удерживающее ее, и густая, как суп, магия этого места почти проникала в мое горло. Мне нужно было только дать ей проход, и сила полилась, наполнила меня кровью и криками, я шагнула вперед и ударила магическим молотом по следующей стене. Залп поднял еще большее облако пыли, чем первый, и я закашлялась и прикрыла глаза рукой, но мне не нужно было видеть, куда я шла. Самым коротким расстоянием между двух точек всегда была прямая, и я сделала ее — прямой туннель разрушения между нами и выходом.

Мне пришлось пробить десять стен, один бар и кассу, но это сработало. Мы прыгали в дыры, папа прикрывал мою спину, пока я разбивала то, что было перед нами. Стражи Геймскипера пытались остановить нас. Охраны было больше, чем обычно, все они безумно кричали, но, хоть папа не вернул всю силу, он все еще был драконом. Старым, опытным. Он отгонял группы стражей, используя куски бетонных стен и труб, пробивал их шлемы, ломал оружие, даже сбивал пули в воздухе, пока я колдовала и колдовала, пока мы не вырвались на открытый воздух зоны покупки билетов перед ареной.

— Опал!

Откашливая пыль, я подняла голову, дверь поднялась из грязного асфальта в жвачке. Она открылась, как только выбралась, и доктор Ковальски показалась в ней.

— Скорее! — заорала она, протягивая мозолистую ладонь в морщинах.

Меня не нужно было просить дважды. Я бросилась к ней всем телом. Если бы она не была такой крепкой, я сбила бы нас обеих на землю, но доктор Ковальски была непоколебима. Она поймала меня, не пошатнувшись, втащила меня внутрь, и отец ворвался следом, оттолкнув стража, который пытался его схватить, и захлопнув дверь за нами.

Тишина ощущалась как мешок с песком. Я не понимала, как много людей кричало, желая нашей крови, пока они не утихли. Думая об этом, я поняла, что ошибалась. Кричали не стражи. Крики были во мне. Магия арены, которой я пробивала стены, ревела во мне, как разъяренная толпа. Я все еще чувствовала эхо в своей душе, от этого я ощущала себя с синяками и в грязи изнутри.

— Эй, — доктор Ковальски сжала мои плечи. — Ты в порядке?

Я кивнула, не доверяя своему голосу, боясь, что закричу. Я еще боролась с собой, когда встревоженное лицо наставницы изменилось, и я вдруг увидела радостные оранжевые глаза СЗД.

— Это было круто! — завопила богиня, обвив меня толстыми руками доктора Ковальски. — Я так тобой горжусь!

Я ощущала это. Кричащая магия растаяла, и радость СЗД заполнила меня с силой, стирая пустоту. Городская магия ощущалась раем после всей той кровожадности, но и немного злила. Я так привыкла быть неудачницей, но не знала, как вести себя, когда меня не считали такой, особенно, когда мой успех был таким маленьким. Я увела нас от Геймскипера, да, но вся ситуация стала намного хуже.

— Чем ты думала?

Моя богиня отдернулась, словно я укусила ее.

— О чем ты?

— Ты знаешь, о чем! — я указала на пустое место, где до этого была дверь. — Ты знала, что он был духом! Почему ты не предупредила меня? Ты отправила нас туда вслепую!

Я кричала в конце. В мою защиту, ночь была нервной, но даже я была поражена тем, как злилась. Я просто не могла поверить, что СЗД — богиня, которую я стала считать своей — бросила меня в такую опасность. Если бы я не соображала так быстро, я потеряла бы все этой ночью. Судя по ее лицу, она это знала.

— Я не пыталась ничего скрывать, — ее сияющие глаза смотрели на землю. — Как я и говорила, у меня были подозрения, но я не знала точно, что Геймскипер был духом, пока я не отправилась туда с тобой.

— Как ты могла не знать? Он управляет ареной для убийств под твоим городом? И не скрытой. У него реклама на щитах.

— Кровавый спорт не запрещен, если участники согласились сами, — слабым голосом сказала богиня. — Он делал все законно, и...

— Он похитил Ника с улицы ребенком, обучил его как подростка-убийцу! — орала я. — У него своя магия, которая ощущается как крики и *кровь*! Даже если ты не знала, что он был богом, ты должна была что-то сделать!

— Знаю! — закричала она. — Но я не могла! Сколько раз мне говорить тебе это? Геймскипер следовал всем моим правилам. Я ненавидела то, что он делал, но я не могла

остановить его, не пойдя против себя. И, пока ты не обвинила меня во лжи, я не знала наверняка, что он был духом, до этой ночи!

— Как такое возможно? Ты тоже богиня! Ты не можешь узнать своих?

— Должна была, — буркнула она, потерла ладонью кудрявые седые волосы доктора Ковальски. — Но я — не древняя сила, как Пустой Ветер. Я пробудилась всего двадцать лет назад. Я знаю еще не все, и Геймскипер не вел себя как другие духи, которых я встречала. Я делю город со многими богами, но они не пытались скрываться от меня или забрать мою территорию. Не сочти стереотипом, но я думала, что он был драконом. Это объяснило бы его жадное поведение.

— Не только драконы хотят больше, чем имеют, — сухо сказал Ён.

— Да, боги тоже могут быть гадами, — согласилась я. — Это все в мифологии. Но я все еще не пойму, как ты не знала.

СЗД беспомощно пожала плечами.

— В мою защиту — он скрыл себя довольно сильно.

Тут я не могла спорить. За то время, когда мы были в его кабинете, Геймскипер назвал себя богом арен, чемпионов, сильных, СЗД, и я еще не все запомнила. Он хотел быть многим, и я не знала, откуда именно он был.

— Он — бог арены, — сказала доктор Ковальски.

Я моргнула, подняла голову и увидела, как наставница вернула свое тело, что все еще выглядело жутко, хотя я видела это десятки раз.

— Я искала информацию, пока СЗД была там с тобой, — она заговорила тоном лекции, который был врожденной чертой всех профессоров. — Многие боги связаны с аренами по всему миру. Нынешний Геймскипер — смесь тех старых сил, что объясняет его простое лицо. Боги, которые должны быть многим для многих людей, всегда обладают неприметным видом. Но, хоть поклонение ему — древнее дело и широко распространенное, он никогда не был большим богом. Не как смерть, война или идея города. Потому он искажил себя, чтобы соединить арену с идеей СЗД. Он пытается подняться.

— Бог арены не из тех, кого устраивает только его роль, — согласился отец. — Он хочет чью-то еще территорию, особенно, если видит, что ее хозяин слаб.

— И он может это сделать? — спросила я. — Боги — боги своей стихии, да? Жизнь в городе может быть сложной, но СЗД — не арена. Он не может прийти и забрать город, да?

— Я не знаю, что он может, — тихо сказала СЗД, снова захватив тело доктора Ковальски. Она села, подавленно, на вскопанную землю в саду. — Смертные Духи созданы людьми, и если люди в чем-то хороши, так это в изменении мнения. Я пыталась использовать этот талант и измениться. Потому ты тут, не забывай.

Она подняла голову и улыбнулась мне, а потом снова склонилась.

— Но я не думаю, что это работает. Я старалась быть лучшим городом, но улучшение социального положения не привлекает столько внимания, сколько арены смерти. Ты видела туристов. Геймскипер известен во всем мире, и он становится больше.

— Но он не может стать больше тебя, — сказала я. — Он — просто площадка. Ты — целый город! Город, внутри которого он находится. Это делает тебя больше.

— Географически — да. Но я — не Дух Земли. Я богиня людей, лицо того, как люди видят СЗД. Все, кто живет тут, знают меня, но мир больше, чем Детройт. Если арена Геймскипера — первое, о чем будут думать остальные на планете, слыша мое имя, то он дух города, а не я.

Я не могла поверить ушам.

— Хочешь сказать, что он может заменить тебя? Разве ты не должна сделать что-то с этим раньше?

— Что я могла? У меня не так много законов, а он всех слушался! И он — тот, что пришел в СЗД, чтобы подняться в мире, это я поддерживаю. Я не знаю, было ли это все время его планом, или ему повезло попасть в мою слепую зону, но он обратил мою натуру против меня. Я не могу прогнать того, кто преследует мечту, даже если эта мечта — заменить меня. Это идет вразрез с тем, кто я!

Я скрипнула зубами до боли в челюсти. Проклятые боги. Почему они не были сильными, когда нужно? Seriously, куда делось старое доброе возмездие богов?

— Почему ты не можешь отбиваться? — спросил папа, озвучивая мои мысли. — Не в твоей натуре подавлять чью-то мечту, но и не в твоей натуре сдаваться. Нарушитель построил крепость на твоей территории. Почему ты не можешь разбить ее?

Богиня раздраженно вздохнула.

— Думаешь, я не пыталась? Почему, по-вашему, он на дне Рентфри под кольцом постоянно движущихся зданий? Я толкала его вниз изо всех сил годами, и он все равно зарабатывает каждую ночь!

— Тогда передвинь здание в него, — предложил Ён. — Разве не ты город, где выживает только сильный? Если он забирает твою землю, обрушь яму Рентфри на его голову. Так я сделал бы.

— Да, ты ведь дракон, — буркнула она. — А я пытаюсь больше не быть таким городом. Применение закона на равной основе — это черта между свободным городом и продажным. Если я хочу быть хорошим местом, где люди свободно преследуют мечты, мне нужно следовать своим правилам. Я не могу бросить здание на кого-то, потому что он мне не нравится.

— Он поймал моего папу в кровавый кокон и попытался убить нас обоих стражами, — напомнила я. — Это ли не повод для божественного наказания?

СЗД скривилась.

— Технически, он не запирает вас, вы не просили выпустить вас. И вы начали атаку, разбив его дверь, так что стрельба после этого может расцениваться как самозащита.

Мой отец фыркнул.

— Ты богиня или его адвокат?

— Города основаны на законах! — закричала она. — Seriously, какую часть из «определена своей землей» вы не понимаете? Если хотите отомстить Геймскиперу, испортив ему вид парковкой или закопав его в заоблачных счетах за воду, я к вашим услугам, но я не могу ударить по нему прямо. Я прогнала Алгонквин из своего города, потому что иначе я не существовала бы. Я билась за тебя, потому что ты была моей жрицей, а Белая Змея нарушала мои законы, но ситуация с Геймскипером *сложная*. Борьба с ним требует борьбы с частью того, кто я, потому что он не во всем ошибался. Я — город, где такие, как он, могут процветать. Если я сокрошу его, сокрошу себя, а я так не могу.

Я раздраженно вздохнула. Я понимала ее точку зрения. Я гордилась тем, что моя богиня придерживалась своих законов, а не вела себя как жестокий хаотичный город, какой ее многие звали, но ее настойчивость серьезно мешала нам, и будет только хуже.

— Я понимаю тебя, — сказала я, стараясь сохранять голос терпеливым. — Но нам нужно что-то делать. Геймскипер уже откусил кусок Рентфри. Если он проведет бой с

драконом, кто знает, насколько больше он станет? И Ник умрет, а я не могу это допустить.

— Знаю, — сказала моя богиня, вставая на ноги. — И я не сказала, что сдалась. То, что я отказываюсь сбросить на него здание, не означает, что я буду стоять в стороне и ждать, пока Геймскипер украдет мой город. Быть СЗД — моя мечта. Я не дам ему забрать это.

— Отлично, — моя надежда стала сильнее. — Как нам его остановить?

В саду стало тихо.

— Ты можешь закрыть Рентфри в тот день? — спросил отец. — Геймскипер тянет магию из толпы. Если Кос будет биться, но зрителей не будет, он ничего не получит.

— Я могу попробовать, — сказала город. — Но в Рентфри миллион входов, и Геймскипер управляет всеми, так что он сможет, скорее всего, обойти мои барьеры. И есть еще телезрители. Таких зрителей больше, чем может уместиться на арене, и я ничего не могу поделаться со спутниковой связью.

— И Ника все равно съест дракон, — недовольно добавила я.

Отец и СЗД выглядели так, словно не переживали из-за этого. Я стала злиться, но тут в голову пришла новая идея.

— Что насчет Миротворца?

На лице отца проступило отвращение.

— А что он?

— Духи — не единственная сила в этом городе, — я повернулась к СЗД, раз Ён не хотел это слушать. — Геймскипер не нарушает твои законы, но Дракон Детройта не потерпит то, что дракона заперли в клетку и заставили биться в дуэли со смертным на его территории. Этот бой плюет в лицо всему, за что он выступает. Как только он узнает, что происходит, ему придется что-то сделать, так расскажем ему! Мы сможем уговорить его разбить арену за нас.

— Он и его последователи разбивать умеют, — сказал отец. — Но вовлекать Миротворца — плохая идея.

— Конечно, ты так думаешь. Он тебе никогда не нравился. Но мы не можем позволять твоим предрассудкам...

— Это не предрассудки, — сухо сказал Ён. — Это факт. Миротворец — жалкое подобие дракона, но даже у него есть пределы. Ему может не нравиться то, что делают с Белой Змеей, но она не была частью его альянса, и он не обязан лететь ее спасать. И если верить Геймскиперу, Белая Змея подписала контракт на бой на арене, как и все, значит, ее бой не запрещен правилами СЗД. Уверен, Миротворец попробует что-то сделать, потому что тот идиот не может не влезть в ситуацию, но если он ворвется с пылом огня, Геймскипер сможет — и будет иметь право — все ухудшить. Если станет плохо, мы окажемся в ситуации, где СЗД придется защищать врага от союзника, а это не то, чего мы хотим.

— О, да, — мрачно согласилась СЗД. — Это было бы кошмаром.

Я откинула голову со стоном, ненавидя то, что они были правы. Миротворец звал себя Драконом Детройта, но он и другие драконы в этом городе были тут, потому что СЗД позволила это. Если он нарушит ее правила, даже ради хорошего повода, ей придется обрушить гнев на него, как на любого. Уверен, Геймскиперу эта ситуация понравится.

— Ладно, — сказала я, потирая ноющие виски. — Драконов позвать не выйдет. Что еще у нас есть?

Снова стало тихо, это разозлило меня сильнее. Мы были богиней, драконом и магом. Мы должны что-то сделать, но я не могла понять, что. Геймскипер заблокировал все

варианты. Я не могла даже подкупить Белую Змею, потому что а) ее гордость не позволила бы проиграть человеку в прямом эфире, и б) проклятие посчитает это как жульничество и отрубит голову Нику. Даже если я найду Нику пистолет против дракона, это даст Геймскиперу лучший бой и сделает его сильнее. Я пыталась представить исход, при котором ненавистный дух арены не выйдет победителем, когда глаза отца загорелись.

— Мы могли бы освободить Белую Змею.

Я уставилась на него, ощущая себя глупо из-за того, что сама не подумала об этом. Я переживала о том, как остановить бой, не убив Ника, но Геймскипер уже признал, что звездой был не Злой Пес. Все придут смотреть на бой дракона, а не на него. Убери дракона, и все зрелище будет убито.

СЗД думала о том же, потому что она просияла.

— Это фантастичная идея! Как нам это сделать?

— Сначала нужно ее найти, — отец посмотрел на меня. — Я был скован, но тебе Геймскипер показал, где ее держат, да?

Я быстро закивала, а потом покачала головой.

Он показал видео, но я не знаю, где та камера. Судя по всему, она под землей, но таких мест много в городе.

— Но я бы это видела, — СЗД повернулась к моему папе. — Он явно держит ее под ареной. Она тянется глубоко вниз, и только там он мог поместить ее, чтобы я не заметила.

— Значит, она там, — сказал Ён. — Я могу проходить сквозь стены, меня не видно на камерах, так что я отправлюсь и отыщу ее. Если я найду ее этой ночью, завтра мы сможем ее освободить. Главное — действовать быстро. Никто не ожидает новой атаки так быстро после поражения, и когда он заметит, что мы сделали, будет слишком поздно. Он не сможет заменить ее другим драконом. Нет дракона — нет боя.

— Звучит хорошо, — сказала я. — Но есть одна проблема.

Папа с любопытством посмотрел на меня, и я вздохнула.

— Белая Змея ненавидит нас, помнишь? Если мы освободим ее, она первым делом попытается убить нас. И мы не знаем ее ситуацию. Даже если мы выпустим ее, и она сожжет нас, она все еще может сразиться с Ником, чтобы выполнить сделку с Геймскипером. Или сделать это назло. Я не удивилась бы.

— Она сделает такое, если у нее будет шанс, — согласился папа. — Но ты должна понять кое-что о моей сестре: она в первую очередь трусиха, потом — дракон. Она ненавидит меня так же сильно, как я — ее, но в первую очередь она верна себе. Уверен, ее жажда мести горит ярко, как всегда, но если она поймана, как я думаю, то она не выберет шанс убить меня выше своей свободы.

Я прикусила губу.

— Уверен?

— Да, — Ён выпрямился во весь рост. — Поверь. Если мы дадим ей шанс, она убежит. Она всегда так делает.

Ему было виднее, но мне это все равно не нравилось. Я видела логику папы, но освобождение дракона, который пытался нас убить, было безрассудно даже по моим стандартам. И не помогало то, что с этим драконом мы не могли блефовать. Мы не могли обманом заставить Белую Змею думать, что отец не был тенью прошлого себя, потому что она сделала его таким.

Даже если она каким-то чудом не попытается сразу съесть нас, я не была уверена, что

его план что-то изменит. Да, Нику не придется биться с драконом в следующую субботу, но я была уверена, что Геймскипер найдет что-нибудь не менее ужасное, что убьет его позже. Белая Змея при этом сможет придумать план против нас, и арена будет продавать билеты дальше, популярность ее будет расти, как и было до этого.

Думая об этом, я ощущала поражение. Что бы мы ни делали, Геймскипер был на шаг впереди. Даже не важно было, сработает ли план папы. Толпа будет радоваться так же сильно, если Ника съест йети, василиск или белый медведь. И, хоть против них у него были шансы лучше, конец был бы одним и тем же. Геймскипер ясно дал понять, что Ник не переживет последний бой, потому что дело было не в бое. Дело было в драме. Потому люди были возмущены победой Ника и радовались из-за его бессмысленного гнева. Они пришли посмотреть на кровавое шоу, а не на борьбу. Бог чемпионов. Геймскипер был богом потворства. Пока он давал людям то, чего они хотели, они кричали его имя, пока весь город не погрузится в яму...

Я замерла, глаза широко открылись. Вот оно!

— Что такое? — СЗД была в смятении. — Прости, твои мысли слишком безумные, чтобы...

— Мы сосредоточились не на том, — я перебила ее, слишком восторженная, чтобы переживать, что она снова рылась в моем разуме. — Пока что лучший план — взяться за Белую Змею, но даже если мы справимся, это не изменит все. Геймскипер найдет другое для потехи людей, и цикл продолжится. Но! Но-но-но! Если мы ничего не сделаем, если позволим поднять шум до небес, как он и хочет, мы дадим ему веревку, чтобы он повесился.

— Прости, — СЗД почесала кудрявые седые волосы доктора Ковальски. — Я могу читать твои мысли, но все еще не понимаю. Как нам поможет то, что Геймскипер получит то, что он хочет?

— Потому что мы не дадим ему это, — ответила я, безумно улыбаясь. — Что делает Геймскипера сильным?

— Рев толпы, — сказал отец.

Я кивнула.

— Именно. А толпа переменчива, потому Геймскиперу приходится устраивать все более безумные зрелища, чтобы удержать ее. Зрелища как дракон. Больше некуда, да? Но что будет, если все люди появятся? Если арена будет переполнена, и миллионы будут смотреть дома? Представьте, если все, чего хотел Геймскипер, сбудется той ночью, и когда свет загорится, двери откроются... дракона не будет.

— Я это и говорил, — буркнул отец.

— Нет, ты хотел освободить ее. Я говорю о времени. Они еще даже не сообщили о бое. Если мы последуем твоему плану и освободим Белую Змею завтра, Геймскипер найдет другого монстра для боя Ника, и никто не будет знать, что они пропустили. Но если мы дождемся до последней возможной минуты — за минуты до того, как Белая Змея должна выйти — Геймскиперу будет нечем ее заменить. И все люди, которых он старался собрать на арене, которые купили билеты, боролись с толпами и даже, возможно, прилетели из других стран, чтобы увидеть бой века, будут смотреть на пустую сцену, они возненавидят его за это.

Когда я закончила, оранжевые глаза СЗД сияли как звезды.

— И он будет выглядеть как обманщик! Это идеально. Все ненавидят обман!

— Я заставлю его выглядеть еще хуже, — пообещала я. — Вся суть Геймскипера основана на представлении себя как бога чемпионов и победителей, хозяина мира сражений

в СЗД. Но если он продаст миру зрелище века, но не сможет его подать, он будет выглядеть хуже обманщика. Он будет выглядеть как убожество, а таким никто не поклоняется.

Я уже видела, как все могло рухнуть. Геймскипер не зря привлек дракона. Я видела, какие толпы собирались, когда появлялся папа. Добавьте кровавый спорт, и вы получили все внимание. Даже не нужна была реклама. Новостные каналы сделали бы все за тебя, сообщали бы о жестоком зрелище и поднимали бы рейтинги. Весь мир стал бы смотреть на это, и такая огромная сила стала бы Дамокловым мечом, резала бы в обе стороны. Чем больше интерес, тем больше людей увидит провал. Такое падение разобьет любой бизнес. Для того, кто полагался на мнение толпы для своей власти, это было бы фатально.

— Мы должны это сделать, — согласилась СЗД, сжав мои ладони.

— Изначально это был мой план, так что я согласен, — сказал отец. — Сложнее всего будет справиться вовремя. Если мы хотим забрать Белую Змею достаточно быстро, чтобы оставить Геймскипера с пустыми руками, все должно быть рассчитано по минутам, — он нахмурился. — Я все еще пойду и проверю, где она, этой ночью. Так мы сможем получить больше времени на продумывание атаки.

Я удивленно смотрела на него. Я так увлеклась решением проблемы, что не подумала, каким странным было то, что папа просто... помогал. Я думала, он будет рад бою насмерть между его сестрой и Ником. Но он искренне помогал, сидел на земле с СЗД, пока они рисовали арену, пытаюсь понять, как глубоко она тянулась.

— Уверен насчет этого? — прошептала я, сев на корточки рядом с ним. — Я знаю, что ты будешь из дыма, но это все равно опасно. Даже если стражи и камеры тебя не видят, Геймскипер может. Он не смог увидеть тебя до этого из-за нашей связи, но я не знаю, как далеко тянется эта защита. Если он поймает тебя, я вряд ли смогу тебя вытащить.

— Это продуманный риск, — согласился Ён, стряхивая землю с ладоней. — Но необходимый. Долг отца — биться за его детей, но и Белая Змея — мой единственный живой родственник. Ненавистный, да, но это не значит, что ее действия не отражаются на мне. Если я позволю Геймскиперу выпустить мою сестру биться на ринг, как собаку, хорошее имя нашего клана навеки будет запятнано. Особенно, если твой человек победит.

Он поежился от мысли, а я улыбнулась.

— Думаешь, Ник может победить?

— Думаю, люди вокруг тебя доказали привычку совершать невозможное, — ответил он. — Я видел бой мистера Коса, и хоть у нее есть преимущество, моя сестра бьет в спину, она — не воин. У Коса есть шанс, я бы не стал делать ставки на этот бой.

Я улыбнулась шире от редкой похвалы, а отец нахмурился сильнее.

— Не смотри так. Не важно, кто победит. То, что это происходит, уже позор. Белая Змея уже опозорила нас, согласившись на участие в этом ужасе. Мне плевать, что придется сделать, этот бой не должен случиться. Если моя сестра будет биться с человеком на глазах у всех, я не смогу смотреть кланам в глаза.

Это было в стиле папы, но мне стало немного лучше. Ён, сражающийся за меня, был новым и непроверенным поворотом, но Ён, сражающийся за свою гордость, был тем, на что я поставила бы жизнь. Но, когда я стала думать, что у нас появился шанс сделать это, доктор Ковальски пробилась вперед.

— Пойдите! — она вскочила с земли, где сидела СЗД в их общем теле. — Пока мы не стали строить планы, мы не учли еще один элемент.

Я застонала.

— Сколько элементов в этом кошмаре может быть?

— Когда твой враг божество? Бесконечное множество. Пока мы не сделали ничего Геймскиперу, нужно понять, как нам справиться с его воронкой.

— Воронкой?

— Его аппаратом для направления магии, — уточнила доктор Ковальски. — СЗД показала мне твои воспоминания о заклинании тауматурга в коридорах арены, и, думаю, я поняла, что оно делает.

— Что? — я воодушевилась и не смогла обидеться, что СЗД показывала людям мои воспоминания как фотографии с отпуска. — Кроме того, что мешало мне схватить магию, конечно.

— Думаю, тот элемент — побочный продукт, — сказала она. — Невозможно понять функцию всего заклинания по одной части, но, помимо того, что ты видела, и кружения магии прошлой ночью, я на девяносто девять процентов уверена, что вся арена — огромный круг, ловящий и усиливающий магию толпы.

Я знала, что что-то сводило людей с ума, но...

— Это все, что оно делает?

— Все? — потрясенно повторила наставница. — Мы говорим о магическом усилителе на муниципальном уровне. Тебя не удивляло, как Геймскипер может создавать так много силы, хоть он — маленькое божество? Арена, полная людей, ничто по меркам духа. СЗД — город, где жителей больше девяти миллионов, и ее название знают по всему миру. Она во многих фильмах, книгах и сериалах. Она есть в песнях и историях, даже в легендах! Это создает бога. Арена Геймскипера — даже не самый большой аттракцион в СЗД. Он должен быть мухой, по сравнению с нашим огромным городом, но стал серьезной угрозой. Как такое возможно?

Я не знала. После такого ее сравнения было даже глупо его бояться.

— Это заклинание, — властно сказала она. — Вся магия, кружение которой ты ощущала прошлой ночью, не была частью большого заклинания. Это было заклинание. Все те записи делают из арены чашу, и она ловит и усиливает крики взбудораженной толпы. Во время боев мощь набирает силу, давит на обезумевших фанатов еще сильнее. А в часы, когда арена закрыта, она служит хранилищем, не дает магии улететь к силе города.

— Так это огромная батарея?

— Скорее как генератор и бак топлива, — сказала доктор Ковальски. — Заклинание позволяет Геймскиперу не только ловить и удерживать магию толпы, но и делать ее больше, чем она должна быть. Поэтому люди сходят с ума.

Я знала, что кружащаяся магия была для чего-то. Тогда я думала, что это была заготовка для жуткого заклинания, которое еще не сработало, но теперь поняла, что я все усложняла. Магия крутилась не из-за того, что ее направили туда для какой-то цели. Кружение и было целью! Я сидела в резервуаре божества, пока его наполняли магическим топливом. Это объясняло, почему магия все еще была там сегодня, хоть арена и была закрыта, и почему заклинание завершалось спиралью под креслом Геймскипера. Оно посылало всю ту магию в него.

Если подумать, идея была гениальной. Гениальной и необходимой, потому что, в отличие от драконов, людей, мантикор и других магических существ, духам не требовалось физическое тело. Они были разумной магией. Чем больше они получали, тем сильнее росли. И хоть я была уверена, что доктор Ковальски была тут права, я все еще не видела в этом

проблему для нас.

— Какая разница? — спросила я. — Он получил магический двигатель, и что? Это не спасет его, когда мы превратим его огромное сражение в неудачу.

— Возможно, — сказала доктор Ковальски. — Но это сделает выполнение плана намного сложнее. Если мы будем ждать до последнего, чтобы освободить Белую Змею, восторг от сражений будет на пике, значит, и Геймскипер будет полон сил. С таким количеством магии он будет опасен на своей земле, так что украсть дракона из-под его носа будет почти невозможно.

— Логично, — сказала я. — И что нам делать с этим? Разбить заклинание?

— Такое заклинание не разбить, — фыркнула доктор Ковальски. — Мы не знаем, сколько коридоров с надписями заклинания, но, чтобы арена работала как круг, там должно быть хотя бы одно кольцо заклинания. Учитывая размер арены и плотность функций, которую ты видела, там мили записей, и все это вырезано в бетоне. Проще разрушить всю арену, а наша богиня уже сказала, что не может сделать это. Но то, что мы не можем физически разбить заклинание, не означает, что мы не можем уничтожить его.

Она с намеком посмотрела на меня, но я не знала, о чем она.

— Вспомни, как ты пришла в это место, — подсказала она. — Как ты не могла использовать заклинание, не взорвав его? — я кивнула, и моя наставница улыбнулась. — Думаю, эффективнее всего убрать преимущество Геймскипера можно, если ты вернешься к старой плохой привычке, но в больших масштабах.

Мои глаза расширились от ужаса, когда я поняла, что она имела в виду.

— Вы хотите, чтобы я взорвала всю арену?

Доктор Ковальски кивнула, и кровь отлила от моего лица. Я могла это сделать. До начала тренировок тут я перегружала почти каждый круг, которого касалась. Я была уверена, что смогла бы так сделать и с огромным кольцом Коффмана. Но я не видела, как я сделаю это, не взорвав себя — и весь Рентфри — в процессе.

— Мы уже обдумали это, — успокоила меня доктор Ковальски, поняв мои тревоги до того, как я смогла озвучить их. — Я знаю, это тяжело. Взрывание заклинаний привело тебя сюда. Я понимаю, почему мысль о той боли ужасает, но мы не просим тебя умирать ради этого, и СЗД не хочет, чтобы ты взорвала один из ее районов. Ты теперь стала лучше, как маг, и у тебя есть мы.

— Без обид, — сказала я с дрожью, — но как вы поможете мне не взорвать себя?

«Потому что со мной ты не сможешь взорваться, — ответила СЗД в моей голове. — Пока ты моя жрица, твоя душа — моя территория, а я куда больше тебя. Когда будет отдача, ты не будешь терпеть ее одна. Тебе нужно только передать силу мне. Это ты делала для отца всю неделю, но я даже больше. Я — богиня с пространством размером с город! Передашь силу мне, и ты не ощутишь даже укола».

— И тебе нужна помощь СЗД сразу же, — добавила серьезно доктор Ковальски. — У тебя самая сильная тяга из всех, кого я видела, но даже ты не сможешь схватить достаточно магии, чтобы перегрузить круг, построенный для кровожадной энергии тысяч. Если хочешь разбить то, что построено под божество, нужно другое божество. К счастью, оно у тебя есть. Нужно только пронести ее внутрь, и она сделает все остальное.

«Как только круг Геймскипера будет разбит, остальное должно быть простым, — сказала мне СЗД. — Он был отвлечен в ночь боя. Может, нам даже не придется пробивать путь! Но нам нужно будет выбраться. Даже после того, как мы испортим ему бой, в его круге

будет накоплена сила от прошлых сражений, и он попытается сокрушить тебя этой силой. Если мы не разрушим его способность удерживать магию до этого, даже я не смогу защитить тебя от его гнева. Если ты на его земле, он раздавит тебя, как блинчик».

— Тогда нужно будет лишить его сил до этого, — сказала я, но все еще не была рада этому. Дело было не в плане, я понимала его логику. Я просто не знала, смогу ли сделать это.

«Ты справишься, — уверенно сказала СЗД. — У тебя гены супермага, помнишь? И тебе не нужно давить сильно. Если шуму поднимут столько, сколько мы думаем, круг Геймскипера будет уже почти переполнен, когда ты прибудешь. С такой силой под давлением нужно будет только толкнуть ее, и все лопнет».

Звучало легко у нее, но я все еще не понимала, как переживу отдачу от круга размером со стадион. Я переживала многое, что не должна была, и в этот раз на моей стороне была богиня. Помогало и то, что я хотела разбить Геймскипера сильнее всех. Он мучил Ника с детства, пытался купить для боев моих крох-василисков, издевался надо мной и пытался заставить меня продать папу. Я хотела, чтобы он пропал навеки. Разбить его бой века было хорошим началом, но если мы уберем заклинание, которое питало его магией, при этом, мы нанесем удар, от которого он не оправится. И сможем сбежать с арены живыми, а ради такого даже я со своим страхом была готова рискнуть.

— Ладно, — я судорожно вдохнула. — Сделаем это.

— Уверена? — спросил отец.

— Зачем бить один раз, когда можно ударить дважды? — я старалась скрывать панику, которую ощущала. — Если мы хотим это сделать, нужно извлечь максимум выгоды.

— Сказала как истинный житель СЗД, — гордо сказала доктор Ковальски, похлопав меня по плечу тяжелой ладонью. — Я не обещаю, что будет безопасно — с большой магией всегда есть риск — но я верю, что ты сможешь. Когда ты пришла сюда, ты не могла наполнить картошку, не сварив ее. Теперь ты бросаешься магией, словно всю жизнь была шаманкой. Ты даже поняла, как сделать огонь дракона, — она хлопнула меня еще раз, и я охнула. — Твой прогресс лучше, чем у любого моего ученика. Да, нужна практика — мы будем иметь дело с магией на божественном уровне, это куда больше горстей, которые ты передавала папе — но если кто и может сделать это, так это ты.

Как всегда, ее похвала развела во мне пожар. Я не знала, когда перестану восхищаться тем, что у меня была наставница, не считающая меня мусором, но если я сомневалась с этим планом до этого, после слов доктора Ковальски о вере в меня я была готова.

— Когда начнем?

— Сейчас, — доктор Ковальски потянула меня к дому. — СЗД, Ён, и вы идете. Если хотим тренироваться передавать силу, нужен донор и получатель.

— Рад послушаться, — сказал отец с голодной улыбкой.

Дух во мне не была рада его энтузиазму, но и не спорила. Когда доктор Ковальски посмотрела на меня, я подняла руки.

— Можно мне минутку? Мне нужно кое-кому позвонить, пока я не пропала снова.

Отец приподнял бровь с подозрением, но доктор Ковальски просто улыбнулась.

— Не спеши, — сказала она и повела моего папу к кухне. — Но и не задерживайся дольше пяти минут. У нас много дел.

Я отсалютовала ей, и наставница увела папу, оставив меня в темном саду для разговора с человеком, который был вовлечен в этот кошмар сильнее нас.

Шок, Ник не был рад, узнав, что его ждет бой с Белой Змеей.

— Издеваешься? — его потрясенный голос был слабым и хриплым от боли. — Это их суперсекретный гость? Дракон?

— Хуже того, — предупредила я. — Геймскипер не человек. Он — дух.

Я сделала паузу, чтобы это взорвалось, но Ник только вздохнул.

— Ага, знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Я не знал, что он был именно духом, — сказал Ник. — Но знал, что что-то в нем было. Я знал его с восьми лет, и он не постарел ни на день. А еще он никогда не покидает свой кабинет, где даже нет туалета. Я просто сложил дважды два.

Я раздраженно закрыла глаза.

— Ты мог бы предупредить меня.

— Я предупреждал, — недовольно сказал Ник. — Я говорил много раз, что Геймскипер опасен и силен, и не стоит к нему приближаться. Какое еще предупреждение нужно?

Я вздохнула.

— И разве ты не работаешь на СЗД? Она должна знать обо всех духах на своей территории.

— И я так думала, — я потеряла лицо. — Но это не важно. Мы знаем теперь, какой он, и у нас с папой есть план.

— То, что твой папа вовлечен, меня и беспокоит, — сказал Ник. — Но продолжай.

Я улыбнулась и махнула пальцем по экрану, открывая календарь арены, который Сибил заботливо загрузила для меня заранее.

— Официального объявления еще не было, но если Геймскипер не передумает, в следующую субботу ты будешь биться с Белой Змеей. Сегодня ничего нет, потому что это воскресенье, но на другие ночи на неделе расписание уже есть. Они уже рекламируют большое раскрытие во время события «Безумный собачий бой» в среду, наверное, тогда мир узнает о Злом Псе против Дракона.

— Наверное, — сказал Ник. — Полагаю, у тебя есть план, как остановить это?

Я покачала головой.

— Наоборот. Я хочу, чтобы все-е-е-е услышали об этом, и я хочу, чтобы ты помог.

— Что?

— Послушай, — попросила я. — Я знаю, что ты ненавидишь арену, но мне нужно, чтобы ты поиграл в знаменитого бойца следующие несколько дней. Дай интервью, сходи на разговорные шоу, вспыли и ударь фаната, что угодно, чтобы убедиться, что как можно больше человек будет смотреть твой бой в субботу. И перед тем, как ты должен будешь выйти биться, мы с папой проберемся и освободим Белую Змею. Нет дракона, нет боя с драконом! Все это будет катастрофой, и мы будем делать это в последний миг, так что Геймскипер не сможет ничего поменять. Это будет хорошо для тебя, ведь проклятие на твоей шее заставляет тебя прийти на бой. Там не говорится, что у тебя должен быть противник.

— Это безумие.

— Нет, это наша лазейка, — гордо сказала я. — Если мы все сделаем вовремя, ты сможешь выйти и сразу же победить, ведь враг убежал. Как только это произойдет, требование пятого боя будет завершено, проклятие пропадет с твоей шеи — бум, и ты

свободен!

Эту часть плана я не поведала другим, потому что она их не касалась. Это было между мной и Ником, часть отплаты за все, что он сделал для меня. Но, хоть я услышала, как он в восторге затаил дыхание, его голос был все равно встревоженным.

— Уверена, что вы сможете забрать Белую Змею? Я не сомневаюсь в твоих способностях пробиваться, но арена тянется глубже, чем ты думаешь, и охрана внизу серьезная.

— Мне не нужно вытаскивать ее, — уверенно сказала я. — Она дракон! Геймскипер смог ее поймать, только потому что СЗД сбросила ее в реку. Но она должна была уже оправиться, так что нам нужно открыть дверь, и она пробьет себе путь на свободу. Это идеально.

— Это рискованно, — сказал Ник и вздохнул. — Типичный план Опал.

Я пожала плечами.

— Без риска нет награды.

— Понимаю, — сказал он. — Но ты вряд ли понимаешь, как много просишь. Геймскипер просил меня устроить PR с первого боя для него, но кроме фотографий я всегда избегал этого, как чумы. Я годами старался жить тихо после того, как ушел, и это Геймскипер активно скрывал мое участие, потому что был опозорен моим побегом. Теперь миллионы смотрят его бои по всему миру. Я знаю, ты просишь это для плана, но это не мелочь. Если я дам Геймскиперу превратить меня в звезду арены, как он всегда хотел, я не смогу больше жить спокойно. Идиоты будут преследовать меня, чтобы «сразиться с чемпионом» до конца жизни.

Когда он так говорил, я понимала, почему он не хотел это делать. Помимо паранойи, Ник был очень замкнутым. И его лицо по всему Подземелью с прозвищем, которое он ненавидел, уже причиняло боль, а тут я говорила ему сделать все хуже. Я просила многого, но не собиралась отступить.

— Это будет того стоить, — пообещала я. — Я делаю это не только ради твоего спасения. Если все получится, Геймскипер будет ощущать этот удар годами, а то и вечно. Это наш шанс одолеть его, и шансы будут лучше, если ты поможешь.

— Было бы приятно хоть раз дать отпор, — признал Ник. — За жизнь кошмара.

— Он всем сделал плохо. Потому так важно не ошибиться. Геймскипер почти не оставил лазеек. Если мы не справимся, другого шанса может не быть. А тебя съест дракон.

— С этим сложно спорить, — он вздохнул. — Хорошо. Если нужно подогреть интерес, я это сделаю. Но если мы сделаем все это, и я выживу, тебе придется помочь мне скрыться. Ты не знаешь, какое безумие привлекает боец с арены. Мне придется провести весь следующий год в своей квартире.

— Я точно помогу тебя спрятать, — пообещала я. — И отдых пойдет тебе на пользу.

Он фыркнул. Но, пока Ник изображал спокойствие, я слышала страх, который он отчаянно пытался подавить, с каждым вдохом.

— Думаешь, это сработает? — прошептал он.

Я хотела сказать ему, что сработает. Все будет хорошо! Но Ник заслуживал лучшего от меня. И он знал, когда я врала. Но, когда я открыла рот, чтобы объяснить план и весь риск, Ник прервал меня.

— Знаешь, что? Не надо. Я не хочу знать шансы. Ты уже сказала, что мне нужно сделать, и я буду стараться, а за исход буду переживать позже. Я был идиотом, который

запаниковал и вернулся под каблук кровавого бога. Не могу жаловаться, что снова застрял в безумии.

— Ты не был идиотом, — с пылом сказала я. — Это я была такой. Это случилось, потому что я спешила так, что не обдумала все. Я скрывала тайны, дала тебе подумать о худшем, и все из-за этого скатилось к кошмару. Но это не повторится. Если мы выживем, клянусь, я буду лучшей напарницей для тебя.

— Ты уже такая, — сказал он так тепло, что я слышала улыбку в его голосе. Я улыбнулась, а потом услышала вопль на фоне. — Блин. Мне нужно идти. Я выполню свою роль.

— Я буду держать тебя в курсе, — пообещала я.

— Не надо, — сдавленно приказал он. — Если я буду звездой арены, то я сильнее погружусь в мир Геймскипера. Чем меньше я знаю о твоих планах, тем меньше мне нужно скрывать. Я верю, что ты стараешься. Если это сработает, увидимся на другой стороне.

— Скоро увидимся, — прошептала я, сжимая телефон, но связь уже утихла. Я выждала еще миг из упрямства, но опустила руку и смотрела на золотое сияние огней города на низких ночных облаках, пока доктор Ковальски не увела меня работать.

Глава 12

Я думала, доктор Ковальски и СЗД заставляли меня тяжело трудиться до этого, но те два месяца были отпуском, по сравнению со следующими пятью днями. Мы тренировались каждый час, включая время обеда и ужина, и так я научилась двигать магию и есть одновременно. Я работала, пока все внутри не ощущалось как желе, передавала огромные порции магии от СЗД папе, а еще овощам, кругам и разным заряженным магией зонам СЗД.

Порой доктор Ковальски и город по очереди бросали мне горсти силы, чтобы проверить, поймаю ли я. Если я ловила, они заставляли меня держать магию, пока я не буду близка к тому, чтобы лопнуть. В другие разы они заставляли меня передавать силу так быстро, что я ощущала себя проводом. Порой я даже не знала, что делала. Я просто следовала указаниям и старалась не погибнуть, пока порция магии становилась все больше.

Если бы я не трудилась два месяца до этого, это сломало бы меня. В отличие ото всех, с кем я работала, я была человеком. Меня подгоняла только мотивация. Редко в жизни у тебя был открытый путь к тому, чего ты хотел, а я очень хотела одолеть Геймскипера. Если для этого нужно было двигать колоссальное количество магии, не разбиваясь, я стану неразрушимым проводом из человека.

Я просто надеялась, что этого хватит. В отличие от того, чему учили детей по телевизору, старания не всегда гарантировали успех, и Геймскипер был не единственным моим врагом. Он пировал магией толпы, но Коффман сделал это возможным. Когда я столкнулась с его магией в Узлах, я победила его с помощью безумства, чуть не умерла. Я не могла в этот раз быть такой неудачливой. Ник рассчитывал на меня. СЗД рассчитывала на меня. Я рассчитывала на себя.

Впервые в жизни казалось, что я делала что-то важное, что изменит мир. Я ощущала себя сильной, будто я управляла своей судьбой. Это ощущение кружило голову той, кто всегда жил в чьей-то тени. Я все еще не знала, получится ли, но я была уверена, что, если провалюсь в субботу, дело будет не в нехватке усилий.

Помогало то, что не только я трудилась. СЗД и доктор Ковальски были со мной, но потрясал мой папа. Он был рад, что я тренировалась передавать магию ему. Учитывая

размеры силы, которую я двигала, можно было подумать, что я наполнила его в первые пару дней. Но хоть я и передавала ему магию СЗД так быстро, как только могла, восстановить Великого Ёна ощущалось как наполнять Великие Озера шлангом.

Глядя, как вся та сила пропадает в пустоте, я впервые поняла разницу между людьми и всем остальным. Я знала, что отец был сильным драконом, но не могла понять, сколько он потерял, пока не попыталась заместить это. Я не могла поверить, что он дал мне сжечь всю эту магию глупым трюком с рынком золота. И я стала переживать, что не смогу вернуть его огонь таким, какой он был. Я была слишком маленькой, а он копил огонь две тысячи лет, еще и съел огонь отца. Я могла лишь сказать, что он не собирался угасать в ближайшее время.

Но, пока я страдала из-за жестокой реальности ситуации, папа был энергичнее, чем когда-либо. Он не только оставался рядом, даже если не был нужен для тренировки, но и нашел время, чтобы проверить Белую Змею на дне арены в короткие периоды, когда мне давали поспать. Благодаря его телу из дыма, он смог пройти мимо стражей, камер и сквозь стены незаметно. С чарами было сложнее, но он справился.

Он не смог миновать только барьер вокруг самой Белой Змеи. Я думала, что это было логично — чары от драконов, которые не могли остановить дракона, были бы бесполезны — но его это сильно беспокоило. Настолько, что в пятницу утром он попросил СЗД дать мне полчаса на отдых, чтобы мы обсудили это.

— В этом нет смысла, — сказал он, когда я рухнула на пол в гостиной доктора Ковальски.

— В чем нет смысла? — я тяжело дышала, не было сил даже поднять голову. — Чары останавливают драконов. Хоть ты был из дыма, ты все еще дракон. Как по мне, все очевидно.

— Я не об этом, — рявкнул отец, сел рядом со мной, сдвинув темные брови так сильно, что они сделали V на его лице. — Я о Белой Змее. Она точно знает, что я был там. Даже если барьер мешал видеть, улавливать звуки и запахи, я знаю, что она может меня ощущать, но она не реагирует.

Я пожала плечами.

— Может, ей дали вещества. Если бы я держала дракона в плену, я накачала бы его хорошенько.

— Она не под веществами, — уверенно сказал Ён. — Только дюжина веществ на этой планете могут повлиять на дракона. Я научился определять их все по вкусу, запаху и симптомам, потому что иначе тебя могут отравить, но я ничего не уловил.

— Может, СЗД ударила ее сильнее, чем мы думали, — предположила я. — Или она уловила тебя и знает, что нельзя давать понять, что она тебя заметила. Она же трусливая.

— Последнее вероятнее всего из того, что ты перечислила, — он провел ладонями по длинным волосам, вздыхая. — Но это раздражает. Я надеялся поговорить с ней, ведь у нас не будет времени на это при освобождении, но я не смог даже привлечь ее внимание. Я думал, что тюрьма подавляла ее восприятие, но она видела и говорила со стражами, которые пришли покормить ее, — он прищурился. — Она что-то затевает.

Я рассмеялась.

— Ясное дело. Она — дракон в клетке! Если бы она не тратила каждый миг на планы побега и мести, я подумала бы, что она мертва.

Для меня это было очевидно, но папа качал головой.

— Это ощущается неправильно, — буркнул он. — Я не был близок с сестрой, но все же

знал ее всю жизнь. Обычно она ведет себя не так. Мне это не нравится.

Я вздохнула. Я была так занята тренировками, чтобы точно разбить магию Геймскипера, что не могла думать обо всех шагах до этого. Если план сработает, и мы доберемся до Белой Змеи незаметно для Геймскипера, я была уверена, что пробью чары, которыми Коффман сдерживал ее. После этого свобода должна была увлечь ее, но с драконами никогда не было так просто.

— Мы разберемся, — я закрыла утомленные глаза. — Белая Змея точно не откажется от освобождения из тюрьмы без шантажа. Я переживаю за то, как не дать ей съесть нас, как только она выберется.

— Она нас не съест, — уверенно сказал Ён. — Даже в таком состоянии я могу бороться, и если стражи будут придерживаться того же четкого графина, как со всеми сражениями на арене, мы выпустим ее за минуты до того, как они придут забирать ее для боя. Она слишком эгоистична, чтобы тратить это ценное время на бой с нами вместо спасения своей шкуры. Если мы дадим ей шанс, она убежит. Она всегда так делает.

Пожалуй, это успокаивало. Честно говоря, я была рада, что папа переживал из-за этого, потому что у меня не было на это сил. Нужно было многое сделать, и многое могло пойти не так. Было хорошо, что дракон помогал мне следить за всем. Точнее, хорошо было, что я могла доверять отцу. Чудо, которое я не успела еще оценить.

— Спасибо.

Отец нахмурился.

— За что?

— За все, — я заставила себя открыть глаза. — Ты остался. Помогаешь. Трудишься. Это не твой бой и не твой город, и у тебя хватает своих проблем. Я не винила бы тебя, если бы ты вернулся в Корею, как только твоя магия стабилизировалась, но ты еще тут, трудишься, как все, и я благодарна за это, — я улыбнулась ему. — Спасибо, что ты со мной, папа.

Ён уставился на меня с возмущением на идеальном лице. Не такого я ожидала.

— Ты такого низкого мнения обо мне?

— Что? — завопила я, приподнимаясь. — Нет! Я пыталась сделать тебе комплимент!

— Опал, — сказал он строжайшим тоном. — Я — твой отец. С того дня, как я назвал тебя «дочерью», я принял священное обязательство защищать твою жизнь и твое счастье. Я не всегда понимаю, почему ты принимаешь решения, но я никогда не дам тебе бороться с ними одной, ведь ты — мое дитя. Моя дочь, моя радость и мое сокровище, навсегда, — он хмуро посмотрел на меня. — Ты должна была уже понять.

Я понимала. Он сказал это таким строгим голосом, что было бы просто упустить, но я заметила. Мне было плевать, что он снова говорил старые властные слова, ведь я понимала, что отец больше не пытался управлять или владеть мной. Он пытался сказать, какой ценной я была для него. Какой важной. Впервые за двадцать лет я ощущала, что мы говорили на одном языке, и это ощущалось как возвращение домой.

— И я тебя люблю, — прошептала я на корейском, прислоняя голову к его плечу. — Спасибо.

— Не благодари кого-то за выполнение долга, — упрекнул он, но без резкости в голосе. Ён звучал так радостно, как только мог дракон, и мне было так хорошо, что захотелось подразнить его.

— Ты делаешь это не бесплатно. Сколько магии СЗД я уже тебе передала?

— Дополнительная выгода — это хорошо, — признал он, глядя на свои ладони, которые

уже не выглядели как скелет. — Но я помог бы тебе и без этого. С того момента, как твоя мама дала тебя мне, ты стала моим величайшим сокровищем. Каким драконом я был бы, если бы не защищал это до смерти?

Мы зашли далеко, раз я даже не разозлилась на это.

— Я рада, что тебе лучше, и что я не убила тебе теми рынками, — сказала я. — Если мы переживем дело с Геймскипером, ты сможешь вернуться домой.

Я думала, он обрадуется. Папа любил Корею больше всего, но, как только я сказала о доме, улыбка пропала с его лица.

— Нет, — он покачал головой. — Пока я не стану сильнее.

— Это будет не скоро, — предупредила я. — Я передавала тебе магию днями, и это едва ли капля в море. Мы не вернем тебе прежнюю силу в ближайшее время, а другие драконы уже делят Корею между собой, и мы вот-вот освободим Белую Змею. То, что мы уверены, что она убежит, а не станет в этот раз тебя убивать, не означает, что она не вернется за этим позже. Она будет говорить, и весь мир узнает, что ты жив, и это не сплетни.

— Я в курсе ситуации, но я не вернусь домой, пока не смогу защищать его. Если я прибуду в Корею сейчас, я только позову войну к нашим берегам. Если я останусь тут, любой бой будет на земле Миротворца. Это плохо, но лучше рисковать гневом Дракона Детройта, чем жизнями моих людей. Чем дальше я оттуда, тем им безопаснее. Я могу сделать для них только это, пока я слаб.

Для гордого дракона в этом мог быть смысл, но...

— Ты можешь хоть позвонить маме? Не нужно говорить ей, где ты, но ты хотя бы позвони и дай ей знать, что ты не мертв. Это важно. Поверь, я знаю по своему опыту.

— Уверен, что ты знаешь, но твоя мама — последняя, кому я стал бы звонить.

— Почему? — гневно спросила я. — Разве она не твоя Первая Смертная?

— Потому я и не могу звонить ей. Я — ее дракон. Она посвятила мне жизнь. Я сильнее, чем был, но не могу предстать перед ней таким. Слабым и зависимым, — он поежился. — Уж лучше быть съеденным Белой Змеей.

Я закатила глаза так, что стало больно. Я считала маму безумной, но увидела, что и папа был не лучше. Он лучше рискнет быть съеденным, чем потеряет восторг супруги. Это было бы мило, если бы не было так неправильно.

— Пап, — я раздраженно фыркнула. — Мама любит тебя с верностью культа. Ты мог бы стать черепахой, и она все равно ворковала бы с тобой и кормила бы тебя салатом с руки до конца жизни. Ей плевать на твой огонь.

— Но мне важно уберечь ее, — упрямо ответил Ён. — Смертные хрупкие, и моя симпатия к твоей матери известна. Она уже как с мишенью на спине, даже без моего слабого присутствия.

В этом была доля правды, но звучало все еще как оправдание. Чем больше времени я проводила с отцом, как взрослая, а не ребенок, тем больше я понимала, что, хоть Ён из Кореи был не обычным драконом, он все еще обладал идиотской гордостью дракона. Но, хоть я хотела сказать ему, что он глупо считал, что мама не умирала от беспокойства за него, в каком бы состоянии он ни был — или что она не страдала от разлуки с ним — это было не важно. Никто на планете не был так сосредоточен на чем-то, как моя мать на своем драконе. Позвонит он или нет, она найдет его. Мы были снаружи на прошлой неделе, так что она уже могла быть близко. Она найдет его, и они разберутся. А пока что у нас были проблемы серьезнее.

— Мне нужно тренироваться, — сказала я, поднимаясь на ноги. — Можно оставить Белую Змею и остальные дела драконов тебе?

— Конечно, — Ён поднялся намного изящнее. — Я не предложил бы освободить ее, если бы не думал, что справлюсь. Оставь мне проблему с моей трусливой сестрой, и когда это закончится, и СЗД будет у нас в долгу, мы поговорим об ускорении моего восстановления.

Я впервые слышала о долге, но стоило ожидать, что он придумает что-то такое. Драконы не делали ничего бесплатно, и, если честно, вряд ли СЗД была против. Она была городом, где ничего не давали бесплатно. Если папа требовал платы за его роль в нашей операции, она придумает контракт и начнет переговоры.

Я не знала, как оказалась в жизни, где города вели переговоры с драконами насчет оплаты за работу по убийство бога, и это считалось нормальным, но так все сложилось. Чудеса не прекращались.

Качая головой от странности всего этого, я прошла в сад, где доктор Ковальски, конечно, уже ждала меня с новым упражнением.

* * *

Чтобы тренировки не были напрасными, и я не была слишком утомленной, чтобы применить их, мне дали днем в субботу поспать и подготовиться. Так было задумано, но почти все это время я пролежала в кровати, проверяя, что делал Ник.

Он держал слово, не связывался со мной после звонка в воскресенье, что было хорошо для миссии, но плохо для меня. Неделя была очень тяжелой, и я ужасно скучала по нему. Я отдала бы почку, чтобы проехать по городу с ним в его машине, открыв окна и переживая только из-за сокровищ, которые мы найдем в следующей квартире. Мы не вели бы себя так беспечно, но ностальгия была приятной, особенно в свете того, что я видела теперь.

Ник трудился на этой неделе не меньше меня. Поиск в интернете выдал кучу роликов, интервью и фотосессию, которая мне понравилась бы, если бы они не заставили Ника выглядеть как псих. Были и фотографии Белой Змеи. Большая часть была сделана нечетко дрожащими руками с того раза, как она гналась за мной и папой над рекой, и там она выглядела жутко. Я почти забыла, какой большой она была, что было безумием, ведь те челюсти размером с грузовик чуть не съели меня, но было сложно удержать в разуме правильный масштаб такого большого тела.

Я не могла спорить, Геймскипер знал, как поднять шум. Ему почти не нужно было платить за рекламу. Бой Ника обсуждался на всех каналах. Даже серьезные международные новостные организации, которые обычно не рассказывали о боях на арене, не переставали говорить о парне, который собирался биться с драконом насмерть в прямом эфире. Добавьте возмущения Миротворца и обещания расследовать, и получится драма, которую обожали репортеры.

Буря была такой большой, что я удивлялась, как СЗД оставалась со мной во время всего обучения. Я знала, что она могла быть во многих местах сразу, так что не поразились, когда увидела ее на видео, но некоторые интервью выглядели тяжело. Миротворец точно пытал ее за кадром, но кроме того, что порой она выглядела рассеянно, она не вызывала у меня ощущений, что я не была центром ее внимания.

Я не знала, было это из-за того, что она хорошо умела делать много вещей сразу, или она сосредоточилась на мне, а остальное воспринимала мельком, но я ценила ее верность. Она не могла пойти телесно со мной на арену, но никто не мог сказать, что она не

выполнила свою роль. Даже лежа в кровати, я ощущала ее магию, гудящую в связи между нами, готовую к тому, чтобы я использовала ее в любой момент.

Я надеялась, что смогу. Все было накручено так, что бой Ника станет событием века, и мы помогли этому произойти. Если мы не разобьем Геймскипера этой ночью, мы подарим ему так много сил, что я не смогу с собой жить после этого.

— Все будет хорошо, — убеждала меня Сибил. — Помни о позитиве! И через полчаса зазвонит будильник.

— Пора собираться, — сказала я хмурому Нику в ленте новостей. — Держись. Все почти закончилось.

Это касалось и меня. Может, зря я не поспала, потому что все тело болело, когда я подняла его с кровати и засунула в чистую одежду. Темную, потому что первая часть плана включала проникновение, и хоть я не была ниндзя, даже я знала, что мои любимые неоновые цвета не подойдут.

Когда я надела свои самые темные джинсы, старые сапоги Уборщика высотой по колено и дешевую футболку с длинными рукавами из торгового автомата, которую я купила папе — которая не была создана для того, чтобы ее надели дважды, но у меня был только такой черный верх — я вытащила пончо из шкафа и накинула на плечи. Бедное пончо было потрепанным, но защитные чары еще работали, и если мне когда и нужно было закрыться от выстрела, так это сегодня. Я убирала последние вещи в сумку, когда папа постучал в дверь.

Он уже не спал там, и я переехала в свою спальню, где уже было хорошо и без крови стараниями СЗД. Так он оказался на диване, но он почти не нуждался во сне, а я платила за квартиру, так что я не ощущала за это стыда. Он не жаловался, и он стучал перед тем, как входить, что было большим прогрессом. Когда я открыла дверь, чтобы сказать ему, что была готова идти, при виде него у меня пропал дара речи.

— Что на тебе такое?

Я была наряжена для вторжения, а папа выглядел так, словно собрался на официальный ужин. Он не только был в костюме, который мы купили для похода к Геймскиперу, он как-то смог добыть новый галстук, новые туфли и серебряные запонки, они не были уместными там, куда мы шли.

— Мы идем не на вечеринку, пап, — сказала я, глядя на него с потрясением. — Где ты это взял?

— Тут и там, — загадочно ответил он, стряхивая несуществующую пылинку с плеча. — Это не броня, но так я ощущаю себя увереннее.

Он выглядел в этом как старый Ён. Даже с собранными длинными волосами — единственное, что показывало, что он собрался проникнуть на территорию врага — папа выглядел ближе всего к тому, каким он был до начала всего этого ужаса. Наверное, это пригодится в разговоре с Белой Змеей, но добраться до нее было другим делом.

— Ладно, Джеймс Бонд, — буркнула я, убирая последние вещи в сумку на плече. — Я просто надеюсь, что ты сможешь бежать в этих туфлях, или ночь будет очень короткой.

Отец пожал плечами.

— Если нам придется бежать, то мы провалились.

Это было правдой. Поддержка не ждала нас этой ночью. Ник был занят. И арена была землей Геймскипера, что означало, что СЗД не придет на помощь в этот раз. Если нас поймают, мы будем одни, и хоть папа выглядел лучше, мне не нравилось, какими были наши шансы против Геймскипера и его наемников.

— Думаю, тогда лучше убедиться, чтобы нас не поймали, — я еще раз проверила, все ли взяла. Когда я убедилась, что все, я повесила сумку на плечо под пончо, опустила очки на глаза. — Сибил?

— Я готова, — сказала ИИ в моем наушнике.

«И я, — шепнула СЗД в моей голове. — Я буду с тобой весь путь. Ты не одна».

Я не была нынче одна, но я приняла ее слова утешения.

— СЗД не публикует карты Рентфри, потому что район сильно меняется, — продолжила Сибил, не замечая другие разговоры в моей голове. — Но у меня есть приложение, проверяющее форумы города на новые карты, думаю, лучше всего начинать тут, — она показала карту канализации с большой красной стрелкой на центральной развилке. — Это должно привести вас как можно ближе к месту, где твой папа нашел камеру Белой Змеи.

Не я просила об этом, так что я показала карту на телефоне отцу.

— Выглядит неплохо, — кивнул он. — Они держат ее на глубине, так что, чем дальше вниз мы начнем, тем лучше.

— Звучит как план, — я вышла в гостиную с ним, чтобы использовать дверь своей спальни. — Готов?

Как только он кивнул, я сжала ручку и повернула ее с силой, глядя на карту, которую Сибил проецировала в мою дополненную реальность, пока линии не запомнились. Такого я еще не просила от моих способностей путешествовать по городу. Как всегда, магия работала хорошо, и через миг мы вышли из моей квартиры в вонючий туннель в крошечной тьме с шестидюймовым слоем слизи и воды на дне.

— Фу, — сказала я, поднимая высоко сапоги, чтобы выбраться из грязи. — Обязательно было выбирать канализацию?

— Тут можно было стоять, — виновато сказала Сибил. — Или ты предпочла бы электрическую шахту в два квадратных фута?

Я поежилась и включила фонарики на очках. Со светом не стало лучше, ведь теперь я видела тысячи насекомых на стенах трубы, а не только слышала их, но если меня ждало наступить на что-то гадкое, то лучше знать об этом заранее.

— Мило, — сказал отец, ловко прыгая над отвратительной водой, его ноги уперлись в стены трубы, но тут же стали скользить, его туфли не могли удержаться на слизи.

— Я предупреждала не надевать их, — сказала я, пока он возился, и повернулась к карте. — Куда мы идем?

— Вперед, — ответила Сибил, отметила мерцающую иконку на зеленую стену из бетона впереди нас. — Не знаю, как вы пройдете, но тут кончается СЗД и начинается подземный комплекс арены.

«Невероятно, — прошептала СЗД. — Он прогонят меня, но пользуется моей канализацией! Наглость».

Несколько труб тянулось из стены впереди нас, каждая сбрасывала нечистоты в канал, по которому мы шли.

— Тебе стоит заткнуть их, — предложила я. — Добавить хаоса.

Злой смех наполнил мою голову.

«У тебя лучшие идеи», — сказала СЗД, трубы перед нами стали извиваться, как змеи. Через миг они смялись, посылая волну нечистот туда, откуда она прибыла.

— Мило, — я улыбнулась. — Если из туалета польются отходы, такое не

проигнорируешь. Это должно хоть кого-то отвлечь. Кстати об отвлечении, ты все сделала?

Пару дней назад, когда мы продумывали детали этой ночи, одной из проблем было то, что я не знала, как обойти способность Геймскипера ощущать СЗД — или того, кто нес СЗД — на своей территории. Было сложно пробраться, если хозяин места тебя ощущал. СЗД сказала, что справится с этим, но я была слишком занята, чтобы запомнить все. Теперь я жалела об этом.

«Расслабься. Я все сделала, — убедила меня город. — Я вызвала жрецов со всего города помочь нам. Они входят сейчас на арену с толпой».

Я моргнула.

— Геймскипер впускает их?

«Конечно, — сказала она. — Они платят».

Мой шок, видимо, был громким и ясным, потому что она поспешила объяснить:

«Не я одна слушаюсь своей земли. Геймскипер — бог арены. Против его природы прогонять кого-то, особенно в такую ночь. Я заплатила долларами за те билеты, и мои деньги хорошие, как у всех. Он знает, что они шпионы, но он не может отрицать меня, как я не могу отрицать его. Его арена наполнена людьми. Я буду в головах своих жрецов больше, чем в твоей, чтобы запутать, и пока ты не сделаешь что-то заметное, он не должен отследить тебя».

Это были отличные новости!

— Это означает, что у нас есть поддержка, если все пойдет плохо?

«Эм... нет, — сказала СЗД. — Другие мои жрецы плохи в бою».

Из других ее жрецов я встречала только доктора Ковальски и Безымянного из Блуждающего собора, и оба были со странностями. Может, где-то в городе у нее были нормальные люди, хотя «нормальный» не сочеталось с СЗД.

«Они нормальные для меня, — буркнула богиня. — Я — не бог войны! Люди, которые посвящают себя живому городу, не из тех, кто сразу идет в бой. И не особо любят выходить наружу. Но они стараются ради меня этой ночью, давай уважать их усилия».

Эй, если они были готовы рисковать с Геймскипером, помогая нам, они были классными.

«Они классные! — согласилась СЗД. — У меня в жрецах финансовый маг, заклинатель крыс, управляющий крысами в моем городе, доктор, который помогает людям в переулках за монетку, и... все».

Мои глаза расширились.

— Всего три человека?

«Сжался, я — юная богиня! Я в процессе сбора жрецов, но троих хватит, чтобы отвлечь Геймскипера от тебя. Поверь, мои люди очень отвлекающие».

Должно подойти. У меня были свои проблемы, начиная с того, как нам пролезть внутрь. Кроме труб, торчащих внизу, стена перед нами казалась из литого бетона. Войти будет непросто.

— Ты можешь открыть дверь для нас?

«Нет, — сказала СЗД. — Трубы были за границей, но стена — его территория. Я не могу ее двигать».

— Я могу, — сказал отец, когда я объяснила ему ситуацию. — Отойди.

Места было не так много в узком туннеле, но я попятилась, как могла, подняла капюшон пончо, чтобы скрыть лицо, насколько это было возможно.

— Чисто!

Слово вылетело из моего рта, и отец ударил по стене в четырех местах. Я не смогла уследить за ударами, но когда он закончил, в бетоне появилась аккуратная прямоугольная трещина. Еще удар ногой, и открылась дыра размером с Ёна.

— Мило, — одобрительно сказала я, улыбаясь обломкам толстого бетона. — Ты точно чувствуешь себя лучше!

— Не намного, — он потрянул правой рукой, на костяшках появились синяки. — Это должно быть проще.

Закатив глаза от глупых стандартов драконов, я прошла в дыру, которую он сделал, в кладовую, полную пыльных ящиков и стопок пластиковых сидений со стадиона. Ничто не выглядело опасным. И на стенах не было камер, что было еще лучше. Было темно, но это меня устраивало. В темные комнаты никто не заглядывал, и у меня было решение.

— Ладно, — я выключила фонарик и активировала ночное зрение. — Куда дальше?

Отец нахмурился в темноте, крутя головой.

— Вернуть свет?

— Нет, — раздраженно сказал он. — Мое ночное зрение хорошее, как и было. Я просто озираюсь. Когда я проверял это место раньше, я проходил в дверь, а не через стену.

Логично. Пока он озирался, я проверила новости. Я не была глупой и не лезла к интернету арены, приходилось использовать сеть СЗД, которая — сюрприз — тут была с ужасно медленной скоростью. Мне пришлось выключить картинки, но я прочла, что арена уже наполнилась людьми. Отмечали, что толпа была огромной, хотя меньшего я и не ожидала после такого внимания прессы.

«Там куча людей, — подтвердила СЗД. — Весь Рентфри переполнен. В основном, прибывшие из других городов, но и местных хватает, — я ощутила, как она нахмурилась. — Я не знаю, как они поместятся».

— Не наша проблема, — сказала я, картинки загрузились, и я увидела рекламы футболок, плакаты и прочее с лицом Ника.

От этого вида я скривилась. Бедный Ник. Он не переживет это. Если мы не умрем этой ночью, я заберу его в отпуск. В хорошее место в тропиках, подальше отсюда.

— Опал.

Я подняла голову, отец стоял в другой части комнаты, голова торчала из двери.

— С ума сошел? — прошипела я, убирая новости и подбегая к нему. — Не открывай!

— Я сначала проверил на стражей, — оскорбился он. — Нам нужно выйти рано или поздно, и коридор пока что пустой. Видишь?

Он открыл дверь шире, и я увидела широкий бетонный коридор, он точно был пустым. Судя по пыли на полу, он был таким давно.

— Вовремя нам повезло, — я коснулась слоя пыли бронированным носком сапога. — Ты понял, куда нам идти?

Вместо ответа отец прошел в коридор, и мне пришлось следовать за ним.

Нижние уровни арены сильно отличались от того, что я представляла. Я ожидала типичные кулисы, полные суеты и хаоса, припасов и реквизита до потолка. Это место напоминало армейский стиль. Как Ник и предупреждал по телефону, арена тянулась глубоко. Мы пришли через канализацию Рентфри, нижнюю часть СЗД, но, по словам папы, мы были недостаточно низко. Я гадала, как Геймскипер вырыл все это незаметно, когда СЗД появилась в моей голове с ответом:

«Это уже было тут, — сказала она, направляя мой взгляд на выцветшую краску на пыльных стенах. — Это было частью старой соляной шахты Детройта. Я закрыла входы давным-давно, но не могла передвинуть саму шахту, ведь многие люди не знали о ней, и она не считалась частью моего города. Я подозревала, что Геймскипер захватил ее и построил арену сверху, но не переживала. Что он мог сделать с дырой в земле?».

Видимо, многое. Геймскипер был коллекционером, как я, потому что каждая кладовая, которую мы проходили, была наполнена до потолка. Почти все выглядело как реквизит для арены — старые машины, фальшивые фасады зданий, клетки для львов и прочее — но было и много оружия, даже военная техника.

— Ого, — сказала я, когда мы проходили комнату, где лежали автоматы, которые явно могли одолеть дракона, судя по размеру.

«Они для того и есть, — подтвердила СЗД. — Это оружие против драконов».

— Шутишь? Где он это взял?!

«Это остатки от правления Алгонквин. Я продала все еще вещи, когда прогнала ее».

Я прижала ладонь к лицу.

«Что? Мне нужны были деньги! Все мои здания были разбиты, а сталь — дорогая. Что мне было делать?».

Я понимала ее точку зрения, но продавать оружие Леди Озер казалось плохой идеей. И она была выделена жирным, когда мы прошли в другую комнату с пометкой: «Не входить. Снаряды против драконов и самолетов. Живая амуниция».

«Ладно, может, я была немного безрассудна, — признала богиня. — Но все заперто на складах, и мы вот-вот одолеем Геймскипера. Я все заберу, когда он падет. И не будет ни крови, ни страданий».

Это еще не было определено, но я не могла сейчас с ней спорить. Мы добрались до конца коридора и смотрели на центральный лифт. Папа еще ничего не сказал, но я полагала, что нам нужно было спуститься по аварийной лестнице в дальней стене. Но, чтобы туда попасть, нужно было перейти широкую площадку, куда выходили три камеры.

— Что ты хочешь с ними сделать? — я кивнула на камеры.

Отец пожал плечами.

— У тебя лучшая ИИ. Она не может отключить их?

— Эм, нет, — фыркнула я. — Сибил — бот социальной поддержки. Она не хакер.

— Я могу спросить их, довольны ли они условиями работы, — предложила Сибил.

Отец вздохнул и вытащил из кармана стальной шарик.

— Придется действовать по-старому.

Я знала, что он планировал этот миг, но перед тем, как он бросил шарик как пулю в ближайшую камеру, я сжала его запястье.

— У меня идея лучше. Она не приведет к мертвым камерам, которые могут поднять тревогу.

Папа пожал плечами и убрал шарик в карман. Я присела на корточки и медленно прислонилась к стене, выглянула из-за угла, ждала, пока камера, которую я видела краем глаза, повернулась к залу перед лифтом. Когда я убедилась, что мне было видно все три камеры, я отодвинула голову и закрыла глаза, потянувшись к скользкой магии арены.

Сила боролась со мной, как всегда, но тут на стенах не было заклинания. Магия все еще не текла так, как магия СЗД, но тут она была свободнее всего, что я ощущала в арене. Я разминала магические мышцы всю неделю, потому что эти два фактора помогли мне собрать

достаточно силы для того, что я хотела сделать.

— Ладно, — я сжала магию. — Когда я скажу идти, беги к лестнице.

Я дождалась кивка отца, а потом закрыла глаза еще раз, в этот раз представила ладонь, сжимающую каждую камеру. Как меня учила доктор Ковальски, я сосредоточилась на картинке, пока она не стала казаться настоящей, как воспоминание о настоящем предмете. А потом представила еще раз, сделала движение столько раз в голове, что могла бы сделать это во сне. Только тогда я дала магии покинуть меня, потянуться через пустоту и сжать каждую камеру, отвести их от нас.

— Иди!

Мы побежали вперед, отец устремился к двери лестницы, открыл ее для меня. Над нами камеры боролись с моей хваткой на своих подставках. Но, хоть я не смогла схватить много, не нужна была сильная ладонь, чтобы одолеть маленький механизм. Я без проблем удерживала контроль, направляя камеры на стену напротив, пока мы не прошли на лестницу и не закрыли за собой дверь.

— Тут тоже одна, — предупредил отец. — Под нами.

Тяжело дыша от бега, а не магии, я повторила чары, повернула камеру в слепой угол, чтобы мы пробежали мимо нее. Когда мы спустились, я отпустила магию, и камера вернулась в свое обычное положение. Если кто-то следил за видео, он заметил бы лишь миг изменений, будто она ненадолго зависла. Я надеялась на это, но мы не услышали тревогу, так что я справилась.

Нам пришлось повторять это на каждом этаже. Несмотря на это, мы двигались быстро. Все камеры были одинаковыми, и я быстро справлялась с ними, и чем дальше мы были от заклинания арены, тем проще было колдовать. Магия арены все еще была ужасной, но я знала теперь, что ожидать, и я терпела крики. Меня больше беспокоили голоса, которые я слышала за металлическими дверями каждый раз, когда мы проходили площадки. Никто не вышел на лестницу, и мы шли дальше, двигались быстро и тихо все ниже и ниже, пока не добрались до дна.

— Погоди, — выдавила я, когда мы миновали последнюю камеру. — Дай... перевести... дыхание.

Отец нахмурился.

— Было только десять пролетов.

— Я не успела... потренировать тело... на этой неделе... — тяжело дышала я. — Пощади...

Он сделал это, но напомнил, что он неделю назад был почти мертв, и он хорошо справлялся с лестницей. У меня не было дыхания, чтобы отметить, что он был сверхсуществом, а я — человеком, так что я вместо этого огляделась.

Как и говорила СЗД, мы стояли в шахте. В отличие от этажа, через который мы вошли, тут не было бетонных коридоров или кладовых. Просто темные грубо вырезанные туннели в камне, достаточно большие, чтобы проехал трактор. Ламп было мало, и они были такими старыми, что гудели. На каменном полу было больше пыли, чем наверху, и хоть я видела следы ног, тянущиеся в пещеру впереди нас, вряд ли тут кто-то был в ближайшее время.

— Это точно правильное место?

— Да, — сказал отец. — Я видел ее своими глазами этим утром, и нет места лучше, чтобы запереть дракона, — он одобрительно кивнул на грубо вырезанный камень. — Нечего сжигать, нет места, чтобы использовать крылья, слишком много камня, чтобы пробиться.

Идеально.

— Уверена, Геймскипер запирает тут разных существ, — с горечью сказала я, снова вспомнив, что этот монстр хотел наших малышей-василисков купить для сражений. От этой мысли я разозлилась сильнее и оттолкнулась от каменной стены. — Ладно, я уже не умираю. Где Белая Змея?

Отец указал на туннель, и мы пошли туда, держась теней, хотя тут не было видно камер. Я знала, что хотя бы одна была, ведь так Геймскипер показал мне Белую Змею, но сами туннели были без наблюдения и стражи. И без отметок. Мы прошли так много развилки и поворотов, что я вскоре заблудилась.

К счастью, папа явно знал, куда шел. Он безошибочно вел нас по туннелям, выбирал повороты, пока мы не оказались у огромной стальной двери глубоко в камне — старой двери корпорации Алгонквин, судя по логотипу в верхнем углу — и я улыбнулась.

— Я справлюсь.

— Да? — отец удивился. — Я думал, придется ее ломать.

— Может, и придется, но сначала я попробую это, — я вытащила из сумки плоскогубцы. — Эти старые двери повсюду в городе. Даже за две недели работы Уборщиком можно столкнуться хотя бы с одной. К счастью, все они сделаны одинаково, так что я научилась взламывать их, — отец приподнял брови от последних слов, и я улыбнулась шире. — Моя работа требовала взлом и проникновение.

— Я понимаю, почему это не нравилось твоей маме, — сухо сказал он, но не мешался, пока я меняла обычные перчатки безопасности с металлической сеткой на резиновые, защищающие от электричества. Я стала рыться плоскогубцами в кодовом замке.

Я знала, как только открыла панель, что это была стандартная модель. Но я не считала это промахом Геймскипера. Эта дверь была лучшей защитой за ее цену, потому все и использовали их. Но, когда все используют что-то, знания, как это взломать, тоже разлетаются широко, особенно среди Уборщиков. Я столько раз делала это, что запомнила процесс, так что не прошло и минуты, как я открыла дверь.

— Вот, — сказала я, когда последний засов открылся. — Я знаю, что внутри хотя бы одна камера, но в этот раз тебе с ней разбираться. Я не хочу удерживать ее магией все время, пока мы там, ведь мне придется разбираться и с чарами.

— Точно, — отец оторвал взгляд от металлической двери, которую я взломала как профессионал. — Минутку.

Он вытащил шарик из кармана и схватил ручку двери, склонил тело внутрь. Он, наверное, уже заметил камеру, когда приходил раньше, потому что даже не поворачивал голову за угол, а уже взмахнул рукой, и стальной шарик полетел с меткостью снайпера. Раздался треск, посыпалось стекло, металлическая оболочка камеры разбилась. Отец открыл дверь до конца.

— После тебя.

Я изобразила реверанс и поспешила внутрь, вдохнула, готовя себя к тому, что там ждало. Но, хоть я уже видела это сама, камеры ужасно передавали масштаб, и воспоминание о картинке на мониторе Геймскипера не готовило меня к монстру, ждущему внутри.

Я застыла, стиснула зубы, чтобы остановить вопль. Комната, куда мы вошли, была не комнатой, а огромной пещерой. И в центре, окруженная металлической клеткой с чарами размером с трехэтажное здание, была Белая Змея.

Как я и видела на мониторе, она была в облике дракона, но, хоть она и сжималась в

комок, чтобы уместиться в тюрьму, она потрясала размером. Можно было подумать, что я привыкла к драконам, пока росла с папой, но, хоть я не замечала уже хищность Ёна, когда он был в облике человека, было невозможно не бояться настоящего дракона в чешуе. Она была вдвое меньше моего отца, но Белая Змея все еще была в сотни раз больше меня. Клетка или нет, под землей или в небе, но драконы ужасали, и быть в одной комнате с драконом, который пытался убить меня два месяца назад, было почти невыносимо.

— Почему же она не проснулась? — отец вежливо игнорировал то, что у меня почти началась паническая атака. — Так было и до этого, когда я приходил. Она дышит, но ее глаза закрыты.

Я была слишком занята, глядя на ее зубы и когти, чтобы заметить глаза, но верила ему на слово.

— Наверное, это из-за чар, — я указала на сияющую сеть заклинания на ее клетке. — Если бы я сошла с ума и заточила дракона, я не дала бы ей проснуться.

Отец кивнул, злобно глядя на чары.

— Ты можешь их сломать?

Я собиралась попробовать. Я хотела потренироваться на этом. Было много безопасных способов разрушить чары, но ни один не дал бы мне потренироваться взрывать круги Коффмана. Доктор Ковальски думала, что я была готова, но если я не смогу перегрузить эти чары, не навредив себе, то взорвать арену никак не выйдет. Пора было увидеть результат тренировок, и перед тем, как я потеряла эту уверенность, я прошла в комнату к краю сияющего заклинания вокруг неподвижного, якобы спящего дракона.

Это было в списке самого страшного, что я делала в своей жизни. Я знала, что я была в безопасности, насколько это было возможно на территории врага. Мы уже убрали камеру, и если Геймскипер или Белая Змея могли напасть, они уже это сделали бы. Это была наименее опасная часть нашего плана, но что-то в шагах к существу, от которого все инстинкты выживания просили бежать, превращало мои мышцы в воду. Когда я дошла до клетки, я дрожала так сильно, что зубы стучали.

«Не бойся, — приказала СЗД, ее голос звенел в моем паникующем разуме. — Ты — моя жрица, и я сбила ее с неба как муху. Мы одолели ее раз. Одолеем еще раз, если будет нужно».

Я хотела напомнить ей, что мы были не в СЗД, и зданием биться не выйдет, но не было смысла. Освобождение Белой Змеи было самой важной частью плана. Если она решит съесть нас, убегая, мы вряд ли сможем ее остановить. Мы надеялись, что она не станет кусать кормящую руку, потому что отступать было поздно. Ее бой с Ником был меньше, чем через час. У нас оставалось около десяти минут, и стражи поведут ее наверх, к арене. Сейчас или никогда, и я глубоко вдохнула и опустила на колени, сняла резиновые перчатки и прижала ладони к сияющим чарами прутьям, которые сдерживали ее.

Стоило коснуться чар, я поняла, что они были Коффмана. Как и другие его работы, которые я трогала, заклинание, подавляющее Белую Змею, было идеально настроенным и аккуратным. Но в этот раз я не расстраивалась из-за того, что он был намного лучше, а сосредоточилась на своих талантах. Я не могла быть хорошим тауматургом с идеальными заклинаниями, но я стала неплохой шаманкой, и я могла разбить это.

— Ладно, — шепнула я СЗД. — Давай взорвем это.

Магия закипела во мне в ответ. Даже после дней тренировки резкий прилив сил заставлял меня врасплох. Я сосредоточилась на частях, к которым привыкла: бросила всю

магию в идеальный круг Коффмана так быстро и сильно, как только могла. Как и круг, который я уничтожила в Узлах, я знала, что понадобится много магии. Круги Коффмана всегда были с множеством предохранителей. Не удивительно, что для пленения дракона он создал круг крепче обычного, но у меня было то, что он не учел: прямая магическая связь с богиней. Я даже не пыталась обойти его заклинание. Я пробила его как бульдозер, толкала магию в круг так быстро, как СЗД могла ее давать мне, и с ослепительным хлопком чары взорвались.

Я давно не испытывала отдачу, и внезапная стена силы застала меня врасплох. На жуткий миг сила перегруженного заклинания бежала по мне как молния, обжигая и ломая все, чего касалась. А потом включились мои тренировки.

Я перестала бороться с молнией и схватила ее. Не нужно было терпеть это. Мне нужно было передать ревущую во мне магию, как электричество по проводу, богине.

Взрыв пропал так же быстро, как начался. Меня даже не сбило на пол. Когда я открыла глаза, я сидела там же, где и была, папа рядом нервно следил за мной.

— Сработало? — шепнул он.

— Еще как, — выдохнула я, посмотрела на прутья, которые уже не сияли, а почернели и обсыпались, как старые бревна после пожара. — Сработало отлично.

Слова еще не вылетели до конца, и я рухнула на землю. Я это сделала! Я тренировалась для этого, но после многих лет ударов отдачей по лицу суметь передать эту ужасную неуправляемую магию тому, кто мог с ней справиться, было чудом. Я все еще не была уверена, что справлюсь с кругом размером с арену, но мы доказали, что идея работала, и я была так счастлива! Я каталась бы по земле от радости, если бы опасный дракон не был в двух футах передо мной. Дракон, который, как я вдруг ощутила, уже не был подавлен магией.

Я застыла, счастье смыло ледяной волной страха. Над моей головой большое тело Белой Змеи стало двигаться в стальной клетке, выгоревшие прутья которой выглядели хрупкими. Когда я попыталась отползти, отец поймал меня за руку.

— Нет, — резко приказал он, глядя на свою сестру. — Не показывая страха, слабости. Не давай ей ни дюйма.

Я кивнула, заставила себя встать, хотя отчаянно хотелось бежать. Когда я вернулась на ноги рядом с ним, отец сжал мою ладонь.

— Не бойся, — шепнул он. — Я знаю, как с ней справиться.

Я не была в этом уверена, но это решала не я. Моя роль была завершена. Я могла лишь встать прямо и верить в отца. Драконша открыла большие глаза, черные вытянутые зрачки расширились от смутения, а потом она посмотрела на папу, вдохнула и выдохнула дым с шипением и ненавистью.

— Ты.

Глава 13

Я отпрянула. Глупо, знаю, ведь папа предупредил не делать этого. Но инстинкт держать мое мягкое и легко разжевывающееся тело подальше от огромных зубов был сильным. Я все еще брала себя в руки, когда отец заслонил меня собой.

— Белая Змея, — сказал он на корейском.

Дракон над нами гневно выпустила дым из ноздрей, и я приготовилась к худшему. Папа выглядел лучше, чем неделю назад, но Белую Змею обмануть не вышло бы. Она знала,

насколько слабым он был, потому что она сделала его таким. Я уже тянулась к магии СЗД, чтобы остановить то, что она собралась сделать. Съесть моего папу. Съесть меня. Растоптать нас, хохоча, при побеге.

Все казалось возможным. Но Белая Змея ничего этого не сделала. Она опустила голову ее челюсть с острыми зубами легла на сложенные передние лапы со вздохом отвращения.

— Чего ты хочешь?

Я нахмурилась. Не такой реакции я ожидала. К счастью, папа все еще был у руля.

— Мы пришли освободить тебя, — Ён указал на открытую дверь за нами. — Иди. Я обещаю не преследовать тебя.

Белая Змея фыркнула, посылая облако бело-серого дыма к потолку.

— Я тебя не боюсь, — буркнула она. Но все еще не двигалась, и хмурое лицо отца стало растерянным.

— Почему ты не уходишь? — спросил он, когда стало ясно, что она не сдвинется.

— А зачем? — она отвернула большую голову. — Нет смысла.

— Есть, — с яростью сказал отец. — Мы были врагами с тех пор, как ты вылупилась, но мы все еще одной крови. Я не буду терпеть и позволять моей сестре быть развлечением для смертных!

Белая Змея презрительно посмотрела на него.

— Не указывай мне, что делать. Как ты сам напомнил, мы — не клан, — она сжалась плотнее, сунула голову под длинный хвост. — Уходи.

Отец потрясенно смотрел на нее. Я тоже. Наш план мог провалиться по-разному, но я даже не могла представить, что Белая Змея могла не захотеть уйти. И это было плохо, потому что, судя по таймеру, который Сибил оставила в уголке моего поля зрения, стражи вот-вот придут забрать ее на арену.

— Ты не хочешь уйти отсюда? — я решила попробовать другой подход. — Геймскипер хочет унижить тебя этой ночью, но если убежишь, тебя ничто не остановит. Ты сможешь вернуться к своим людям! Они точно переживают.

— Никто за меня не переживает.

Я открыла рот, чтобы сказать, что это было не правдой, когда она вдруг вскинула голову.

— Не понимаешь? — зарычала Белая Змея, прижалась носом к почерневшим прутьям. — Ты победил. Каким-то чудом переманил СЗД на свою сторону, и меня одолели на глазах у всего мира! Ты честно думаешь, что мои смертные останутся рядом после такого?

Мой отец мог так думать, но он всегда был особенным. Отношения Белой Змеи с ее людьми казались типичными. Дракон, напавший на нас у дома Питера, купил информацию у одного из людей Белой Змеи в обмен на билет на самолет, так что я подозревала, что она была права. Но, хоть я понимала ее проблему, отец выглядел уязвленно.

— И ты просто сдашься? — он оскалился. — Не помню, чтобы ты была такой слабой.

— Не говори так со мной, — она обнажила огромные зубы. — Ты сделал все, что мог, чтобы отгонять меня тысячу лет. Ты не знаешь, через что я прошла! Ты всегда был сильным, стал сильнее, когда съел огонь отца, но у меня ничего не было! Мне пришлось пресмыкаться и показывать живот драконам сильнее, чтобы выжить. То, что я не оказалась головой на стене клана врага, показывает, что я жизнеспособнее, чем ты можешь быть, sentimentalный идиот, который чуть не умер, отдав силы из-за смертной!

Мы с отцом вздрогнули.

— Но это кончилось, — голос Белой Змеи был раздавленным. — Я поставила все на этот план. Ослабив тебя твоей смертной, я собиралась съесть остатки твоего огня и показать твою отрубленную голову Миротворцу как доказательство! Он выгнал бы меня из СЗД, но весь мир знал бы, что я смогла одолеть Ёна из Кореи. Настоящего, а не печальную тень, какой ты стал. Таким был план, но мы уже не можем притворяться, да? Весь мир видел, как я упала, и они видели, как твой кровоточащий труп спасла СЗД. Мы оба были слабы на глазах у всех, значит, мы оба — добыча. Даже если я съем тебя тут, в тебе не хватит огня, чтобы сделать меня опасной для других.

Она кивнула на открытую дверь.

— Ты зовешь это побегом, но если я выйду туда, мне конец. Каждая жадная змея на планете будет охотиться на меня, чтобы съесть мой огонь в тот миг, как я появлюсь. Ты отлично это знаешь, потому что тоже прячешься. Тут не так много доходит новостей, но ты не выжил бы, чтобы прийти сюда, если бы не прятался. Но в безумии, которое ты хочешь устроить этой ночью, я участвовать не буду. Мы с Геймскипером договорились. Он позволит мне жить тут внизу, в безопасности, а мне нужно лишь биться на его арене.

Отец был возмущен сильнее обычного.

— Ты позволишь ему унижать тебя, чтобы прятаться в пещере?

— Да, — Белая Змея опустила голову на когти. — Потому что, в отличие от Великого Ёна, гордость я не могла себе позволить. Думаешь, дракону в изгнании просто жить? Я жива до сих пор, потому что готова делать все ради выживания. Это такое же. Мне нужно побыть тут век, пока все утихнет, а потом я подумаю о новой жизни. Будет неприятно, но я делала куда хуже, и я сделаю снова. Я сделаю все, что нужно, чтобы выжить. Это моя сила, брат. Это не много, но у меня есть только это.

— Это ложь! — взревел Ён, разбивая хрупкие прутья и шагая вперед, пока он не оказался почти на носу у сестры. — Это твоя победа? Жить в этой дыре, как червь? — он оскалился. — Я уважал тебя больше, когда ты пыталась меня убить и забрать мои земли! Тогда ты хотя бы жила так, как должен дракон.

— Думаешь, в этом все дело? — с отчаянием сказала она. — Я не хотела быть Драконом Кореи. Я просто хотела домой!

Отец смотрел на нее с отвращением, но я вмешалась.

— Пстой, — я приблизилась к Белой Змее, насколько осмелилась. — Если это так, почему ты всегда пыталась убить его?

— Потому что он сказал, что я вернусь в Корею только «через его труп», — ответила Белая Змея, с презрением глядя на моего отца. — Я знала только такой дом, только там я в безопасности. Я хотела жить в покое на своей горе, но как только он пришел к власти, он выгнал меня! Заставил меня блуждать одну, без клана, легкую мишень для любого дракона, который хочет кого-то поймать в свои когти.

Я повернулась к папе.

— Это правда?

— Она попыталась ударить меня в спину, как только отец умер! — закричал он. — Кто примет такую гадюку в свой дом!

— Я напала, потому что знала, что ты собирался делать! — завопила Белая Змея. — Ты сказал мне в лицо, что выгонишь меня, как только получишь силы сделать это! Конечно, я билась. Что еще мне было делать? Ты никогда меня не слушал!

— Потому что ты всегда врала.

— Не насчет этого, — ее глаза умоляли. — Я тысячу лет умоляла тебя впустить меня домой. Давала тебе взятки, предлагала сделки, приносила сокровища, обещала вечную службу. Ты не слушал это, но ты не мог не знать, чего я хотела. Не после стольких раз. Ты знал, чего я хотела больше всего, но ясно дал понять, что, пока ты — дракон Кореи, она всегда будет закрыта для меня, — ее когти впились в камень. — Ты говоришь, мы были врагами с рождения, но мы оба знаем, что это не так. Ты сделал меня своим врагом. Я сделала бы все, что ты хотел, если бы ты впустил меня домой, но я никогда не была достаточно хорошей для тебя. Тебе нравилось смотреть, как я страдаю, пока ты сидел на троне, окруженный обожающими тебя людьми, потому что так ты ощущал себя сильным. Конечно, я напала в момент твоей слабости! Ты не дал мне других шансов!

Она кричала под конец, ее голос гремел, отражаясь от каменных стен. Это должно было пугать, но я уже не боялась. Мне было жаль Белую Змею, потому что ее описание моего отца было очень схожим на то, каким я его видела неделю назад. Наши отношения наладились, но я все еще склонялась к стороне Белой Змеи во всем этом. Папа ясно дал понять свое отношение к драконам — и Белой Змее, в частности — и хоть я не помнила, была ли хоть на одном из ее визитов, я знала, что она приходила несколько раз в его крепость в Корее с подарками. При виде отвращения на лице папы, я легко верила, что он был жестоким с ним. Я не считала ее святой, но их ссора мешала нам. Наш план зависел на том, что мы уберем Белую Змею из уравнения. Пока что все выглядело так, словно она сразится с Ником, только чтобы позлить моего папу.

— Хватит, — Ён скрестил руки на груди. — Что нужно, чтобы ты ушла?

— Больше, чем у тебя есть, — она опустила голову на камень, прижалась упрямо огромным телом к земле. — Ты уже не Дракон Кореи. Мы оба бездомные, так что забери своего смертного щенка и оставь меня.

Каждое ее слово било по моей надежде. Я не должна была удивляться такому повороту событий. Белая Змея и Ён не ладили ни в чем, включая понятие свободы. Белая Змея уже прятала голову под хвост, впиваясь когтями в камень, словно собиралась остаться тут на столет. Дрожа от поражения, я повернулась к отцу, чтобы спросить, был ли у нас план Б, когда Ён сказал то, что я от него не ожидала.

— А если я пообещаю тебе возвращение в Корею?

Белая Змея подняла голову, глаза округлились от шока, а потом прищурились с отвращением.

— Я тебе не поверю, — проворчала она. — Ты известен силой своего слова, но давать мне что-нибудь — против твоей природы. Я знаю, что бьюсь с человеком, которого любит твоя дочь, этой ночью. Ты играешь со мной, чтобы дать своей ценной Опал то, что она хочет, как всегда, — она фыркнула. — Ты ее балуешь.

Я обиделась на это, но Ён будто и не слышал.

— А если я поклянусь на своем огне?

Она снова фыркнула.

— Каком огне? Ты даже опалить меня не можешь той свечой, что горит в тебе. Как ты вернешь этим Корею? Строго отчитав другие кланы?

— Мне не нужно возвращать Корею, — уверенно сказал Ён. — Потому что я ее и не терял. Я не принимаю поражение так легко, как ты, и мои смертные не бросят меня. Они будут защищать мои земли, пока я не вернусь, а я вернусь. То, что мне пришлось на время скрыться, пока я набирался сил, не означает, что я проиграл. Я уже намного сильнее, чем

неделю назад, и я буду еще сильнее, ведь я — Великий Ён из Кореи! И я клянусь своей жизнью и своим огнем, что, если ты поможешь нам, я приму тебя домой и в свой клан.

Его слова звенели в воздухе, как колокола, наполняя старую соленую шахту запахом огня и остротой магии дракона. Даже среди самых хитрых змей клятвы на огне дракона были нерушимыми, и мой папа бросил это как перчатку. И хорошо, потому что только смелый ход мог привлечь внимание Белой Змеи. Ее глаза уже закрывались, пока он говорил, но теперь открылись, ее огромная голова двигалась к нам, пока ее нос не оказался у груди Ёна, она смотрела в человеческие глаза моего отца.

— Ты серьезно? — прошептала она, голос дрожал от чего-то, близкого к надежде. — Тыпустишь меня домой?

— Я же поклялся? — высокомерно ответил Ён, а потом его лицо смягчилось. — Я не знал, что ты так сильно хотела домой. Я думал, что ты хотела мой трон, как все, но я не могу винить кого-то в тоске по такой красоте, как наша Корея. Если бы я был не таким гордым и более внимательным к тому, что передо мной, всего этого можно было бы избежать.

Он взглянул на меня, говоря это, а потом протянул руку к Белой Змее.

— У нас слишком много врагов, чтобы тратить время на борьбу друг с другом. Я не могу стереть прошлое, но мы еще можем создать такое будущее, какое хотим. Может, мы — лишь два слабых дракона, но вместе мы сможем снова быть сильными. Я готов попробовать, если ты не против, сестра.

— Тогда поклянись, — приказала она, ее бирюзовые глаза ярко сияли впервые за наш разговор тут. — Если ты серьезно, поклянись еще раз на своем огне, что я могу вернуться домой. Поклянись, что примешь меня как друга Кореи, а я поклянусь, что помогу защищать наши земли от тех, кто пытается их забрать.

Отец кивнул, и Белая Змея опустила нос к его протянутой ладони. Как только они соприкоснулись, драконья магия взревела в пещере как огненная буря. Я даже не участвовала, но ощущала, как клятва впивается зубами в мое тело. Может, потому что я была частью их клана из-за моей связи с отцом, может, обещание между драконами было таким сильным. Но я не могла отрицать произошедшее. Их клятва впилась в нас глубоко, как проклятие на шее Ника. В отличие от Дамоклова меча, это не была сделка с дьяволом. Это было обещание в семье, и я была ее частью, потому что, как только отец принял Белую Змею, я ощутила ее огонь как пожар. Ощутила ее счастье как свое. Она была рада, что почти была дома.

Почти, но не совсем.

— Это было больше, чем я ожидала, — сказала Белая Змея, когда это закончилось. Она с вопросом посмотрела на меня. — Но почему смертная тоже ощущается как клан? Что ты сделал, Ён?

— Объясню позже, — пообещал отец, лицо вдруг стало утомленным. — Пока что тебе нужно уйти. Они вот-вот придут забрать тебя для боя, а нам нельзя быть тут в это время.

Белая Змея серьезно хотела только домой — или она не хотела жить в дыре сто лет — потому что она тут же послушно вскочила на лапы, пещера задрожала.

— Вас подвезти?

Это было бы отлично, если бы оставалось только убраться отсюда. Хоть я была готова покинуть это место, мы не закончили. Побег Белой Змеи был важной частью нашей стратегии, потому что если я собиралась убрать проклятие с шеи Ника, мне нужно было отвлечь Геймскипера, и сбегаящий дракон был хорошим отвлечением. Если Геймскипер

будет занят, преследуя Белую Змею, и не заметит, что время боя пришло, Ник просто выйдет на пустую арену, назовет себя победителем, и проклятие пропадет. Мне останется только взорвать круг Коффмана, чтобы Геймскипер не смог снова стать сильным. Или чтобы он не сокрушил нас, пока мы будем сбегать.

Ему хватит сил сделать это. Даже внизу я ощущала, как росла магия арены, пока собиралась толпа. Огромный поток работал нам на пользу, ведь это наполняло заклинание Коффмана до предела, так его было проще сломать, но это и напоминало, что мы играли с богом. Он был меньше моей богини, но все еще больше меня.

Хоть все это пугало, мы все еще были впереди. Несмотря ни на что, план работал. Оставалось только удержаться на этой волне, забрать Ника из-под носа Геймскипера. Но, когда я открыла рот, чтобы сказать Белой Змее, что нас не нужно было подвезти, но она могла бы наделать шуму по пути, поломав побольше всего, растущая магия вокруг нас вдруг дернулась в сторону.

Дернулась и раскрылась, магия обрушилась на меня, словно я вернулась на арену с кричащей толпой. Перемена была как взрыв, выбила из меня дыхание, потому я не смогла крикнуть, предупредить отца, когда Геймскипер появился из густой магии в воздухе за ним.

* * *

Я не успела закричать. Я едва смогла издать стон, когда Геймскипер поднял руку и прижал огромный пистолет к голове моего отца. Я все еще поражалась ее размеру — серьезно, дуло было как дренажная труба — когда дверь распахнулась, и десятки вооруженных людей прошли в пещеру.

Странно, но первой пришла в себя Белая Змея. Может, рефлексy отца замедлились из-за слабого огня, или годы в изгнании отточили инстинкты выживания его сестры до лезвия бритвы, но первые люди едва миновали порог, как она встала на дыбы и ударила по ним огнем.

Огонь дракона пролетел так близко к моей голове, что волосы трещали от жара. Она сбила первую группу, но солдаты за ними подняли оружие, выстрелили из огромных пистолетов, таких же, как и тот, что Геймскипер направлял на моего папу. Я успела увидеть только это до их выстрела.

От грохота я оглохла на пару секунд, острые снаряды, покрытые сияющими заклинаниями, пробили огонь Белой Змеи и попали в ее открытую пасть. Взрыв после этого был таким ярким, что я потеряла и зрение, сжимала каменную стену в мире, который состоял только из ослепительного света и ужасного звона.

Когда я опомнилась, Белая Змея истекала кровью на земле. Она не была мертва, но то, чем они в нее выстрелили, разбило ее. Раны уже заживали на моих глазах — классика для драконов — но она не хотела съесть еще залп снарядов. Даже когда ее кровавая голова стала целой, она осталась у земли, смотрела на Геймскипера и его людей с терпеливой и расчетливой ненавистью.

Она справлялась лучше меня. Когда я смогла видеть и слышать, мое тело охватила паника. Я еще не видела такое оружие, но судя по логотипам старой охраны Алгонквин и тому, что они сделали с Белой Змеей, это были пистолеты против драконов, которые моя богиня глупо продала врагу. К счастью, эти пистолеты были меньше пушек, которые мы видели по пути сюда, но это все еще было катастрофой. Обычно оружие, которое легко могли носить люди, могло только разозлить дракона, но мы были не в лучшем состоянии, и, судя по ухмылке Геймскипера, он это знал.

— Так-так, — бодро сказал он. — Смотрите, что мы поймали.

— Как ты узнал? — спросила я, отчасти желая, чтобы Геймскипер говорил, а не стрелял, но и я хотела знать ответ. Я думала, мы отлично постарались, проникнув сюда, а теперь, очнувшись от паники, факт, что его армия ждала момента, чтобы напасть, когда мы закончим, ощущался несправедливым.

— Я и не знал, — Геймскипер все еще прижимал огромное дуло к черепу моего отца. — Не знал всего. Я подозревал, что вы что-то задумали, когда Злой Пес вдруг заинтересовался рекламой боя, и я собрал команду против драконов. Я послал эту засаду к комнате Коса, ведь тебе не нравился мой милый боец, но когда я увидел, как ее камера отключилась, я понял, что недооценил вас. Не важно, мы прибыли вовремя, но я все же разочарован, — он взглянул на Белую Змею. — Я ожидал от тебя лучшего. У нас была хорошая сделка. Что случилось?

— Он предложил мне сделку лучше, — ответила Белая Змея, не сводя взгляда с ряда оружия, еще направленного на ее голову. — Но это очень глупо, Геймскипер. Твоя неожиданная атака пустила мою кровь, но эти старые пистолеты не могут убить меня и моего брата, а ты все еще маленький бог. Ты не можешь нас остановить.

Это было смело, учитывая, что ни Белая Змея, ни мой отец еще не двигались. К моему удивлению, Геймскипер кивнул.

— Я не могу убить вас обоих, — согласился он. — Но зачем мне? Я обещал миру бой с драконом, это я и устрою. Просто нужно немного изменить расписание.

Он сильнее надавил на спусковой крючок пистолета у головы моего отца, и мой желудок сжался до размеров горошины. Белой Змее было легко говорить наглые вещи, она все еще была с полной силой. Мой папа был не таким. Мы хорошо продвинулись, но я не верила, что он выживет, если снаряд против дракона попадет в его голову, а это вполне могло произойти. Я не натворила глупостей только из-за того, что папа не выглядел встревожено.

— Пистолет? Серьезно? — прорычал он, повернувшись лицом к огромному дулу, которое Геймскипер направлял на него, с разочарованием на лице. — Какому богу нужно смертное оружие, чтобы навязывать свою волю?

— Это сработало для Алгонквин, — Геймскипер пожал плечами. — Дух Великих Озер истребляла драконов этим «смертным оружием» десятки лет, пока остальные из нас не пробудились. Как я могу спорить с таким успехом? Если ты не забыл, я — бог арены. Оружие — часть меня, как песок и кровь. Радуйся, что я не использую копьё с шипами, как древние убийцы драконов. Пистолет намного быстрее.

Великий Ён не был впечатлен, но я не могла слушать спор высших существ. Папа отлично скрывал эмоции на лице, но я знала все его карты. Он блефовал, и если я не пойму, как выбраться из ситуации, очень быстро, у нас будут серьезные проблемы.

«Не переживай, — сказала СЗД в моей голове, ее голос пробился сквозь стену паники, об которую она точно билась долго. — Это ничего не меняет. Придерживайся плана!».

«Какой части?» — безумно подумала я в ответ, потому что план, который я знала, слетел с рельсов.

«Не слетел. Мы все еще в арене, и система, питающая Геймскипера магией, все еще на месте. Тебе нужно взорвать его заклинание, как мы тренировались, и все будет хорошо».

Я не видела, как все могло наладиться. Да, технически мы были на земле Геймскипера, но заклинание, которое ловило магию толпы, было в тысячах футов надо мной. Как мне перегрузить заклинание, которое я даже не видела?

«Расстояние не имеет значения, — твердо сказала СЗД. — Каждая часть этого места — часть него, как и все уголки города — часть меня. Нет ничего далекого или близкого, это все одна магия. Пока мы говорим, идет первый бой, арена наполнена. Толпа уже почти достигла пика. Тебе нужно только добавить мою силу, и все это место взорвется!».

Это было похоже на нашу стратегию, но, даже если я дотянусь до заклинания отсюда, было еще рано. Ник еще даже не вышел. Если мы взорвем заклинание сейчас, он все равно будет проклят.

«Мы разберемся с этим позже! — сила полилась в меня, она толкнула магию по нашей связи. — Но если ты ничего не сделаешь сейчас, твой папа погибнет!».

Я с неохотой взяла ее магию, но мне это не нравилось. Не таким был план. Даже если я смогу взорвать его способность ловить и удерживать магию толпы, Геймскипер не испарится. Вокруг было много магии, он смог даже переместиться с ней, и он все еще прижимал оружие к голове моего папы. Почему СЗД не уничтожила эти пистолеты?

«Потому что я — город коммерции! Я не могу не продать то, что стоит так много денег! И не моя работа оберегать драконов. Для этого есть Миротворец».

Да, и это теперь кусало нас за хвост. Из-за ее безрассудного капитализма мой папа был загнан в угол. Белая Змея тоже опасалась пистолетов, так что мы были в двойной беде. Если она не могла убежать, бой Ника состоится. Если мы не остановили это, зачем мы делали все это?

«Ради всего остального! — закричала тревожно СЗД. — Вспомни, какие ужасы Геймскипер сделал с моим городом! Я знаю, этой ночью все пошло не так, как мы хотели, но если мы разобьем его способность ловить и удерживать магию толпы, это будет победой! Может, у нас будет только эта победа, судя по ситуации. Я уже работаю над способом вытащить вас, но сейчас мне нужно, чтобы ты сделала то, для чего мы тебя тренировали, и ударила по нему, пока ты еще можешь!».

Мне это не казалось победой. Но я все еще должна была попробовать. Даже если я провалилась во всем, что-то было лучше, чем ничего, и я сжала магию, которую СЗД толкала мне, потянула силу по нашей связи, пока не ощутила запах и шум города вокруг себя. Пока я не...

— Стой.

Я открыла глаза. Геймскипер все еще направлял пистолет на папу, но кровавые глаза смотрели на меня.

— Я ощущаю, что ты делаешь, — предупредил он, с угрозой подвинул палец на спусковом крючке. — Я не буду взорван в ночь моего величайшего достижения. Отпусти магию, или твой отец лишится головы.

— Не слушай его, — Ён тоже посмотрел на меня. — Я могу о себе позаботиться.

Бог арены рассмеялся.

— Ты ни о чем не можешь позаботиться. Ты наряжен, да, но видно, какой ты, когда ты стоишь рядом с настоящим драконом. Ты слабый, тень того, каким должен быть. Ты не выдержал бы сейчас выстрел из обычного пистолета в голову.

— Возможно, — отец поднял голову. — Но я лучше умру, чем буду якорем, который тянет дочь на дно, — он посмотрел на меня глазами цвета моря. — Сделай это, Опал! Покажи этому жалкому ложному богу, что значит быть драконом!

— Но она не дракон, — сладко сказал Геймскипер. — И не только твоя жизнь на кону, — не сводя с меня взгляда, он склонил голову к двери. — Коффман!

Я не видела мага, чьи заклинания портила, с нашего боя в Узлах, но он выглядел так же скользко, как я помнила. Даже высокомерная ухмылка была той же, когда он прошел в комнату и занял место справа от своего бога. Он поднял руку и показал мне черный круг на его запястье. Копию проклятия с шеи Ника.

— Дамоклов Меч — честное заклинание, — сказал Геймскипер, взял Коффмана за руку и придвинул ее ближе ко мне, чтобы я видела метки. — Его не снять с обеих сторон. Но, пока мы придерживаемся своей стороны сделки, ты пытаешься испортить бой Злого Пса, а так нельзя, — бог бросил руку своего прихвостня с усмешкой. — Ты нарушила сделку, милая. Значит, его голова — моя, с боем или без боя. Одна твоя ошибка, и я убью его после того, как убью твоего папулю.

«Не слушай его, — приказала СЗД. — Он просто пытается запугать тебя».

И у него отлично получалось.

«Он не убьет своего чемпиона в ночь боя. Он блефует, потому что боится того, что ты можешь, значит, нужно делать это сейчас!».

Она была права. Я знала это, но я стала жрицей, чтобы спасти папу, и я была тут этой ночью, в основном из-за Ника. Если я сделаю, как она просила, я потеряю их обоих.

«Но обретишь намного больше! Вспомни, что такое Геймскипер! Он не бог. Он — паразит, который питается худшим в природе людей! Это твои слова. Помни, что заставило тебя делать это!».

Как я могла забыть? При виде Геймскипера желчь подступала к горлу. Я знала, каким плохим он был. Он толкал жестокость мне в лицо, но...

«Сделай это, Опал! — взревела моя богиня, наполняя меня силой. — Пока он не убил и тебя!».

Много пистолетов было направлено на меня. Пока я говорила с Геймскипером, его стражи окружили нас, подтверждая мое подозрение, что взрыв заклинания будет последним шансом на ответный удар перед нашей гибелью. Мой папа сделал бы это. Он умер бы с клыками в горле Геймскипера, не отдав гаду ничего. Но, несмотря на мое воспитание, я не была драконом. Я была собой, и как бы хорошо это ни было для города и всех остальных, я не могла бросить двоих, которых хотела спасти.

Как только я приняла это решение, что-то во мне порвалось. И вся магия СЗД, которая лилась в меня, потекла обратно. Я инстинктивно схватилась за нее, кричала ей, но город не отвечала. Ничто не отвечало. Впервые за недели я была одна в своей голове.

Пустота была как удар по животу. Я упала на землю, оглушенная потоком магии, льющимся из меня, как вода из разбитого кувшина, не ощущающая больше ничего. Когда это закончилось, я подняла взгляд. Геймскипер скалился, кровавые глаза сияли триумфом.

— Я знал, что ты не была настоящей жрицей.

Его слова были вторым ударом, ведь они были правдой. Настоящая жрица поставила бы богиню на первое место. Так делал Питер, но я была не как он. Я была счастлива использовать силу СЗД, но я не давала клятву, и когда нашу связь проверили, ей было не за что удержаться. Она порвалась, как упрямые звенья, какими мы и были, и теперь я была одна. Одна и смертная, на коленях у ног бога, который уже не ощущался маленьким.

Это было моей последней мыслью, а потом Геймскипер склонился и ударил меня по лицу.

Я отлетела от удара. Я врезалась бы в стену, если бы его магия не поймала меня. Это была так же ужасная кровожадная сила, которая схватила моего отца в его кабинете. Я была

защищена тогда, потому что принадлежала СЗД, но теперь я никому не принадлежала. Я была еще одним человеком, который захотел больше, чем имел. И вот-вот потеряет голову, потому что Геймскипер стал давить, его магия сжимала меня все сильнее...

— Стой!

Из-за паники в голосе я не узнала, что кричал отец, пока он не появился передо мной, закрывая меня от Геймскипера.

— Стой, — снова сказал он.

— Или что? — насмешливо спросил бог. — Ты только что сказал, что готов умереть.

Почему бы ей не пойти с тобой?

— Потому что она уже не угроза. Ее связь с СЗД пропала. Она теперь просто смертная так что отпусти ее.

Геймскипер засмеялся.

— Ты не слушал, если думаешь, что меня можно так уговорить. На арене нет милосердия, но ты явно готов поговорить, так как насчет сделки?

О, нет. Я порвала связь с СЗД не для того, чтобы папа оказался в руках маньяка. Я боролась с магией изо всех сил, пыталась передать отцу слова губами, ведь давление на горле не давало кричать, но он даже не посмотрел в мою сторону.

— Что за сделка?

— Лучшая, — алчно сказал Геймскипер. — Усиление, — он указал на каменный потолок. — Сверху сто тысяч человек, миллионы смотрят дома, затаив дыхание, чтобы посмотреть, как мой чемпион бьется с драконом. Одна проблема, — он махнул большим пальцем поверх плеча в сторону Белой Змеи, которая все еще сжималась на полу. — Дракон уже проиграл. Все в мире уже видели, как ее сбили, когда СЗД спасла твою жизнь. Мне это подходило, когда не было варианта лучше, но теперь есть, — он улыбнулся Ёну. — У меня есть ты.

Мой отец фыркнул.

— Я думал, что был слишком слаб.

— Так и есть, — сказал Геймскипер. — Но ты не обязан оставаться таким. Я слышал, как драконы получают силу. Вы съедаете ее из поверженных врагов, и тут отличный кандидат.

Он повернулся к Белой Змее, она вжалась в окровавленную землю.

— Бери свою силу, Ён из Кореи. Она всегда была твоим врагом, да? Съешь ее, заведи огонь себе, а потом сразись с моим псом на арене. Если победишь — а это точно будет победа — я отдам тебе твою Опал, невредимую, и вы уйдете, куда ходите. Уверен, у вас хватает проблем дома. Так ты сможешь получить силы, чтобы разобраться с ними, а я покажу своим последователям даже лучшее зрелище, чем обещал. Мы оба победим, и это будет стоить тебе жизни давнего врага и парня твоей дочери, которого ты точно не одобрял. Для тебя одни плюсы, но поспеши с решением. Я все равно отправлю дракона на арену. Так что скажешь? Мы договорились?

Я кричала беззвучно, магия обвила мою голову, как кулак. Бой папы с Ником на арене Геймскипера был таким ужасным вариантом, что он даже не приходил мне в голову. Кто-то из них победит, и я потеряю кого-то незаменимого. Наверное, Ника, но его состояние Злого Пса было ужасно опасным, а отец был слабым, так что я не могла сказать наверняка. Учитывая мою удачу этой ночью, они оба умрут, но я ничего не могла поделать. Я даже не могла привлечь внимание папы, пока он стоял передо мной, хмурясь, словно обдумывал это

безумие.

— Похоже, у меня нет выбора, — он тряхнул головой, словно это было мелкое неудобство, а не конец света. — Хорошо. Пощади мою дочь, и я снизойду до боя на твоей арене. Но я не приму огонь Белой Змеи.

Его сестра обмякла от облегчения, но Геймскипер был оскорблен.

— Ты не сможешь биться без этого. Мой народ пришел посмотреть на дракона. Ты не сможешь даже выйти из облика человека.

— Мне не нужно меняться, чтобы одолеть смертного, — заявил высокомерно отец. — Знаешь, сколько «чемпионов» я убил за свои две тысячи лет? Это будет пустяком, и я уже поклялся на своем огне, что заберу Белую Змею с собой в Корею. Если я съем ее, мой огонь поглотит меня за нарушение клятвы, — он скрестил руки на груди. — Ты получишь только такого дракона, как я. Бери или уходи, но я выполню свою роль. Теперь выполни свою. Отпусти мою дочь.

Мне не нравилось все это, но я немного поддерживала последнюю часть. Я задышалась уже больше минуты, перед глазами темнело. К счастью, хоть Геймскипер и не был рад этому, он решил, что предложение Ёна годилось, потому что через миг его магия бросила меня. Я рухнула на землю, тело содрогалось от кашля, пока я пыталась вдохнуть. Я все еще работала над этим, когда ладони впелись в мои плечи. Я подняла голову и увидела нахальный оскал Коффмана. Он завел руки мне за спину, закрепил их ужасной пластиковой стяжкой, которые так любил Ник.

— Я принимаю твои условия, — сказал Геймскипер моему отцу, Коффман поднял меня на ноги. — Но пока ты не победишь моего чемпиона, я буду держать твоё сокровище у себя. Просто хочу, чтобы ты точно там бился. Мои зрители заслужили это.

Ён низко зарычал. Белая Змея тоже. Ее точно тронул отказ Ёна забирать ее огонь, потому что ее поведение изменилось. К сожалению, пистолеты против драконов все еще были направлены на нее, и хоть она говорила, что они не могли ее убить, она не была готова принимать еще снаряды.

— Вы останетесь тут, — приказал Геймскипер, отдал свой пистолет солдату рядом с ним. — Убедитесь, что наш запасной дракон никуда не уйдет. А новый боец и я поприветствуем толпу.

Он протянул руку к моему отцу. Взглянув на меня, Ён сжал его ладонь. Они пропали через миг с потоком кровавой магии, улетели к арене, где я уже ощущала предвкушение толпы, бьющееся, как сердце.

— Вы слышали босса, — сказал Коффман солдатам. — Удерживайте дракона на месте. Если пошевелится, стреляйте, пока не перестанет, и не переживайте. Драконов почти невозможно убить. А я пока разберусь с этим.

Он тряхнул меня, как лист бумаги, и потащил меня к двери. Я отбивалась, как могла, но было сложно упираться пятками в камень, и в результате я осталась болтаться за ним, безумно тянулась к кровавой магии, но мне уже не хватало сил управлять ею.

Глава 14

Коффман отвел меня по шахте к лифту. Я боролась весь путь, но из принципа, ведь не могла победить. Я не могла его остановить, а если бы смогла, мне было некуда идти. Отец ушел, богиня ушла, Ник был неизвестно где, а Белую Змею сторожил отряд с оружием. Даже

Сибил не могла мне помочь. Как только мы оказались в лифте, Коффман сорвал мои очки и наушник, убрал их в мою сумку, ее тоже отобрал и повесил на свое плечо, пока мы поднимались к арене.

Магия сгущалась, пока мы поднимались. Я думала, она была сильной внизу, но это нельзя было сравнить с пульсирующей и кричащей силой, ждущей меня, когда лифт звякнул на первом этаже. Коффман тоже ощущал это, потому что его лицо было напряженным не только от того, что он тащил меня, пока мы шли по узкому коридору в заклинании к двери, похожей на ту, за которой был кабинет Геймскипера.

Я не удивилась бы, если бы мы туда и шли. Но, когда Коффман пнул дверь, комната за ней оказалась совсем другой. Кабинет Геймскипера выглядел как центр управления. А это место было как номер отеля для медового месяца.

Описать можно было только словом «безвкусная». Ковер был из красного бархата, а потолок был таким белым, что было видно каждую пылинку. Между этим были стены в золотом узоре, таком витиеватом, что комната казалась вдвое меньше, чем была.

Мебель была подобрана под эти краски, включая бело-золотой диван с дизайнерским принтом, черный мраморный центр развлечений, который был слишком большим для этой комнаты, и стеклянный кофейный столик, который выглядел так, словно парил. В дальней двери было видно спальню с кричащей мебелью. Все это не казалось практичным или даже удобным. Это просто показывало богатство. Я видела такое все время, когда убирала квартиры сверху, и я не была потрясена, увидев такое в комнатах Коффмана.

Меня удивили только фальшивые масляные картины (распечатки) на стенах, на них были тигры и пейзажи городов, а не голые женщины. Я хотела спросить, был ли у Коффмана бархатный пиджак для такого казино, когда он бросил меня на единственную часть ковра, не занятую уродливой мебелью.

— Ох, — выдохнула я, рухнув лицом на красный ковер, который оказался не таким мягким, как выглядел. — Можно полегче?

— После того, что ты и Никки сделали с моим лицом в Узлах, ты заслуживаешь худшего, — сказал Коффман, приподнялся на носочки, чтобы убрать мою рабочую сумку в брешь между каменным центром развлечений и потолком. Когда он убрал ее подальше от меня, он подошел налить себе попить из шкафа из красного дерева, его пальцы стучали по дорогим бутылкам в такт с пульсом магии, которая двигалась в воздухе.

От этого у меня появилась идея.

— Почему ты работаешь на Геймскипера? — я повернулась на спину. — Заклинание в коридорах твое, да? Не хочу хвалить тебя, но оно потрясающее. Ты мог бы получить работу в любом важном месте с такими навыками. Зачем ты тратишь время тут?

— Потому что Геймскипер дает мне больше, чем может дать корпорация, — ответил Коффман, проливая немного напитка на мое лицо, когда перешагивал меня, чтобы сесть на уродливый диван. — Он нашел меня ребенком, как Никки. В отличие от Коса, я знал хорошее, когда видел это. Я не ушел, и Геймскипер награждает верность, — он махнул рукой на украшенную комнату. — Я построил его заклинания, следил за его магическими проектами, и взамен он дает мне все, чего я хочу. Деньги, женщин, головы на тарелках. Это лучше, чем может дать СЗД, и мне даже не нужно становиться жрецом! — он ухмыльнулся мне. — Завидуешь?

— Едва ли, — я не была впечатлена. — СЗД не идеальна, но она хотя бы не злая. Ты работаешь на темного бога кровожадности!

— Сказала девушка, которая зовет монстра, пожирающего людей, папулей, — ответил Коффман насмешливым тоном, опустил ноги на стеклянный кофейный столик над моей головой, чтобы мне пришлось смотреть на его обувь. — Я не удивлен, что ты оказалась с СЗД. Для города, который должен воплощать выживание тех, кто подстраивается лучше всего, она поразительно любит бесталанных и неуклюжих. Так много шаманов, — он поежился. — Чудо, что город еще не рухнул.

Я нахмурилась, но Коффман отвел взгляд, нажал на кнопку пульта и открыл центр развлечений, внутри оказался огромный телевизор с плоским экраном. Не удивительно, экран уже был настроен на материал с арены. Первые бои заканчивались, но, пока ведущие подогревали интерес к тому, что было дальше, я смотрела на толпу.

Я знала, что людей будет много, ведь мы это спланировали, но хаос на экране был безумным. Они убрали сидения и проигнорировали пожарную безопасность, потому что трибуны были заполнены вдвое сильнее, чем когда я была тут в прошлую субботу. Люди втиснулись плечом к плечу, порой ближе, кричали изо всех сил, пока дроны с камерами проносились мимо. Теперь я не была сосредоточена на Коффмане и поняла, что ощущала их топот через ковер, гул гремел в такт с кровожадной магией, пропитавшей все.

Я еще не ощущала ничего такого. Даже в Узлах, где магия выходила из тьмы как перевернутый водопад, она не была такой сильной. В воздухе было столько силы, что горсти хватило, чтобы взорвать Коффмана и его дурацкий диван, как хлопушку с конфетти, но я не могла зачерпнуть горсть. Я не могла взять даже каплю, потому что заклинание Коффмана удерживало магию толпы даже такого размера, крутило силу по арене, словно это была стиральная машинка.

От попытки поймать силу, пока она пролетала мимо, у меня закружилась голова. Я все равно вытянула ментальную руку, ощущая магию, пока она ускользала от меня, пытаюсь оценить, сколько ее было, как близко был предел заклинания. Я не успела оценить, толпа на экране над моей головой захлопала еще громче.

Когда я посмотрела, чтобы понять причину, все камеры были сосредоточены на северную дверь арены, где десять человек тянули нечто, похожее на цирковую клетку на колесах, на песок. А потом камеры показали мужчину за прутьями, и мое сердце остановилось.

Это был Ник. Он был в клетке и выглядел ужасно. Его лицо было бледным, он сильно дрожал, и это была естественная реакция для того, кого ждала дуэль с драконом. Я сильнее переживала из-за того, что он был без оружия.

Пистолеты и ружье Ника пропали. Он был в полном комплекте брони, какую надевали шахтеры, работающие на дне океана. И больше у него ничего не было. Даже ножа.

Учитывая, что его ждал бой с папой, я пыталась видеть в пустых руках Ника хороший знак, когда ведущий сообщил, что планы изменились. Непобедимый чемпион Злой Пес не будет биться с драконом Белой Змеей, как было заявлено. Вместо этого он будет биться с драконом, одолевшим ее. Сильным, властным и древним Ёном из Кореи!

Толпа немного загудела, когда объявили об изменении, но звук разрушил рев после объявления имени моего отца. Я не знала, что его так хорошо знали фанаты арены, хотя они могли и не знать его, а просто радоваться, что биться будет больший из двух драконов, сражавшихся над рекой. Или, может, их захватила кричащая магия, пульсирующая в воздухе, как кровь из разорванной артерии. Какой бы ни была причина, толпа сошла с ума. Я думала, что люди начнут рвать друг друга на кусочки, двери с другой стороны арены открылись, и

отец вышел из них.

Он тоже был без оружия. В отличие от Ника, Ён был без брони, просто в нарядном костюме, в котором он был, когда Геймскипер забрал его. Но, хоть я была рада видеть, что он шел настороженно, без странностей, толпа тут же стала вопить. Они хотели увидеть настоящего дракона, а не человеком, который якобы был драконом. Ужасное изменение поведения толпы заставило пульсирующую магию резко дернуться, и Коффман вздрогнул на диване и чуть не пролил напиток.

— Что такое? — с насмешкой спросила я.

— Ничего, — напряженно сказал он, отклоняясь. — Давление поднялось. Тебе не понять.

— Даже я знаю, что у всех заклинаний есть предел, — ответила я с улыбкой. — Я не хочу умереть от огромного магического взрыва, но было бы иронично, если бы Геймскипер остановил меня, а его заклинание все равно взорвалось бы, переполненное энергией его рекордной толпы.

— Это было бы невозможно, — Коффман хмуро посмотрел на меня сквозь стекло. — В отличие от некоторых, я не избалованная мерзость, которая ищет заклинания в интернете. Все мои круги — работа высшего качества, и множество векторов способны сдержать даже резкие скачки в силе. Так действует настоящий маг.

Это задевало сильнее, чем мне нравилось, но я не могла перечить. Моя магия работала для меня, даже если не работала сейчас. Я больше переживала из-за того, что видела, как папа шел к центру арены, где работники уже разместили клетку с Ником.

Он все еще тихо стоял внутри, закрыв глаза, словно медитировал. Мой отец тоже выглядел спокойно, склонил голову в сторону Ника, что было сильным выражением уважения. Вместе они были тихим оазисом достоинства в море кричащего кровожадного хаоса, и это дало мне надежду. Теплое чувство, которое Коффман тут же испортил.

— Ах, как мило, — он сделал глоток своего напитка. — Я даже не знаю, за кого болеть. С одной стороны, я всегда хотел увидеть, как Никки съедят. С другой, увидеть, как наглого дракона рвет на клочки человек, было бы еще веселее.

Я закатила глаза.

— Жаль, что я застрял тут, — кисло продолжил он. — Я хотел посмотреть из кабинета Геймскипера, но не-е-ет. Тебе нужно было прийти и начать все портить, и мне придется смотреть на смерть по телевизору, как с обычными людишками.

— Никто не умрет, — упрямо сказала я. — Твой Дамоклов Меч требует, чтобы Ник присутствовал на сражении, а не победил. Если он ударит хоть раз, требования будут выполнены. Как только твоя петля пропадет с его шеи, он сможет просто сдаться, и мой папа это примет, и все закончится быстро.

Я не думала о таком варианте до этого, но, как только слова вылетели изо рта, они показались неплохой мыслью. Может, не все еще было потеряно! Я только что подумала об этом, но папа был хитрым. Он точно уже подумал об этом, а то и придумал что-то лучше. Но, пока я начала надеяться, Коффман рассмеялся.

— О, бедняжка! Ты думаешь, Геймскипер оставил бы шанс на такое? От этого боя не уйти. На ту педаль уже нажали.

Я не хотела радовать его вниманием, но дело было не во мне, и мне нужно было знать.

— Какая педаль?

Коффман указал на экран. Я повернула голову, успела увидеть, как камера показала

глаза Ника. Пустые, дикие и безумные глаза, их серая глубина была лишена разума или чего-то, что не было чистым звериным гневом.

— Нет, — выдохнула я.

— О, да, — проворковал Коффман, наслаждаясь моментом. — В этот раз не отступить. Он — Злой Пес с самого начала, так что это будет бой за его жизнь, хочет он того или нет.

Я не хотела верить в это, но не могла отрицать то, что было перед моими глазами. Толпа видела это, потому что гул из-за папы сменился криками радости от предвкушения жестокости.

Даже зная, что на них действовала бушующая магия, их радость из-за этой трагедии вызывала у меня тошноту, хотя это могло быть и от страха. Я знала, что папа был хорошим бойцом — нельзя было прожить так долго, как он, не научившись защищать себя — но он все равно был слабее, чем обычно, и Ник не оставлял ему шанса на ошибку. Он будет пытаться убить, значит, папе придется драться по-настоящему, и это не закончится хорошо ни для кого. Его умные планы не выстоят против бездумной атаки Злого Пса. Как ни крути, один из них умрет, если что-то не остановит их, и оставалась только я.

Поняв это, я перестала бояться и взяла себя в руки. Не было времени быть жертвой. Ситуация выглядела плохо, но никто еще не умер, и если я смогу быстро сообразить, может, я смогу это так и сохранить. У меня уже была идея. Ужасная, не готовая идея, в которой не хватало важных шагов, но я могла понять детали по пути. Сначала нужно было выбраться отсюда.

Я посмотрела на Коффмана сквозь зеленоватое стекло стола, благодаря звезды, что нахал сковал только мои руки. И был без стражи. Мы были тут вдвоем, и хоть он был лучшим магом, я теряла больше. И, как он презрительно отметил, я была шаманом, так что мне не нужен был круг или заклинание, чтобы колдовать. Мне нужно было найти магию, которую я могла использовать.

К сожалению, тут у меня идей не было. Хоть сила крутилась надо мной, как в стиральной машинке, заклинание Коффмана было хорошим, как он и хвалился. Как бы сильно я ни пыталась ухватить, магия арены вырывалась из моих ментальных рук, не давая ничего с ней сделать.

Эта же глупая проблема была и в первый раз, когда я пришла сюда. Но теперь я не могла отворачиваться от нее. Мне нужно было где-то взять силу, и я закрыла глаза и заставила себя думать.

Геймскипер был духом, и эта арена была его владениями. Значит, вся магия тут была его, и она подчинялась кругу Коффмана, но арена не была отдельным измерением. Мы все еще были на планете Земля. Все еще в СЗД, городе, который разгромили оба взрыва манны. Магия арены была заперта, но земля под ней — не город, а физическая земля — должна была источать силу, как и во всех местах на планете. Этого будет мало, и собрать силу будет сложно, но это работало в мою пользу, потому что на курсах колдовства у меня никогда не было проблем со списком того, что можно было игнорировать в заклинаниях.

Как бы ни говорили маги, как Коффман, заклинания тауматургов не учитывали все. Множество мелких раздражающих факторов просто сглаживали, и магия в окружающей среде была из таких. Я не учитывала ее обычно, и хоть Коффман был тщательнее, он тоже вряд ли учитывал ее. Зачем, когда множество учений показывали, что магия в окружающей среде была не такой сильной, чтобы разбить заклинание? Если он игнорировал ее, то хотя бы какая-то магия тут не была скована. Мне просто нужно было ее найти.

Я зажмурилась сильнее и потянулась ментальной рукой, которую доктор Ковальски считала огромной, по сравнению с обычными людьми. Я смущалась каждый раз, когда она так говорила, потому что это звучало странно, но я еще никогда не была так рада своей сильной тяге, как сейчас, потому что это позволило мне зачерпнуть огромную горсть магии.

Это была классическая горсть Опал. Не пригоршни размером с тыкву для безопасности, как меня учила доктор Ковальски. Я искала объем, так что зачерпнула, сколько смогла. Достаточно, чтобы взорвать себя, если я собиралась использовать это, но мне не нужно было переживать из-за этого тут. Как и в другие разы, когда я брала магию на арене, заклинание Коффмана отобрало силу, но я не потянулась за следующей горстью, как делала обычно, а оставила якобы пустую хватку крепкой, искала разумом то, что чары не забрали.

Я словно искала золото в песке. В отличие от густой магии СЗД или кричащей кровожадности арены, магия природы была спокойной. Отыскать ее в хаосе было как искать нежный бриз в урагане. Даже когда я смогла найти немного, этого было слишком мало. Пришлось хватать еще три раза горсти магии, пока я не наскребла на крохотное заклинание. К счастью, это мне и было нужно.

Я открыла глаза и проверила экран. Мой поиск магии занял больше времени, чем мне хотелось, но желание Геймскипера устроить драму в этот раз было на моей стороне. Они не могли просто открыть клетку Ника и дать им завершить бой. Нет. Им нужно было десять минут показывать запоминающиеся моменты из прошлых боев Злого Пса вместе с материалом из новостей о моем папе как кровавом драконе над рекой Детройта. Я не знала, что они хотели этим добиться. Если толпу завести еще сильнее, у людей начнутся сердечные приступы. Но эта драматичная пауза дала мне время.

Капля магии, которую я добыла, не помогла бы против мага, как Коффман, но были другие способы навредить. Нужно было просто действовать изобретательно, и я тихо подвинулась по ковру и прижалась лбом к дурацкому стеклянному кофейному столику Коффмана.

Забавный факт насчет декоративного стекла: оно очень чувствительно к жару. Особенно, к неравномерному, от которого одна часть расширялась так быстро, что другая не могла успеть, и все разбивалось. Я видела последствия таких взрывов дважды: один раз в роскошной комнате с дорогой мебелью, где какой-то идиот оставил стеклянную статую в двадцать тысяч долларов ценой, задевающую батарею, и в квартире, которую я Убирала после пожара. Такое бывало редко, но физика была довольно простой, особенно для того, кто всю неделю превращал магию в драконий огонь.

Мне даже не нужны были руки. Я просто смотрела на часть стола, где лежали ноги Коффмана, и сосредоточилась на огне, сжимала каплю магии, которую собрала, чтобы она была меньше и плотнее. Когда я создала из нее точку раскаленного добела огня, я коснулась ею стекла под левой пяткой Коффмана.

Он не успел ощутить жар, разница в температуре стала слишком большой, и весь стол взорвался. Сильнее, чем я ожидала. Стеклянная мебель, с которой я имела дело, была из безопасного стекла, которое разбивалось на миллионы бусинок, а не осколки, чтобы ты не умер, случайно разбив стол.

Но безопасность не беспокоила того, у кого Коффман купил своих чудовищ. Его стол разлетелся стеклянными кинжалами, один скользнул по моей щеке. От боли я вскрикнула, но я легко отделалась, по сравнению с Коффманом. Стекло торчало из каждой его конечности. Один осколок пробил ногу насквозь. Это было ужасно, хуже, чем я хотела

сделать, но он был занят, крича и истекая кровью, чтобы гнаться за мной, когда я вскочила на ноги и схватила осколок, чтобы освободиться.

Вышло не сразу, и я порезала пальцы, но все-таки смогла подцепить осколком стекла стяжку на моих запястьях за моей спиной. Как только мои руки освободились, я бросилась за своей сумкой, забралась на мраморную подставку телевизора, как на лестницу, и схватила ее. Я побежала к двери, отбив ногой тянущиеся руки Коффмана, вырвалась в коридор... и врезалась в грудь вооруженного стража.

— Эй! — закричал мужчина, сжав мои плечи. — Ты кто?

— Не важно, — я быстро соображала. — Коффману нужна помощь! На него кто-то напал, и он истекает кровью. Если мы не поможем ему, он умрет! — я кивнула на комнату Коффмана. — Иди и останови кровотечение. Я сбегая за врачом!

— Точно! — страж так поддался волнению, что не понял, что мне не было тут места.

Коффман удивительно помог мне, выбравшись из комнаты в это время, крича что-то невнятно, протягивая ко мне кровавые руки. Он выглядел как нечто из фильмов ужасов, и это сработало как магия. Как только страж увидел его, он забыл обо мне и поспешил на помощь, схватил Коффмана и прижал его к полу, пытался остановить кровотечение, пока я убегала от них.

Я мчалась по коридору, размахивая руками и ногами, проносясь мимо стен в надписях заклинания, которые сияли как кровавый фосфор из-за магии, крутящейся в арене. Весь пульсирующий красный свет делал сеть бетонных туннелей еще более путающей, чем в первый раз, когда я была тут. Я не знала, как найти путь, но слышала рев толпы, так что шла на звук, и шум становился громче и громче. Я вырвалась за дверь и оказалась на нижнем уровне трибун арены.

Я словно вышла в другой мир. Хоть я шла на звук, шум толпы без стен был не таким, как я ожидала. Он был слишком громким. Я его скорее ощущала, чем слышала, низкая дрожь, от которой сотрясался желудок и сжимались мышцы. Если бы я не спешила, это остановило бы меня, но у меня были только скорость и страх, потому что передо мной был песчаный пол арены.

Когда я сидела наверху, я полагалась на камеры, чтобы понимать, что происходило на ринге. Внизу я видела все. Даже стоя на пороге двери охраны с бушующей вокруг меня толпой, похожей на море в шторм, я четко видела клетку Ника, которая открывалась с таким же медленным щелканьем, с которым американские горки подъезжают к первой пропасти. Мой отец стоял наготове напротив него, сжав кулаки, ведь он знал, что его ждало. Мне нужно было остановить это любой ценой.

Все еще тяжело дыша от звука, я развернулась и нырнула в коридор. Захлопнув дверь из-за шума, я не видела, что происходило, но уже видела достаточно, чтобы знать, что я не смогу остановить их сама. Если я собиралась сделать это, мне нужна была помощь, и я отошла в место, где могла слышать, стала искать в сумке наушник, который туда запихал Коффман.

— Наконец-то! — сказала Сибил, когда мы воссоединились. — Я думала, ты...

— Не мертва, — сказала я и вытащила телефон. — Но кто-то скоро будет, если мы не будем действовать быстро. Мне нужно, чтобы ты убрала все ограничения с моего списка контактов.

— Списка контактов? — цифровой голос ИИ стал растерянным. — Но мы неделями создавали ложные аккаунты и петли, чтобы...

— Плевать. Очисти список и убери всех из черного списка. Все должно быть открыто. Мне нужно, чтобы она знала, что это я, когда мой номер появится.

— Кто?

Я сжала телефон, стена цифровой защиты, которой я окружила себя за последние три года, рушилась.

— Пора позвонить маме.

* * *

Я не помнила, когда в последний раз сама звонила маме. Я знала ее нынешний номер, только потому что старалась заблокировать его. А теперь я нажала на него дрожащими пальцами, надеясь, что она ответит, что было глупо. Множество программ искали меня для нее, хоть я и закрывалась. Я не услышала и гудка, как линия соединилась, и испуганный голос мамы зазвучал в моем ухе:

— Опал!

— Мама, — мое тело обмякло от облегчения, а потом вопли толпы за дверь привели меня в чувство.

— Ты в порядке? — взволнованно спросила мама. — Что такое? Где ты?

— Я в порядке, — быстро сказала я. — Но мне нужна твоя помощь.

— Если ты про отца, я уже в пути, — ее милый голос был стальным от решимости, на фоне слышался гул вертолета. — Я переместила всю нашу команду безопасности в Канаду на следующий день после вашего исчезновения. Мы были наготове с момента, как начали рекламировать бой Белой Змеи, но когда на арену вышел твой отец, это было последней соломинкой. Я надеюсь, что Великий Ён простит меня за действия без приказов, но я не могла ждать дольше.

Не будь ситуация такой опасной, я рассмеялась бы. Только мама могла переживать, что папа рассердится, что она прибыла спасти его жизнь без разрешения. Я не была удивлена, что она уже была в пути. Мама уделяла Ёну больше внимания, чем кто-либо на планете. Я была удивлена, что она еще не стучала в дверь Геймскипера. Кстати...

— Ты знаешь, куда летишь?

— Не так хорошо, как хотелось бы, — недовольно сказала она. — Карты бесполезны в этом проклятом городе! Это «Рентфри» даже без отмеченных улиц. Но арена большая, ее будет несложно найти.

— Серьезно? — закричала я. — Вы летите вслепую?

— Не специально! Но мой последний разведчик пропал, и я не успела послать еще одного, так что мы летим. Не люблю такую стратегию, но что еще я могла? Мой дракон в опасности!

— Ого, — сказала Сибил, пока я терла рукой лицо. — Я понимаю теперь, откуда твое безрассудство.

— Мам, — резко сказала я, игнорируя ИИ. — Не нужно этого. Я уже в арене. Сибил отправит тебе мое местоположение. Приди ко мне, и ты найдешь папу.

— Мы уже отследили твой звонок, — сказала она без стыда. — Направляемся к тебе. Как он?

— Пока что хорошо, — я сверилась с видео. — Но я не знаю, надолго ли.

Даже если бы я не смотрела прямой эфир, я знала бы, что клетка Ника почти открылась, по крикам. Толпа надо мной была такой громкой, что звук бил как молот по голове, хотя это могла быть и магия. Я уже плохо их разделяла. Восторг толпы кормил Геймскипера, чья

кровожадная магия текла в толпу, формируя петлю безумия, которое росло с каждой секундой.

Даже Ник был частью этого. Я не знала, как именно работала магия, превращающая его в Злого Пса, но он не мог быть в центре этой бури и не страдать от магии. Он выглядел безумно, бился телом об поднимающиеся прутья, как дикий зверь, каким он якобы стал.

— Как долго тебе лететь?

— Мы только пересекли реку, — доложила мама. — Около пяти минут.

Быстрее, чем я ожидала, но все еще ощущалось как вечность. Клетка Ника откроется в следующие несколько секунд, а потом все будет кровавым. Я еще не знала, в чьей крови все будет, и не хотела узнавать.

— Просто прибудь как можно скорее. Я попытаюсь задержать их.

— Опал, нет! — закричала она. — Твой отец не выдержит, если ты пострадаешь! Доверяй нашему дракону. Он справится!

Ей было легко говорить. Кровожадность не била ее по голове. Но у меня не было времени объяснять это ей, и объяснения не помогли бы, и я закончила звонок и сунула телефон в карман джинсов, повернулась, чтобы открыть дверь за собой и выйти на арену.

Как только я вернулась на арену, атмосфера ударила меня, как сковорода по лицу. Дело было не только в шуме и огнях. Во всем. Пульсирующий хаос кружился, наполненный магией.

Тут было слишком много силы, я даже не трогала ее. Кружащаяся магия почти толкалась в меня, ненавидящая кричащая сила вызывала у меня отвращение и восторг одновременно. Она была такой мощной, что я на миг забыла, что делала. Меня не смыло ощущениями, и я не стала болеть как все в толпе, только из-за страха. Страх давил свинцом на желудок, удерживал меня на земле, и я стала шагать к рингу. Я едва прошла пять футов, когда клетка открылась до конца, и Ник вырвался.

На трибунах было так много людей, что я не видела, как это произошло, но мне и не нужно было. Как только Ник вырвался, толпа впала в буйство. Магия следовала за ней, так быстро разбухла, что мне пришлось сесть, чтобы меня не сбило. Только поэтому я увидела то, что случилось дальше.

Вид на арену был безнадежно закрыт телами передо мной, но очки все еще были соединены с эфиром камер. Я подняла их, чтобы видеть путь в толпе, но когда я упала, они сползли на глаза, и мне стало видно замедленные кадры Ника, бросившегося к горлу моего папы.

Только так можно было проследить за этим. Ник всегда был быстрым, но я еще не видела, чтобы человек двигался так, как он сейчас. Даже папа был удивлен, его идеальное лицо опустело от шока, Ник прыгнул на него, как тигр. Но не только Ник был быстрым. Через миг Великий Ён взял себя в руки, изящно шагнул в сторону, и Ник пролетел мимо него.

Ник, которого я знала, был бы готов к этому. Он приземлился бы и повернулся, уже выполняя новый трюк. Но это был не Ник, которого я знала. Это был Злой Пес. Он даже не сгруппировался, пролетая мимо, рухнул лицом в песок и вскочил, бросился на отца раньше, чем Ён закончил поворачивать голову.

Он все еще смог увернуться — даже ослабевшие драконы были куда быстрее людей — но в этот раз атака была близкой. Слишком близкой, потому что Ник не сдерживался. Я видела, почему они дали ему броню. С такими дикими бросками оружие только мешалось

бы. Ему нужны были свободные руки, чтобы отталкиваться каждый раз, когда мой папа уклонялся.

Мой Ник остановился бы и изменил стратегию, видя, что это не работало. Злой Пес нападал слепо, тянулся к горлу Ёна, его груди, рукам, глазам — чему угодно, что он мог достать. Даже с его огромной скоростью хаос нападения давил на моего отца, потому что он явно старался не навредить Нику. Я не знала, было э то ради меня, или знаменитая гордость не давала Ёну убить кого-то, кто не управлял своими действиями, но я еще никогда не была так благодарна отцу.

И напугана, ведь папа не отбивался, а только защищался, а Ник не уставал. Наоборот. Чем громче кричала толпа, тем сильнее он нападал, проклятие на его шее горело как черный огонь, он атаковал снова и снова, двигался так быстро, что даже дроны с камерами едва успевали за ним.

Ругаясь под нос, я оторвала взгляд от зрелища и стала решительнее расталкивать толпу. С такими ударами папа вскоре ошибется. Одна ошибка, и он пропустит удар, а потом все станет плохо. Может, он получит ранение, и это замедлит его, откроет для новых атак. Или Ён решит, что с него довольно, и он начнет отбиваться.

Я не могла такое принять. Я боролась, чтобы избежать этого. Трудилась, чтобы уберечь их, и все рассыпалось на моих глазах. Какие пять минут? С таким темпом один из них умрет в следующие полминуты. Может, оба. Они умрут на моих глазах под веселье опьяненной от крови толпы, которая даже не знала, за что болела. Умрут, чтобы ужасный бог получил огромную силу. Умрут раньше, чем я смогу насладиться примирением с ними обоими.

Я сжала кулаки так, что оставила синяки на кричащем мужчине, которого оттолкнула с пути. Нет. Даже в жестоком городе СЗД это было слишком. Мне было плевать, насколько сильнее был Геймскипер, я не позволю ему платить за усиление своей божественной мощи двумя самыми важными для меня жизнями. Они не были дешевым развлечением. Не были вещами, которые можно было использовать и выбросить. Они были моими — моими сокровищами, моим сердцем, моим будущим — и я собиралась спасти их. Я спасу их, даже если придется обрушить всю арену на себя. Отсюда и появилась идея.

«Идея» была слишком сильным словом. Я была в панике и не могла думать связно. Инстинкты работали, пока я пробивала путь через толпу, извиваясь, работая локтями и ногами, чтобы добраться до края ринга.

Когда я дошла до невысокой стены, отделяющей трибуны от круга с песком внизу, я не мешкала. Если бы я ждала, сомнения подкрались бы, а на это не было времени. У меня ни на что не было времени, и я перемахнула через барьер, как только рука коснулась перил.

Расстояние было больше, чем я думала. С трибун высота не казалась серьезной, но, пока я летела вниз, я поняла, что между полом арены и первым уровнем трибун было почти двадцать, а не десять футов. Если бы я подумала, я собрала бы магию из земли, чтобы смягчить падение. Но я не думала, и такую магию не получилось бы схватить на лету, так что я с пустыми руками и дрыгающимися ногами рухнула на песок.

Было больно. Я в который раз напоминала себе за эту ночь, что я была человеком. Я не была создана для падения с двадцати футов на бетон, присыпанный песком.

Если бы я не спешила, на этом все и кончилось бы. Судя по боли в ребрах и руке, я точно что-то сломала. Но я слушалась инстинкта, и мне было все равно, пока эти ощущения не останавливали меня. Как только я поняла, что еще могла двигаться, я встала и побежала по арене — ринг тоже оказался больше, чем выглядел сверху — к размытому пятну, которым

были мой отец и Ник.

Кто-то попал, пока я падала, потому что первым делом я заметила, пока неслась вперед, ярко-красную кровь на песке впереди. Я приблизилась и увидела, что это была кровь отца. Костюм Ёна был порван на плече, рукав потемнел от крови. Он все еще двигался быстрее, чем я могла уследить, но его грудь вздымалась от усилий, лицо было мрачным. Он так сосредоточился на уклонении от атак Ника, что не заметил меня, пока я не обвила его тело, как осьминог.

— Опал? — мрачная сосредоточенность на его лице сменилась смятением, а потом чистым ужасом. — Что ты делаешь? Уходи отсюда!

Он пытался вырваться, пока говорил, пытался отодвинуть мои руки. Но не мог. Быстрое уклонение стоило ему больше, чем я понимала, потому что у него не было сил сдвинуть меня. Да, я была сейчас в безумном состоянии, но он должен был легко меня одолеть. Это снова пугало меня, но не так сильно, как когда я повернулась и посмотрела на Ника.

Когда мне в голову пришла идея выбежать туда, решение основывалось на одной мысли: каким бы безумным они его ни сделали, Ник не навредил бы мне. У меня не было доказательств, но я верила достаточно сильно, чтобы броситься в бой. Теперь я была тут, стояла на окровавленном песке под ярким светом, сжимала отца, как обезумевшая обезьяна, на глазах тысяч вдруг притихших людей, и мозг, напитанный адреналином, понял, что я могла поступить ужасно глупо, потому что на меня смотрел совсем не Ник.

Он выглядел как Ник. У него было лицо Ника, волосы Ника, его тело. Но, кроме физических черт, все остальное было не тем. Он двигался не как Ник, бился не как он. Даже хмурился не так. Это было тело Ника, да, но существо, глядящее на меня его глазами, не было им, и хоть он застыл, когда я схватила папу, я не думала, что он узнал меня. Он растерялся, словно не понимал, откуда я взялась.

— Опал, — сказал отец тихим и спокойным тоном, каким говорили с напуганными зверями. — Тебе нужно уйти.

— Я тебя не брошу, — недовольно сказала я, глядя на Ника, все еще с опаской следящего за нами. — И его тоже.

— Не тебе выбирать. Я...

Я была уверена, что папа считал, что у него был отличный аргумент, почему я не могла остаться на дуэли, когда он бился ради меня. Но он не сказал это, потому что в тот миг Злой Пес продолжил атаку, напал на папу слева, с другой стороны от той, где вцепилась я.

Если бы отец не был драконом, он потерял бы руку. К счастью, он еще не настолько ослабел. Он отскочил со сверхъестественной грацией. Когда он попытался отцепить меня от себя, я отпустила.

— Опал! — прошипел он, но я уже отвернулась от него. Папа защищался, но не он нуждался сейчас в моей помощи. Это нужно было парню передо мной, рычащему зверю, в котором, как я упрямо верила, должен был оставаться Ник.

— Ник, — тихо сказала я, вытянув руки. — Это я.

Злой Пес зарычал и пригнулся, но не напал, и я приняла это за хороший знак.

— Это не ты, — сказала я ему, стараясь не шевелиться. — Никогда не был и не будешь. Ты один раз вырвался из этого мира. Можешь сделать это снова. Не дай ему превратить тебя в то, что ты ненавидишь.

Монстр с лицом Ника оскалил зубы и шагнул вперед. Один шаг. Он не сделал больше, потому что правая нога была еще зарыта в песок. Как бы он ни тянул, она оставалась там, и

чем больше он боролся с песком, тем злее становился.

Над нашими головами что-то говорил ведущий, едва дыша, но было невозможно различить слова за шумом толпы. Зрители притихли, когда я выбежала на песок, но отыскиали голоса, и они были в ярости. Никто не понимал, что происходило, но мое присутствие не оценили. И, пока они кричали в гневе, магия арены стала крутиться и бурлить, как туча, надо мной.

— Вот! — сказала я Нику, игнорируя магию, зависшую над нашими головами, как меч. — Борись с ними! Я помогу тебе. Я всегда буду тебе помогать, как ты помогаешь мне! Мы не одни, мы больше не будем одни. Ты можешь, Ник! Ты можешь...

Стой.

Я застыла, сердце колотилось. Голос в моей голове был как СЗД, но это была не моя богиня. Даже в худшие моменты СЗД не звучала так жестоко, звук запутывался в моих мыслях, как колючая проволока.

Что ты делаешь? — прошептал Геймскипер. — Он не может бороться с этим. Его душа уже моя, продана мне. Ты только делаешь его смерть болезненной.

Словно в доказательство, Злой Пес упал на колени, схватился за голову с воплем, который напомнил мне Ника больше всего, что Злой Пес сделал этой ночью.

Видишь?

— Игнорируй его, Ник! — закричала я, упав рядом с ним. — Он не говорил бы мне остановиться, если бы у тебя не было шансов. Это дурацкое проклятие, а не ты! Ты можешь выбраться!

И ты зовешь меня жестоким, — скалился Геймскипер в моей голове, и это ужасно злило меня. Мне надоело, что все силы в этом городе получали свободный доступ к моему мозгу. Серьезно, как они пробирались? — Я никуда не пробирался, — бог арены рассмеялся. — Ты пришла в мои владения. Ты пробралась в мою магию своей огромной открытой душой. Ты будто обнажена.

Я стиснула зубы.

Я все вижу, — он продолжал издеваться. — Твою жизнь, твое прошлое, твои решения. Ты отлично подошла бы этому месту.

— Да пошел ты! — заорала я.

Об этом я и говорю, — сказал он, его голос стал радостным, кровавая магия билась в моей голове. — Я думал, ты была очередной маской СЗД, но теперь я вижу, почему ты не можешь быть ее жрицей. Ты как я. Величайший изъян СЗД всегда был в том, что она верит в свою пропаганду. Несмотря на ежедневные доказательства обратного, она упрямо цепляется за сказку, что любой может получить, что хочет, если постарается. Но ты знаешь лучше. У тебя было все — богатство, власть, свой дракон — и ты выбросила это. Ты увидела в мечте СЗД поражение, но ты все еще борешься. Я уважаю это.

Ладонь появилась в магии передо мной, мерцала, как волны жара, над головой Ника.

Приди и борись за меня, — поманил он. — В отличие от СЗД, я не даю пустые обещания. Мои чемпионы получают все, чего хотят, пока не проигрывают. Но все мы проигрываем в конце. Ты знаешь это, так приди и проживи тут свою короткую жизнь. Ты уже доказала свое достоинство, одолев моего мага. Приди и будь чемпионом, Опал из Кореи. Сияй на арене для меня. Отдай себя толпе, и ты получишь восхищение и уважение, которых всегда была несправедливо лишена.

Ладонь пошевелилась, заманивая, и я постаралась ясно выразить отвращение в разуме и

отбила эту руку.

— Если к такому выводу ты пришел, увидев мою жизнь, то ты больший дурак, чем я думала.

Нахалка, — зашипел Геймскипер. — *Ты...*

— Нет! — закричала я. — Думаешь, я тебя боюсь? Со мной говорили существа страшнее тебя! Тебя не было бы, если бы твой маг-неудачник не накачивал тебя силой от опьяненной кровью толпы. Ты ведешь себя как большой бог, но все, что ты сказал, было неправильным. Я даже не знаю, как ты сюда попал, — я шлепнула ладонью по своей груди. — Думаешь, я хочу быть чемпионом в твоём мелком кровавом шоу? Я ненавижу сражения! Если бы ты понял личную информацию, в которой рылся, ты знал бы, что последние несколько лет были худшими в моей жизни! Я не жаждала большего, потому что видела сквозь блеск богатства. Я оказалась прижата спиной к стене, и мне это не нравилось! Я ненавидела борьбу с отцом, бедность и постоянную работу ради того, чтобы прожить следующий день. Я делала все это только из-за того, что я ненавидела быть взаперти еще больше!

Бог издал звук отворачивания, и я подняла голову выше, крича куполу:

— Я хотела только свободы! Жить своей жизнью, а не с ногой, давящей на горло! — я посмотрела на Нику, он дрожал на земле передо мной. — Ты ничего не знаешь об этом, так что вылезь из моей головы и из его. Ник заплатил тебе десятикратно, и я забираю его. Он уже не твой!

Я прижала Ника к своей груди, и кровавый бог вздохнул.

Ты тратишь свою жизнь, девочка, — разочарованно сказал он. И его голос стал тверже. — *Убей ее*.

Как только он отдал приказ, бурлящая магия над моей головой упала как камень. Мое тело сжалось, когда она рухнула, но она попала не на меня. Она обрушилась на Ника, и он застыл, как статуя. Я опустила голову, чтобы увидеть, что с ним случилось, когда ладонь сжала мое плечо.

Вовремя. Я не знала, сколько папа стоял за мной, но я не собиралась жаловаться, что он снова нависал надо мной. Только его быстрые рефлексы спасли меня, когда металлический кулак Ника пробил воздух, где миг назад была моя голова. Хоть я уклонилась на волосок, я ощущала только поражение, ведь, когда Ник поднялся на ноги, его глаза были пустыми пуще прежнего.

Убей ее, — снова приказал Геймскипер, его голос гремел яростью толпы, кричащей с трибун, чтобы бой продолжался. — *Наша арена приветствует всех. Если девочка хочет постоять за себя, пусть попробует. Теперь она твой противник. Убей ее и победи.*

Злой Пес оскалился в предвкушении, и я вжалась в папу, голова кружилась, пока я пыталась понять, что делать, как это исправить. Я думала, что смогу достучаться до него, потому что он был Ником, а я была собой, и мы всегда могли работать вместе, но никто не мог противостоять кровожадности толпы, ставшей оружием. Магия Геймскипера была такой густой вокруг него, что я видела ее мерцание, словно волны жара. Я не знала, как вытащить Ника из этого, не сгорев, когда заметила, что его грудь была в крови.

Я не знала, как. Папа не трогал его. А потом я увидела, что кровь текла с его шеи, и поняла.

Это было проклятие. Черное заклинание Дамоклова Меча впивалось в горло Ника, как кольцо из ножей, но Ник не сдавался. Он боролся, подавляя приказ сражаться со мной, изо всех сил, и проклятие отрубало ему голову из-за этого.

— Нет!

Я прыгнула вперед, схватила поток магии обеими руками. Сила обжигала, и я знала, что так будет, но отчаяние перекрывало боль. Хотя это не помогало. Когда я схватила силу, чтобы убрать ее от Ника, заклинание Коффмана вернуло ее на место, как всегда. И от этого, а не от боли, я отшатнулась. Я не справилась. Я не могла ее двигать, не могла спасти его. Ник умрет. Он...

— Опал!

Голос отца вытащил меня из паники, и я подняла голову, он нависал надо мной.

— Придерживайся плана! — заорал он.

Какого плана? Он про план СЗД напасть на заклинание Геймскипера? Это уже не сделать. Без СЗД во мне я не могла получить магию, какой можно было перегрузить круг Коффмана, и я не переживу неминуемую отдачу после этого. Но, когда я открыла рот, чтобы сказать, что это было безнадежно, отец протянул руку.

— Используй меня, — сказал он. Я стала спорить, но он перебил меня. — Я знаю, что ты можешь. Ты — талантливый маг. Ты вернула меня из мертвых, можешь спасти и его. Просто попробуй.

Я не знала, попустил ли он часть, что нам было нечего терять, ведь мы все равно умрем, из редкого проявления такта, или он просто думал, что это было очевидно, но я все равно была благодарна. Я знала, что это звучало жалко, но мой строгий отец говорил, что верил в меня, и от этого я отчаянно хотела доказать его правоту. Я не знала, было это паническое безумие или простая надежда, но сейчас было не важно, что его план был глупым. Любой шанс был лучше, чем ничего, и если я погибну сегодня, то я умру, как меня учил отец — с зубами в горле врага.

Я повернулась и сунула руку в столб магии вокруг Ника. Я схватила отца в то же время, сжимала не только его руку, но и связь между нами, серебряную нить, которую я видела в кабинете Геймскипера.

Я почти это видела, серебряная нить сияла, как луч света, в кровавой дымке магии арены. Важнее было то, что я чувствовала это. Я послала так много магии отцу за последнюю неделю, что знала все детали тропы между нами. Я шла по ней теперь, но в этот раз не несла ему огонь.

Я уносила его.

Двигаясь быстро, ради Ника, а еще — чтобы опередить свой страх, я погрузила ладонь в магию отца и стала забирать все, что я вложила. Его огонь обжигал меня, и я слышала рев Ёна, но, хоть ощущалось как смерть, он не отбивался. Он стоял и давал мне выкачать его силы, вытаскивать его огонь огромными горстями. Я повернулась и толкнула огонь в бурю магии арены изо всех сил.

Я боялась, что этого не хватит. В отличие от СЗД, отец не был духом. Он даже не был полностью драконом. Я могла убить его, и мне могло все равно не хватить магии.

Я переживала, но не только я работала над этим планом. Ник тоже сыграл роль, сделал это хорошо. Как и отец, СЗД и доктор Ковальски. Мы сделали это самым большим боем в истории СЗД. Дикий успех, все, чего хотел Геймскипер, что означало, что мы были близко к пределу того, что мог удержать круг. Как я и говорила Коффману, у всех заклинаний были пределы, и мое добавление дракона — хоть и слабого — было больше, чем арена могла принять.

Я ощутила трещину раньше, чем увидела ее. Я вливала магию в хаос, а через миг весь

циклон силы содрогнулся. Магия еще кружилась, но круг внутри нее уже не мог сдержать ее, будто штурвал стал слишком большим для основания, и магия вырвалась, взорвавшись диким потоком неуправляемой силы.

Прямо в меня.

Я ошибалась в магии всю жизнь, получала больше перегруженных заклинаний, чем могла сосчитать. Это всегда ужасало, было больно, но те отдачи не были и близко к цунами отдачи, которое неслось ко мне теперь.

Отдача обрушилась, и я получила странный спокойный миг, когда знаешь, что тебе крышка, но поражение было неминуемым, так что не стоило даже расстраиваться. Я больше переживала, что вся взорвавшаяся магия убьет тысячи зрителей вместе со мной. Да, они были ужасными людьми, пришли посмотреть, как Ника съедят, но я все еще не хотела быть в ответе за их смерти.

К счастью, раз Геймскипер уже сосредоточил почти всю силу в Злом Псе, большая часть разрушения произошла посреди арены, вдали от толпы. Я говорила себе радоваться хотя бы тому, что я случайно не стала массовой убийцей, когда слышала чьи-то крики.

— Что ты делаешь? — лицо отца появилось перед моим, я едва видела тусклые черты его силуэта из дыма. — Мы не закончили! Хватай магию снова, пока он ее не забрал!

На жуткий миг я не понимала, о чем он говорил. А потом ощутила. Я не испытывала покой перед концом. Геймскипер поймал взрывающуюся магию перед тем, как она вырвалась из-под контроля. Сила была слишком большой, чтобы он управлял ею безопасно без заклинания, но он все равно подавлял ее, втягивал магию в себя, пока толпа смотрела в смятении. Он уже забрал большую часть. Еще пара секунд, и власть будет в его руках, что будет означать, что я напрасно забрала силы отца.

Нет уж! С воплем, который поднялся от моих пяток, я потянулась всеми силами, чтобы схватить магию, которую отправила в полет. Геймскипер взревел в ответ, ужасающий вопль божественного гнева, но хоть раз его природа работала против него. Он был богом арены, и нападение на противников сильнее тебя было смыслом боев на арене. Он назвал меня бойцом, и я приняла это, забирала ревущую магию из его пальцев себе.

Хотя у меня не было места для нее.

В изначальном плане тут помогла бы СЗД, спасла бы мою бедную смертную душу. Но у меня уже не было СЗД, и место во мне быстро сгорало. Я лопну, как шарик, если не найду, куда поместить эту силу. К счастью, спасение уже было привязано ко мне.

— Опал! — закричала тень отца, его голос звучал отдаленно, словно на тысячу миль от меня, он потянулся своей почти невидимой рукой туда, где еще парила наша нить, серебряная и целая.

Ему не нужно было говорить больше. Благодаря богиню за тренировки, я повернулась и толкнула всю магию, льющуюся в меня, в него. Она побежала по серебряной нити как молния, и это было проблемой, потому что я должна была посылать ему огонь.

Я запаниковала, но увидела, что это было не важно. В отличие от первого раза в моей квартире, отец уже не был углями. И он тоже тренировался. Он был со мной во всем этом, учился, как и я. Как только я послала магию ему, угли его огня схватили его и вспыхнули, сияющее пламя голодно поглощало все, что я бросала ему.

Я так думала. Я работала так быстро, чтобы магия двигалась, что не могла сосредоточиться на чем-то еще. Я только хватала и толкала, быстрее и быстрее, как учила меня доктор Ковальски, а потом я потянулась за магией и ничего не нашла.

Я дернулась, глаза открылись, хотя я не помнила, чтобы закрывала их. Я все еще была в центре арены, но рева, топота и гула уже не было. Стадион впервые был тихим. Даже свет ламп казался тусклее, словно я стояла в тени.

Нет, медленно поняла я. Я и была в тени. Что-то огромное стояло надо мной, закрывая лампы. Когда я подняла голову, чтобы увидеть, что это было, я обнаружила над собой усмехающуюся зубастую голову самого большого дракона из всех, что я видела. Красивого, с красной гривой, синей чешуей, глазами цвета моря и дымом возле головы Великого Ёна Кореи.

Глава 15

Он выглядел даже больше, чем я помнила. Я не знала, было ли дело из-за арены, или я передала ему больше магии, чем он изначально имел, но папа выглядел огромным. Он был таким большим, что толпа сжалась, дрожа на местах, от жуткого чуда, каким был дракон в истинном облике.

Как всегда в этом месте, тишина была временной. Как только люди оправились от шока, они стали выть громче, чем до этого, кричали до боли в глотках, когда поняли, что происходило.

Дракон прибыл сражаться на арене.

Щурясь от шума, Ён фыркнул с отвращением и склонил голову, глядя на Ника, который все еще извивался на окровавленном песке, проклятие жевало его шею, как зубы. С сочувствующим рыком отец поднял лапу и прижал пальцы с когтями к содрогающемуся Нику. Когда в клетке когтей и чешуи уже не было видно ни части Ника, дракон поднял голову и объявил гулким голосом:

— Я победил.

Никто не спорил. Даже если бы Ник не боролся с проклятием, он не мог одолеть что-то настолько древнее и огромное, как мой отец. Но объявить очевидное было нужно, потому что, как только Ён произнес слова, бой был окончен. Последнее требование было выполнено, Дамоклов Меч пропал с шеи Ника, и он рухнул на песок, свободный.

Я тут же оказалась рядом с ним, юркнула под когти отца так быстро, что срезала об них край своих волос, стянутых в хвост.

— Ник!

— Я жив, — прохрипел он, голос с трудом вырывался из его раненого, но не разорванного горла. Дамоклов Меч, видимо, был создан, чтобы резать медленно и дать ему время передумать, потому что шея Ника была не в таком плохом состоянии, как я боялась. Его кожа была разорвана, крови было много, но раны не были такими глубокими, чтобы пугать. От осознания этого я так обрадовалась, что стало почти больно.

— Я так рада, что ты не мертв! — всхлипнула я, обвив его руками. — Ты не представляешь!

— Думаю, я могу, — прохрипел он, посмотрел на лапу дракона, закрывающую нас от мира. — Похоже, я проиграл.

— Нет, — яростно сказала я, отпустила его, чтобы поднять пончо и оторвать кусок от футболки, чтобы использовать его как бинт. — Ты победил! Ты не сделал то, чего они хотели. Ты настоял на своем, даже когда они отрубали тебе голову, — я обвила темной тканью его окровавленную шею. — Я знала, что ты сможешь. Я так тобой горжусь!

Его тело напряглось так быстро, что я испугалась, что навредила ему. А потом он схватил меня и обнял так крепко, что я едва могла дышать.

— Я победил, да? — выдавил он с хрипом, его раненый голос был счастливее, чем когда-либо. — Я свободен!

— Ты свободен, — согласилась я, обмякла в его крепких объятиях, страх, печаль и боль, которые я отчаянно сдерживала, вырвались. Все закончилось. Мы сделали это. Мы спасли его. И папу. Мы спасли всех!

Радость была такой сильной, что я зарыдала, стала всхлипывать через секунды. Я могла продолжать так час — неделя была ужасно тяжелой — но, пока я плакала, я поняла, что толпа еще кричала, их голоса гремели в унисон, как армия барабанов.

— Убей! Убей! Убей!

Я застыла в руках Ника. Я так обрадовалась нашей победе, что не обращала внимания на то, что происходило снаружи. Теперь я заметила это, и было невозможно пропустить. Кровавая магия арены вернулась с мстостью. Я думала, что разбила круг и передала всю силу папе, но я забыла первое правило магии: всегда было больше. Я просто пробила резервуар, но источником силы арены была толпа, и люди еще жаждали крови.

— Добей его! — требовали они, пока магия бурлила. — Сожги его! Сожри! Убей...

— *Хватит!* — взревел мой отец.

Его голос рассек их требования, как когти — плоть, и толпа отдернулась, их кровожадность затмила его хищная аура. Даже я дрожала, вес недовольства Великого Ёна придавил меня к песку. Я видела его злым много раз, но это было иным. Когда он злился на меня, любовь приглушала злость, но тут не было мягких чувств. Сила, исходящая от отца, была отвращением, таким острым, что меня мутило, пока он смотрел на дрожащую толпу, шурясь.

— Этой ночью больше не будет убийств, — прогудел он, его голос был таким громким, что лампы тряслись. — Что с вами такое? Вы живете в мире, который всегда был пропитан жестокостью и трагедией. Что заставляет вас искать больше этого? Ваши жизни такие пустые, что приходится наполнять их кровью других?

Он замер, словно ждал ответа, но толпа сжималась и не могла кричать. Отец продолжил:

— Я наблюдал за вашим видом две тысячи лет, но меня продолжает поражать то, что вы никогда не учитесь. Каждый раз, когда один из вас пытается увести человечество от варварства, десятеро других подавляют это. Зачем вы так поступаете с собой? Вы — мастера магии этого мира, силы, которая создает богов! Почему вы хотите оставаться в грязи худшего из вас?

Он посмотрел на VIP-ложу, откуда точно смотрел Геймскипер.

— То, что происходит на этой арене, известная правда мира, — прогудел он. — Это место и ужасы, которое оно воплощает, существуют, потому что вы позволяете это. Вы болеете за эту жестокость, потому что это происходит не с вами, даже не видите, что вы все тонете в крови! Но моя семья не будет частью вашей разрушительной глупости. Если хотите кровь, проливайте свою, но нашу вы не заслужили.

Отец фыркнул на толпу и опустил голову, перевернул лапу с когтями, чтобы мы с Ником могли забраться. Я залезла по чешуе как профессионал, но Ник не сразу согласился встать на ладонь дракона. Когда мы оказались на местах, Ён поднял нас в воздух. Мы едва забрались на половину высоты его тела, когда толпа обрела голос.

Даже паника из-за дракона не длилась вечно. Чем больше времени проходило, а их не съедали, тем больше людей приходили в себя. Их страх угасал, гнев поднимался вместо этого, и они стали бросать в нас сначала ругательства, а потом мусор и бутылки от пива.

Гнев меня не удивил. Мне тоже не нравилось, когда меня отчитывал Ён, а он даже не был их папой. Слушать унижения от дракона было не тем, за чем люди ходили на арену кровавого спорта, и чем больше рос их гнев, тем более жестокими они становились.

— Мы будем в порядке? — спросила я у папы.

— Конечно, — ответил он, посадив нас на свое плечо. — Одно из преимуществ жизни дракона — то, что тебе не нужно переживать из-за мнения меньших существ.

Обычно я обижалась, когда папа оскорблял людей, но в этот раз я понимала, что он имел в виду. Эти люди были «меньшими существами» не из-за смертности, а потому что были тут. Эти люди выбрали провести ночь субботы, глядя, как убивают Ника, и их радость из-за страданий других питала силой темное божество. Я им не сочувствовала.

— Давайте убираться отсюда, — сказала я, крепко сжимая Ника одной рукой, другой ладонью держась за гриву отца.

Ён зарычал в ответ, опустил лапы на песок, собираясь пробить потолок и вырваться на свободу. Он уже хотел прыгнуть, но новая сила пролетела по арене. Она пронеслась над нашими головами, как огромная ладонь, схватила ярость толпы и превратила ее в нечто сильное. Нечто опасное. Папа тоже ощутил перемену, потому что согнул задние лапы, пригнувшись. Я тоже пригнулась, сжала крепко его алую гриву, а ворота, откуда выкатывали клетку Ника, снова открылись.

Я ожидала армию после произошедшего, но только одна фигура вышла из тьмы. Мужчина с простым лицом, искаженным от гнева, больше похожим от этого на его правду.

Геймскипер.

— Куда ты собрался, дракон? — дразнил бог, подняв руку в сторону моего отца. Магия последовала за его движением, как хлыст, обвила тело моего отца и потянула его на песок. — Ты не слышишь людей? Бой не окончен. Сражение не может быть без крови!

— Кровь! — радостно ревела толпа. — Кровь! Кровь! Кровь!

Геймскипер раскинул руки, вопли хлынули на него. Они врезались и в нас, чуть не сбили меня с плеча отца своей силой.

— Нужно избавиться от толпы! — закричала я, выпрямляясь. — Геймскипер не так силен сам по себе, но мы не одолеем его, пока с ним эта толпа.

— Мы можем сжечь их, — предложил Ник, сжимая мою руку, чтобы помочь мне. — Драконы ведь хороши в этом?

Отец отвернул голову.

— Я не варвар.

— Мы не будем убивать всех людей на арене, — твердо сказала я. — Даже если они ужасные.

Нику явно было все равно, что случится с толпой, которая желала его смерти, но он не спорил.

— Тогда лучше быстрее придумать другой вариант, — сказал он, указывая поверх моего плеча. — Смотри.

Я повернулась к Геймскиперу, который стал заметно больше. Не такой большой, как мой папа, но в несколько раз больше обычного человека, его тело пульсировало в такт с криками, дающими ему силу.

— Ладно, это плохо, — сказала я с большими глазами. — Нужно остановить его!

— Я открыт для предложений, — ответил отец, опуская плечо, чтобы мы слезли. — Укройтесь. Я разберусь с этим.

— Ни за что, — я впились в его чешую. — Ты не будешь биться с этим один!

— Я достаточно долго прятался в твоей тени, — тепло сказал мне Ён, снимая меня с плеча, нежно двигая лапой с когтями. — Теперь моя очередь заботиться о тебе.

— Но он — божество!

— А я — дракон, — ответил отец, опуская меня. — Духи — не единственные силы в этом мире, щеночек. Пора кому-то напомнить им об этом.

Я не хотела отпускать его, но папа вырвался из моей хватки, как скользкая змея, оставив меня на песке рядом с Ником.

— Ён может его одолеть? — прошептал Ник, пока мой отец уходил.

— Верность требует сказать «да», — ответила я. — Но в реальности...

Я утихла, а Ник нахмурился сильнее.

— Нам стоит заняться толпой, — он сжал мою руку и потянул к стене арены, подальше от моего отца и Геймскипера. — Их крики дают Геймскиперу силы, верно?

Я кивнула.

— Я уже разбила заклинание, которое позволяет ловить и удерживать их магию, так что он получает только то, что они дают. Если мы заставим их замолчать — а лучше уйти — он должен быстро лишиться сил. Но как это сделать? Они пришли на бой дракона, а теперь они получают бой дракона и божества. Это даже больше, чем то, за что они заплатили. Как заставить их уйти с такого шоу?

Ник не ответил, и я стиснула зубы, оглянулась на отца. Он все еще был огромным и пугающим, но, в отличие от Геймскипера, его сила была ограничена. Он не мог расти, как его враг, пополнять силы из толпы, так что время было против него. Чем дольше длится бой, тем меньше у него шансов. Если убрать людей с арены, станет лучше, но как два человека одолеют сто тысяч? Как мы могли сделать что-нибудь против...

— Опал? — чирикнул в моем ухе знакомый механический голос.

Я вздрогнула от удивления. Она была такой тихой, что я забыла, что Сибил была все еще со мной.

— Я знаю, что ты занята, — деловито сказала моя ИИ. — Но бодрее. И вам нужно найти укрытие за следующие пять секунд.

— Зачем? — встревожено спросила я, озираясь. — Что произойдет в следующие пять...

Ответом был град выстрелов в потолке над нами. Снаряды пробили вершину купола арены, как иглы — бумагу. Нет, я поняла, когда обломки полетели от выстрелов, что крыша и была из бумаги или плотного картона.

Это не удивляло в глубоком Подземелье, где не нужно было переживать из-за дождя. Но это была арена, а не дешевый склад! Я думала, что крыша была из металла, но плотными были только стальные балки, на которых висели прожектора. Это быстро стало понятным, когда десять боевых вертолетов пробили остатки бумажного покрытия и попали на стадион сверху.

— Что за... — Ник схватил меня и рухнул на песок, направляя мою голову под укрытие его восстановленной механической руки. — Что это?

Я повернулась в его хватке, улыбаясь до боли в лице, а вертолеты опускались строем за моим отцом.

— Это моя мама!

* * *

— Опал!

Закрывая глаза от песка, я вскочила на ноги вовремя, увидела, как мама выпрыгнула из ближайшего вертолета, как только он оказался на безопасной для прыжка высоте над землей. Она была в боевой броне, как и подобало ситуации. Идеально сидящая броня милого оттенка лесной зелени льстила ее телосложению — не забывайте, кто это был — но это было самое практичное, что я на ней видела. Я все еще потрясенно пялилась, когда она обвила меня руками.

— Я так беспокоилась! — закричала она, обнимая меня на миг крепко. Потом она толкнула меня к земле. — Оставайся так! Я должна поговорить с твоим отцом.

— Мам, нет! — но она уже побежала к сотне других солдат в такой же темно-зеленой броне, но не в такой модной версии. Они уже выстроили блокаду между Ёном и Геймскипером. Мама прошла в центр группы, опустилась на колени и прижалась головой к песку у лап отца.

— Великий дракон, — с благоговением сказала она.

— Супруга, — прогудел он гордым голосом. — Идеально вовремя, как всегда.

— Я живу, чтобы возвращаться к тебе, — ответила мама, подняла голову и посмотрела на него с верным видом. — Как я могу служить тебе?

— Убери своих людей, — приказал Ён, его голос стал рычанием, он посмотрел на Геймскипера. — Наши силы не готовы для боя с таким созданием, и это мой бой. Бери свою команду и иди к Опал. Она скажет, что делать.

— Опал? — милое лицо мамы было в смятении. Через миг ее послушный вид вернулся. — Немедленно, Великий Дракон, — она поклонилась снова. — Как прикажешь.

Она вскочила на ноги и отошла. Ее армия отступила с ней, как волна, сформировала черный пруд вокруг меня и Ника. Когда нас окружили, мама шагнула вперед и встала передо мной.

— Опал, — мрачно сказала она. — Великий Ён приказал слушаться тебя. Какие приказы?

Когда она закончила, мои глаза чуть не выпали. Я сама слышала, как папа сказал это, но все равно казалось невозможным, что моя мама — женщина, которая не давала мне носить вещи, которые выбирала не она, пока я не уехала в колледж — стояла и ждала, что я скажу ей, что делать. Я не могла такое предсказать. Но... это была моя мама. Если папа скажет ей, что она могла летать, она спрыгнула бы со здания без колебаний. Это казалось и приказов от меня, потому что она была тут, идеальное воплощение готовности, ждала, пока я скажу, что делать.

— Верно, — я подняла очки, чтобы смотреть на нее прямо. — Геймскипер — Смертный Дух, который тянет магию из толпы. Я уверена, что папа сильнее, но он не может одолеть врага, который постоянно исцеляется. Если мы хотим, чтобы наш дракон победил, нам нужно избавиться от источника силы Геймскипера, так что я хочу, чтобы ты со своими людьми очистила здание. Никого не убивайте, если получится, просто заставьте их уйти. Понятно?

Мама кивнула и повернулась к своему отряду.

— Вы слышали дочь Великого Ёна! — сказала она твердым властным тоном, который хорошо работал на солдатах и на слугах. — Победа нашего дракона зависит от того, как мы

разгоним местных. Группы с первой по четвертой — ваша сторона северная. Группы с пятой по восьмую — южная. Не убивайте, но никого не оставляйте в здании.

— Да, Первая Смертная! — ответили они в унисон, сняли ружья с плеч, чтобы заменить пули резиновыми. Мама сделала так с оружием на ее спине, ловко заменила магазин пистолета-пулемета. Я скривилась от ее ловкости. Она была во всем хороша?

— Мы разберемся с толпой, дочь, — сказала она, вернув оружие на спину. — Оставайся тут и помогай отцу, чем можешь.

— Есть, — сказала я, но она уже бежала прочь со своими людьми.

— Все хорошо? — спросил Ник, когда они ушли. — Потому что я не понял ни слова.

Я хмуро посмотрела на него, растерявшись, а потом вспомнила, что он не говорил на корейском.

— Все отлично, — сообщила я. — Люди мамы разгонят толпу за нас.

— Хорошо, — сказал Ник, а потом нахмурился. — Твоя мама всегда прибывает с армией?

— Чаще всего, — я посмотрела, как солдаты мамы поднимаются по стенам арены с помощью крюков на веревках. Люди уже паниковали. Они не переживали из-за дракона или вертолетов, пока те были на арене, но вооруженные солдаты, направившиеся к трибунам, напугали даже самых заядлых фанатов. Многие решили бежать, но несколько опьяненных кровью идиотов начали бросаться вещами, заставляя команды мамы прикрывать лица, пока они двигались вперед.

— Нам нужно им помочь? — спросил Ник. — Хоть они в броне, тут много людей, и они могут просто затоптать количеством.

— Она справится, — уверенно сказала я. — Мама может все. Потому что она была Первой Смертной последние тридцать лет. И она не одна. Смотри!

Я указала на верхний уровень арены, где люди кричали и убегали в панике, хотя отрядов мамы не было рядом. Солдаты туда еще не поднялись, но зато там были несколько десятков крыс. Огромных, размером с овец, и все двигались вместе под управлением неказистого старика в одежде работника канализации. Он помахал, когда поймал мой взгляд, и я поняла, что это был один из жрецов СЗД, посланных, чтобы скрыть мое присутствие от Геймскипера.

Я помахала в ответ. Кто-то, мало знающий СЗД, был бы поражен тому, что он смог пронести сюда крыс, но не я. Крысы были самой приемлемой частью всего этого. Их просто так не прогнать! Меня больше потрясло, что они его слушались. Насколько я знала, крысы СЗД никого не слушали. Эти следовали приказам жреца с радостью, прыгая на зрителей с веселым писком. Люди кричали и бежали, бросая начос, попкорн и сладкую вату, крысы жадно пожирали это, бежали к следующему ряду сидений и повторяли процесс снова. Они очистили секцию за несколько секунд, доказав, что СЗД ошибалась. Ее народ умел сражаться!

Я надеялась, что богиня не бросила нас. Я повернулась к отцу, который стоял между нами и Геймскипером. Кровожадный дух не становился больше, но я ощущала магию, висящую надо мной, как железную гирию. Это была не магия СЗД, но это все еще было больше магии, чем находилось в папе, и будет проблемой, если я не уравнию положение.

— Я ему помогу, — сказала я, сев на песок. — Прикрой меня.

— Опал, он дракон, — встревожено сказал Ник. — Что ты будешь делать?

— Все, что могу. Просто прикрой меня. На это уйдет вся моя концентрация.

— Я никому не дам тебя тронуть, — пообещал Ник. — Но... — он притих, стиснув зубы. — Ты не всегда хороша с магией, понимаешь? Я за то, чтобы побить Геймскипера, но я только тебя вернул. А если все пойдет не так?

— Тогда я все исправлю, — отозвалась я. — Я научилась многому за последние два месяца. Поверь. Я могу это сделать.

Ник все еще выглядел недоверчиво, но я не винила его. Я бы тоже не доверяла себе два месяца назад с такой огромной магией. К счастью, я уже не была такой. Ник не поверил бы, если бы не увидел, и я улыбнулась ему и закрыла глаза, сосредоточилась на магии, ревушей вокруг нас.

Ее было много. Я вспомнила, как падала в пустоту под Узлами, хаос и масштаб поражали так же. Когда ее направлял круг Коффмана, вся магия кружилась одинаково. Теперь это была какофония злых криков, паники и отчаяния бойца, которому было нечего терять.

Такую силу не трогал бы любой маг в своем уме, но я зашла слишком далеко, чтобы действовать теперь разумно. Я бросилась, схватила магию, словно билась с морским монстром. Моим планом было сделать то, что я сделала раньше, и направить ревушую силу в папу. К сожалению, хоть магии было меньше из-за того, что я схватила в прошлый раз, оставшееся было во власти Геймскипера, я не могла даже уцепиться пальцем.

Уменьшенный размер магии работал ему на пользу. Гора силы, которую он собрал в начале боя Ника, была слишком большой, чтобы он мог управлять ею лично, потому я и смогла ее украсть, но теперь он идеально управлялся с этим объемом. В этот раз вытягивать магию из него было как пытаться выжать песок из камня. И в этом была проблема, потому что, несмотря ни на что, Геймскипер оставался божеством, и хоть отец вернул прежнее состояние, он оставался одним драконом, и ему будет несладко.

Я понимала, почему он отогнал маму и других солдат. Магия Геймскипера окружила пространство вокруг него, как железный кулак, сокрушая все, что было меньше дракона. Даже Ён выглядел подавленно, его тело прижималось к земле. Но загнанный в угол дракон был самым опасным драконом. Отец отбивался когтями и зубами, стрелял в Геймскипера раскаленным белым огнем, от которого песок под ним становился стеклом.

Если бы он был чем-то еще, ему пришел бы конец, но Геймскипер был духом. Его тело не было физическим, как дымчатый облик папы. Огненное дыхание и когти проходили сквозь него, и он легко хлестал густой магией арены, как хлыстом, бил по папе невидимыми ударами, от которых он отшатывался. Ситуация была плохой, но сила Геймскипера окружала их обоих, как железная стена, и я никак не могла помочь.

— Блин, — я открыла глаза. — Мне нужно туда.

— Эм, сейчас не лучшее время двигаться, — сказал сдавленно Ник надо мной.

Я резко села, но меня толкнул на песок Ник, когда пуля полетела над моей головой.

— Что это такое? — сказала я, когда он позволил мне сесть. — Кто это?

Когда я закрыла глаза пару секунд назад, мы были одни на краю арены. Теперь мы с Ником были прижаты к стене кругом стражей в дешевой броне охраны арены, их пистолеты выглядели дешево, но все равно удерживали нас на месте.

— Команда охраны, — ответил Ник, отбивая пулю металлической рукой, вторая звякнула об плечо брони, которую ему дали, чтобы биться с Ёном. — Не думал, что им хватит смелости, но Геймскипер все еще созывает подмогу, и он все еще считает тебя врагом номер один.

После проблем, которые я устроила, я это понимала. Но я злилась, что такой козел, как Геймскипер, вызывал такую верность у своих работников. Как только я увидела их лица, я поняла, что ошибалась. Это была не верность. Мужчины были в ужасы, стреляли в Ника из дешевого оружия с отчаянием, от которого меня мутило. Я не знала, чем Геймскипер заставил их обезуметь, но это было не важно. Мы явно не выберемся из этого, не убив его. Или не убив их.

Я знала, что предпочитала.

— Можешь задержать их? — спросила я у Ника.

— Наверное, — он уклонился от выстрела, не глядя. — Даже если бы их пистолеты не были плохими, они слишком напуганы, чтобы стрелять метко, и ты в своем пуленепробиваемом пончо, — он кивнул на мой наряд, и я тут же шлепнула по нему ладонью, чтобы активировать чары. — Будет проблемой, если они погонятся за нами, но пока они не наберутся храбрости для прямой атаки, мы должны быть в порядке. Что ты собираешься сделать?

Что-то безумное. Я знала, что не стоило ему говорить. Судя по его мрачному лицу, Ник уже знал.

— Просто не умирай, ладно?

— Как и ты, — сказала я, приподнялась и быстро поцеловала его в щеку, а потом закрыла глаза и атаковала.

И врезалась в стену магии Геймскипера.

Я била ментальными кулаками по ней, но без толку. Дух был заперт плотнее сокровищницы дракона, и папа был внутри. Я пыталась дотянуться до СЗД, просила о помощи, надеясь, что уменьшающаяся сила Геймскипера сделала и его владения меньше, но ничего не вышло. Несмотря на хаос, Геймскипер все еще был богом этого места. Солдаты мамы и жрец крыс СЗД бились на трибунах, и я знала, что со временем его источник иссякнет, но я не знала, когда это будет, и продержится ли папа столько. Ён уже был в крови, его синяя чешуя мерцала драконьей волшебной кровью, которую я не хотела видеть снова.

Я оглянулась на Геймскипера, ругаясь, когда когти отца снова прошли сквозь него. Не важно, насколько силен был Ён. Если он продолжит получать ущерб, а Геймскипер — нет, победы не будет. Мне нужно было пробиться через этот барьер и помочь ему, пока все не стало непоправимым. Я пыталась понять, как сделать это, когда что-то впилося в мою ладонь.

Я охнула от боли. Сначала я подумала, что пуля пролетела мимо Ника. Я открыла глаза, чтобы проверить, но ладонь была целой. Не было раны или крови, только серебряное сияние нити.

В панике из-за желания спасти отца с крепко сжала серебряную нить, соединяющую нас, и она впилась в мою магию. Даже когда я отпустила, было очень больно, но боль дала мне идею. Я не могла пробиться, но мы снова и снова доказывали, что связь между мной и отцом была нерушимой, и он уже был внутри. Если я хотела присоединиться к нему, мне нужно было только следовать тропе.

Я резко вдохнула. План в моей голове был безумным даже по моим меркам, но я не видела, что еще сработало бы, и какая была разница между человеком и драконом? Да, природа, источник и механика магии были разными, но мы оба были душами, запертыми в физической оболочке. Связанными душами, и если он мог покинуть тело, почему я не могла

покинуть свое? Я научилась жестоким образом, когда чуть не сломала свою, что души людей тоже были магией. Изящной, уникальной, незаменимой магией, но такими были все тут. Я не могла заменить Ника, отца или маму, и я потеряю их всех, если не мы не одолеем вскоре Геймскипера. Второго шанса не было, так что я старалась изо всех сил, бросилась головой вперед к нити, как посылала до этого магию отцу, когда возвращала его из углей.

И было больно.

Случайно вывихнуть душу было больно и ужасно. Намеренно вырывать ее и посылать по магической связи было в десять раз хуже. Если бы связь не была прочной, я порвала бы себя на куски, но даже когда я запаниковала от боли, серебряная нить удержала меня. Каждый раз, когда он действовал из любви ко мне, каждый раз, когда я не бросала его, хоть и злилась, каждая жертва, все сложности и испытания были там. Все это было важным, и все это было связью, защищающей мою душу от хаоса, пока я летела по арене сквозь стену магии бога к моему отцу, появилась вдруг на его плече. От этого мы оба вздрогнули.

— Опал? — он тяжело дышал, глаза одичали от боя, но в них быстро проступал страх. — Что ты тут делаешь?

Прижавшись к его чешуе, я посмотрела на свою ладонь, которая была теперь из того же извивающегося дыма, каким был он, когда впервые покинул свое тело.

«Ого, — сказала я, радостно улыбаясь. — Сработало!».

— Нельзя радоваться тому, что ты превратила себя в призрака! — закричал отец, выпустил еще залп огня в Геймскипера и хмуро посмотрел на меня. — Немедленно вернись в свое тело.

«Ни за что, — я крепче сжала его чешую. — Я не просто так превратила себя в дым. Я тут, чтобы тебе помочь».

Я видела, что он отчаянно хотел зарычать, что не нуждался в помощи. Но, хоть у него было много изъянов, мой отец никогда не был лжецом.

— Я не вижу, как у тебя это выйдет, — ответил он со смирением, охнув от невидимого удара, попавшего по его боку. — Этот дурак не получает ущерб.

«Может, не обычным образом, — я указала за стену кричащей магии на трибуны, которые почти опустели. — Но он не может продолжать так вечно. Мама разгоняет толпу, и я уже разбила его круг. Когда это кончится, магии больше у него не будет. Если мы сможем продержаться, он иссякнет».

Проще сказать, чем сделать. Теперь я была с ним в этой буре, и я видела, что папа был в худшем состоянии, чем я боялась. Он был крепким и быстрым, но Геймскипер поймал его. Уклоняясь от одного удара, он попадал под другой. Вне смертного тела я видела, как кровавая магия обрушилась сверху на голову отца. Он едва успел отпрянуть. Но удар задел его спину, и он пошатнулся.

«Пап!».

— Я не такой слабый, — прорычал он, ударяя когтями, которые прошли сквозь ухмыляющееся лицо Геймскипера. — Но если у тебя есть иной подход, я слушаю.

Это был почти крик о помощи от Великого Ёна. К сожалению, ему не понравится мой ответ.

«Тебе нужно перестать уклоняться».

Отец зарычал, чуть не сбил меня, когда прокатился по земле, чтобы избежать быстрого удара из пола.

— Не вижу, как его удары по мне помогут победить его.

«Если мы позволим ему задавать темп, ты умрешь раньше него, — объяснила я. — Он знает, что ты не можешь ему навредить, и он приберегает силы, использует достаточно магии, чтобы удерживать тебя на месте, пока терзает тебя тысячами порезов. Но этот бой может вредить обеим сторонам! Если мы хотим победить, нам нужно, чтобы он истекал кровью быстрее, и лучше всего — заставить его напасть изо всех сил».

— Этого я и боюсь. Он бьет сильно.

«Потому что твоя чешуя не защищает от урона, который он наносит, но это изменится, — я сжала кулаки из дыма. — Ты не один, пап. Я помогу. Пусть бьет».

Я знала, что доверие отца ко мне сильно выросло за последнюю неделю, но все равно удивилась, когда он послушался, опустил лапы на землю, хотя перед этим поднял их, готовясь отскочить от удара, который прилетел слева.

Я тоже видела это. Масса кричащей силы летела к нам, как шар для сноса зданий. Но, когда папу защищали только рефлексы и чешуя, я была человеком и магом. Движение магии было моим хлебом с маслом. Я не могла впиться пальцами в стену, которую он построил, но даже бог не мог скрыть от меня магию, которой атаковал. Остановка такой силы была бы суицидом, и я даже не пробовала. Вместо этого я использовала навык, который оттачивала всю неделю, погрузила ментальные пальцы в летящую атаку, чтобы передать всю ту бушующую силу через меня, я превратила себя не в щит, а в громоотвод.

Передача силы была куда проще, когда я не переживала из-за тела. Не было сопротивления, боли, игры в представление огня, бегущего по проводам. Я зашла дальше этого. Мне нужно было только схватить магию и направить ее, обуздать молнию, которая бежала по одной руке и втекала в папу через другую руку.

Как и раньше, он это съел. Мы пробовали это во второй раз, но никто не мог сравниться с жадностью дракона. Его пламя вытягивало из меня силу так же быстро, как я ее вбирала. Через секунды огромный кулак, который Геймскипер бросил в нас, был не просто отражен. Он пропал полностью. Мы впитали его, и, судя по тому, что наглая ухмылка слетела с его лица, враг понял, что это означало.

— Ты! — закричал он, кровавые глаза смотрели на мою фигурку из дыма. — Я порву тебя на куски!

Отец ответил на его грубость залпом огня. В отличие от других залпов папы, Геймскипер уклонился от этого. Глядя на огонь, я поняла, почему. Когда драконий огонь раскалялся достаточно, он мог все сжигать, даже магию. Но такие атаки стоили много магии. Чтобы их создать, нужно было выдохнуть самую горячую, чистую и глубокую часть огня, которая создавала жизнь и магию дракона. Это не использовали так просто. Как всегда, мы с отцом были другими. Геймскипер не жалел сил, и я кормила отца огнем и могла наполнять его быстрее, чем он терял силы, и он использовал новое преимущество беспощадно, как я и надеялась.

— Еще раз, дочь! — взревел Ён, следуя за Геймскипером залпом такого яркого огня, что я не могла на него смотреть. — *Еще раз!*

Ему не нужно было указывать. Я уже тянулась к магии, которой Геймскипер бил по нам из земли, отчаянно пытаюсь сбить моего отца. Тело не замедляло меня, серебряная нить удерживала меня, и я поймала магию, не дав ей коснуться его когтями, втянула силу в моего папу, как магический пылесос. Я давала ему силу, и Ён тут же стрелял ею, заставляя Геймскипера отступать, ведь иначе он зажарился бы под потоком огня, сжигающего все.

И на этом волна стала отступать. Каждый раз, когда Геймскипер атаковал, мы отвечали

тем же, заставляя бога отступать. Пару раз огонь тускнел, и я замечала его простое лицо, Геймскипер был потрясен, словно не мог поверить в происходящее, что было понятно. Отец тратил свой огонь так, что это убило бы другого дракона за минуты, но он не был другим драконом. Он был моим драконом. Мы всегда были уникальными. Это не помогало раньше, но теперь мы помирились, и ничто не могло нас остановить.

Я была уверена, что где-то там был урок о силе семьи, но была слишком занята, помогая папе сжечь темного бога, чтобы думать об этом. Даже когда Геймскипер стал поступать мудрее, перестал бросать в нас магию, дракона успокоить не вышло бы. Я знала теперь, как просто было передавать магию в этом облике, и я стала воровать силу Геймскипера из воздуха, собирала ее все большими горстями, пока не получилось так, что хватать было уже нечего.

Огонь Ёна остановился через миг, и я моргала во внезапной тьме. Когда мои глаза — точнее, ментальный концепт, который служил глазами, ведь я была без тела — привыкли, Геймскипер вернулся к предыдущему размеру, тяжело дышал на коленях у лап моего отца. Я не знала, что было последней каплей — моя кража из воздуха или огонь папы, но у бога ничего не осталось. Он даже не вздрогнул, когда папа опустил на него лапу, длинные когти стали прутьями клетки, придавившей побежденного духа к расплавленному песку.

— Ты побежден, хозяин арены, — голос Ёна гудел в пустом стадионе. — И мы знаем, что бывает с побежденным чемпионом на твоём ринге.

— Это ничего не меняет, — ответил Геймскипер, его простое лицо исказил оскал. — Я — дух, бессмертный! Меня не убить. Пока люди жаждут крови, я всегда буду возникать снова!

— Тогда до этого мы убедимся, что этот город станет лучше, — я скрестила руки из дыма. — Ты, возможно, часть человечества, но это не означает, что мы должны радостно принимать тебя. Мы решаем, каким богам поклоняться, и теперь мы знаем, какой ты, и я сделаю все, чтобы тебя не было в СЗД или другом городе снова.

— Какой силой? — фыркнул бог. — Ты уже не жрица, а теперь, когда ты показала истинные краски, и не будешь ею.

Я пожала плечами.

— Мне не нужно быть жрицей, чтобы делать то, что правильно. Как мне много-много раз говорили, город формируют его люди. Если я хочу сделать СЗД лучше, мне нужно поступать лучше, пока я живу тут.

— Никто тут не примет тебя, — согласился мой отец. — Может, тебя не убить так, как нас, но все боги зависят от людей в своей силе, и твоя полагается на то, чтобы тебя видели как покровителя чемпионов, — он сверкнул улыбкой с острыми зубами. — Скажи, Дух арены, что происходит с твоей силой, когда бог победителей проигрывает?

Геймскипер застыл, глаза широко раскрылись.

— В-все чемпионы рано или поздно проигрывают, — пролепетал он. — Но люди забывают, и поднимаются новые чемпионы!

Отец рассмеялся и посмотрел на стаю дронов с камерами, которые еще парили под балками пробитого купола.

— Вряд ли они забудут это.

Я не успела спросить, что отец имел в виду, как Великий Ён сомкнул пасть на Геймскипере и съел его. Он поймал его в рот полностью и захлопнул зубы. У духов не было крови, и зрелище не было кровавым, но я все еще сжалась в ужасе, попятилась так быстро,

что потеряла хватку на его чешуе. На миг наша связь прервалась, и что-то внутри меня ударило с силой, заставив меня согнуться. Когда я открыла глаза, я была в своем теле, лежала на песке, тяжело дыша, а нервное лицо Ника было надо мной.

— Эй, — сказал он, когда я закашлялась. Его тревога сменилась облегчением, он убрал волосы с моего лица. — Ты в порядке?

— А ты в порядке? — спросила я, садясь с тревогой.

Ник выглядел ужасно. Он и до того, как проклятие порезало его шею, выглядел плохо, но тут было хуже. На его лбу был большой порез, которого не было, когда я легла на песок, и пластины его брони были во вмятинах от пуль и саже.

— Что с тобой произошло?

Ник пожал плечами.

— Как обычно, — он подвинулся, чтобы я видела, что было за ним.

Мои глаза расширились. Песок вокруг нас выглядел как военная зона. Когда я ушла помогать папе, тут было около дюжины испуганных охранников. Теперь небольшой участок арены, не занятый дуэлью Геймскипера, был усеян стонущими ранеными телами. Почти все были наемниками в броне, но одну фигуру без защиты я тут же узнала.

— Черт, это Коффман?

— Кто ж еще? — Ник жестоко ухмыльнулся. — Совет: если в следующий раз решишь натывать кого-то стеклом, порежь его так, чтобы не встал. Эти трусы стреляли в нас, а он появился и закричал о том, что Геймскипер всегда следит, и вялое послушание не потерпит. И после этого все стало серьезно.

— Ясно, — я посмотрела на Коффмана, лежащего на спине, его лицо выглядело хуже, чем в прошлый раз, когда его ударил Ник. — Похоже, «серьезно» для него плохо кончилось.

— Он хорошо справлялся, пока твой папа не стал сжигать Геймскипера, — Ник прижал ладонь к порезу на лбу, который вяло истекал кровью. — Я хотел схватить твое тело и бежать, когда Геймскипер стал проигрывать. Когда это произошло, слова Коффмана перестали работать. Те стражи, кто еще мог двигаться, побежали, а он вдруг остался один.

— Он мог бы сделать выводы, — я покачала головой, глядя на стонущего Коффмана. — Хорошо, что ты не убил его.

— А стоило, — буркнул Ник. — Он много говорит, но не знает, когда уйти. Я избавил бы себя от многих бед, если бы добил его. Но я больше так не делаю, так что я буду виноват сам, если он появится через пару месяцев с мстью.

— Когда это произойдет, мы разберемся с этим, — пообещала я, приподнялась и поцеловала его в щеку. — Но я горжусь тем, что ты не изменяешь своим принципам, — я не знала, была бы я такой сильной. После всех бед, которые он нам устроил, мертвый Коффман звучал как хороший поворот событий.

Ник улыбался, когда я села. Он склонился для правильного поцелуя, когда низкое рычание прервало его, и мы посмотрели на моего отца, возвышающегося над нами.

— Простите, что мешаю, — он не звучал виновато. — Но мне нужно проверить дочь.

— Я в порядке, пап, — сказала я, радуясь, что это было правдой, и не злясь за его вмешательство.

Теперь все были живы, и я стала понимать, что мы победили. На самом деле победили в этот раз. Геймскипера больше не было, и его арена была почти разрушена. Мама вела последних солдат к отцу, пока я смотрела. Она поклонилась ему, доложила, что весь разлом Рентфри был под их контролем. Отец одобрительно кивнул и опустил голову, чтобы шепнуть

что-то ей на ухо. От этого моя идеальная мама ярко покраснела и побежала прочь, чуть не сбивая стражей по пути, пока спешила к ближайшему вертолету на краю арены. Когда она вернулась через миг, она держала мужской темный костюм и черные кожаные туфли в руках.

— Пстой, — сказал Ник, когда она протянула их моему отцу с поклоном. — Она принесла ему сменную одежду?

— Драконы возвращают облик человека голыми, — объяснила я и вежливо отвернулась, когда чешуйчатое тело папы пропало с облаком дыма. — Потому она подготовилась.

— Понятно, — сказал Ник. — Просто... твоя мама продумывает все-все?

— Ясное дело, — сказал низкий голос за нами.

Он вернул прежнюю скорость, потому что, когда я обернулась, папа уже был в своем темном костюме и шел к нам, мама радостно следовала за ним.

— Думал, я выбрал ее Первой Смертной только за красоту? — он презрительно посмотрел на Ника и взял супругу за руку. — Миён — самая совершенная смертная из всех, кого я знаю. Я буду ценить ее до конца ее жизни, а когда она покинет этот мир, я построю храм в ее честь, чтобы будущие поколения знали о ее верности и навыках.

Я не видела маму не идеальной, но, когда он закончил, она была готова превратиться в желе. Стало хуже, когда отец поднес ее пальцы к губам, и от ее радостного вида я стала переживать за ее здоровье.

Умный ход с его стороны. Мама поклонялась земле, по которой он ходил, но это не отменяло факта, что Ён пропал на два месяца, не сказав ей. Он точно собирался умаслить ее, потому что, хоть она не могла злиться на него, было видно, что ей было так же тяжело, как нам. Я заметила морщинки на ее лбу.

Но теперь все было прощено. Мама выглядела так, словно вот-вот улетит, пока папа вел ее к солдатам, прилетевшим на помощь. Он завел речь о верности, живущей вечно в сердце дракона, когда я ощутила, как магия дрогнула вокруг меня.

— Что? — спросил Ник, когда я сжала его в панике. — Что такое?

Я не знала. Меня много раз трясло тут магией, и я не знала, что было в этот раз. Эта вспышка не ощущалась тревожной, но все неожиданное меня не радовало. Я пыталась схватить горстью своей магии, чтобы защитить нас, когда узнала прилив силы под ногами. Но даже так я едва могла совладать с желанием биться или бежать, когда большая дверь поднялась из арены, и СЗД вырвалась оттуда.

— Вот моя Опал! — закричала она, подбежав ко мне, широко раскрыв руки. Это потрясло, ведь она была одета для боя в самое большое тело, какое я только видела на ней, и несла телефонный столб как дубину. Она схватила меня через миг, обняла так, что мои ноги приподнялись на полтора фута над землей. — Я так рада, что ты в порядке!

— Все хорошо, — выдавила я, хлопая ее по плечу, пока она не поняла намек и не опустила меня. — Но стало еще лучше, когда я увидела тебя. Если ты тут, значит, мы его убили!

— Божество не убить, — напомнила она, а потом улыбнулась. — Но он не должен вернуться в ближайшее время после такого унижения. Духа съел дракон в прямом эфире! — она присвистнула. — Это было зрелище века, но не то, какое он хотел.

Я не понимала, что стыдного было в том, что его съел дракон, но что мог знать человек? СЗД считала, что это было позором, с которым нельзя было жить, и меня это устраивало.

— Прости, что я так долго добиралась сюда, — она опустила телефонный столб. —

Даже после того, как мой жрец крыс и твои отряды разогнали толпу, зрители из домов питали его силу. Когда Ён стал надирать ему зад, вера людей в него пошатнулась достаточно, чтобы я пробилась. Но он пал. Я получила все от разлома Рентфри до шахт, — она понизила голос. — Кстати, другой дракон внизу съела стражей и сбежала. Она пересекла границу с Канадой десять минут назад. Не знаю, где она сейчас.

Мне было плевать, куда убежала Белая Змея. Она заступилась за нас, когда было важно, и не прибыла ударить нас в спину. Это было важнее. Может, даже хорошо, что она не прибыла помочь. Чудом было то, что мы справились. Я не знала, как бы получилось одолеть еще одну сложность, даже если бы она была на нашей стороне.

Я больше переживала за СЗД. Я видела ее перед собой, как всегда, но ее голос был обычным звуком. В моей голове ничего не было, и от воспоминания о том, как это произошло, я снова ощутила тревогу.

— Ты злишься? — прошептала я.

Город моргнула.

— За что?

— Ну... — я сцепила пальцы. — За то, что я уже не жрица.

Она прислонилась к телефонному столбу со вздохом.

— Я совру, если скажу, что не была разочарована, но я всегда знала, что ты не сможешь быть моей жрицей. Я надеялась, что будет иначе, но никто не задерживается на испытательном сроке на два месяца, если хочет заниматься этим делом.

Я кивнула, благодарная, но все еще ощущая стыд. Все, что я делала, технически было в пределах нашего соглашения, и никто не мог сказать, что я плохо работала на нее, но я все еще ощущала себя так, словно использовала ее. Я пыталась придумать, как объяснить это, чтобы не звучало безумно, когда богиня взяла меня за руку.

— Все хорошо, — она улыбнулась. — Я сразу говорила тебе, что хочу только тех слуг, которые сами хотят служить. Если ты не хочешь посвящать мне жизнь, это твой выбор. Я все еще хочу тебя в своем городе, и ты можешь дальше работать в моем личной кладовой, потому что там еще многое нужно сделать.

Она улыбнулась Нику, который настороженно смотрел на разговор.

— Это предложение касается и тебя. Ты будешь известным после такого, и из своего времени в голове Опал я знаю, что ты не фанат такого. Если хочешь пропасть, я буду рада тебя принять! Я в долгу перед вами обоими за то, что вы положили конец этой драме, и мне не хватает рук. И вам нужно место, чтобы убежать, через пару минут, так что это хорошая сделка для всех!

— Что это было в конце? — нервно спросила я. — Зачем нам нужно будет...

Меня перебил грохот, что-то большое рухнуло в дыры в крыше арены. На жуткий миг я подумала, что меня раздавят. А потом большие фигуры расправили крылья, и я поняла, что это были драконы. Всю арену наполнили драконы, еще больше летало над ямой Рентфри. Они не были и близко к размеру моего отца, но все равно были большими, магическими огнедышащими монстрами всех видов, формы и красок. Даже папа был потрясен, его лицо побледнело, пока он смотрел на небо, полное крыльев. Я повернулась к СЗД, чтобы выяснить, что творилось, но рев наполнил арену.

— Ён!

Я вздрогнула. Я знала этот голос, но еще не слышала его с таким тоном. Да, когда я обернулась, Миротворец шел к нам по песку, его обычно доброе лицо было в ярости, как я и

ожидала.

— И что ты творишь? — осведомился он, останавливаясь перед моим отцом, который был намного выше.

Ён поднял голову и выпрямился, чтобы стать еще выше.

— Не вижу в этом твое дело.

— Не мое дело? — повторил Миротворец, ярко-зеленые глаза сияли. — Ты вызвал военный конвой в мой воздух без предупреждения или разрешения, пробил им арену, полную людей! Ты знал, что сражения на моей территории запрещены, но ты провел дуэль и съел божество в прямом эфире! Как это не мое дело?

— Он заставлял мою сестру сражаться, — отмахнулся Ён. — Если ты так переживаешь из-за дуэлей, почему не направил все силы на ее освобождение?

— Я пытался ее освободить! — закричал Миротворец. — Но она отказалась, потому что, по ее словам, она хотела быть там. Что мне было делать? Сказать ей, что она неправа? Мой закон запрещает сражения между драконами и убийство людей, но в нем ничего нет о спортивных сражениях. Она не нарушала правила, в отличие от тебя.

Отец вздохнул, словно все это ему надоело. Миротворец потер рукой лицо.

— Я знал, что все так кончится, — недовольно пробормотал он. — Я — Дракон Детройта. Я говорю с СЗД каждый день. Я знал, что ты был жив, но я понимал твои тревоги и пытался уважать твои желания оставаться скрытым. Я не думал, что ты попытаешься биться в одиночку с богом! Почему ты не попросил меня о помощи?

— Потому что мне не нужна была твоя помощь, — высокомерно сказал Ён, опустив одну руку на плечо моей мамы, другую — на мое. — Моя семья справилась сама, и, в отличие от тебя, они не требуют подписывать соглашение.

Это было нечестно. Я плохо знала Миротворца, но когда я ходила к нему, он был таким хорошим, что я верила, что он помог бы нам бесплатно. И я верила, что отец лучше бы умер, давась своим хвостом, чем попросил о помощи дракона, которого считал позором всех драконов.

— Не будь с ним так строг, — попросила СЗД у Миротворца. — Они сделали это ради меня. Если бы я выступила против Геймскипера напрямую, не удалось бы избежать долгой и кровавой войны, которая поглотила бы все Подземелье. Ён и его дочь предотвратили это. Неужели за такое нельзя смягчить наказание?

— Дело не в этом, — сказал мускулистый темноволосый дракон с ярко-зелеными глазами и большим мечом, который следовал за Миротворцем. — Он и без того слишком мягкий. Потому такое и происходит.

— Спасибо, Джастин, — сказал резким тоном Миротворец, хмуро сверля взглядом моего отца, который выглядел непоколебимо. Когда стало ясно, что Ён не собирался извиняться за свои действия, Дракон Детройта поджал губы. — Правила у нас есть не просто так, — сказал он. — Не важно, действовали ли вы по просьбе СЗД. Ты знал, что убивать на моей территории запрещено. Ты знал, что я не разрешаю личные военные силы в моем городе. Ты все это знал, но нарушил мой указ. Ты сознательно проигнорировал все пределы, которые я установил, и за это должны быть последствия.

Он поднял голову, повысил голос, чтобы слышали все драконы, летающие сверху.

— Ён из Кореи, ты и твои смертные отныне изгнаны с моих земель! Любой, кто нарушит эту волю, будет пойман и доставлен в посольство для дальнейшего наказания. У тебя полчаса, чтобы убрать себя с моей территории, после этого тебя сопроводят силой за

границу, скорее всего, в реку.

Большой дракон с мечом ухмыльнулся от этой части, но Ён просто кивнул, словно ожидал такое, и махнул своим людям собираться. Когда мама и ее люди поспешили послушаться, Ён повернулся ко мне, и я сглотнула.

Вот и все. Он прикажет мне ехать домой с ним. Миротворец уже сделал это за него. Я не могла заявить, что не принадлежала владениям Ёна, после всего, что случилось. Я уже была в Корее. Но, пока я обдумывала это, отец опустил ладонь на мое плечо и спросил:

— Ты приедешь на Новый год?

Это было неожиданно, и я не поняла, что он сказал.

— Что?

— Ты приедешь домой на Новый год? — спросил он, выглядя почти нервно. — Ты уже какое-то время не была в Сеуле, и я был бы рад провести с тобой время не в опасной ситуации.

— И я бы была рада, — медленно ответила я. — Но... ты не прикажешь мне ехать домой?

Ён покачал головой.

— Миротворец прогнал меня и моих смертных, но ты — моя дочь, а не моя смертная. Я не управляю тобой, как и она, — он кивнул на СЗД, она быстро кивнула в ответ. — И Миротворец владеет этой землей, как дракон. Он не может изгонять людей.

Я не подумала об этом с такой стороны. Я так привыкла считать себя вещью дракона, что даже не понимала, что могла не слушаться Дракона Детройта. Я нервно взглянула на Миротворца, на всякий случай, но он уже уходил, жалуюсь своему высокому стражу на упрямых неблагодарных драконов, которые были слишком гордыми, чтобы понять, какой бардак они оставляли за собой. Я сочувствовала ему. Но я не могла поверить, что меня не касался его запрет.

— Я могу остаться? — прошептала я.

— Я рассчитываю на это, — сказала СЗД. — Жрица или нет, доктор Ковальски *убьет* меня, если я дам тебе уйти, пока она не закончила твоё обучение. И я не понимаю новую систему, которую ты устроила в моей сокровищнице, — на ее лице появилась паника. — Я не смогу ничего найти, если ты уйдешь! Тебе не нужно даже служить мне. Я отменю твой долг. Я дам тебе работу! Ты можешь быть работником города. И пенсия будет, только не уходи! Не важно, что ты выбрала семью выше меня. Ты все еще билась за мой город и моих людей, даже из Рентфри! Ён полагается на многих смертных. Я — нет. Мне нужна ты, Опал. Прошу, останься.

То, как она умоляла меня, вызвало тепло, я ощущала себя нужной, и это было неопишимо приятно.

— Как я могу отказаться, когда ты так говоришь? — я улыбнулась. А потом посерьезнела. — Но у меня будут условия.

Другое божество это оскорбило бы. Но это была СЗД. Как и ее город, она всегда была готова к сделке.

— Называй их.

— Геймскипер не появился из ниоткуда, — сказала я, махнув на хаос вокруг нас. — То, что он смог построить такую большую империю тут, доказывает, что в Подземелье есть серьезная проблема неравенства. Я знаю, что твой город как свободный рынок, но это не означает, что нужно бросать наиболее уязвимых бороться самих. Ты всегда говоришь, что

люди создают город, но и города определяют жизни тех, кто обитает в них. Если самых бедных жителей делать уязвимыми, ты делаешь и себя уязвимой. Ты чуть не потеряла весь Рентфри этой ночью! Ты благодарила меня и папу за спасение района, но мы не обязаны были делать это. Это можно было предотвратить, если бы ты заботилась о людях тут, а не бросила их добычей для таких созданий, как Геймскипер.

— Я знаю, — сказала СЗД с поражением в голосе. — Но я говорила не раз, я не могу изменить того, кто я.

— Я не прошу тебя менять твою натуру, — упрямо сказал я. — Я прошу подстроиться. Подземелье было ямой для страдающих и бедных со времен правления Алгонквин. Это пора давно изменить, и изменение сочетается с тем, что ты поддерживаешь! Мы можем начать тут, — я указала на разбитый пол арены. — Ты всегда говорила мне, что хотела быть лучшим городом. А что если, вместо того, чтобы проводить экскурсии туристам по ужасному Подземелью, превратить Рентфри, что люди захотят посещать по своей воле? Это будет не сложно. Инфраструктура, которая привлечет людей, уже на месте, и у тебя есть большой запас искусства мирового качества, ждущего, когда его увидят.

— Погоди, — сказала богиня. — Ты предлагаешь мне открыть музей искусств в Рентфри? — когда я кивнула, ее лицо стало возмущенным. — Разве такое не должно быть на Небесных путях?

— Почему они получают все? Там уже много хорошего. Это место страдает, и мы только что уничтожили того, кто многим давал работу. Если мы оставим Рентфри таким, не важно, что мы убрали Геймскипера. Кто-то еще займет его место. Но если это место займешь ты — так и должно быть в твоём городе — мы сможем изменить этот район к лучшему.

— Люди тут захотят искусство? — спросила богиня. — Это большое изменение.

— Все хотят красоту, — уверенно сказала я. — Это большое изменение, но люди внизу подстроятся, и во всех хороших городах есть музеи! Это твой шанс добавить свое имя в этот список и исправить критическую слабость при этом. Я уже разбираюсь с твоими сокровищами. Тебе нужно просто позволить мне выставить эти работы тут, и все получится. У тебя уже много вещей, мы можем открыть музей мирового класса, который сможет любой посетить бесплатно.

Ее сияющие глаза расширились.

— Бесплатно?!

— Да, бесплатно, — я скрестила руки на груди. — Они не просто так зовутся общественными. Если хочешь быть лучшим городом, нужно вкладываться в своих людей, а люди тут бедные. Ты — самый богатый город в мире. Ты можешь позволить своим людям хоть одно место, где им не нужно платить.

СЗД, казалось, вот-вот впадет в панику от мысли, что кто-то что-то получит бесплатно, и я вздохнула.

— Если так будет проще, считай этот музей ценой того, что я останусь. Я всегда хотела курировать коллекцию, и твоя заслуживает быть увиденной всеми. Дай мне место, где я смогу показывать твои сокровища миру, не только богачам, и ты не сможешь прогнать меня оттуда.

Эти слова СЗД поняла намного лучше.

— Договорились, — она сжала мою руку так сильно, что мои пальцы болели. — Ох, я так рада, что это закончилось. Я приду завтра после тренировки, и мы обсудим детали.

Сейчас мне нужно защитить это место. Многие люди попытаются воровать тут, и даже моя способность разделять себя не угонится за всеми.

Я кивнула.

— Я буду там.

СЗД улыбнулась и пропала, забрав с собой дверь. Я гадала, во что ввязалась, когда поняла, что папа еще стоял рядом со мной.

— Это все, что нужно, чтобы получить твою верность? — проворчал он. — Музей?

— Я всегда любила показывать свои сокровища, — я пожалала плечами. — И ты слышал, что я сказала Геймскиперу. СЗД — мой город. Мне не нужно быть ее жрицей, чтобы хотеть, чтобы город стал лучше, и какой город без музея?

— В Сеуле их несколько, — напомнил мне Ён, его лицо стало жалобным. — Ты же приедешь на Новый год?

Я улыбнулась.

— Конечно, пап.

— И на день рождения твоей мамы, — добавил он. — Она хочет тебя увидеть. И Канун осени. Ты не можешь пропустить Канун осени.

— Не перегибай.

Отец тут же отступил. Признак его нового уважения, потому что драконы не бросали бой, где верили в победу. Он еще попробует уговорить меня, но это уже было большим изменением, и я ценила это.

— Я буду приезжать, когда смогу, — пообещала я и обвила его руками. — И я буду звонить, когда смогу.

— Прошу, так и делай, — прошептал он, сжимая меня.

Я еще не слышала от папы такую чистую просьбу. Это был знак того, как много я изменила, и я даже не моргнула.

Я обнимала бы его дольше, но близился срок, установленный Миротворцем, и я едва успела поговорить с мамой и отблагодарить ее за прибытие с подмогой, а потом Ён и его смертные забрались в вертолеты и улетели, их сопровождала из города самая большая формация драконов, какую видели в СЗД со времен Второго Взрыва Маны.

— Что будет теперь? — спросил Ник, когда драконы разлетелись. — Ты продолжишь жить в квартире, парящей в пустоте?

— Вообще-то, — я хитро улыбнулась, — я надеялась переехать к тебе. Меньше плохих воспоминаний. И я не уверена, что смогу вернуться в свою квартиру, ведь уже не могу магией открывать двери туда.

— Думаю, я найду для тебя место, — Ник обвил рукой мою талию. — Но мне придется найти новую работу. Уборка будет невозможной, ведь все снова знают мое лицо, и, несмотря на то, что думает СЗД, я не подхожу для работы в музее, который ты строишь.

— Ты можешь пока отдохнуть, — предложила я. — Мы еще не обсуждали зарплату, но, хоть ей придется делать это для общества, СЗД все еще маяк капитализма, и я уверена, что мне заплатят, — я улыбнулась ему. — Я смогу тебя содержать, если хочешь.

Ник скривился.

— Нет, спасибо. Теперь понимаю, почему ты так обиделась, когда я предложил это. Быть содержанкой звучит... бесполезно.

— Мы найдем тебе хорошее занятие, — пообещала я. — В СЗД много всего. Я не смогла бы разобраться с ее складами и за сотню жизней. Ты можешь помогать там. Так ты все еще

будешь Убирать, но нам не придется ходить на аукционы или быть на публике, пока ты не захочешь.

— Это твое, — нервно сказал он. — Уверена, что хочешь, чтобы я был рядом?

— Конечно, да! Я не могу описать, как сильно я скучала по тебе, пока работала там одна. И не только по твоему обществу. Я хорошо разбираюсь в древних вещах, искусстве, предметах истории, но во многом другом я ничего не понимаю. Пару недель назад мне пришлось самой сортировать полный гараж старых машин!

Ник был в ужасе.

— Ты же не выбросила их?

Я покачала головой.

— Я оставила их на хранение, но потому мне и нужен ты! Один человек не может разобраться с сокровищами всего города, так что скажешь? Хочешь снова быть моим напарником?

Ник улыбнулся и сжал мою ладонь, поднес к своим губам, и я ощутила его улыбку своей кожей.

— Ни за что не упустил бы такой шанс.

Больше книг на сайте - Knigoed.net